

СЕВЕРО - КАВКАЗСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Всероссийская научно-практическая конференция
IX СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ**

НОВЫЕ КОНТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ

Ставрополь
2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт образования и социальных наук
Кафедра социологии

НОВЫЕ КОНТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской научно-практической конференции
(IX Северо-Кавказские социологические чтения)

16 ноября 2020 года

Ставрополь
2020

УДК 316.6

ББК 60.5

Н 73

Редакционная коллегия:

д-р социол. наук, профессор Д. А. Лушников (гл. редактора),
д-р социол. наук, профессор Т. И. Барсукова (зам. гл. редактора),
д-р социол. наук, профессор А. А. Лежебоков (отв. за выпуск),
канд. пед. наук, доцент О. В. Симен-Северская,
канд. полит. наук, доцент О. В. Паслер

Н 73 Новые контуры социальной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (IX Северо-Кавказские социологические чтения, 16 ноября 2020 года, г. Ставрополь, СКФУ). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. – 262 с.

В сборник включены статьи ученых, магистрантов, студентов, отражающие результаты их исследований по различным социальным проблемам, с которыми они выступили на традиционных Северо-Кавказских социологических чтениях, проводимых ежегодно кафедрой социологии СКФУ.

Сборник адресован всем, кто интересуется научным творчеством молодых ученых, в круг научных интересов которых входят представленные в нем проблемы общественного развития.

УДК 316.6

ББК 60.5

Рецензенты:

д-р филос. наук, профессор А. П. Федоровский
(Северо-Кавказский социальный институт),
д-р социол. наук, профессор Т. Н. Духина
Ставропольский аграрный государственный университет)

Авторы опубликованных материалов и их руководители несут полную ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, имён собственных и прочих сведений, а также за корректность обосновываемых ими положений и выводов.

© Коллектив авторов, 2020

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2020

Авдеева И. А. Социально-этические аспекты исторической ответственности	7
Андреева Ю. В. Феномен осознанного оптимизма в ситуации успеха/неуспеха (на примере учебной деятельности)	12
Афанасов С. В. Проблема интерпретации события на основе печатных источников в контексте патриотического воспитания	16
Барсукова Т. И., Шматова А. Н. Роль местного самоуправления в повышении качества жизни населения муниципального образования . .	20
Баязитова М. Р. Теоретическое обоснование условий формирования уверенности личности в себе в период ранней юности	24
Берсенин Н. А. Телесные модификации: от традиции к современности . .	27
Бросов А. С. Семантическое поле темы социальных страхов работающих пенсионеров	30
Ванян К. Б. Образ правоохранительных органов в современной России .	32
Ванян К. Б. Экономическое принуждение мексиканских наркокартелей .	35
Василенко А. В. Роль экологического просвещения в современных социокультурных процессах на примере Швеции	37
Васькина А. В., Сергодеева Е. А. Социокультурный статус межпоколенной коммуникации	40
Воденко К. В., Дегтярев А. К. Историческая память в контексте этнополитических отношений в Южно-российском регионе	43
Волобуев С. С. Общение в виртуальных социальных сетях: коммуниативный аспект	48
Гилева И. С. Особенности взаимодействия СМИ и органов государственной власти	51
Григорьев И. В. Социально-экономическая дифференциация российского общества как препятствие для формирования модели инновационного экономического роста	58
Гриценко Г. Д. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в интерпретации масс-медиа (на примере республики Ингушетия)	61
Джгмадзе К. Б. Принципы формирования образа будущего страны: сравнительный анализ советского и российского периодов	64
Долганина В. В., Кольцова И. В. Психологическое просвещение родителей как средство профилактики семейного насилия	68

Долгополов К. А. Влияние фактора социального неравенства и расслоения на уголовное наказание с позиции современной радикальной социологии	72
Дулин К. А. Влияние процесса глобализации на тенденции в области общественного доверия	74
Еншина Д. У. Карьерные ориентации современной молодежи	77
Илюшина О. О. СМИ как фактор стереотипизации массового сознания в информационном обществе	79
Кабенова М. Ф. Угроза безопасности как фактор общественной радикализации	81
Кантемирова И. Б., Кантемирова Н. Г. ЕГЭ как социальный процесс: факторы, влияющие на результаты	83
Капустина Н. Н., Иващенко С. А., Лупандина Н. Н. О преимуществах и недостатках внедрения дистанционного формата обучения в общеобразовательные учреждения	88
Каширина О. В., Илюшина О. О. Динамическое моделирование информационного поля как адаптирующего механизма культуры в информационном пространстве	90
Киравосян Э. Н. Сравнительный анализ пенсионной системы России и Великобритании	94
Ковальчук А. А. Феномен бедности или почему люди устали играть в демократию?	96
Козуб А. Ю. Электронные СМИ как инструмент мобилизации политического действия	98
Колесникова А. П. Характер межличностных отношений между поколениями разного возраста в современной семье	100
Колесникова Н. С. Цифровая дипломатия в век глобализации	102
Кольцова И. В., Моловцова В. О. Модель психолого-педагогического сопровождения подростков с агрессивным поведением в условиях общеобразовательной школы	104
Кривошеева Н. И. Политическая повестка дня как механизм управления медиасферой	109
Крикунова О. А. Современные подходы к профилактике агрессивного поведения старших дошкольников	111
Кузнецова К. И., Яковлев И. И. Анализ факторов информационного неравенства в современном обществе	113
Кумпан Е. Н. Забастовки учителей в США: методики выявления протестного потенциала	117
Курбатова К. О., Зимоглядова А. Ю. Техники «SAND-ART»-терапии в работе психолога	122

Латина А. А. Влияние дистанционной формы обучения на одиночество студентов педагогического вуза в период пандемии COVID-19 и самоизоляции	125
Лежебоков А. А. Влияние эпидемии COVID-19 на социокультурное развитие Карачаево-Черкесской Республики	128
Лобода Д. Н. Потребители: новаторы и консерваторы	131
Лушников Д. А. Концепция деконструкции Ж. Деррида как методика деконструирования образа врага	133
Макарова Д. А. Культурные ценности и их значение в жизни современной молодёжи	136
Манжуева О. М. Социальное регулирование в сфере информационной безопасности	139
Маслова Т. Ф., Смагина М. В. Конфликтное взаимодействие как рискогенное явление в среде студенческой молодежи (по результатам социологических исследований)	143
Матюсова А. И. Особенности отбора в губернаторский корпус в современной России	148
Миллер Е. А. Социологический опрос несовершеннолетних членов семей инкурабельных больных об информированности относительно системы паллиативной помощи в Ставропольском крае	152
Миронова М. В., Кириллова А. Социальные сети как инструмент коммуникации НКО с внешней средой в современных условиях	156
Нуримхаметова Л. К., Стовба А. В. Современные проблемы инновационного развития дистанционного образования	159
Палитай И. С. Динамика основных социально-демографических показателей российской политической элиты	163
Паслер О. В., Мирошников И. И. Социологический анализ управления отношениями в трудовом коллективе предприятия малого бизнеса	168
Паслер О. В., Киракосян Э. Н. Привлечение публичных людей как прием коммуникативного воздействия коммерческой телерекламы на целевую аудиторию	176
Пачин А. В. Северный Кавказ глазами современных россиян: результаты опроса	181
Петросян Д. С. Социальные проблемы в футурологических сценариях массовой культуры	183
Проскурятков И. В. Виды и формы частно-государственного партнерства	188
Рощина Н. М. Конфликтологическая культура преподавателя вуза в процессе воспитания студенческой молодежи: социологический дискурс	193
Руденкин Д. В. Протестные настроения российской городской молодежи в условиях пандемии: кейс Екатеринбурга	196

Сапрыкина Е. В. Особенности популяризации региональной науки в процессе социальной коммуникации	201
Севостьянов Д. А., Павленко Т. В. «Мягкие» и «твердые» навыки: сущность и психофизиологическое понимание	204
Сергодеева Е. А. Социокультурные факторы эффективности управления региональными научно-образовательными сообществами ..	208
Сергодеева Е. А., Ткаченко К. В. Социальная безопасность в региональном информационном пространстве	210
Сидорова В. С. Социальные сети как мультифункциональный элемент современной социокультурной среды	214
Сосина И. Е. Найм репетитора в образовательных стратегиях российских семей (на материалах эмпирического исследования)	217
Соханева И. В. Стратегия имиджевого маркетинга города Ставрополя ..	221
Сулиманова А. М. Влияние глобальной сети Интернет на девиантное поведение подростков	223
Сурнева А. Е. Гендерные образы как объект исследования современных социально-гуманитарных наук	226
Татаренко В. А. Инновации в социальной сфере как базовые предпосылки модернизации отечественной экономики	229
Труфанов Г. А. Анализ аспекта конфликтогенности наложения ценностей в рамках российской действительности	231
Храмкова К. А. Роль государственной молодёжной политики Российской Федерации в становлении современной молодежи	235
Цесельская Д. А. Эффективность использования искусственного интеллекта в современном маркетинге	238
Чешковская Е. В. Видеоигры в аниме-культуре: особенности распространения и развития в российском обществе	240
Шарко Т. В. Трудовые мигранты в современной России	242
Шилыева В. В. Маркетинговое исследование потребительских предпочтений товаров по уходу за детьми	244
Шубная Т. В. Формирование умений безопасного поведения как условие социальной адаптации воспитанников специализированного учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации . . .	246
Шубный В. С. Реабилитация – важный фактор в воспитании подростков .	250
Шумкова К. М. Роль организационной культуры в предупреждении конфликтов	253
Щекотуров А. В. Возрастные особенности оценки ситуации в мире, России и эксклавном регионе (результаты опроса населения Калининградской области)	256
Яковенко Ю. А. Социальные сети и новая социальность (феномен эмодзи)	260

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ¹

Авдеева И. А., канд. филос. наук,
доцент кафедры этики МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник
лаборатории трансдисциплинарных исследований ТГУ (Томск)

В статье рассматриваются возможности определения исторической ответственности как социального конструкта. Это осуществляется с двух различных позиций, условно определяемых как социополитический аспект и этико-социальный аспект. Оба имеют общее – регулятивное оформление результатов неких социальных практик, но по степени и глубине общезначимого аксиологического и культурного содержания они различны. Таким образом, историческая ответственность как социальный конструкт совмещает оба эти аспекта.

Ключевые слова: историческая ответственность, этика, социальность, социально-исторический опыт.

Идея исторической ответственности вошла в дискурсивное поле философской, социальной, исторической мысли во второй половине XX века. И с тех пор не перестает быть одной из популярных и обсуждаемых проблем этого дискурса. Трудно не согласиться с рядом авторов, что идея исторической ответственности является социальным конструктом, который определяет связь между поколениями как субъектами или общностями на основании самоопределения в контексте некоего исторического события и предполагает дальнейшую практику с целью искупления реальной или социальной вины [1].

Однако, на наш взгляд следует обратить внимание на то, что помимо указанных моментов историческая ответственность является не просто способом самоопределения и не просто результатом предшествующего исторического события, а неким итогом социальной практики и способом закрепления предшествующего исторического опыта, имеющего непосредственный социальный контекст, социально-нормативное оформление и фиксацию результатов не просто исторического, а социального развития в виде неких метанарративов. К примеру, если мы попытаемся посмотреть на некое историческое событие прошлого (долговременные территориальные войны, единичные, но весьма громкие события в истории государств, цивилизаций и мира в целом, геноциды, рабство и проч.), то мы не увидим непосредственной связи практического опыта предшествующих поколений с современным положением дел в разных областях, потому что это был бы опыт разных поколений в разные исторические периоды. Исторические связи событий прошлого с настоящим складываются опосредованно, через накопление социального опыта и посредством переноса исторических уроков в социальный контекст. При этом так происходит далеко не всегда. Наоборот, может случиться так, что определенное историческое событие, за которое впоследствии накладывается

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00421). Организация финансирования – Томский государственный университет.

некая историческая ответственность, может воспроизводиться как устойчивая форма социальной практики весьма долгий исторический промежуток времени на протяжении многих поколений до того момента, когда из этого не будут извлечены сначала результаты социального опыта, возведенные затем в ранг опыта исторического. Это происходит потому, что многие поколения могут жить в рамках одной определенной парадигмы общественной практики, направленной на воспроизводство той системы, которая является гарантом этой устойчивой практики. Подобные системы объединяет все остальные стороны социальности в единый метаконструкт, включая правовую, религиозную, моральную, экономическую, институциональную и другие составляющие. Таким образом, чтобы возникла сама идея исторической ответственности в том или ином социуме, – для этого должна видоизмениться или смениться сама социальная система, измениться ее фундаментальные свойства (правовые, политические, экономические) на основе смены неких определяющих ценностных парадигм.

Таким образом, историческая ответственность – это всегда порождение не только прошлого как события, а прошлого как процесса изменения, который не заканчивается там же в прошлом и является результатом процесса изменения и развития в настоящем – того современного контекста возникновения идеи исторической ответственности, способной родиться только в настоящем, несмотря на всевозможные исторические связи, и отвечающей исключительно социальным потребностям сегодняшнего дня или проекцией сегодняшней социальности на предполагаемое будущее, исходя из современных, а не архаичных реалий.

И если мы придерживаемся идеи исторической ответственности как социального конструкта, то следовало бы подчеркнуть что это, прежде всего, смысловой конструкт, выражающий, в том числе, не просто отношение субъекта к социальному опыту, а фиксирующий объективные принципы социальной практики, исходя из современных представлений о ней в силу рационализации организующих ее фундаментальных оснований. Ими оказываются самые глубинные принципы социальной организации – основные ценностные установки, отраженные в определенных моральных оценках и нормах, т.е. базовых ценностных основаниях, на которых держится любая социальность [2].

Когда возникает и актуализируется вопрос об исторической ответственности в таком фундаментальном значении? Когда возникают ситуации социокультурных кризисов и обнаруживается не замечаемая ранее угроза нынешнему социуму. Для современности чаще всего прошлое остается в прошлом, а сегодняшний день актуализирует то, что может пригодиться в настоящем и ставит перед социумом новые задачи, которые работают на укрепление определенного социального порядка, обеспечивая его устойчивость здесь и сейчас. Мы часто говорим об идеологическом, политико-правовом, социально-экономическом, географическом аспекте исторической справедливости, но чаще всего в том контексте, когда хотим защитить некие существующие или формирующиеся сегодня принципы социальных отношений. Социальный контекст исторической ответственности строится, таким образом, не только на полигенеративной темпоральности и исследовании механизмов

ее формирования через историческую память на основе создания соответствующих дискурсов вины, возмездия и прощения, устранения допущенной несправедливости путем принятия конкретных мер и др. [1], но на постоянной и насущной задаче формирования, отбора, защиты и трансляции новых ценностных смыслов. Если мы допускаем, что смыслы эти общезначимы настолько, насколько они универсальны, то тогда нам надо признать, что «историческая» в контексте ответственности либо суживает общезначимость самой идеи ответственности, либо заставляет расширить социальный смысл исторической ответственности за пределы событий прошлого и безразличности к конкретному будущему, т.к. эти категории темпорального характера не раскрывают в полной мере историчность самого принципа ответственности как аксиологической и праксиологической значимости внеисторического характера. Следовательно, идея исторической ответственности не просто результат переосмысления исторических или политических событий, а выражение более глубокой и онтологически ориентированной социальной деятельности, имеющей место в конкретной культуре и конкретном обществе. Уроки прошлого могут стать мощным фактором возникновения и самоидентификации иных социальных групп и культур вне этносов, наций, государств, таким образом, что национальная, политическая и правовая конкретика исторической ответственности перестает быть смыслообразующей, а на первый план выходят детерминанты аксиологического характера.

Каждая конкретная культура в становлении идеи исходит из задачи сохранения стабильного состояния социума и обеспечения условий своего развития. Прошлый опыт в этой связи трактуется не так, что он дал прошлому, а то, что мог бы он стать угрозой существования социальной общности в современном мире или не мог. Чаще всего самым опасным принципом в организации социальности признается неоправданное и неограниченное насилие. Его крайние формы трудно предотвратить и пережить. Именно с определенными формами крайнего проявления насилия связывают чаще всего критические уроки прошлого, подводимые под идею исторической ответственности. Поэтому одним из ключевых принципов социальной стабильности и залога дальнейшего развития в моменты кризисов и смены парадигм, меняющих не только социальный порядок, но и социальное сознание, становится ненасилие или пересмотр его форм в определенной социокультурной ситуации.

Как уже было отмечено ранее, смена парадигм неразрывно связана с особой динамикой социальности и наличием условий, обеспечивающих эту динамику. К таким условиям относятся исторические условия и последовательность исторических событий. Поэтому такие социальные конструкции, как историческая ответственность, с большей вероятностью появляются в социумах способных к такой динамике, социумах открытого типа и соответствующих им культурах. Сложно представить возникновение идеи исторической социальной ответственности в ее гуманистической направленности в обществах традиционных или тоталитарных (в них подобная идея более тяготеет к мессианской идеологии сверхсоциума вне пределов индивидуальности, чем к реальной заботе о людях, составляющих этот социум). Следовательно, социальный контекст исторической ответственности целиком и полностью в глубинных ценностных значениях связан с определенной гуманитарной куль-

турой. Каждая культура выстраивает собственный нормативный фундамент в том числе по отношению к прошлому. Он становится важнейшей составляющей разных форм общественного сознания, он же объединяет все социокультурные установки этого общества. И, конечно, эти базовые установки проецируют и остальные представления о должном и правильном. В этом плане идея исторической ответственности представляет собой феномен именно современной европейской культуры, которая ориентируется на принципы ненасилия, гуманизма, право человека на жизнь в стабильном демократическом обществе, дающем ему гарантии жизни, здоровья, телесной и интеллектуальной целостности. Поэтому в современном социальном контексте исторической ответственности существуют не только те негативные события, которые касаются прошлого (и чаще всего возникают при упоминании исторической ответственности), но и такие, которые выходят за пределы исторической и политической практики, но связываются с проблемами общественного благополучия сегодня. Такова, например, вполне современная идея экологической ответственности как ответственности именно исторического характера, или идея глобальной ответственности (за судьбу мира в целом).

Здесь возникает проблема действительной условности как временных границ, так и дискурсивных правил, которые приписываются социальным конструктам, так как в результате размышлений об ответственности в ее глобальных социальных смыслах вдруг обнаруживается, что среди этих смыслов не так уж мало тех, которые тяготеют к принципам высокой степени безусловности. Можно сделать предположение, что историческая ответственность как социальный конструкт имеет свои границы – она может быть в большей степени временным социальным конструктом с политико-правовых и экономических позиций, за которыми стоят интересы определенных социальных групп и общностей. Такое мы зачастую наблюдаем в распространенной сейчас парадигме исторической ответственности как практике искупления вины, например. Однако, когда за исторической справедливостью стоят интересы иных социальных групп, отличных от этнических и расовых, больше религиозных и политических, то историческая ответственность может стать выражением общезначимых социальных смыслов, отражая фундаментальные потребности социума в целом (например, потребность снижения уровня витальных угроз). Такое основание идеи исторической ответственности связано с другими сторонами практической деятельности человека – сохранением безопасности и наличием гарантий жизни, за ними стоят иные метапринципы (наднациональные, надполитические, надэкономические и проч.), имеющие более выраженный этический характер и аксиологию более высокого порядка. Безусловно, как любая идея, идея исторической ответственности является изобретенной, придуманной, но если она отвечает социальным потребностям разного свойства и масштаба, то трудно сказать, насколько искусственен характер этого социального конструкта или феномена. Такие конструкты связаны с идеями более глобального масштаба, чем узкие интересы конкретной социальной группы, и в них уже перестают быть актуальными идеи продолжающейся исторической несправедливости, вины, возмездия – всем, что не несет в себе позитивного смысла. И в том, и в другом случае идея сможет стать объединяющей, работать как социообразующий фактор.

Это касается и реальных, и виртуальных социальных групп. Однако в первом случае социум не сможет долго быть объединенным подобными перспективными идеями, а во втором случае, наоборот, строится базис для долговременного конструктивного развития. В обоих случаях проявляет себя определенная прагматика (*common sense*), но по-разному: прагматика долгосрочного стратегического социального развития отличается от ситуативной «прагматики возмездия». Конструктивная социальная прагматика связана с ответственностью за настоящее и будущее социума и за тот мир, который останется после нас не только в материальном, но и в нематериальном виде как совокупность идей.

Таким образом, определяя идею исторической ответственности как социальный конструкт и ориентируясь на ее социальную природу и социальное назначение, мы должны четко представлять, что социальные аспекты исторической ответственности представляют собой неоднозначную и уровневую систему. В ней можно выделить более ситуативный и формализованный уровень политико-правовой направленности с целью урегулирования неких спорных моментов по поводу тех или иных исторических событий реактивного характера. Другой уровень, более фундаментальный, глубинный уровень, ориентированный на динамичную проективность, связан с обнаружением этико-аксиологического содержания исторической ответственности и дальнейшего развития этого содержания. В обоих случаях по-разному проявляет себя социально-регулятивная функция идеи ответственности в целом, имеющая, скорее, не ситуативный характер, а устойчивое регулятивное назначение – установка социокультурных ориентиров и векторов дальнейшего социального развития.

Каждый день в контексте исторической ответственности мы сталкиваемся с новыми социополитическими вызовами, новыми социальными практиками, отказом от них, усилением индивидуалистических тенденций [4], но сама по себе идея ответственности остается и будет оставаться тем принципом, который будет работать на сохранение социума и выстраивать новые контексты своего применения (исторический, экологический, глобальный и др.), сохраняя, с одной стороны, свой конструктивный, а, с другой стороны, свой ценностно-ориентированный проективный характер в поиске значимых ориентиров и оснований социальных процессов.

Примечания

1. Вострецов Е. Ю., Симонова И. А. Историческая ответственность в полигенеративной среде: версии и инверсии практики / [Электронный ресурс] / <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-otvetstvennost-v-poligenerativnoy-srede-versii-i-inversii-praktiki/viewer>

2. Пушкина И. М. О воспитании глобальной ответственности в контексте новых ценностей мирового сообщества / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <file:///Users/irina/Downloads/o-vospitanii-globalnoy-otvetstvennosti-v-kontekste-novyh-tsennostey-mirovogo-soobschestva.pdf>

3. Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего. Сборник научных статей I международной научной конференции. Екатеринбург: ООО Издательство «Деловая книга», 2016. 214 с.

4. Ореховский А. И. Философия ответственности. Методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты. Москва: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 288 с.

ФЕНОМЕН ОСОЗНАННОГО ОПТИМИЗМА В СИТУАЦИИ УСПЕХА/НЕУСПЕХА (на примере учебной деятельности)

Андреева Ю. В., канд. пед. наук,
доцент, профессор кафедры педагогики
Восточной экономико-юридической гуманитарной академии

Рассматривается педагогическая сущность оптимизма, раскрываются основные ее методологические основы. За основу в понимании оптимизма как таланта радости взята концепция современного философа Мартина Селигмана. Новизна подхода состоит в том, что мы рассматриваем оптимизм, в основе которого – радость, с педагогической точки зрения. Некоторые виды радости выделены и представлены в зависимости от содержательных особенностей ее предмета: завтрашняя радость; радость познания; радость сотрудищества, создание ситуации успеха по тилам радости (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Ш. А. Амонашвили, А. С. Белкин). В этих педагогических концепциях оптимизм является возможным, а проблема его развития решает-ся наиболее развернуто.

Ключевые слова: осознанный оптимизм, стимулирование учения, радость, личностное развитие, ситуация успеха/неуспеха.

Феномен оптимизма является стержнем культуры [1], поскольку пронизывает все ее направления. Он структурирует стремления человека и одухотворяет его деятельность. В традиционных культурах содержится множество духовных практик и методик, которые позволяют его развить, в них оптимизм выступает в качестве духовной стойкости человека. Но чаще духовные практики не успевают за развитием коммуникационно-информационных технологий, за развитием науки и техники. Ослабление духовных основ оптимизма привело к дисбалансу в развитии личности и общества. Духовная константа человечества претерпевает изменения и в обществе развиваются пессимистические настроения. Необходимость сохранения духовного здоровья личности и общества порождает необходимость исследования сущности оптимизма.

В психологическом плане оптимизм – способ восприятия мира и интерпретации событий в нем. Одним из известнейших психологов современного мира является Мартин Селигман. Он трактует оптимизм как талант радости [12], как желание успеха и понимание, что достижениям можно научиться!

Оптимизм – эмоциональная реакция на успех и способ мышления в случае неудачи. В ситуации успеха задействованы эмоциональные компоненты деятельности, а в ситуации неудачи – когнитивные, осознанные.

Основным отличием пессимистов от оптимистов М. Селигман выделяет их способ мышления. Причины успехов оптимисты видят в себе, в собственных силах, а неудачи считают случайным стечением обстоятельств, которые им неподконтрольны, а значит, и переживать из-за них не стоит. Тогда, как пессимисты во всем винят только себя. Выходит, что оптимизм – понятие сугубо субъективное, и требует личных усилий и умения жить своим умом.

Такое понимание оптимизма было присуще автору данного термина – К. Г. Лейбницу (с его принципом опоры на положительное) и к его ученику И. Канту, который учил иметь мужество пользоваться своим умом.

Идеи М. Селигана уходят корнями в гуманистическую психологию А. Маслоу и К. Роджерса. Так, у К. Роджерса достаточно оптимистические представления о человеке и позитивная оценка глубинной, подлинной человеческой сущности. В частности, оптимистическая направленность его педагогики обнаруживается в концепции роста, согласно которой «Я» человека не является его неизменной сущностью, а склонно к развитию и позитивному изменению в сторону дифференциации, самостоятельности, самосовершенствования и личностной зрелости. Психолог считает, что «под слоем поверхностно контролируемого поведения, под горечью, под болью, находится положительное «Я» безо всякой ненависти» [10, с. 147]. Идеи Роджерса ценны для нас их направленностью на создание благоприятных внешних условий для развития личности. Он считал, что все благородные стремления и позитивные мотивы личности («тихий голос разума», говоря словами Роджерса) могут быть задушены неблагоприятными внешними социальными условиями, либо внутренней неуверенностью самой личности. Поэтому так важно помнить, что человек приходит в этот мир, чтобы учиться и общаться – это его основные базовые стремления, которые требуют создания «благоприятного психологического климата» (термин К. Роджерса).

О защищающей психологической обстановке для ребенка в момент его взросления и личностного становления говорил философ Отто Больнов (его философия педагогической атмосферы и педагогика защищенности, [5]). Педагог В. А. Сухомлинский (защитная атмосфера, исходящая из семьи со стороны матери); о необходимости защитить ребенка после 11–12 лет, «когда природный оптимизм» снижается говорит и современный американский философ и психолог Мартин Зелигман. Отто Больнов писал: «Самое главное – это позволить расти молодому человеку в благоприятной обстановке, где ликвидированы грозящие ошибки и демонстрируется правильное отношение к миру. Учитель знает об этом и может, благодаря пониманию, правильно руководить подрастающим поколением» [5, с. 58].

В педагогической деятельности не обойтись без эмпатии, говоря словами К. Роджерса, – «умения постоять в чужих ботинках». Чьи-то ботинки велики, чьи-то малы, а чьи-то впору – дружественные ботинки! Эмпатия – умение видеть мир глазами других, понимать другого человека. Так, В. А. Сухомлинский писал, что «воспитывать ребенка – значит, думать друг о друге хорошо: учитель хорошо думает о своем воспитаннике; а воспитанник хорошо думает о своем воспитателе» [13, с. 355].

Анализ научной литературы последних лет показывает, что оптимизм связан с самой структурой деятельности личности. Так оптимизм рассматривается как такой компонент деятельности – точнее, как мотив (К. Роджерс), как стремление к новым свершениям (М. Зелигман), как радость, мотивирующая на успех (педагогика сотрудничества в лице А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского и др.)

На первый педагогический взгляд оптимизм – продуктивная основа деятельности.

Но в оптимизме задействован другой компонент деятельности – положительная оценка деятельности, которая может быть выражена преподавателем в словесной форме: похвалы, одобрения, ободрения, которые в рамках преподавания становятся педагогическими приемами стимулирования учения, поощрения тех, кто учится. Существуют приемы, которые не требуют словесной оценки и могут быть выражены в улыбке, ободряющем кивке, в демонстрации педагогической уверенности в ученических возможностях при соблюдении шаткого баланса педагогических требований и ученических возможностях.

Педагогически осмысливая оптимизм, мы можем связать его с наличием радости в учебном труде. Радость как эмоция несколько неуловимая и не поддающаяся математическому анализу, но она – суть социальная эмоция, направленная на Другого, по словам К. Роджерса: значимого Другого. Эта эмоция задает позитивный смысл всей учебной деятельности, пронизанной личными усилиями тех, кто учится, достигая успеха и преодолевая трудности на пути к нему.

Педагогическое значение оптимизма в стимулировании радости от учебных успехов. Известные педагоги XX столетия (Ш. А. Амонашвили, А. С. Белкин, А. С. Макаренко В. А. Сухомлинский и др.) выделяли «завтрашнюю радость», «радость познания», «радость сотрудничества» и создание ситуации успеха по типам радости, соответственно.

Они считали радость мощным стимулом не только учения, но и личностного развития. Радость – мощный мотив учения, она наполняет учебную деятельность позитивным смыслом; создает благоприятный психологический климат в учении. Некоторые духовные практики, о которых мы упоминали выше, задействованы в психотехниках его создания. Так, метод визуализации, заимствованный из ведической практики и практики йоги как разновидность медитации, активно используется психологом Вл. Ромеком [11].

Демонстрация позитивного отношения не означает попытку идеализировать мир, оберегая ребенка от трудностей жизни. Мы помним, что стержневой основой оптимизма остается духовная стойкость. Поэтому расцениваем оптимизм не только как стремление личности к успеху, но и как способность преодолевать трудности на пути к нему. Другими словами, оптимизм – качество личности, которое имеет врожденную природу как позитивное стремление, но может быть развито в благоприятных условиях внешней среды, которые способен создать педагог. Подтверждением этому служат слова В. А. Сухомлинского, который считал, что в природе ребенка нужно распознать жизнерадостность, в этом он видел условие сохранения здоровья и силы духа. Понимание ребенка требует педагогической зоркости, внимания к отдельным деталям поведения ребенка, к изменениям в его настроении. Похвала педагога способна поднять с колен, приободрить, внушить силы и побудить ребенка разглядеть свои оптимистические перспективы.

Анализ результатов реконструкции отдельных примеров реализации педагогического оптимизма, на основе учительско-ученической радости, превращается в выявление универсального основания для позитивного педагогического подхода к ребенку. В рамках данного подхода вырабатываются педагогические приемы, складывающиеся в методы, которые определяют развитие нового направления – позитивная педагогика.

В рамках позитивной педагогики оптимизм показан не в узких психологических рамках позитивного мировосприятия; а в общефилософском широком контексте: как позитивное отношение личности к себе и значимым Другим, в рамках педагогической культуры такое отношение выступает не только навыком конструктивного эмоционального реагирования, мышления и действия в случае неудачи. По словам М. Селигмана «оптимист всегда знает, что будет делать в случае неудачи» [12], то есть сохраняет уверенность в себе на основе знания себя и ситуации, соотнося с ситуацией свои силы и возможности. Такое позитивное отношение к себе и другим становится профессионально-личностным качеством педагога, проявляющим себя в позитивно-направленных приемах похвалы, одобрения, эмпатии и других способах проявления позитивного отношения педагога к воспитаннику: дружелюбия (по А. С. Макаренку); уважения (по В. А. Сухомлинскому); эмпатии (по К. Роджерсу); предрасположенности к открытому общению (Ш. А. Амонашвили).

Как показал детальный анализ это те педагогические ценности, которые педагог как личность транслирует в мир, образуя его вокруг ребенка защитным слоем, который, однако, не становится для него «коконом» или «панцирем», а служит гибкой основой его личностному развитию, возможному в открытой не подавляющей благоприятной педагогической среде. Такой средой служит ситуация успеха с открытой возможностью достижений / «новых свершений» (авт. М. Селигман).

Такой педагогический оптимизм не только укрепляет уверенность в себе, но и повышает учебную мотивацию и академическую успеваемость личности как субъекта учебной деятельности.

Примечания

1. Абоносимова Е. В. Оптимизм как явление культуры: дис. канд. филос. наук, Тамбов, 2004. 171 с.
2. Амонашвили Ш. А. Основы гуманной педагогики. В 20 кн. Кн. 9. Разговор с сердцем. М.: Свет, 2017. 432 с.
3. Андреева Ю. В. Педагогический оптимизм как профессионально-личностное качество учителя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (77). С. 21–24.
4. Белкин А. С. Ситуация успеха: книга для учителя. Екатеринбург, 1997. 185 с.
5. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма / пер. с нем. и предисл. С. Э. Никулина. СПб.: Лань. 1999. 224 с.
6. Bollnow O. F. Antropologische Padagogik / O. F. Bollnow. Bern: Stuttgart, 1983. 144 s.
7. Кант И. Собр. соч. в 8 т. М., 1994. Т. 2.
8. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи и благодати божией, свободе человека и начале зла / Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т.4. С.49–413.
9. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Изд-во АСТ, 2015. 703 с.
10. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 478 с.
11. Ромек В. Г. Понятие уверенности в себе в современной социальной психологии // Психологический вестник Ростовского государственного университета, Выпуск 1, Часть 2, Изд-во РГУ, 1996. С. 132–146.
12. Селиман М. Как научиться оптимизму. М.: Альпина Паблишер, 2018. 544 с.
13. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. М.: Концептуал, 2019. 320 с.
14. Seligman M. E. P. Learned Optimism. N.Y.: Knopf, 1991.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЯ НА ОСНОВЕ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Афанасов С. В., социальный педагог
ГКУСО «Изобильненский СРЦН»

В работе рассматриваются современное состояние патриотического и гражданского воспитания, занятия научно-исследовательской деятельностью, выработка стремления отражать в публикациях и иных результатах научно-исследовательской деятельности только достоверные факты.

Ключевые слова: интерпретация, прозрачность событий и фактов, непроверенный материал, экспертные комиссии, цензура.

Патриотическое воспитание – это воспитание у молодых людей важнейших духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, отражающих специфику формирования и развития нашего общества и государства, национального самосознания, образа жизни, миропонимания и судьбы россиян. Раздумывая о том, что значит любить свою Родину, молодым людям надо прикоснуться к прошлому своей страны, без которого нельзя понять и оценить по достоинству сегодняшний день, прочитав об этом в интернете, книгах и других материалах.

Наше время – время интереса к отечественной истории, время анализа этой истории. Стремясь узнать побольше об истории родной страны, ее культуре, духовности, нужно внимательнее изучать написанное, сопоставлять с другими источниками и, обязательно, с документами, делать выводы. Мы живем в интересное и сложное время, когда на многое стали смотреть по-иному, когда старое, наработанное годами, иногда извращается, а новое – не до конца продумано, в стадии экспериментов, которые в ряде случаев требуют немалых финансовых затрат и, нередко, являются провальными. Едва ли не в первую очередь, это относится к советскому прошлому, которое современные люди знают поверхностно. Все больше приходится убеждаться, что человек, изучая историю своей малой Родины по печатным источникам, часто видит неточности, которые принимает за действительность, опирается на них и пытается донести до окружающих искаженную информацию.

Проблема современного образования заключается в использовании искаженных исторических и краеведческих материалов, которые не только способствуют усвоению недостоверных социально-исторических закономерно-стей развития России, но и формируют неверную жизненную позицию.

В последнее время заметно возрастает внимание ученых к проблеме развития творческого начала в процессе исследовательской деятельности, однако, как правило, формируется это в ходе бесед. Этим существенно сужаются рамки исследовательской деятельности, игнорируется личностная позиция человека по отношению к процессу познания края, что, в конечном счете, дает малоэффективный результат. Поэтому надо проводить встречи со старожилами – носителями краеведческой информации и анализировать

документы, что способствует привлечению к научной деятельности, расширению кругозора, углублению знаний, помогает получить представления об этнографии, археологии, истории, и др. В дальнейшем это позволит правильно интерпретировать изучаемые события в выступлениях на конференциях, и в публикациях.

С середины 50 годов XX века историческими исследованиями стали заниматься работники музеев, учителя школ, школьники и студенты. Все это замечательно, это – нужная и важная работа, но проблема состоит в том, что научные публикации в книгах, сборниках, включая и научные сборники под редакцией ученых, излагают информацию, зачастую, в искаженном виде или вообще она является недостоверной. Материалы с использованием непроверенных источников часто принимаются за основу без дополнительной проверки, что ставит под сомнение все издание. Иногда вместо научных фактов приводятся просто воспоминания старожилов без учета документов. Нередки случаи, когда в печать попадает непроверенный материал, который выдается как достоверный. Однако многие читают его и выдают в дальнейшем за действительные факты, особенно, молодежь и школьники. Редакции газет не несут ответственности за предоставленный материал для публикации, и это – неправильно. Часто можно увидеть многостраничные, в солидных переплетах издания, но с неточностями в событиях и фактах,

Несмотря на признаваемую большую роль истории и краеведения, существует много проблем в организации их изучения. С одной стороны, предоставление школам, гимназиям, лицам определенной свободы в создании собственных учебных планов и методических разработок позволяет историкам максимально полно реализовать свои творческие возможности. С другой стороны, отсутствие единых методических рекомендаций на федеральном уровне, недостаток краеведческой литературы создают определенные сложности в организации познавательной деятельности. Хотя за последнее десятилетие в процесс обучения широко внедрены возможности интернета, часто можно услышать, что педагоги пользуются искаженной информацией, взятой из источников интернета. Поэтому, как вариант, необходимо в отдельные темы по изучению исторических материалов подключать экспертные комиссии и не доводить до сведения обучающихся не факты, а чьи – то предположения.

Принято считать, что сохранение культурного наследия – дело очень сложное и дорогостоящее и напрямую зависит от финансовых возможностей государства, региона, отдельного города. Не приуменьшая значения экономических и научных факторов, скажем, что одна из главных проблем сохранения нашей исторической памяти – нравственная. Мы должны понять, что исторические факты – непреложны, осознать, наконец, что историко-культурный потенциал России не безграничен, что может уйти целиком в небытие, как это случилось уже со многими социальными феноменами.

Каждое образовательное учреждение думает о рациональной методике патриотического и гражданского воспитания, но то, над чем работают долгие годы педагоги, возможно, находится совсем рядом – это поисковая и исследовательская работа. Результаты исследовательской деятельности нужно использовать на уроках, внеклассных занятиях, демонстрировать на фестивалях и конференциях. Важно на раннем этапе жизни прививать школьникам

стремление изучать историю своей малой Родины, своего региона, своей родословной. Уникальность таких научных занятий заключается в том, что это позволяет объединить знания о природном и социальном окружении, историческом прошлом, повседневном опыте молодых людей, следовательно, знания могут стать базой для разнообразной практической деятельности, для творческого роста личности. В последующих исследованиях молодежь будет использовать только достоверные факты, так как она научится отличать подлинное от фальшивого, правильно формулировать свои мысли и пользоваться документальными источниками, уверенно отстаивая свои суждения.

Ошибки и неточности в событиях и фактах, публикуемых в средствах массовой информации, случаются в т.ч. из-за использования авторами плагиата, то есть неуникального материала. В связи с этим, они просто скачивают материал с первого попавшегося сайта или перепечатывают с какого-то издания, а бывает, переиздают с небольшими изменениями. Конечно, каждый по-своему может интерпретировать свои высказывания и суждения, делать свои выводы, но факты и исторические даты изменять нельзя.

Можно задать вопрос: где же взять сведения, если на сайтах и в учебниках нет нужной информации или ее недостаточно? Тогда надо заглянуть в библиотеку: краевую, окружную, городскую (сельскую). Кроме библиотек, сейчас есть доступ в архивы и фонды музеев, можно использовать документальные домашние архивы. После этого остается только грамотно изложить полученные сведения. Что касается самой литературы, то нужно помнить, что практически все преподаватели высших учебных заведений, колледжей и даже общеобразовательных школ при написании исследовательских, курсовых и творческих работ требуют использования только новых источников. Работа со старой литературой, особенно, если она издана в советский период не принимается, а документы просто не просматриваются. Поэтому мы и видим, что очень часто целые периоды развития общества искажаются. При публикации писем, каких-то архивных, фактических данных авторы сборников и другой печатной продукции должны руководствоваться принципом неприкосновенности текста. Именно соблюдение этого принципа означает сохранение документов как памятников той эпохи; необходимо полностью сохранить стиль письма или текста. В Ставропольском многонациональном крае каждая семья отличается чем-то особенным: революционным прошлым, религиозностью, традициями, умельцами, героическими подвигами во время Великой Отечественной войны, обрядами, трудовыми подвигами. Многие сохранили семейные реликвии – документы, письма, фотографии, награды, старинную одежду, предметы быта, это все необходимо сохранить, изучить и передать потомкам. Мною был выявлен ряд досадных неточностей в сборниках, книгах и статьях, что затрудняет изучение Ставропольского края и России. Каждый вправе иметь свое мнение и суждения, делать свои выводы, но не имеет права искажать историю, события и факты.

На современном этапе полезно устраивать совместные конференции ученых, научных работников, учителей, работников музеев, школьников – энтузиастов, здесь будет полезен опыт СКФУ. Но эти конференции должны быть не только научного плана, но и проблемные, например, под девизом: «Проблемы регионального краеведения», «Проблемы отечественной науки»,

«Музейные проблемы», «Порядок и правила написания исследовательской работы». Необходимо на базе научно-методических центров оказывать постоянную методическую и практическую помощь школьникам-исследователям, особенно, если работы будут издаваться в печатных источниках. Считаю, что на современном этапе проводимые авторитетными учреждениями, высшими учебными заведениями, учеными и благотворительными фондами научно-исследовательские конференции и фестивали очень важны учащимся общеобразовательных школ и студентам. Именно здесь будущие ученые могут приобрести опыт исследований, правильного оформления работ и грамотного доведения информации до заинтересованных лиц.

Выводимая мной гипотеза основывается на предположении о том, что только тогда в научном мире восстановится ясность и однозначность событий и фактов, когда авторитетные ученые, авторы научных изданий и энциклопедий, статей в интернете будут нести достоверную информацию, будут тесно сотрудничать с социальными институтами – политическими, экономическими, научными, образовательными, правоохранительными и др.

На основе изложенного предлагается следующее.

1. Научным редакторам и научным руководителям научно-исследовательских работ обучающихся, студентов, аспирантов, педагогов, политиков, ученых, работы которых в последующем будут издаваться в печатных источниках, необходимо тщательно проверять достоверность информации.

2. При издании работ в печатных средствах массовой информации необходимо прилагать копии документов, на основании которых написана работа.

3. Каждый исторический факт, изложенный исходя из воспоминаний, должен подкрепляться документально.

4. Шире внедрять программу по антиплагиату, что позволит более эффективно проводить отбор публикуемого материала.

Примечание

1. История городов и сел Ставрополя: краткие очерки. /под ред. Кочура Д. В., Кудрявцев А. А. Ставрополь: Кн. Изд-во, 2002.

2. История городов и сел Ставрополя: Краткие очерки / Гл. ред. проф. В. А. Шаповалов; научн. ред.: проф. Д. В. Кочура и проф. А. А. Кудрявцев. 2-е изд., испр. и доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. 756 с.

РОЛЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Барсукова Т. И., д-р. соц. наук
профессор кафедры социологии СКФУ
Шматова А. Н., канд. соц. наук
доцент кафедры социологии СКФУ

Рассмотрено понятие качества жизни населения муниципальных образований, выявлена роль органов муниципальной власти в его повышении.

Ключевые слова: муниципальное образование, качество жизни, местное самоуправление, внутренние ресурсы, которыми располагает муниципалитет.

В настоящее время рост качества жизни граждан выступает важным критерием эффективности управления, как на региональном, так и на муниципальном уровнях. Среди показателей социально-экономического благополучия населения особое место занимают состояние здравоохранения, качество образования, доступность жилья, состояние правоохранительной системы, состояние жилищно-коммунального хозяйства, уровень жизни. «Термин «качество жизни» был введен при обсуждении проблем индустриальных и постиндустриальных обществ, чтобы обозначать аспекты общественной жизни, плохо поддающиеся чисто количественным методам измерения и оценки – впервые этот термин упоминал Дж. Гэлбрейт в книге «Общество изобилия». Понятие «качество жизни» в настоящее время является предметом изучения многих дисциплин.

В специальной литературе приводится ряд определений, одним из наиболее известных является описание понятия «качество жизни», данное Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ): «Качество жизни определяется как восприятие людьми своего положения в жизни в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами». Видимо, эта дефиниция сформулирована на индивидуальной оценке самого себя, по существу, исходя из принципа примирения со своим бытием. Эта позиция, в основном, обуславливается взглядами всякого определенного индивида и стандартами, принятыми в социальном окружении, с которым он себя отождествляет.

Группа компетентных специалистов полагает, что качество жизни разумно анализировать как непредвзятый критерий – это сумма конкретных характеристик существенных для индивида явлений и феноменов, отображающих его нынешнее бытие, как в ракурсе его деловых занятий, так и в ракурсе его существования вообще. В данный период государственная и региональная политика уделяет проблеме увеличения качества жизни жителей значительное внимание. Менеджмент качества жизни, призванный повышать качество жизни всего населения и предоставить всем жителям одинаковые возможности получения разнообразных общественных предпочтений, стал первостепенным показателем, рисующим уровень развития страны, субъектов Федерации и муниципальных образований. В ходе процесса менеджмента

качества жизни нужно создать систему менеджмента, состоящую из суммы процессов, призванных обеспечить развитие важнейших индикаторов качества жизни, таких, как: материальное благосостояние, социальная безопасность жителей, демографическое благополучие, состояние здоровья жителей, экологическая безопасность культурное и духовного достояние [1].

В качестве рабочего определения для целей исследования мы остановимся на следующей дефиниции: «Качество жизни – сложная социально-экономическая категория, которая выражает фактический уровень потребления материальных, социальных и духовных благ и услуг, степень удовлетворения рациональных потребностей в этих благах и услугах и условия в обществе для удовлетворения и развития этих потребностей».

Анализ научных источников по теме качества жизни населения позволяет отметить, что существует множество подходов, как к понятию качества жизни, так и к соотносительным с ним: «образ жизни», «уровень жизни», «благосостояние» и др. Кроме того, сами определения качества жизни весьма разнообразны.

Так, например, О. Н. Андреева пишет: «Понятие качества жизни необходимо отделить от близких понятий и прежде всего от понятия «уровень жизни», с которым они синонимизируется в литературе иногда как тождественные по содержанию и словоприменению. Основное различие их – в объеме понятий. Под уровнем жизни понимается показатель, который отражает уровень благосостояния населения, сконцентрированный на подсчетах объемов дохода человека и степень удовлетворенности базовых потребностей (в еде, одежде, жилье, лекарствах и т.д.). По сути он выступает производным от показателя экономического развития. По сравнению с ним качество жизни – значительно более обширный критерий, охватывающий уровень благосостояния среди остальных показателей качества жизни, но также придающий значение и еще целой группе показателей: уровню здравоохранения, социальному обеспечению, транспорту, связи и коммуникациям, обеспеченности в учреждениях культуры и т.д.» [2].

Поскольку Россия – страна федеративная, то менеджмент качества жизни жителей обычно возлагается на федеральные и региональные органы госвласти. Однако, как правильно доказывает Л. В. Кубанова, «улучшение конкретных условий жизни граждан зависит от эффективности политико-правового функционирования институтов местного самоуправления». Территория муниципальных образований – это не только место коллективной жизнедеятельности. Социум выступает как система, подсистемами которой являются экономическая и социальная, а элементами – политика, культура, право, и т.д.; действия этой система обращены к главной цели – повышение качества жизни любого жителя [3].

Органы власти муниципального образования, являющегося формализованной структурой социума, развивают экономику поселения для повышения уровня качества жизни своего населения. Качество жизни местного сообщества целиком можно выявить, определив уровень насыщения потребности в материальных и духовных запросах индивидов. Имеются разнообразные систематизации потребностей. Беря за основу потенциал местного социума, назовем вытекающие виды потребностей:

– потребность, связанная с воплощением в жизнь естественного права на существование, длительностью жизни, отвечающей возможностям социума и надеждам индивида;

– потребность в удобной обстановке работы и рекреации, комфорт в социальной среде и быту, потребность в полезной еде, потребность в здоровом окружении, доброкачественных товарах и жилье;

– потребность, связанная с проявлением своего «я», реализацией своей личности, притом участвуя в менеджеральных структурах.

Муниципальная власть обеспечивает эти потребности, давая населению удобную обстановку для существования, развлечений и труда. Эта обстановка охватывает: комфортную среду, возможность трудоустройства, нормальное жилище, сформированную инфраструктуру, разветвленную сеть сношений, надежный транспорт, безопасную экологию, свободу бизнеса, приемы привлечения жителей к участию в менеджменте местного самоуправления и прочее. Уровень выполнения этих требований можно оценить с применением группы критериев, составляющих суммарную количественную формулировку концепции качества жизни.

Внутренние ресурсы, которыми располагает муниципалитет, можно разделить на две группы в зависимости от видов менеджмента:

1) ресурсы, составляющие муниципальное имущество, т.е., объекты негосударственной собственности – финансовые средства, муниципальную землю и имущественные ресурсы, свод муниципальных предприятий и учреждений, муниципальное жилье. Исполнительно-распорядительные органы муниципальной власти распоряжаются ими прямо: продажа, сдача в лизинг, реконструкция и т. д.;

2), объекты, не входящие в собственность муниципалитетов, но расположенные на их территориях; как правило, это предприятия и другие объекты коммерческой сферы. Для муниципальной власти это, как правило, «твердый орешек», тем не менее, обычно она влияет не напрямую, а проводя особую инвестиционную и административную политику.

Одним словом, компетентность органов МСУ, несомненно, односторонняя: открытое распоряжение своей собственностью и только лишь косвенно – прочими ресурсами в границах муниципалитета. Разумное совмещение видов и способов непосредственной и непрямой управленческой деятельности способствует воплощению в жизнь главной цели деятельности муниципалитетов, которую мы сформулировали ранее, – повысить качество жизни населения.

Направляющее воздействие местных органов власти на рост экономики муниципальных образований, одновременно воздействуя на подъем уровня и качества жизни жителей, способствует форсированию хода развития поселения, воплощения в жизнь его реального потенциала и организации соответствующей обстановки.

Для эффективного разрешения вопросов местного значения поставлена задача организовать такое содействие органов местного самоуправления (МСУ): обеспечить бесперебойную работу ресурсоснабжения, коммуникационных сетей, формирование обстановки для жизнедеятельности и общественной устойчивости, создание деловой атмосферы, привлекательной

для бизнес-проектов и инвестиционных вложений, повышение надежности инвестиций т.д.

В правовом регулировании сферы экономики местного самоуправления лежит дефиниция компетенции муниципальных властей, оказывающих общественные услуги и распоряжающихся ресурсами, которые фиксируются за муниципальными образованиями для разрешения этой проблемы. В нынешней РФ список муниципальных услуг, возложенных на местное самоуправление, зафиксирован в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в разделах, посвященных вопросам местного значения и полномочий органов местного самоуправления. Для решения данных вопросов за органами местного самоуправления закрепляются материальные и финансовые ресурсы – находящееся в муниципальной собственности имущество, средства местных бюджетов, а также имущественные права муниципальных образований, составляющие экономическую основу местного самоуправления. Помимо этого, муниципалитетам могут доверять исполнять некоторые государственные полномочия, если им будут переданы необходимые для реализации этого материальные ресурсы.

Особенность муниципального образования, являющегося социально-экономической системой: он проявляется как целевая система, специфической особенностью которой выказывается постоянное вырабатывание новых целей и снабжение их ресурсами.

Основные свойства муниципальных образований как социально-экономических систем заключаются в:

1) целостности – качестве полной взаимозависимости подсистем и элементов муниципальных образований, ведущем к отчетливой согласованности деяний и функций менеджмента;

2) коммуникативности – симптоме тесной связи систем и их внешнего окружения, обеспечивающего интенсивный обмен подсистем и элементов муниципальных образований и среды;

3) устойчивости – способности инфраструктуры действовать в сравнительно самостоятельном функционировании, предохраняющем муниципальные образования от возможных неверных решений или отрицательных влияний окружающей сферы;

4) самоорганизации – свойстве социально-экономической системы, позволяющем муниципальному образованию путем согласования личных заинтересованностей обитателей и социальных групп добиваться социально важных целей. Самоорганизация муниципалитетов выказывается в виде открытого изъяснения воли гражданами, а также в действиях муниципальной власти, наделенной потребными полномочиями от лица жителей;

5) слабой структурированности – свойстве муниципальных образований как социально-экономических систем, обозначающем, что набор подсистем и элементов муниципалитета, а также согласованность между ними охарактеризовываются с некоторой неясностью. Действия таких систем невозможно обрисовать строго математически, но, применив современные методы, такие, как системный анализ и имитационное моделирование, возможно заполнить картину вероятностного прогнозирования [4, с.136].

Таким образом, достижение значительного качества жизни жителей муниципальных образований прямо зависит от такого фактора, как обеспечение его самых существенных потребностей; на выполнении этой задачи должны строиться действия органов власти местного самоуправления..

Примечания

1. Баранова Н. В. Рост качества жизни населения как приоритет устойчивого развития муниципальных образований: проблемы реализации //Россия и Европа: Связь культуры и экономики //Материалы XIII международной научно-практической конференции. Прага: Изд-во: World Press s.r.o, 2015. С. 152–158.
2. Андреева О.Н. Уровень и качество жизни: содержание понятий и их составляющие // Ойкумена. 2016. № 4. С. 68–77.
3. Кубанова Л.В. Особенности реализации социальной политики на муниципальном уровне: региональный аспект (на примере Карачаево-Черкесской республики // Общество: политика, экономика и право. 2016. №3. С.77–81.
4. Кулькова И. А., Рагозина А. Ю. Проблемы оценки качества жизни населения муниципального образования // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» 2015. Том 7. №4. С. 17–22.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ УВЕРЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В СЕБЕ В ПЕРИОД РАННЕЙ ЮНОСТИ

*Баязитова М. Р., магистрант
Научный руководитель – Долганина В. В.,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры общей и практической
психологии и социальной работы ГБОУ ВО СГПИ*

В статье автором подчеркивается, что студенчество является благоприятным периодом для проявления уверенности личности в себе. В этой связи, автором представлено теоретическое обоснование условий формирования уверенности в себе в данный возрастной этап.

Ключевые слова: уверенность в себе, позитивное самоотношение, ценностно-смысловая самореализация, общение со сверстниками.

Сегодня российское общество выдвигает определенные требования к личностным возможностям человека, где уверенность в себе является основным качеством, без которого достижение поставленной цели было бы невозможно. Студенчество выступает благоприятным возрастом для проявления уверенности в себе. Умение отстаивать собственное мнение, принимать самостоятельно решение, проявлять инициативу и творчество, честность, открытость, смелость, решительность и пр. Все это является подтверждением того, что на этом возрастном этапе уверенность в себе – это качество развивающейся личности. При этом без веры в себя не может быть и уверенности

в себе. Такая личность имеет утрату ощущения целостности, жизненности и собственной реальности вообще [4].

Такие ученые как Р. Бернс, Л.И. Божович, Дж. Брунер, К. Левин, К. Хорни определили источник устранения подростковой неуравновешенности и связанной с ней неуверенности в себе в юношеском возрасте.

Центральным звеном в формировании уверенности в себе личности является позитивное самоотношение. Занимаясь той или иной деятельностью, личность осознает себя как субъекта деятельности или как объекта воздействия. Результатом такого осознания выступает отношение личности к себе в качестве выражения в самосознании личностного смысла «Я» в отношении к мотивам самореализации. Опираясь на это, личность ведет себя либо уверенно, чувствуя свою компетентность и значимость, либо, наоборот, неуверенно, что отражается на результатах всей ее деятельности [1].

И. С. Кон выделяет неустойчивость и незрелость самоотношения в ранней юности, поэтому, вслед за В. Г. Ромеком, мы рассматриваем развитие позитивного самоотношения, как главный механизм формирования уверенности в себе в юношеском возрасте, так как он является одним из компонентов уверенности. Предполагается, что, улучшив отношение к себе у юношей и девушек, мы тем самым сформируем у них уверенность в себе, уверенность в собственных силах и способностях.

Как важное условие в развитии чувства уверенности в себе в обществе осознается необходимость ценностно-смысловой самореализации, которая, связанная с деятельностью личности, направленной на самоосознание своего ценностного содержания, творческое активное самоосуществление в процессе жизненного самосовершенствования, создание индивидуальной «жизненной перспективы». С. Р. Пантелеев пытается охарактеризовать категорию самоотношения, как она описывается отечественными и зарубежными психологами. Анализ литературы заставил его рассуждать о том, что самоотношение может пониматься как общее одномерное образование, которое отражает более или менее устойчивую степень положительности или отрицательности отношения индивида к самому себе [2,5].

Уверенность в себе рассматривается при наличии высокого уровня жизнеописательной рефлексии, а именно: высокой мотивационной насыщенности индивидуальной картины жизненного пути; низкой причинной обусловленности, связанной с высокой сознательной и целевой направленностью; высокой мотивационной насыщенностью реализованных и возможных событий; недостаточной выраженностью повседневных событий; низким представлением событий психосоматического характера в сочетании с высоким представлением событий, связанных с темой изменений во внутреннем мире, например, достижения, успехи, открытия); высокой степенью удовлетворенности жизненными событиями.

Общение со сверстниками является неотъемлемой частью формирования самоопределения в ранней юности, что также важно для развития уверенности, но имеет другие функции. Общение с друзьями имеет исповедальный характер. Это общение строится на отношении к другому как к себе, в нем открывается собственное реальное «Я». Реальная жизнь у старшеклассников является содержанием сообщений друг другу.

Самоопределение в юности имеет плотную связь с развитием познания и интересов человека. Развивается интерес к самопознанию, этике, морали, философии [3].

Таким образом, в качестве основных условий формирования уверенности личности в себе в период ранней юности мы выделили следующие:

- формирование позитивного самоотношения к себе и собственному поведенческому репертуару, которое характеризует направление и уровень активности человека, а также позволяет повысить самоуважение;

- ценностно-смысловая самореализация личности, направленная на развитие личности, ориентацию на будущее;

- высокий уровень жизнеописательной рефлексии, который заключается в:
 - а) высокой мотивационной насыщенности индивидуальной картины жизненного пути;

- б) низкой причинной обусловленности;

- в) высокой мотивационной насыщенности реализованных и возможных событий;

- г) недостаточной выраженности повседневных событий;

- д) низким представлением событий психосоматического характера в сочетании с высоким представлением событий;

- е) высокой степенью удовлетворенности жизненными событиями.

- положительное общение со сверстниками.

Примечания

Статьи в сборниках

1. Давиденко Л. В., Цедринский А. Д. Психологические проблемы субъектного самоотношения студентов педагогического ВУЗа // Студент как субъект образовательного процесса: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. –Краснодар: «Экоинвест», 2005. С. 132–136.

2. Шуверова А. В. Доверие к себе и уверенность в себе как комплексные характеристики личности юношеского возраста // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XVI междунар. студ. науч.-практ. конф. №1(16). URL: [http://sibac.info/archive/guman/1\(16\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/1(16).pdf) (дата обращения: 22.01.2020)

Статьи в журналах, газетах

1. Хохлова Е. В. Уверенность в себе – базовое качество инновационной личности. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2011. № 6 (29). Т. 2. С. 108–110. URL: <https://moluch.ru/archive/29/3390/> (дата обращения: 24.09.2020).

Учебники и учебные пособия

1. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1980. 346 с.

2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004. 352 с.

ТЕЛЕСНЫЕ МОДИФИКАЦИИ: ОТ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Берсенин Н. А., студент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
Научный руководитель – Резонова В. М.,
доцент кафедры культурологии и
библиотечно-информационных ресурсов
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

В статье рассматриваются наиболее распространенные виды телесных модификаций, история, способы создания и смысл, вкладываемый в данный процесс. Рассмотрены современные практики телесных модификаций.

Ключевые слова: телесная модификация, шрамирование, татуирование, пирсинг, пластическая хирургия.

Тело и его функциональность всегда вызывало у человечества интерес. Тренировки и соревнования, репетиции и конкурсы, наблюдения и эксперименты являются результатом познания человеческих возможностей. Однако в наше время общество не останавливается на изучении физиологии, а также рассматривают его с точки зрения выражения личностного внутреннего «Я». Соответственно одной из форм выразить внутреннюю индивидуальность можно считать телесные модификации. Модификации тела имеют различные формы и способы создания.

Телесные модификации встречаются в культурах многих народов, что говорит о ее общности и причисление к универсалиям, применяемых для сравнения различных культур, имеет обоснованную причину. Согласно исследованиям А. С. Дорожкина, возникновение телесных модификаций «...относится к эпохе палеолита, а история насчитывает более 60 тысяч лет» [1, с. 239]. Древнейшими дошедшими до нас свидетельствами применения искусственного изменения своего тела встречаются «...на мумифицированных телах, приблизительно 6 тысяч лет, что позволяет утверждать наличие данного феномена в первобытном обществе» [1, с. 239]. Они несли различные функциональные назначения, среди которых, по мнению А. С. Дорожкина, основными являются опознавательная (нанесение знака, указывающего на принадлежность к той или иной общности), личностно-установочной (нанесение рисунков, обозначающих важнейшие этапы жизни) и стратификационной (нанесение символов, показывающих социальный статус в общности) [3, с. 43].

Телесные модификации имеют многообразные видовые особенности. Шрамирование или скарификация как вид модификации представляет собой занесение в открытые раны инородного вещества (зола, глина, песок), вызывающего воспалительные процессы, в результате которых на кожном покрове появляются рельефные рубцы. Шрамирование появилось в результате придания шрамам символа опыта. Раны на телах мужчин были естественными, так как они часто оставались в результате охоты. Оставшиеся шрамы воспринимались как память о победе над добычей. В результате, шрамы стали наносить уже специально, считая, что это принесет удачу в бою. После шрамам стали уделять и эстетическое внимание. Следует отметить, что

шрамирование – целенаправленное повреждение кожных покровов с целью создания узора или рисунка, поэтому шрамы, которые появились на теле человека не по его воле, не относятся к шрамированию, так как принудительное повреждение кожных покровов относится к клеймению.

Телесная модификация в виде клеймения – нанесение символа, рисунка, узора или других опознавательных знаков раскаленным железом, использовалась в качестве идентификации неугодных людей (преступников, больных, падших женщин) для дальнейшего ограждения их от общества.

Еще одной формой модификации тела является татуирование. Татуирование происходит путем втирания в открытые раны красящего пигмента, не вызывающего воспаления кожных покровов. Одним из способов нанесения рисунка является занесение под кожу красящего пигмента с помощью пучка металлических игл. В зависимости от региона проживания народа, применяющего татуирование, использовались не металлические иглы, а бамбуковые палочки, ракушки и т. д. А. С. Дорожкин, в своих исследованиях, считает, что таким способом создавали телесные рисунки до 1891 г. [3, с. 43]. Со временем популярность тату на теле росла, что подвигло нью-йоркского татуировщика С. О'Райли усовершенствовать «копировальное перо» Т. Эдисона и превратить его в первую автоматическую машинку для татуирования, в основе которой лежала «архаическая техника с использованием связки игл» [2, с. 79].

Телесная модификация в виде пирсинга отличается от предыдущих видов модификации тем, что создается прокол для ношения каких-либо украшений и не несет таких серьезных масштабных повреждений на коже. Пирсинг использовали как способ отметить достижение, к примеру, матросы прокалывали ухо в знак пересечения экватора. К проколам ушей прибегали в основном женщины в эстетических целях. Мужские проколы ушей популяризируются в 80-х гг. XX в. – представителями культуры рэп. В последствии проколы стали делать в различных местах: уши, брови, язык, пупок и т. д.

Все вышеперечисленные виды телесных модификаций существуют и на данный момент, однако, татуирование и пирсинг пользуются большей популярностью в молодежной среде в отличие от шрамирования и клеймения. Различие в популярности определенных телесных модификаций заключается в болезненности проведения данной процедуры и возможными рисками.

Для любителей экспериментов над собственной внешностью существуют более впечатляющие способы изменения тела, например, имплантация. Имплантация – имплантация под кожу различных форм украшений, выполненных из титана, хирургической стали и других материалов. Древнейшие племена Америки и Африки прибегали к данному способу с целью охраны от злых духов, повышения привлекательности и усиления способности деторождения. Часто имплантацию комбинируют с разрезанием языка на две части. В наше время под кожу стали внедрять основание со штангой, на которую накручивается украшение. Такой способ модификации называется микродермалы и представляет собой синтез имплантации и пирсинга.

В современном обществе большое внимание уделяется красивому телу, поэтому феномен телесных модификаций развивается. Однако мало кто хочет настолько броско украшать свое тело, поэтому такой аспект медицины как пластическая хирургия, относящийся к телесным модификациям, привлекает все большее число людей из-за возможности создать идеального себя.

Привлекательность данного способа – в обезболивании с помощью медикаментов и имеет более естественный результат в отличие от шрамирования, татуирования или пирсинга.

Существуют и безоперационный способ изменения себя, однако эффект после такого способа спадает со временем. Таким способом является косметология. В отличие от пластической хирургии эффект после косметологических процедур длится некоторое время, когда после хирургического вмешательства эффект имеет постоянный характер.

Телесные модификации представляют собой желание человека сделать свое тело в рамках своего представления идеального. В древности нанесение на тело рисунка животного означало желание овладения способностями изображаемого существа, что поможет в исполнении своей социальной роли. В современности важным фактором является отношение общества к личности, что и побуждает сделать себя близким к общепринятому идеалу. При этом встречаются люди, готовые бросить вызов обществу, в чем и заключается основная цель телесных модификаций.

Вопросом грани между нормой украшения тела и девиантным отношением к телу задаются в своих работах М. Веллер, Г. Шурц, К. Брайант, У. Чеслинг и считают, что «...любые агрессивные телесные модификации, связанные с причинением боли, повреждением, разрушением тела или экстремальными его изменениями относятся к девиантному поведению, но при этом, человек, выбирающий самоповреждающее поведение, не причиняет вреда другим, а разрушает лишь самого себя, и у него есть на это право» [цит. по: 4, с. 299].

Таким образом, культура телесных модификаций имеет древнюю историю, с разноплановым функционалом. Сегодня существует множество способов изменить свою внешность в различных планах: продемонстрировать внутреннее «Я» или создавать идеальную внешность под давлением общественного мнения. Однако использование модификаций тела является, в большинстве случаев, элементом определенных субкультурных течений. Так, Ю. Ю. Шамаева считает, что «...стремление выделиться с одной стороны, оказывается стремлением быть «как все» с другой» [5, с. 1176]. Следовательно, можно считать, что сегодня телесные модификации могут означать стремление принадлежности кого-либо к определенной социальной группе, как это было в древности.

Примечания

1. Дорожкин А. С. Социально-культурные предпосылки возникновения феномена телесных модификаций // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 16. С. 238–244.
2. Дорожкин А. С. Телесные модификации: к вопросу терминологии // Искусство и культура. 2018. № 2. С. 77–80.
3. Дорожкин А. С. Феномен телесных модификаций: определение понятия и основные функции // Искусство и культура. 2017. № 2. С. 41–43.
4. Кунгурцева К. Телесные модификации молодежи в мультикультурном пространстве современного социума // Социальный активизм молодежи региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2014. С. 297–299.
5. Шамаева Ю. Ю. Украшения тела человека: функциональный анализ // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. № 11. С. 1176.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ

*Бросов А. С., соискатель кафедры
социологии СКФУ
Научный руководитель – Барсукова Т. И.,
профессор кафедры социологии СКФУ*

В работе проведен анализ основных аспектов темы социальных страхов работающих пенсионеров как социальной категории, выделены понятия, составляющие семантическое поле темы.

Ключевые слова: социальное самочувствие, работающие пенсионеры, социальные страхи, посттрудова адаптация пенсионеров.

Анализ проблемы, которую социолог намерен исследовать эмпирическими методами, начинается с описания проблемного поля темы, выделения его основных аспектов и понятий. Проблемное поле темы социальных страхов работающих пенсионеров с необходимостью включает такие стороны исследуемого явления, как понятие социального страха; его соотношение с понятием социального самочувствия; характеристику работающих пенсионеров как социальной категории и ее место в социально-слоевой структуре общества; виды социальных страхов исследуемого слоя пенсионеров; коммуникативные, профессиональные, семейные, дружеские, конфликтогенные детерминанты изучаемых страхов; социальное здоровье работающих пенсионеров и др.

Интерпретация понятий, используемых в проблемном поле темы социальных страхов работающих пенсионеров, предваряется контекстуальным анализом, который используется для изучения функциональной специфики слов и их значений посредством анализа текста (фрагмента текста, предложения), где использовано данное слово, а также анализа зависимости значения слова от этого контекста. Как показал авторский контекстуальный анализ семантического поля понятия «социальные страхи работающих пенсионеров», репрезентация темы связана с вопросами:

- статуса и места пожилых людей в структуре современного общества (Д. Г. Владимиров, И. А. Григорьева, О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль, Т. В. Смирнова) [1];
- социального самочувствия пожилых людей в современном обществе Р. Р. Абазокова, О. А. Асланова, Е. В. Щанина) [2];
- социальных страхов (Т. А. Булатова, М. В. Чуркина, В. Г. Немировский, А. В. Немировская) [3];
- социального самочувствия работающих пенсионеров (В. А. Бурко, Ж. В. Волкова, О. В. Николаева) [4];
- посттрудова адаптации пенсионеров (В. Н. Барсуков, Е. Е. Луцкая, С. Ю. Тумакова, А. А. Шабунова) [5];
- детерминант социальных страхов работающих пенсионеров (Т. И. Барсукова, Т. В. Дробышева) [6];

- активного старения (С. Н. Гагарина, И. А. Григорьева, Левкина В. Н., Д. В. Шмелева) [7];
- о причинах работы в пенсионном возрасте (В. В. Габрук, Т. В. Смирнова, М. В. Шлычкова) [8];
- видов социальных страхов (Л. В. Колпина, Т. В. Смирнова, Е. О. Смолева) [9];
- ценностей работающих пенсионеров, их мировоззрения (У. М. Асадулаева, М. М. Далгатов, О. В. Николаева) [10];
- социального здоровья работающих пенсионеров (В. Н. Барсуков, С. Ю. Елисеева А. В. Короленько, Н. А. Лебедева-Несевря) [11];

Итак, анализ показал, что понятийный аппарат темы социальных страхов работающих пенсионеров обширен и междисциплинарен.

Примечания

1. Владимир Д. Г. Старшее поколение как фактор экономического развития // СоцИс. Серия: Социологические исследования. 2004. №4. С. 57–60; Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и тендера // Женщина в российском обществе. Серия: Гендерная социология. 2018. № 1 (86). С. 5–18; Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Специфика группы пожилых как объекта социальной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 1. С. 84–100; Смирнова Т. В. Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. №1-1. С. 77–78.

2. Абазокова Р. Р. Социальное самочувствие пожилых людей в современном обществе // Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых: Перспектива-2019. Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, 2019. С. 71–74; Асланова О. А. Социальное самочувствие пожилых людей в современном информационном обществе // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 307–310; Щанина Е. В. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью. Материалы международной научно-практической конференции. Под общей редакцией З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2019. С. 755–760.

3. Немировский В. Г., Немировская А. В., Булатова Т. А. Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян // Вестник Института социологии. 2018. № 24. С. 95–114; Чуркина М. В. Социальные страхи современного российского общества // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 6. С. 268–274.

4. Бурко В. А., Волкова Ж. В. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 43–62; Николаева О. В. Пенсионеры в современных условиях: ценности и социальное самочувствие (на материалах конкретно-социологического исследования в г. Казани // Вестник Чувашского университета. 2001. № 2. С. 141–144.

5. Барсуков В. Н., Шабунюха А. А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 87–103; Луцкая Е. Е., Тумакова С. Ю. «Я, может, только жить начинаю»: пенсионеры Уфы о посттрудовой жизни. 2020. №1. С. 147–15; Тумакова С. Ю. Государственная и общественная поддержка посттрудовой адаптации российских пенсионеров // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 4. С. 91–95.

6. Барсукова Т. И., Бросов А. С. Социальные страхи коммуникативного характера в системе «молодые коллеги – работающий пенсионер» // Стратегии развития общества и социальная работа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Д.: Изд-во ЮФУ, 2020. С. 134–138; Дробышева Т. В. Факторы и механизмы экономической социализации личности в группах работающих и неработающих пенсионеров // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 115–129.

7. Григорьева И. А. Инвестирование в пожилых как часть политики активного старения // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2019. № 17. С. 13–20. Шмелева Д. В., Левкина В. Н., Гагарина С. Н. Детерминанты активного долголетия // Актуальные проблемы активного долголетия и качества жизни пожилых людей. Сборник научных трудов Второй региональной научно-практической конференции. Калуга: Изд-во Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 2020. С. 140–148.
8. Габрук В. В., Шлычкова М. В. Негативные геронтостереотипы населения и проблема социальной активизации пожилых людей // Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал). 2014. №5.
9. Колпина Л. В., Иванов С. В., Курдяев С. М., Щитикова О. Б. Эйджизм в восприятии пожилых людей и его влияние на социальное здоровье населения пожилого и старческого возраста // Вестник Всероссийского общества специалистов по медикосоциальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. Серия: Социология. 2015. № 4. С. 74–81; Смирнова Т. В. Профессиональные деструкции в пенсионном возрасте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. №1-1. С. 78–85; Смолева Е. О. Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-Западного федерального округа) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 351–368. Кошарная Г. Б., Щанина Е. В. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. серия: социология. 2019. Т.19. № 3. С. 481–494.
10. Асадулаева У. М., Далгатова М. М. Особенности ценностно-смысловой сферы личности работающих педагогов-пенсионеров // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2010. № 3 (12). С. 51–59;
11. Короленко А. В., Барсуков В. Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4. С. 643–657; Лебедева-Несевря Н. А., Елисеева С. Ю. Субъективные характеристики здоровья работающих пенсионеров в современной России // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений Материалы Международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. Вологда: Изд-во: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2018. С. 247–252.

ОБРАЗ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ванян К. Б., студент СКФУ
Научный руководитель – Волчинский А. В.,
старший преподаватель кафедры социологии СКФУ

В статье рассматривается образ правоохранительных органов в общественном смысле современных граждан России, отмечаются процессы и факторы его формирующие, а также раскрывается его влияние на государственную систему.

Ключевые слова: образ правоохранительных органов, государство, власть, политическая борьба.

Наиболее значимым основанием для легитимности и стабильности власти государственных органов и институтов является восприятие их людьми,

в первую очередь – граждан, на которых распространяется влияние данных институтов. Для России это актуально так же, как и для других стран, в особенности если мы говорим об образе правоохранительных органов в современной России [1, с. 30].

Следует отметить, что в большинстве стран институты по защите и охране правопорядка являются важным звеном в поддержании политической стабильности в государстве. Однако, обратившись к исторической хронологии развития политических и социальных событий в нашей стране, можно заметить, что опыт российской политической системы в данном случае является исключительным, так как силовые структуры и правоохранительные органы в частности стали важной опорой для современного правительства Российской Федерации после кризиса всех сфер жизни страны, прошедшего в 90-ых, который руководству страны удалось преодолеть только благодаря грамотному использованию большей части силовых ресурсов нашей страны.

Однако современная власть явно не до конца осознает, насколько важным является поддержание позитивного образа правоохранительных органов для устойчивости власти. Это видно хотя бы по тому, насколько мало ресурсов сегодня тратится на поддержание образа силовых структур, по сравнению с ресурсами, которые тратят на имиджевый маркетинг политические партии, а ведь образ правоохранительных органов нашей страны находится далеко не в лучшем своем состоянии и требует повышенного внимания, со стороны власти. Особенно это актуально сегодня, когда репрессивные функции правоохранительных органов часто выступают качестве инструмента политической борьбы.

Определенно во многих странах в нынешнее время и раньше были актуальны разного рода проявления контркультурной враждебности по отношению к правоохранительным органам. Между гражданским населением и людьми, наделенными определенной властью, всегда будут происходить некоторые конфронтации, это неизбежно. В России эта проблема появилась не в последнее десятилетие, так как еще в СССР существовала целая субкультура осужденных за преступления, которая себя противопоставляла всем правоохранительным органам союза, вышеупомянутые 90-ые годы с культивированием бандитского образа жизни тоже внесли свою лепту в данное явление. Однако в современной России враждебность к правоохранительным органам постепенно перетекает из контркультурной позиции в обычную гражданскую [2, с. 26].

Данное восприятие образа правоохранительных органов имеет несколько весьма значимых последствий, первое из которых уже было названо ранее – это потеря правоохранительными органами большой доли продуктивности, вследствие отсутствия расположенности по отношению к деятельности этих институтов со стороны населения. Так, из-за отрицательного образа правоохранительных органов связь социального взаимодействия между институтами, занимающимися правопорядком и гражданами постепенно теряется, граждане перестают доверять правоохранительным органам свои проблемы и отказываются помогать правоохранительным органам своими показаниями в случае возникновения подобной необходимости [3, с. 146].

Второе же последствие – это влияние отрицательного образа правоохранительных органов на самих сотрудников. Данное явление потенциальное, но совершенно точно неизбежное в случае максимального упадка образа правоохранительных органов. Когда сотрудники правоохранительных органов постепенно начнут осознавать, что плохое восприятие их гражданским населением является продуктом не только деятельности недобросовестных сотрудников, но и результатом непродуманных управленческих решений правительства страны, лояльность правоохранительных органов по отношению к власти, которую они поддерживают постепенно начнет иссякать, что может колоссально отразиться на политическом равновесии страны.

Если же говорить об основных причинах подобного положения образа правоохранительных органов, то, по нашему мнению, она достаточно проста и однозначна – это одностороннее раскрытие образа правоохранительных органов в медиа пространстве. Множество современных оппозиционных движений в России понимает, что правоохранительные органы – это главная опора легитимности современной власти и поэтому не упускает возможности в блогах своих деятелей, в подконтрольных СМИ и других средствах массовой информации раскрывать правоохранительные органы в качестве репрессивного инструмента политической «верхушки», от которых минимальная польза как от государственного института. В свою очередь со стороны лояльные к власти СМИ и деятелей и даже самих правоохранительных органов не поступает ответной реакции, никто из них не пытается улучшить образ последних, вследствие чего в медиа пространстве за ними постепенно закрепляется отрицательный образ.

Итак, из всего вышеуказанного в параграфе можно сделать вывод, что образ правоохранительных органов в современной России находится в довольно плохом состоянии. В нашей стране эта проблема не нова, так как еще в СССР существовала целая субкультура осужденных за преступления, которая себя противопоставляла всем правоохранительным органам союза и кризис 90-ых годов с культивированием бандитского образа жизни внесли свою лепту в данное явление. Однако в современной России, в основном вследствие односторонне-отрицательного раскрытия образа правоохранительных органов в медиапространстве, враждебность к правоохранительным органам постепенно перетекает из контркультурной позиции в обычную гражданскую, что уже начинает оказывать отрицательное влияние на социальную сферу жизни государства, а в последствии может сказаться и на политической.

Примечания

1. Розанова Н. Н. Механизм формирования имиджа и репутации органов государственного управления в массовом коммуникационном процессе // Век качества. 2009. №6. С.30–31.
2. Кузьмин С. И., Малетина Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2019. №1. С.21–28.
3. Шумилов А. Н. Результативность правоохранительной деятельности как следствие создания положительного социального образа // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №3. С.146–149.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ МЕКСИКАНСКИХ НАРКОКАРТЕЛЕЙ

Ванян К. Б., студент СКФУ
Научный руководитель – Симен-Северская О. В.,
доцент кафедры социологии СКФУ

В данной статье на примере экономического и идеологического принуждения мексиканских наркокартелей раскрывается сущность пагубность последствий той деятельности преступного сообщества, которая на первый взгляд оказывает в основном положительное влияние.

Ключевые слова: экономическое принуждение, идеологическое принуждение, мексиканские наркокартели.

Преступная деятельность в долгосрочной перспективе всегда оказывает отрицательное влияние на функционирование всего социального механизма, поэтому, даже когда мы видим поверхностно положительное влияние со стороны преступности, следует понимать, что в большинстве случаев это лишь один из способов правонарушителей достичь собственных целей, которые совершенно не совпадают с интересами социума. Однако большая часть общества редко использует «не поверхностные» способы анализа социальных процессов, вследствие чего преступное сообщество находит сторонников и среди обычных граждан, не переступавших закон, то есть тех, на ком в большей степени сказывается вся преступная деятельность, совершаемая в социуме. Именно поэтому данный феномен условно положительного влияния преступности на общество следует исследовать во всех формах его проявления, также пресекать вызываемый им процесс обеления преступности.

Одним из наиболее ярких примеров «положительного» влияния преступности является спонсирование граждан и негосударственных формирований мексиканскими наркокартелями, которое де-факто является идеологическим и экономическим принуждением. Являясь владельцами производства наркотических веществ, поставляющих свою продукцию по всей стране и за рубеж, а также занимая большую часть ресурсного сегмента экономики страны, главам картелей и их приближенным уже нет необходимости и выгоды повсеместно прибегать к силовому принуждению. Современные картели – это уже не просто разбойники с огнестрельным оружием, современные наркобароны – это жестокие, хитрые и расчётливые преступники, которые для достижения собственных целей готовы использовать разные способы: от жестоких расправ до официального лоббизма [1].

Богатство картелей и активизировавшееся за последние десятилетия давление со стороны государства привели к тому, что главам современных картелей выгодно подкупать не только высокопоставленных чиновников, но и рядовых граждан. Лидеры картелей поняли, что гражданская лояльность также является важным ресурсом и может оказать сильное содействие преступной деятельности организации. Так, идеологическое и экономическое принуждение населения стало одним из главных инструментов воздействия

на население со стороны наркокартелей, что позволяет им достигать одновременно нескольких целей, действуя при этом в рамках закона [2, с. 181].

Идеологическое и экономическое принуждение – тесно связанные сферы деятельности картелей, так как именно они являются главными источниками рекрутов для преступного формирования. Так, под экономическое принуждение попадает не только молодежь ищущая богатство, и нищие, ищущие любой способ заработать, но и те, кто попал под идеологическое принуждение и увидел в картеле способ преодоления социальных проблем и достижения общественной справедливости. Данная форма экономического принуждения функционирует в форме благотворительных акций. В большинстве случаев этот механизм работает одинаково: рядовые члены или кто-то из медиалиц картеля раздает людям из бедной части населения продуктовые и бытовые наборы, а затем в медиасфере распространяются заявления лидера картеля, в котором он выражает сочувствие этим людям и говорит, что наркокартель своей благотворительной акцией выполняет функции государства, не забываящего о своих гражданах.

Одним из недавних примеров является картель Синалоа, члены которого во время эпидемии коронавируса в стране раздавали бедным гражданам коробки с продуктами, на которых были изображены символы картеля и портрет его лидера Хоакина Гусман Лозера. Сам же Хоакин по прозвищу «Эль Чапо» передал через своего представителя речь, в которой было сказано: «Мне больно видеть, как картели делают то, что должно делать государство» [3].

Подобный незамысловатый алгоритм приводит к тому, что идеологическое принуждение, функционирующее на границе с экономическим, позволяет картелям удовлетворять сразу несколько интересов одновременно:

1) интерес в повышении уровня лояльности населения по отношению к деятельности картеля (благотворительность наиболее примитивная и одновременно действенная форма получения доверия: она поднимает уровень лояльности среди гражданского, в большей степени бедного, наиболее мобильного, населения);

2) интерес в понижении уровня лояльности населения по отношению к деятельности государства: все высказывания лидеров картелей всегда содержат в себе критику государств и на фоне благотворительной акции картеля оказывают осязаемое влияние на социум, а вместе с этим – весомое деструктивное влияние на образ государственного аппарата в общественном смысле;

3) наиболее значимый в рамках данной работы – интерес в рекрутах: в ряды членов наркокартеля начинает вступать не только молодежь, желающая роскоши среди разрухи, но и люди, ошибочно принявшие наркокартель за общественно полезную организацию с благими целями. Так, попав в организацию, рекрут может понять, что ошибался и картель преследует далекие от социального благополучия цели. Он не может выйти из него из-за того, что попадает под экономическое принуждение и находится в сильной материальной зависимости от преступного формирования.

Это показывает, что мексиканские картели используют не только экономически неблагоприятные условия в стране, для осуществления не только экономического принуждения новых членов в свои ряды, но и идеологического,

которое на первый взгляд выглядит лишь как переманивание населения на свою сторону. Так, данный вид экономического принуждения, используемого мексиканскими наркокартелями, позволяет констатировать действительно существующую пагубность преступной добродетели, которая может заключаться и в благотворительности.

Примечания

1. Состояние современных мексиканских наркокартелей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2019/05/29/cartels_2/

2. Коробеев А. И., Лобач Д. В. Мексиканская организованная наркопреступность в XXI веке: состояние, структура, тенденции развития // Всероссийский криминологический журнал. 2014. №2. С. 177-185.

3. Благотворительность наркокартеля Синалоа в период пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russpain.com/news/mir-i-mid/la-vanguardia-ispaniya-shhedryj-meksikanskij-narkotorgovec-i-pandemiya/>

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ

Василенко А. В., студентка ФГБОУ ВО «ИГУ»
Научный руководитель – Шаламов В. А.,
доцент кафедры истории ИГУ

Экологическая осведомлённость заключается в понимании хрупкости окружающей среды и важности её защиты. Поощрение экологического воспитания должно являться одним из наиболее приоритетных направлений в современной образовательной деятельности.

Ключевые слова: экологическое воспитание, экология, экологическое просвещение, энвайронментализм.

Природная катастрофа на Камчатке, произошедшая в октябре 2020 года, продемонстрировала, что общество не позволило остаться этой проблеме незамеченной. Благодаря информационному резонансу, люди чётко определили, что данное происшествие нанесло непоправимый ущерб окружающей среде. Это даёт основание полагать – люди осознают, что забота о собственной природе – это их собственная забота. Однако для того, чтобы у человека присутствовало субъектно-этическое отношение к природе, которое предполагает установку именно субъективного взгляда в отношении окружающей среды как ценности [3, с. 104], необходимо наличие активного экологического просвещения, при чём, с детского возраста. Итак, рассмотрим каким образом экологическое воспитание влияет на формирование осознанности и этического отношения к природе у человека.

Для начала, чтобы определить, что включает в себя понятие «экология» в наши дни, необходимо также установить значение слова энвайронментализм (англ. environmentalism). Это социальное экологическое движение, распространившееся в XX веке в европейских странах, направленное на усиление мер по защите окружающей среды. Эта идеология вызывает необходимость и ответственность у людей уважать, защищать и сохранять природный мир от антропогенных (вызванных человеком) бедствий. Экологическая осведомлённость является неотъемлемой частью успеха этого движения [7]. На Западе термин «environmental» (от англ. environment – «окружающая среда») лексически соотносится с понятием «экологический» в русском языке, что также является показателем того, что в нашем понимании, данные языковые единицы несут один и тот же смысл. В Оксфордском учебном словаре слову «environmental» даётся определение: «связанное с природными условиями, в которых живут люди, животные и растения; связанное с окружающей средой» [6]. В свою очередь, «ecological» означает: «связанное с отношением растений и живых существ друг к другу и их взаимодействие с окружающей средой» [5]. Важно отметить, что изначально термин «экология» (англ. ecology), введённый немецким биологом Эрнстом Геккелем, означает конкретную научную область – это наука о взаимодействиях живых организмов между собой с их средой обитания [4]. Поэтому, если в русском языке термин «экология», в целом, является общим для описания природы, и происходящих в ней процессов, то в иных языках это понятие разделяют на «ecological» (относящееся к науке) и «environmental» (то, что связано с взаимодействием человека с окружающей средой). В нашем языке слово «энвайронментализм» почти не известно в употреблении повседневной речи, поэтому вышеприведённые термины, по сути, не разграничиваются с точки зрения лексики. Поэтому это создаёт ряд проблем к способам изучения вопросов, связанных с природой или экологией.

Грамотный подход и опыт в воспитании экологического мышления и, как следствие, развития экологической культуры, демонстрируют страны Северной Европы, такие как Швеция, Норвегия и Финляндия. Опыт Швеции является наиболее известным в мировой практике. Одно из главных преимуществ деятельности этого государства в области пропаганды экологического мышления и образования – это акцентирование внимания на данные аспекты деятельности, начиная с детского возраста. Важно прививать ребёнку чувство высокой ответственности, в том числе, перед природой, с раннего возраста. И такая ответственность в отношении окружающей среды приходит с практикой [2]. Как итог, на практике, шведский ребёнок умеет правильно утилизировать бытовой мусор, так как процесс грамотной утилизации демонстрируется детям преподавателями в детских садах, чаще всего в виде обучающих игр. Также важным элементом экологической культуры является отношение к природе – оно всегда имеет эмоциональную окраску, оно субъективно и выражается в практических действиях, поступках [3, с. 103]. Детские психологи обращают внимание на значение эмоций в развитии детей. Необходимо, чтобы нравственные представления были понятны детям и вызывали положительный эмоциональный отклик на их обязанности, в частности, по отношению к природе. Также формирование положительного образа у ребёнка связано с

правильным поведением взрослых. Доброжелательная деятельность к окружающей среде, исходящая от них, становится одним из факторов развития в поведении ребёнка этического обращения к природе [3, с. 107].

Преимущество в сфере экологического просвещения в Швеции среди детей дошкольного и школьного возрастов заключается в том, что оно активно ведётся не только в специальных организациях, отвечающих за вопросы экологии (в том числе в государственных природных заповедниках, заказниках, национальных парках), но также в государственных учреждениях на многих уровнях (детские сады, младшие школы, средние школы, старшие школы и т.д.). Так, благодаря внутренней государственной политике Швеции в эколого-просветительской деятельности, многие правительственные учреждения уделяют достаточно много внимания детским программам о защите окружающей среды. Например, шведское центральное телевидение создаёт специальные анимационные передачи для детей, которые помогают формировать у них определённые правила поведения, с помощью демонстрации бережного отношения к природе.

Важно отметить, что Швеция ориентирована на открытую модель экологического воспитания. Фактор «общности» экопросвещения, который присутствует в этой модели, заставляет государственные органы и предприятия, а также само население, принимать активное участие в деятельности учебных заведений всех уровней. Поэтому система образования в сфере экологии имеет перманентный характер: семья – детский сад – школа – университет – профессиональная деятельность [1]. Благодаря такой схеме, человек уже с детства оказывается вовлечённым, социально-ориентированным и образованным в вопросах экологичной жизни.

Таким образом, большое влияние на процесс укрепления в жизни общества экологического сознания, как итога просвещения в области экологии, оказывает внутренняя государственная политика стран. Соответственно, когда экологическое просвещение является одним из приоритетов государства и имеет поддержку со стороны правительства, то это находит отражение и в социальных процессах, взаимодействии людей с их окружающей средой. Пример Швеции демонстрирует нам необходимость наличия экологического образования не только в высших учебных заведениях, научных институтах или колледжах, но и в дошкольном и школьном образованиях.

Примечания

1. Воспитание экологической культуры. cyberleninka.ru / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-ekologicheskoy-kultury-detey-i-molodezhi-v-finlyandii-i-shvetsii/viewer>
2. Как воспитать в ребёнке экологическое мышление? Ломоносовская школа / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://mel.fm/blog/uchenik-lomonosovets/36519-kak-vospitat-v-rebenke-ekologicheskoye-myshleniye>
3. Николаева С. Н. Теория и методика экологического образования детей: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: изд. центр «Академия», 2002. 336 с.
4. Экология. Толковый словарь Ожегова / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36129>
5. Ecological adjective – Definition, pictures, pronunciation. Oxford Learner's Dictionary / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/?q=ecological>

6. Environmental adjective – Definition, pictures, pronunciation. Oxford Learner's Dictionary / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/environmental

7. Environmental Awareness | Educate Yourself and Those around / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.pachamama.org/environmental-awareness>

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС МЕЖПОКОЛЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Васькина А. В., аспирант СКФУ,
Сергодеева Е. А., профессор кафедры философии

В работе определяется, что социокультурный статус – это мера гармонии во взаимоотношениях природы, человека, общества, выявляются основные способы межпоколенной коммуникации, утверждается значимая роль межпоколенной коммуникации.

Ключевые слова: социокультурный статус, социокультурный подход, взаимоотношения, поколение, общество, поколенческие группы, культуры.

Актуальным в конце XX века является укрощение социальной активности, постоянная экспертиза социальных проектов на предмет нанесения вреда жизни природы, человеческого рода и конкретного человека. Если тот или иной социальный проект предполагает опасность для нормального существования хотя бы одного человека, ущемлению жизни природы, его не следует реализовывать.

Социокультурный подход сегодня общедоступный жанр социологии. При этом, замечает Ж. Т. Тощенко, злоупотребление тезисом «социокультурный» зачастую ведет к стиранию граней «между научным знанием и любым нарративом (социокультурным разговором об обществе)» [1, с. 53-59]. Это ставит вопрос, замечает он, о потере критериев научности, когда понятием «социокультурный» замещается все многообразие происходящих в обществе процессов. На этом фоне работы А. С. Ахиезера и Н. И. Лапина выделяются строгостью определения исходных методологических предпосылок и тщательностью обоснования используемых понятий, что определяет их рассмотрение в качестве образцов социокультурного подхода.

Культуры, в которых человек не горазд с помощью социально выработанных средств противостоять природным, стихийным явлениям, а также катаклизмам, схваткам группировок людей, с человеческими жертвами, с потрясениями, революциями, смятением, раскалывающими общество, подвергать насилию, деградации личности и общества в целом, нуждающегося в социализации. Культуры, в которых социально-изоциренные потребности преобладают над потребностью воспроизводства цельного человека, наро-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260 «Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики».

да, человеческого рода, вынуждены ограничивать рост социального и его воздействие на природное и человеческое [1, с. 53].

Критерием развитости социального предназначается его способность обслуживать, оказать поддержку жизни на планете: природы, народов, человечества, жизнь человека.

Социокультурный подход нацелен на отыскание пределов во взаимодействии природы, человечества и насущно действующего общества. Оттого речь должна идти о рассуждении плодотворности инициативы личности нацеленной на воспроизводство жизни человека, общества, человечества. Критерий, социокультурной эффективности конкретизирует понятие социокультурного статуса индивидуальности того или иного субъекта деятельности, а, соответственно, и оценку их социально-структурных компонентов – социальных групп или реального отдельно взятого человека.

По определению Н. И. Лапина, социокультурный подход – понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых деятельностью человека [3, с. 4-6]. Поэтому любое представление общества и культуры рассматривается как осуществление социокультурного подхода. Признание значительной взаимосвязи социального и культурного рассматривается как маркер социокультурного подхода. Широко распространенное употребление термина «социокультурный» обладает определенным познавательным эффектом. Оно вырабатывает специфическую методологическую установку, для осуществления которой при толковании явлений совокупно используются как средства понятия общества и культуры, социального и культурного. В этой ситуации можно размышлять об интуитивном использовании социокультурного подхода.

В целом позволительно сказать, что в социологии социокультурный подход не разрабатывается, а концептуальный интерес к нему незначителен. Исключением являются социологически ориентированные разработки известного российского философа Н. И. Лапина [3, с.12]. В его интерпретации социокультурный подход опирается на принципы активности человека, равновесия и взаимопроникновения социального и культурного, совместимости социальности и поведения личности, обратимости социальных и необратимости социокультурных процессов

В Российской Федерации за последние несколько лет последовали основательные изменения в ценностно-нормативной сфере. Преимущественно актуальными проблемами в интересах большинства членов социума и оказывающими на процесс вхождения в общество молодого поколения существенное влияние являются проблемы выживания. Они размывают его ценностные ориентации, усиливают кризис духовного мира юношества и недоверие к социальным институтам. В последнее время становится необходимым исследование причин поведенческих реакций молодых людей и их особенностей, а также прогнозирование возможных путей коррекции процесса социализации молодежи [1, с. 65]. Данная необходимость обосновывается увеличением количества форм девиантного поведения современного российского молодого поколения, а также вызванного ухудшением психофизиологического здоровья молодых людей и демографической ситуацией в стране повышением уровня преступности, проституции и наркомании. Все эти

процессы, происходящие в обществе, характеризуют социокультурную ситуацию не с лучшей стороны. Социальная идентичность, образ и стиль жизни, позиция, статус – это те социокультурные основания, по которым происходит расслоение общества, тенденция к которому становится все более заметной [3, с. 15]. Традиционные отношения человека с социальной, природной и культурной средой были разрушены насильственной политикой XX в., массовой миграцией, социально-экономическими изменениями. Это привело к надрыву связи между человеком и обществом, человеком и природой, человеком и культурой. Прогрессирует агрессивность по отношению к противоположному мировоззрению, прочим ценностным ориентациям, к представителям других национальностей и вероисповеданий усугубляет экстремизм в политической и общественной жизни. Все это приближает культуру к самочувствию аномии, под которым в социологии понимается отсутствие нормы. Это подтверждается постепенной утратой культурой своей регулятивной функции, функции духовного и нравственного самоопределения человека, утерей таких ценностей, как милосердие, взаимовыручка, сострадание, любовь к своему краю и народу. Из сказанного следует вывод, что ценности и нормы, являющиеся духовным ядром российской культуры, в наши дни противоречивы и расплывчивы. В последние годы общественное сознание все больше отдаляется от духовных ценностей и ориентируется на ценности материального благополучия. По данным исследований Российского Института искусствознания, материальное благополучие является главной целью жизни значительной части россиян [3, с. 8-10].

Молодые люди, осознавая себя представителями общества и культуры, должны научиться критически осмысливать и анализировать информацию, преподносимую средствами массовой коммуникации. Тем не менее, новые средства массовой коммуникации такие как электронные журналы, газеты, радиотелевидение, потоковое видео, блогосфера, обнаруживаются значимыми инструментами формирования общественного сознания молодежи. Посредством своей активности, яркости, изменяемости, информационной насыщенности и свободе действий виртуальная среда притягивает молодежь и погружает ее в созданный компьютерами и телекоммуникациями мир. Результатом развития медиасреды стало развитие у молодежи «клипового» мышления, особенностью которого является оперирование мозаичными образами, созданными за него средствами массовой коммуникации. Необходимость такого мышления обуславливается востребованностью в виртуальной среде в специфических приемах общения, заключающихся в обмене короткими текстовыми или медиасообщениями, не требующими тщательного осмысления [2, с. 9-18]. Неограниченность виртуальных контактов ведет к негативным последствиям: информационным перегрузкам, психоэмоциональному напряжению и проблемам коммуникации, вызванным непониманием и неприятием индивидуальных особенностей других людей.

Анализируя сказанное, можно сделать вывод, что молодое поколение действительно отстает от старшего по включенности в морально-нравственный отрывок жизни общества, относясь ко многим вещам несколько легкомысленно. Однако значимость традиционных ценностей все же осознается определенной частью молодых людей, которая демонстрирует достаточно

высокий морально-нравственный уровень. Об этом обоснованно свидетельствуют социологические исследования, направленные на выяснение наиболее значимых качеств, присущих людям. По данным исследований, молодежь ценит в людях, прежде всего, ум, целеустремленность, уверенность в себе. Кроме этого, безупречный образ человека должен быть расширен такими качествами, как доброта, отзывчивость и чувство юмора [2, с. 65]. Посреди непреложных запретов – насилие над детьми, жестокое обращение с животными, измена Отечеству. Следовательно, пессимистичные прогнозы духовного разрушения российской молодежи совпадают с действительностью лишь отчасти, а морально-нравственное состояние молодежи, которым обеспокоено общество, характеризуется не отчуждением от корней и традиций, а необходимостью решения социокультурных проблем, существующих в нашей стране.

Примечания

1. Анникова В. А. Общественное мнение как фактор формирования массового политического сознания // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2007. №4. С. 53-65.
2. Бурдые Пьер. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. 288 с.
3. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры // Социологические исследования. № 7. 2000. С. 3-12.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЮЖНО-РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ¹

Воденко К. В., д.ф.н., профессор ЮРГПУ(НПИ)
Дегтярев А. К., д.ф.н., профессор ЮРГПУ(НПИ)

В статье анализируется роль исторической памяти в контексте этнополитических отношений в южно-российском регионе. Отмечается, что в южно-российском регионе очевидным является тренд актуализации исторической памяти как социального ресурса. Делается вывод о том, что этнополитические отношения в южно-российском регионе имеют позитивный потенциал при условии их адекватного определения в системе политика региональных отношений, а также в том влиянии, которое может сопровождаться поддержкой интеграционных процессов и переводом этнокультурной проблематики в режим социокультурного развития.

Ключевые слова: историческая память, этнополитические отношения, регион, южно-российский регион.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

В изучении проблематики исторической памяти на региональном уровне важно подчеркнуть, что предметное поле исторической памяти определяется социокультурным контекстом регионального пространства. В связи с этим в ее понимании можно выделить две традиции: первая рассматривает историческую память как основу культурного наследия влияющее на общественное настроение в интерпретации оценки исторических событий и факторов. Вторая связано с пониманием как социального ресурса, способствующего или ограничивающего социокультурное развитие регионального пространства [1].

На наш взгляд южно-российский регион как сложно этнические неоднородное пространство актуализирует интерактивность ресурсного подхода. Казалось бы, наиболее конструктивным является отношение к исторической памяти как к культурному наследию. К тому что ориентирует на историческую память как культурно-символический код, в котором воспроизводятся мифологемы образы прошлого.

Тем не менее в южно-российском регионе очевидным является тренд актуализации исторической памяти как социального ресурса. К такому выводу приводят следующие факторы: во-первых, историческая память в массовом сознании населения региона характеризуется насыщенностью социальной, а некультурно-антропологической мифологии тем что «прошлое» воспринимается в контексте оценок настоящего, тем что сфокусированность на основных исторических событиях и фактах определяется социально-статусными и институциональными. Во-вторых историческая память как явствует в социальной практике, доминирующей в регионе является культурно-символическим ресурсом, используемым для конвертации во властный и экономический капитал.

Этнополитические отношения южно-российском региональном пространстве «особенно в том, что проявляется тенденция спада влияния этнополитического фактора на региональную жизнь. По сравнению с периодом парадов суверенитетов и ревизии памяти 90е гг. XX века, что создавала центробежные тенденции в развитии российского государства, в настоящий период возникла новая конфигурация этнополитических отношений, характеризуемая благоприятной институциональной средой для регулирования и планирования этнополитических отношений. В рамках формирования властных институтов в южно-российском регионе создано условие, направленные на сохранении исторической памяти через трансформацию ценностной матрицы россиян [2].

Это выражается в том, что дискурс об национальных отношениях в региональном пространстве активизируется на двух уровнях. На уровне теоретического осмысления речь идет о перспективах формирования в России государственно-гражданской идентичности, определяющий логику формирования российско-политической нации.

На социально-практическом уровне, связаны с процессами социальной консолидации этнополитические отношения интерпретируются в качестве ресурсной составляющей регионального развития в целом. Речь идет о том, что в рамках упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа России. Этнополитические отношения как взаимосвязи между этнонациональными группами населяющими южно-российский регион относительно статусных позиций в политическом поле региона, ориентированы на достижения дискурса согласия сотрудничества мира.

Другое дело, что в условиях, когда этнополитический фактор может использоваться, как инструмент перевода социальной конфликтности в этническую есть трудности, связанные, во-первых, с тем в официальном дискурсе проявляется тенденция к конструированию казачьего фактора.

В недавнем прошлом это было связано с тем, что в условиях запущенной политики этнонациональной компенсации некоторые лидеры казачьего движения нацеливались на провозглашение казачества этнонации апеллируя к конструкту этничности, происхождения, культуры языка и истории казачества. Противоположная тенденция была внешне связана с сохранением целостности российского государства с тем, что казачество – это особое сословие, предназначенные которого состоит в миссии присутствия российского государства и русского народа в южно-российском регионе.

Однако, «противоположности» смыкались в том, что южно-российский регион является «казачьим краем» и отсюда возникала проблема статуса коренного народа, с соответствующими политическими и социальными предпочтениями, а в радикальном варианте с реализацией принципа квотности. На наш взгляд казачий фактор в новой социальной культурной реальности является этнополитическим в той мере, в какой казачество как социокультурная субгруппа русского народа нацелена на выполнение двуединой задачи, заявленной выше.

Конкретизируя это положение можно говорить о том, что принятый закон о казачестве не только подвел определенную черту под периодом анархизма и конфликтности между казачеством и властными институтами и региона. Сформировал рамки участия казачества общегосударственных и региональных делах, но и наметив перемены в этнополитических отношениях в южно-российском регионе.

Во-первых, можно говорить о том, что принятый закон о казачестве является модальным для регулирования этнополитических отношений в регионе, так как ясно маркирует различия между этнополитическими и социальными отношениями, тем что следует учитывать параметры социальных отношений как, связанных с групповыми и общими интересами населения региона. И анализировать состояния этнополитических отношений основываясь на двух факторах факторе государственно-национальной политики и сложившейся композиции этнополитических отношений, связанных с деятельностью общественных движений, ориентированных на этническую активность и массовых настроений, отражающих диапазон этнополитических отношений.

Характеры этнополитических отношений определяется, таким образом, эффективностью реализации национальной политики и ее пониманием и оценкой степени удовлетворенности этнополитическими отношениями в региональном пространстве. В этом контексте историческая память приобретает характер коллективного представления об исторических событиях и факторах, влиявших и влияющих с одной стороны на социальное самочувствие населения, с другой на восприятие представителей других этнонациональных групп, населяющих регион.

Можно считать, что историческая память связывается с ее ролью как социального ресурса, поскольку на наш взгляд ее интерпретации связаны с актуальностью с тем, что можно определить, как проблемная ситуация, включающая

социальное ожидание населения региона и реальная сфера социального влияния. Это подтверждается тем межэтнические отношения приобретают этнополитическую направленность если речь идет о дефиците или избыточности властных и экономических ресурсов.

Очевидно, что уже упомянутый казачий фактор актуализируется как этнополитическим в рамках «нереестровых» казачьих движений, считающих себя обделенными в отношениях с властными структурами по поводу властных и финансовых ресурсов. Однако следует учитывать, что в большей степени акцент на этнополитичность стимулируется самими властными институтами, если задействован механизм перевода социальной конфликтности в этнокультурную. Это проявляется в том, что место анализа и оценки возникающих в социальных конфликтах применяется схема заворожённости или замещения.

Известно, что социальная напряженность порождается земельным вопросом отношениями в сфере малого и среднего бизнеса, неустроенностью муниципального управления. И в этом смысле речь должна иметь о деэтнизации о том что б реализовался принцип равных возможностей, в которых факторы этничности являются нейтральными, а также блокирование в массовом сознании социокультурного синдрома этнической «эксклюзии», которая характеризуется воспроизводством старых и конструированием новых этнонациональных « межэтнических обид».

Конкретизируя эти положения следует подчеркнуть несмотря на принятие схемы российского патриотизма и гражданского воспитания в регулировании этнонациональных отношений сложность состоит в том, что группы ориентированы на этнический бизнес стремятся для упрочения и роста собственного статуса институциональной системе регионального пространства, стремиться стать из этноса в себе в этнос для себя. В основе таких устремлений можно найти общий знаменатель о том, что актуализируется феномен исторической памяти и, к сожалению, не в ключи позитивной мобилизации этнических групп, а интерпарирование в региональное пространство схем этнополитического префарисаизма.

Очевидно, что этнические группы в зависимости от претензий на статус коренного народа в той или иной степени воспринимают факторы этничности как способ стать политическим субъектом. В этом смысле в современных условиях регионального пространства в рамках административно-правового регулирования, можно только определить границы недопустимости в этнополитических отношениях того что можно охарактеризовать как посягательства на территориальную целостность, безопасность и нарушения гражданских прав.

Вероятно, значимым моментом является диалог власти и гражданского общества в виде общественных ассоциаций групп, где этический акцент становится связанным с социальными вопросами, с социальным самочувствием населения региона. Это означает, что историческая память является по существу условием наработки позитивного социального опыта, когда действует отбор исторических событий и фактов, основанных на системном виденье «прошлого» и его влияния на настоящее.

Коллизии меж этнических отношений 90 гг. XX века показали ,что в действиях российского правящего класса в этот период вопросы исторической памяти связывались с десоветизацией и декоммунизацией, ну был совершен

промах, связанный с незнанием непреднамеренного эффекта этносерепаратизма с тем что набирающий силу и авторитет этнонациональные движения намерены не работать в связке с федеральной властью для реформирования российского общества, а нацелены на принятие формулы суверенитета внутри России, что по существу означало конфедерализацию страны, слабое правительство и сильные этнополитические структуры.

Ж. Т. Тощенко в очерках об этнократии не утративших актуальность и в нынешней ситуации подчеркивает, что факторы исторической памяти, которые трактуются в этнократии как пространство развития этнической идентичности культуры в реальности является «троянским конем» на пути развития российского государства [3]. Во-первых, к аргументам исторической памяти прибегают для создания собственных этнократических версий прошлого настоящего и будущего региона. Это выражается в том, что этнократические интеллигенции воспроизводят старые мифы об угнетении и агрессии со стороны российского государства и новые, нацеленные на инвективы в адрес российского государства и русского народа как «зла», ставящего этнические группы в выбор между ассимиляцией (русификации) и поиском форм резистентности сопротивления в диапазоне от стратегии поддержки этнокультурного развития до организации протестного движения.

Разумеется между крайностями есть значимое развитие ну когда общей целью является стремление под видом этнонационального возрождения создания собственного культурно-политической автономии сделать возможным вариант этнотерриториальной дисперсности, важно принимать во внимание , что претензией на этнокультурное права имеют основу в доступе к социальным ресурсам и в той же степени фактор исторической памяти является социально актуализированным: в зависимости от контента речь идет желании повысить социальный статус этнической группы через этнокультурные слои.

Политика в сфере межэтнических отношений в южно-российском регионе основывается на интегрирование этнических групп, реализации схемы совместного проживания и участия и удовлетворения этнокультурных потребностей как право на этическую идентичность. Но если сложность в том, что право на этическую идентичность интерпретируется структурами этнического бизнеса как добывающихся социальных и политических привилегий для формирования этнополитических отношений асимметричного типа. Речь идет о том что следует различать возможности малым этническим группам для политического квотирования и недопустимые компромиссы с точки зрения интеграции безопасности на региональном пространстве связанные с переводом этнокультурных потребностей и соответственно право на этическую идентичность в режим политических привилегий нарушающих принцип правового равенства и имеющий последствие возникновение новых форм социальной отчужденности и социального обособления в сфере межэтнических отношений.

Таким образом, этнополитические отношения в южно-российском регионе имеют позитивный потенциал при условии их адекватного определения в системе политика региональных отношений, а также в том влиянии, которое может сопровождаться поддержкой интеграционных процессов и переводом этнокультурной проблематики в режим социокультурного развития. Очевид-

но, что для регионального пространства это замечание относится к российским регионам без исключения. Зарубежный опыт политкорректности, мультикультуралитзма и толерантности является неоднозначным, что воспринимая опыт развития этнических групп на локальном уровне. Нельзя поощрять конфликтогенную конкуренцию как сопровождающую этнополитические отношения в региональном пространстве.

Примечания

1. Воденко К. В. Теория и методология исследования роли ресурса исторической памяти в формировании социально-инвестиционной модели регионального развития // Гуманитарий Юга России. 2000. № 2. С. 258-267.
2. Волков Ю. Г., Дегтярев А. К., Воденко К. В. Ценностная политика в контексте совершенствования межнациональных отношений на региональном уровне // Гуманитарий Юга России. 2017. № 4. С. 14-24.
3. Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: Росспэн, 2003. 432 с.

ОБЩЕНИЕ В ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: КОММУНИАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Волобуев С. С., аспирант СКФУ

В статье рассмотрены социально-психологические аспекты общения в виртуальных социальных сетях. Приведена социально-технографическая сегментация акторов в виртуальных социальных сетях.

Ключевые слова: виртуальная психология, интернет-аддикция, виртуальные социальные сети.

Виртуальные социальные сети все больше проникают во все аспекты нашей жизни. Виртуальные социальные сети не только отражают и переносят в виртуальный мир многие сферы жизни общества, но и оказывают влияние на социально-психологические аспекты жизни человека. В некоторых случаях общение в виртуальных социальных сетях даже может заменять живое общение.

Данное влияние изучает относительно новое направление в психологии «виртуальная психология». Виртуальная психология – это направление в психологии, изучающее взаимосвязи психологических феноменов и область деятельности, в которой взаимодействие объектов опосредованно электронными носителями информации [1, с. 33]. В данном направлении изучаются следующие вопросы:

- психологические характеристики человека в виртуальном пространстве;
- установки людей в процессе общения в виртуальных социальных сетях;
- поведение человека на стыке психологии, социологии и философии в виртуальном мире.

Виртуальные социальные сети были призваны для того, чтобы сделать коммуникацию между членами общества более доступной и комфортной. И действительно, благодаря интернету перед пользователями открывается целый ряд возможностей:

1. Общение вне физического присутствия. Эта возможность существовала и ранее благодаря другим каналам коммуникации, однако виртуальные социальные сети вывели общение на новый уровень. Так, например, у пользователей есть возможность группового общения по видеосвязи в режиме реального времени.

2. Возможность расширения круга общения до бесконечности. Виртуальные социальные сети не имеют ограничений по числу контактов. Так, например, популярные в обществе люди, могут поделиться своей позицией о каком-либо событии одним сообщением в социальной сети и оно получит широкую огласку в ту же минуту. Подтверждением тому является привычка уже бывшего президента США Дональда Трампа реагировать на события в мире резкими высказываниями в социальной сети «twitter».

3. Возможность найти свой круг общения для людей, которые имеют проблемы с коммуникацией в реальной жизни. Это происходит благодаря тому, что в виртуальных социальных сетях отсутствуют некоторые барьеры, и представлено много информации о собеседнике, что позволяет даже без предварительного знакомства с ним понять его интересы;

4. Возможность расширить социальные связи по интересам, завести новые знакомства. Это ведет к образованию большого числа слабых социальных связей.

Но есть и негативные последствия использования виртуальных социальных сетей. Так, например, некоторые люди все больше времени проводят в интернете, в ущерб реальной жизни.

В последнее время в обиход широко вошло понятие Интернет-аддикция т.е. зависимость от Интернет, общение в котором целиком затягивает пользователя, не оставляя ему времени ни на что другое. Если подходить к этому понятию со строго медицинской точки зрения, то представляется достаточно спорным т. к. не вполне ясны критерии отличия от других зависимостей и обычно оно не признается патологической формой зависимости, а также не оно не представлено в официальных перечнях заболеваний. Если принимать Интернет-аддикцию как крайность в коммуникативном общении, то следует признать, что данная крайность способствует негативным личностным трансформациям [2, с. 58]. Возможно виртуальное общение, создает иллюзию красивой и легкой жизни без больших усилий, что может вести к уходу от серой и сложной реальности.

В значительной степени она проявляется в бегстве в виртуальную реальность людей с низкой самооценкой, тревожных, склонных к депрессии, ощущающих свою незащищенность, одиноких или не понятых близкими, тяготящихся своей работой, учебой или социальным окружением. Наблюдается тенденция, когда молодой человек постепенно уходит из социума [3, с. 130]. И в данном случае виртуальные социальные сети могут лишь усугубить имеющиеся у человека проблемы с социализацией.

По мнению некоторых психологов виртуальные социальные сети носят разъединяющий характер, так как человеку нет необходимости вступать

в контакт с кем-либо. Может сложиться такая ситуация, что в виртуальной социальной сети может быть очень много подписчиков, но коммуникация с ними носит поверхностный характер, что оставит впоследствии лишь ощущение пустоты. Это происходит еще и потому, что в общении человек себя проявляет как личность, которой он не всегда является, но хотел быть. Так, большинство пользователей пытается на личных фото показать уровень жизни выше, чем это есть на самом деле.

Так, пилотажное исследование, проведенное в ПИ им. Белинского ПГУ выявило, что несмотря на то, что общаться «вживую» предпочитают 80% респондентов, в Интернете проводят ежедневно от двух до четырнадцати часов 98% студентов. Студентам, участвующим в исследовании, было предложено провести день без компьютера и других гаджетов с восьми утра и до восьми вечера. На такой эксперимент решились только 40 девушек. Анализ отчетов студентов выявил: считают себя независимыми от современных средств связи 40% респондентов; «зависимым незначительно» – 40%; «сильно зависимым» – 20%. Прервали эксперимент 4 человека [4, с. 48].

Все респонденты отмечали, что чувствовали раздражительность, тревогу, агрессию, дискомфорт в течение дня или периодически. Это говорит о серьезной привязанности молодого поколения к виртуальным социальным сетям.

Другим негативным фактором может выступать развитие примитивного нарциссизма, человек начинает уделять большое внимание своей внешности, проявлять хвастовство даже мельчайшими достижениями. Стремиться получить как можно больше лайков, что является аналогом социального одобрения.

Так как виртуальные социальные сети представляют собой целый виртуальный мир, в них тоже сформировались свои социально-психологические особенности поведения людей. Павел Андреевич Лебедев и Светлана Игоревна Петухова в своей работе предложили следующую социально-технографическую сегментацию: [5, с. 102].

1. «Создатели» (Creators). Главной характеристикой является деятельность, направленная на создание и публикацию контента. 1. Ведут интернет-дневник (блог). 2. Пишут и выкладывают в сеть статьи, обзоры, рецензии. 3. Выкладывают в сеть свое видео. 4. Выкладывают в сеть музыку или аудио своего сочинения.

2. «Критики» (Critics). Отличительной характеристикой является деятельность, направленная на выражение своего отношения к уже созданному и опубликованному в сети. 1. Пользуются форумами. 2. Высказывают свое мнение на специальных тематических площадках для обсуждения: на веб-страницах, в интернет-дневниках, на страницах социальной сети других пользователей, на сайтах, форумах компаний, магазинов, фирм производителей и т.п.

3. «Собиратели» (Collectors). Представители данной группы различными способами классифицируют и организуют контент в Интернете. 1. Добавляют метки (теги). 2. Участвуют в составлении рейтингов сайтов. 3. Используют RSS-потоки.

4. «Общественники» (Joiners). В этой группе объединяются пользователи сайтов социальных сетей. 1. Посещают сайты социальных сетей 2. Пользуются интернет-дневниками (блогами).

5. «Потребители» (Spectators). Отличительной характеристикой данной группы является потребление контента. 1. Скачивают, прослушивают аудио.

2. Скачивают, просматривают видео. 3. Читают форумы. 4. Посещают сайты рекомендаций.

6. «Неактивные» (Inactives). Представители этой группы не включены ни в одну из рассматриваемых групп и не делают ничего из перечисленного.

Таким образом, люди в виртуальных социальных сетях имеют определенную психологию социального общения, кроме этого, виртуальные социальные сети оказывают сильное влияние на поведение человека в реальной жизни. Они несут как положительный эффект в предоставляемых возможностях, так и негативных в сильной зависимости пользователей, которые могут привести к замене реального общения на виртуальные социальные сети.

Примечания

1. Носов Н. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
2. Хуторной С. Н. Сетевое виртуальное общение и его влияние на межличностные отношения // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. №6 (26).
3. Микрюков В. О. Влияние Интернет-социализации на личность современного студента // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2010. №4.
4. Михалец И. В., Калашникова С. С. Виртуальное общение студентов: опыт пилотажного исследования // ИСОМ. 2013. №4.
5. Лебедев П. А., Петухова С. И. Социальные медиа: показатель развития информационного общества? // Мониторинг. 2010. №5 (99).

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СМИ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Гилева И. С., канд. соц. наук,
доцент кафедры теории и социологии управления
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Статья посвящена выявлению особенностей взаимодействия органов власти (на примере структуры Министерства внутренних дел) со средствами массовой информации. С помощью анализа документов, а также контент-анализа анализ новостных сообщений с официального сайта ГУ МВД России по Свердловской области за май 2020 г. были определены содержание и характер публикаций на сайте, выявлена роль и содержание деятельности пресс-службы органа власти, заключающаяся не только в информационном сопровождении деятельности этого органа власти, но и в построении имиджа всего ведомства, выстраивания конструктивных и взаимовыгодных отношений СМИ и власти.

Ключевые слова: СМИ, образ органов власти, имидж органов власти, информационное взаимодействие, масс-медийное пространство.

Цель настоящего исследования была связана с выявлением содержательных особенностей взаимодействия органов власти и средств массовой информации на примере ГУ МВД России по Свердловской области.

На современном этапе развития одним из наиболее важных и особо значимых ресурсов является достоверная, полная и объективная информация. Основным каналом её передачи выступают средства массовой информации (СМИ), посредством которых большая часть граждан получает необходимые сведения. В этом отношении СМИ обладают большой властью, так как имеют возможность формировать и строить общественное мнение, а также влиять на поведение как отдельных личностей и социальных групп, так и общества в целом. Эти факторы обуславливают острую необходимость выстраивания конструктивного взаимодействия органов власти со СМИ.

Актуальность данной темы обуславливается тем, что в настоящее время организация взаимодействия государственных органов и СМИ недостаточна эффективна, вследствие чего не в полной мере удовлетворяются информационные потребности населения о деятельности органа власти.

В научной литературе тема взаимодействия органов государственной власти со СМИ привлекает внимание многих исследователей как в России, так и за рубежом. Именно поэтому методологической и теоретической базой данного исследования стали труды как отечественных, так и зарубежных авторов. Проблемами масс-медийного пространства занимались и занимают такие широко известные авторы как Я. Н. Засурский, Б. Н. Лозовский, А. А. Марков и др. [1, 2, 3] В сфере их научного внимания – различные аспекты взаимодействия органов государственной власти и СМИ, деятельность пресс-служб как структуры на информационном поле, система их работы.

Среди работ зарубежных авторов наибольший интерес представляют труды в американских социологов Т. Петерсона, Ф. Сиберта, У. Шрамма «Четыре теории прессы» и Д. Маккуэйла «Теории массовой коммуникации» [4, 5]. Именно они послужили методологической основой определения моделей взаимодействия органов власти и СМИ.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении специфических особенностей взаимодействия органов власти со средствами массовой информации (на материалах работы пресс-службы ГУ МВД России по Свердловской области).

Важнейшей категорией работы является категория «информационного взаимодействия». В самом общем виде – это «процесс передачи информации, который формирует новое знание» [6, с. 15]. Если же говорить о системе информационного взаимодействия, то с позиции современных исследователей её следует рассматривать как совокупность исторически изменяющихся информационных отношений между органами власти, СМИ и гражданами по поводу обмена взаимно востребованными данными о процессах, происходящих в социуме. Система информационного взаимодействия включает в себя следующие основные действующие элементы: органы власти, население территории, информационные каналы. Связями в системе служат отношения по поводу производства, передачи и распространения информации [7, с. 90].

В государстве основным инструментом государственного управления информационной сферой традиционно считается государственная информационная политика, которая обязана задавать идеологическую составляющую информационного взаимодействия, отвечать за формирование ценностных ориентаций и ключевых направлений информационного взаимодействия.

Эффективное взаимодействие органов власти и средств массовой информации является одним из ключевых условий успешной реализации государственной информационной политики, ведь именно благодаря СМИ представляется возможным регулировать процессы информационного воздействия на различные сферы жизнедеятельности общества и государства. Кроме того, становится очевидным и тот факт, что на сегодняшний день органы власти попросту не могут эффективно функционировать без постоянного информационного сопровождения своей деятельности, и СМИ в этом отношении приобретают особую значимость, так как являются своеобразным «посредником», объектом и каналом передачи информации, с помощью которого органы власти могут эффективно информировать население о своей политике, а также выстраивать доверительные и продуктивные отношения с общественностью в социально значимых вопросах.

Способ взаимодействия субъектов информационной политики и СМИ в значительной степени зависит от политического режима и способа, модели распространения информации, сложившейся в государстве. Так, например, согласно классификации, обоснованной в работе [4, с. 114] с учетом современной ситуации в России, тип и характер взаимодействия органов государственной власти и СМИ следует отнести к модели социальной ответственности. Принципы свободы слова и недопустимости цензуры закреплены в Конституции РФ, но можно говорить и о том, что деятельность СМИ всё же контролируется, ограничивается исходя из интересов государства и общества, основная цель которых – защита общественной безопасности [8, с. 17].

Кроме того, в ходе развития медиапространства нашей страны, учитывая существенные региональные различия отдельно взятых регионов, нами было установлено, что Свердловскую область с уверенностью можно отнести к рыночной медиа-модели по классификации компании «Медialogия» вследствие высокой медиа-насыщенности региона и большого количества независимых источников информации [9]. Выстраивание эффективной системы информационного взаимодействия между органами власти и населением – ключ к снижению социальной напряжённости и формированию устойчивого диалога. Тем самым, в нашем исследовании было важно определить те особенности, которые сложились в сфере взаимодействия пресс-службы ГУ МВД России по Свердловской области и ключевых СМИ рассматриваемого региона.

Важным методом исследования выступил контент-анализ. Основным источником, откуда СМИ берут новости о работе внутренних органов, – официальный сайт ведомства, наполнением которого тоже занимается пресс-служба. В этом отношении интересно посмотреть, новости на какую тематику преобладают в большей степени и какого их смысловое наполнение. Проведённый контент-анализ показал, что в месяц пресс-службой ГУ МВД России по Свердловской области публикуется порядка 236 новостных сообщений. Смысловое наполнение текстов можно разделить на 3 группы. Преобладают сообщения, связанные с информационным обеспечением оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, которые используют СМИ при освещении деятельности ведомства. Далее идут публикации, связанные с реализацией такого специфического для пресс-службы правоохранительно-

го органа направления как агитационно-пропагандистская работа с целью профилактики правонарушений. Третье направление, связанное с пропагандой оперативно-служебной деятельности реализуется не менее активно.

Примечателен и тот факт, что наблюдается сочетание вышеуказанных направлений в одной публикации. Так, 41 сообщение содержит в себе как сведения, содержащие факты о правонарушениях (направление – информационное обеспечение оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел), так и (зачастую в конце сообщения) положения, касающиеся профилактики указанных правонарушений. Такая же ситуация наблюдается и с другими направлениями – 7 сообщений содержат в себе как непосредственно информацию о правонарушении, так и положения, в которых чётко прослеживается пропаганда оперативно-служебной деятельности.

Таким образом, пресс-служба ГУ МВД России по Свердловской области играет огромную роль не только в информационном сопровождении деятельности этого органа власти, но и в построении имиджа как всего ведомства, так и сотрудника органа внутренних дел в частности. Являясь силовой структурой, можно говорить о некой «закрытости» ведомства и лишь дозированном, чётко ограниченном законодательными рамками общении с обществом. Однако МВД России не может оставаться в стороне от демократических преобразований в государственном управлении.

Важнейшим результатом проведенного исследования стало выявление тех ключевых особенностей взаимодействия органов власти и СМИ, которые связаны со спецификой деятельности конкретного органа власти, особенностями информационного пространства вокруг информационной работы, спецификой взаимодействия со СМИ и новыми изменениями в современном обществе.

В первую очередь, это набор специфических форм взаимодействия со СМИ, которые наиболее часто используются в практике. К ним можно отнести информационные сообщения (разного рода материалы, представляющие тот или иной информационный повод), мероприятия (события, направленные на формирование и удовлетворение информационных потребностей целевой аудитории в рассматриваемой сфере), технологии (особые формы, основывающиеся, как правило, на применении IT – технологий). Так, например, Пресс-служба ГУ МВД России по Свердловской области на постоянной основе сотрудничает с различными видами СМИ. Так, согласно данным официального сайта ГУ МВД России по Свердловской области, на 2020 год аккредитовано 12 СМИ и в общей сложности 65 журналистов. Стоит отметить, что, следуя общим тенденциям в информационном пространстве, ведомство отдаёт наименьшее предпочтение печатным СМИ.

Также важно отметить присутствие ведомства в социальных сетях. Сегодня становится очевидным тот факт, что социальные сети стремительно развиваются, и, соответственно, пользовательская активность динамично возрастает. Социальные сети обладают огромным количеством возможностей – это оперативная подача информации, организация обсуждения различного рода проблем, выявление общественных настроений и ряд других. Пресс-служба ГУ МВД России по Свердловской области подхватила этот тренд, и поэтому ведёт аккаунты во всех популярных социальных сетях – официальный канал

на YouTube (публикация выпусков программы «Патрульный участок»); группа «ВКонтакте»; аккаунт в Instagram, страница в «Facebook»; лента в «Twitter» и страница на LiveJournal. На сегодняшний день становится очевидным, что социальные сети – это мощнейший эффективный коммуникационный канал по работе с общественным мнением в сети Интернет, обладающий рядом существенных преимуществ.

Вторая особенность, это особая значимость для рассматриваемой структуры личности пресс-секретаря. Он – некая «ключевая» фигура, и вся работа пресс-службы ассоциируется с «лицом» непосредственно руководителя. В этом контексте очень силён феномен «личного бренда» – узнаваемого, всем известного имени человека. Валерий Горелых как руководитель пресс-службы ГУ МВД России по Свердловской области на данный момент – гарант официальной, достоверной информации для СМИ и общественности

Третья особенность – это широкое использование ведомством возможностей PR-технологий. специфического направления, как PR-проекты. PR-проекты – это самостоятельное направление в деятельности отдела по связям с общественностью, необходимость проведения которых определяется стратегическими целями организации в обеспечении и продвижении своего имиджа [3, с. 80-83]. Вообще, особенность PR-проектов заключается в том, что они дают дополнительную информацию об организации, раскрывающей специфику, механизмы, особенности и необходимость работы государственного учреждения, тем самым значительно повышая и укрепляя авторитет деятельности органа и способствуя выработке позитивного имиджа в глазах общественности. Кроме этого, можно отметить и то, что реализация такого рода проектов способствует укреплению внутрикорпоративного имиджа, поскольку сотрудники в процессе и по результатам проведения проекта испытывают чувство гордости за свою структуру и осознают как и её, так и личный статус.

Согласно Докладу о наиболее значимых мероприятиях Общественного совета при ГУ МВД России по Свердловской области 2019 год было проведено в общей сложности 348 мероприятий, которые характеризуются различной направленностью и охватывают все основные целевые группы [10]. Так, например, в рамках проекта Совета «Студенческий десант» для более 50 различных образовательных организаций (колледжей и ВУЗов) было организовано профориентационное ознакомление студентов с работой различных служб полицейского профиля, которые, как правило, завершались экскурсией в музей истории Свердловской милиции.

Четвертая отличительная особенность, которая была выявлена при анализе всех форм взаимодействия – низкое качества «вовлекаемого» контента, преобладание официальной, не адаптированной под потребности аудитории информации. Особенно это касается официальных аккаунтов ведомства. Огромным минусом является то, что тексты, размещенные в социальных сетях, полностью дублируются на всех площадках. Не учтены особенности подачи информации для определённой целевой аудитории. Так, если журналисты интерпретируют полученный пресс-релиз под тематику своего издания, то сотрудники пресс-службы не проводят сбор и анализ данных о целевых группах сообществ в социальных сетях. Как следствие, информация в официальном источнике преподносится в виде сухой сводки, на которую пользо-

ватели не обращают внимания. Такое положение дел требует пристального внимания и дополнительной корректировки.

Ну и последняя особенность, о которой хочется упомянуть – неосведомлённость журналистов, пишущих на правоохранительную тематику. В этом контексте можно отметить некое поверхностное отношение журналистов к новостям на правоохранительную тематику, незнание и непонимание официальных терминов.

Проведённый контент-анализ официального сайта ГУ МВД России по Свердловской области подтвердил это положение, а при дальнейшем анализе направлений деятельности пресс-службы ведомства был выявлен ряд особенностей: во-первых, это «личный бренд» руководителя пресс-службы, с которым она (а зачастую и всё ведомство) ассоциируется в целом, и в этом смысле к нему предъявляется ряд особых требований. Во-вторых, пресс-служба ГУ МВД России по Свердловской области реализует особое направление – PR-проекты, которые в соответствии с планами пропагандистской и просветительской работы направлены не только на информирование населения с максимальной степенью достоверности о деятельности правоохранительных органов, но и выступают действенным рычагом воздействия на общественное мнение, имея возможность укреплять доверие населения к структуре посредством проводимых мероприятий. Отметим и тот факт, что в процессе контент-анализа была выявлена такая проблема, как преобладание официальных форм предоставления информации на современных площадках (социальные сети). Была отмечена необходимость адаптации такого рода информации с учётом потребностей соответствующей целевой аудитории, и действенным звеном в этом процессе могут стать молодые специалисты, имеющие навыки в SMM.

Вместе с тем, в данных направления взаимодействия существуют и отдельные проблемы. На сегодняшний день отсутствует теоретико-методологическое обоснование принципов и содержания информационной работы органов власти. В этой связи целесообразным видится создание комплексного управленческого документа (концепции), в которую будут включены принципы взаимодействия МВД России со СМИ уточнено их смысловое содержание; основные цели и задачи; определены основные направления и приоритетные сферы информационного освещения деятельности МВД России со СМИ с учётом современных условий, определены целевые группы, а также обозначены ожидаемые результаты реализации такого документа.

В работе органов власти в информационном пространстве важно определение наиболее продуктивных форм взаимодействия МВД России и СМИ. Рассмотрев виды мероприятий, проводимых ГУ МВД России по Свердловской области, следует отметить, что уровень информационной обеспеченности граждан достаточно высок. Ведя работу абсолютно по всем каналам коммуникации (печатные издания, телевидение, «Интернет» и социальные сети), пресс-служба эффективно формирует позитивное общественное мнение населения о деятельности структуры и обеспечивает высокий уровень доверия населения, что, конечно итоге, позитивно сказывается на сотрудничестве с населением в деле охраны правопорядка и борьбы с преступностью. Также исходя из анализа отметим, что посредством разнообразия форм вза-

имодействия пресс-служба ГУ МВД России по Свердловской области «покрывает» потребность в информации всех возрастных групп населения области (кто-то в силу консервативных взглядов предпочитает печатные издания; для кого-то оптимальным вариантом является просмотр телепередачи; для более «продвинутой» части населения источником информации выступают публикуемые в сети «Интернет» материалы).

Проанализировав взаимодействие ГУ МВД России по Свердловской области со СМИ, были определены ключевые особенности таких отношений. Однако с учетом изменения тенденций и специфики развития современного общества неизбежно требуются изменения и совершенствование существующих форм и методов взаимодействия. Авторами был сделан вывод о необходимости оптимизации и совершенствования работы как органов власти, так и СМИ в этой сфере. Так, для СМИ это возможность совершенствования информирования населения по вопросам профилактики и борьбы с преступностью, а также повышение своих «рейтингов» за счёт публикации такого рода сообщений, а для ГУ МВД России по Свердловской области такого рода взаимодействие – расширение источников информации, необходимой для осуществления своих функций, обеспечение законодательно установленных принципов открытости, а также способ получения помощи от населения в решении своих задач и действенный механизм обратной связи.

Основываясь на особенностях функционирования пресс-службы органа власти и основных направлениях её деятельности можно сказать, что это не только структура, информирующая общественность о его работе, но и действенный инструмент по созданию его позитивного имиджа в глазах общественности.

Литература

1. Засурский Я. Н. Система средств массовой информации России. М.: Аспект Пресс, 2005. 259 с.
2. Лозовский Б. Н. Власть как субъект манипуляции средствами массовой информации // Журналистика и политика: сб. ст. Екатеринбург, 2007. 166 с.
3. Марков А. А. Связи с общественностью в органах власти. М.: ИНФРА-М, 2014. 190 с.
4. Сиберт Ф., Шрамм У., Петерсон Т. Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. 224 с.
5. McQuail D. Mass Communication Theory. 6-th edition. 2010. 534 p.
6. Копалова О.С., Черкасова В.Ю. Информационное взаимодействие органов власти с населением // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. № 2(19). С. 15-26.
7. Сергеев Е.А. Взаимодействие органов государственной власти и СМИ как важнейшее условие социально-экономического развития региона // Современные тенденции в экономике и управлении: Новый взгляд. Сборник материалов ХЛХХ Международной научно-практической конференции. 2017. С. 90-98.
8. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Российская газета. 1992. 8 февраля.
9. Медиалогия. Свердловская область: рейтинг СМИ за 2019 год [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/7222/>
10. Доклад о наиболее значимых мероприятиях Общественного совета при ГУ МВД России по Свердловской области за первый квартал 2019 года [Электронный ресурс] Режим доступа: [//66.mvd.rf/документ/16434872](http://66.mvd.rf/документ/16434872)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ИННОВАЦИОННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Григорьев И. В., студент СКФУ

В статье анализируются тенденции экономического роста российской экономики и социально-экономическое расслоение российского общества. Определено влияние социальной структуры российского общества на формирование конкурентоспособного типа воспроизводства. Предложены направления по сокращению социально-экономического расслоения российского общества и повышению темпов устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: социально-экономическая дифференциация, экономическое неравенство, социальное расслоение, коэффициент дифференциации, экономическое развитие, потребление, потребительские расходы.

В России за последние 30 лет наличие острых социально-экономических проблем существенным образом сдерживает экономическое развитие страны. Безусловно, негативной тенденцией является высокий уровень экономической дифференциации российского общества, что ведет к дезинтеграции российского общества, имущественному и социальному расслоению. Коэффициент дифференциации, определяющийся через соотношения средних показателей доходов богатых и бедных, неуклонно увеличивался в России с 2000-ого года. Проблема бедности связана с неравномерным распределением общего объема денежных доходов населения.

Актуальный вопрос на сегодня: каково текущее соотношение элит и масс в России? Можно по-разному анализировать данный вопрос, однако существует ряд объективных показателей, например, показатель социального расслоения. Так, по данным Росстата во втором квартале 2019 года доходы ниже прожиточного минимума располагало 18,6 млн человек, или 12,7% населения страны в то время как на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех активов домохозяйств в России [1]. Можно предположить, что падение экономики в условиях кризиса вызвало повышение уровня поляризации социальной структуры российского общества, однако, даже с началом устойчивого экономического роста с 2000-ого года наблюдалось существенное увеличение социально-экономической дифференциации населения. На основе данных Росстата в 1992 году доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, а к 2019 году уже в 15,6 раза [1]. Тенденция увеличения дифференциации доходов населения сохраняется.

Стоит отметить, что только 40% населения получают доходы, которые соответствуют критериям экономической безопасности. Очевидно, что доходы выступают основным средством удовлетворения личных потребностей людей и определяют уровень и структуру конечного потребления. Это означает, что недостаток финансов обрекает население на примитивную модель потребления, где основными являются расходы на приобретение предметов

первой необходимости и продуктов питания, существенно ограничивая доступность более дорогих товаров длительного пользования. Так, по данным Росстата, существенная часть расходов населения на конечное потребление в 2019 году была представлена расходами на продукты питания (45,9%), в то время как на приобретение товаров длительного пользования россияне расходуют в среднем лишь 12% своих совокупных доходов [2].

В постсоветский период наблюдается тенденция усиления экономического неравенства на фоне катастрофического общего ухудшения экономического положения и сокращения трудящихся. На основе результатов Международной программы социальных исследований на 2015-й год наблюдается низкая динамика показателей общего человеческого капитала российских рабочих [3]. Эти работники заняты преимущественно во вторичном (промышленности, энергетике, транспорте, строительстве) и первичном секторах экономики (сельском и лесном хозяйстве).

С увеличением концентрации огромного количества экономических ресурсов у узкого круга представителей элиты и их отсутствием у большинства населения страны начинает действовать так называемый парадокс бережливости (когда во время экономического спада общество начинает экономить и совокупный спрос уменьшается, что влечет за собой уменьшение зарплат и, как следствие, уменьшение сбережений), приводящий к уменьшению совокупного спроса и замедлению экономического роста, который плавно перетекает в условиях экономического кризиса «бегство капитала». Низкий уровень потребления товаров длительного пользования и преобладание товаров первой необходимости, продуктов питания определяют ограниченность и узконаправленность внутреннего рынка. В следствии такой рыночной конъюнктуры логично наблюдаются низкий рост инвестиций, приводящий, в свою очередь, к низкой эффективности производства, низкому уровню прибыли и ослаблению стимулов роста производства, что, в конечном итоге, дает невысокий доход.

Ресурсное богатство нашей страны создает соблазн для политиков и заинтересованных элит перераспределять сырьевую ренту, концентрируясь только на сырьевой промышленности, а не повышать качество экономических и политических институтов, для развития иных, не сырьевых сфер, в том числе сферы финансового сектора услуг и высокотехнологичной промышленности. Как следствие, не сырьевой промышленности становится труднее конкурировать за человеческие ресурсы, капитал и труд. Следовательно, не сырьевая промышленность становится менее конкурентоспособной. Низкий уровень накопленного человеческого капитала в не сырьевой промышленности и сельском хозяйстве связан с тем, что в стране отсутствует структурная и институциональная государственная политика. Наблюдается так называемая биполярная система, где более конкурентоспособная экономическая модель.

Усиливающаяся поляризация российского общества, происходящая, даже не смотря на рост макроэкономических показателей, обусловлена несовершенством распределительных механизмов. Среди таких механизмов можно выделить следующие: нарушение пропорции в оплате труда между сырьевыми и не сырьевыми сферами производства. В итоге происходит увеличение дифференциации в заработной плате и, как следствие, имущественное расслоение.

В настоящее время в условиях глубокой поляризации благосостояния населения России дифференциация доходов переходит в ее крайнюю форму имущественного неравенства. Самым главным критерием, определяющим современную стратификационную структуру современного российского общества, является материальное благосостояние. Все это приводит к нарастанию отчуждения между так называемыми верхами, состоящими преимущественно из высокопоставленных государственных чиновников и собственников крупных компаний. Если элиты подотчетны народу, а политическая система страны настроена на долгосрочные национальные интересы, то ресурсное богатство будет использоваться в интересах большинства.

Таким образом, в настоящее время, в социальной структуре общества наблюдается большой дисбаланс и, соответственно, в распределении общественных благ. Так, необходимо стремиться к достижению более справедливого распределения доходов среди всего населения нашей страны, поскольку более равномерное и справедливое распределение общего объема денежных доходов среди населения позволит сократить социально-экономическую дифференциацию общества. Необходимо вводить социально-экономические преобразования, создавать конкурентоспособные системы по производству новых знаний и высококвалифицированных специалистов в целях обеспечения увеличения темпов роста экономики и сокращения социально-экономического расслоения российского общества; усовершенствовать механизм влияния государства и проводимой политики правительства, путем повышения уровня и качества жизни населения страны. Необходимо также повышать темпы устойчивого экономического роста технологического прорыва, особенно в отраслях оказания услуг; принять меры по уменьшения зависимости от экспорта сырья; развивать институты финансового сектора услуг и высокотехнологичной промышленности.

Примечание

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат, 2019 / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/news-270819.htm

2. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат. М., Р76 2019. 549 с.

3. Кремнева Н., Лукьянова Е. (2015). Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте // Интеракция. Интервью. Интерпретация. № 10. С. 26–38.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАСС-МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ)¹

Гриценко Г. Д. д-р филос. наук, профессор,
главный научный сотрудник ЮНЦ РАН

В статье на основе контент-анализа публикаций наиболее популярных региональных СМИ были определены образы, с помощью которых раскрываются те или иные социально-политические и этнокультурные события. Был сделан вывод, что в публикациях преобладают позитивные образы общероссийской направленности. В то же время в масс-медиа поддерживается этнополитический дискурс, раскрывающий исторические травмы, что актуализирует этнизацию социально-политической жизни республики.

Ключевые слова: контент-анализ, региональные публикации, политизацию / деполитизацию этничности.

В последнее время в публичном дискурсе достаточно редко говорится о Северном Кавказе как конфликтном регионе. К концу второго десятилетия этнополитическая ситуация стабилизировалась. Однако с конца 2018 года – начала 2019 года произошла дестабилизация межэтнических отношений в ряде республик. Одним из таких субъектов стала Республика Ингушетия.

В условиях превращения СМИ в четвертую силу возрастает их влияние на развитие этнополитических процессов. При этом воздействие масс-медийного комплекса на этничность, межэтнические противоречия, политизацию / деполитизацию этничности разнообразно. Многое зависит от их политической ангажированности, этноконфессиональной направленности. И чтобы определить, как региональных СМИ освещают этнополитические процессы, оказывая тем самым на них влияние, важно исследовать масс-медийные источники. Такой посыл и обусловил цель публикации – на основе контент-анализа наиболее популярных новостных агрегаторов в Республике Ингушетия определить этнополитическую направленность освещения процессов политизации / деполитизации этничности.

В качестве информационных источников, публикуемых в Республике Ингушетия, использовались: «Ингушетия» – республиканская общественно-политическая; «Сердало» – общенациональная газета Республики Ингушетия и «Фортанга» оппозиционное ингушское издание. За анализируемый период (с 1 марта по 31 марта 2020) согласно выбранным смысловым единицам было установлено 153 публикации.

Согласно результатам количественного подсчета, наиболее часто встречалась информация смысловой единицы «историческая память (позитивные vs негативные образы)». Весь информационный объем можно поделить практически на три группы в соответствии тремя историческими событиями,

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе».

имеющими прямо противоположную коннотацию. На первом месте – это 250-летие добровольного вхождения Ингушетии в состав России, втором – 75-летие Великой Победы и третьем месте – 76-летие депортации ингушского народа. Все публикации, где говорится о 250-летнем единении с Россией, проходят под лозунгом «История взаимоотношений Ингушетии и России подтвердила правильность выбора, сделанного 250 лет назад» [1]. Но наряду с положительными оценками звучат сожаления, поскольку данное событие «обернулось для ингушей ущемлением их прав», «огромными потрясениями», «противоправным отторжением исконной Родины ингушского народа», «репрессиями пытаются сломить дух ингушского народа» [2]. В информационном поле, посвященном 75-летию Великой Победы, представлены только положительные образы. Все публикации, включающие информацию о депортации ингушского народа 1944–1957 гг., непосредственно или опосредованно стараются «ответить» на риторический вопрос: «За что были высланы наши предки?» И ответ только один: «весь ингушский народ, стар и млад, работали на оборону нашей страны, ничего не жалея ради общей победы» [3]. Информационный блок о депортации ингушей представлен в негативных тонах как самом скорбном событии в истории ингушского народа. И здесь уместно привести мнение ряда экспертов о том, что «историческое прошлое народов Северного Кавказа не раз становилось предметом манипуляций в угоду политическому моменту... и к многочисленным конфликтам, возникавшим в регионе в постсоветскую эпоху» [4, с. 187].

Затем идет информация, посвященная этнической идентичности, где рассказывает о достижениях ингушских спортсменов в соревнованиях различного уровня, в том числе и мирового [5]. Можно предположить, что упоминание о достижениях представителей ингушского народа обусловлено стремлением создать позитивные образы, которыми каждый ингуш может гордиться и рассматривать в качестве примера при самоопределении.

Следующей по частоте публикаций в СМИ является смысловая единица «модернизация / традиционализация экономики». Безусловно, материал, относящийся в данной рубрике, не относится напрямую к этнической проблематике. Однако известно, что модернизационный дискурс переориентирует общественное сознание с прошлого на будущее, повышает ценность современного цифрового образования, способствуют преодолению архаики. Именно поэтому в публикациях уделяется пристальное внимание вопросам реализации подпрограммы «Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2016–2025 годы», которая осуществляется в рамках федеральной программы «Юг России» [6].

Далее следует раздел «этнические особенности гражданского общества», публикации которого были опубликованы в оппозиционном ингушском издании «Фортанга» и касаются двух наиболее значимых социально-политических проблем. Во-первых, это реакция на задержание лидеров протестов, начавшихся осенью 2018 г. и вспыхнувших с новой силой в марте 2019 г. в Магасе после заключения договора с Чечней о закреплении административной границы между регионами, которым вменяется создание и участие в экстремистской организации и организация применения насилия в отношении представителей власти [7]. Во-вторых, это негативная реакция советов тейпов (родов) на поправки к Конституции РФ и ориентация на неучастие в об-

щероссийском голосовании [8]. Такая активность определённой части ингушского гражданского общества указывает на наличие в республике серьёзного протестного потенциала в этнополитической сфере.

Из других результатов контент-анализа обращают внимание публикации, включённые в разделы «федерализм vs унитаризм», «знание / плохое знание / незнание родного языка», «национальная политика региональной власти» и «гражданская идентичность, общероссийские ценности». Их можно объединить общей смысловой направленностью – единение Ингушетии с Россией, несмотря на определённые трудности: «Такое содружество исчисляется столетиями и, единство народов как региона, так и всей России, только крепнет с годами» [9]. Следовательно, можно констатировать эффективность мер и программ, обеспечивающих процессы формирования общероссийской идентичности в северокавказском регионе.

Проведённый контент-анализ наиболее распространенных в республиканском информационном поле публикаций масс-медийного комплекса позволяет сделать вывод о преобладании в нем позитивных образов и тенденция политизация этничности не стала типичной или выраженной. Однако в масс-медиа, поддерживая «этнический дискурс», создается определенная почва для «укоренения» этничности без ее политизации напрямую. В то же время значительная часть этнополитического дискурса в СМИ Ингушетии составляют исторические травмы, что усиливает этнизацию общественно-политической жизни.

Примечания

1. История взаимоотношений Ингушетии и России подтвердила правильность выбора, сделанного 250 лет назад – Калиматов / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://gazetaingush.ru/news/istoriya-vzaimootnosheniy-ingushetii-i-rossii-podtverдила-pravilnost-vybora-sdelannogo-250-let>
2. Открытое письмо Совета тейпа (рода) Оздоевых Республики Ингушетия Президенту Российской Федерации В. В. Путину / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://fortanga.org/2020/03/otkrytoe-pismo-soveta-tejpa-ozdoviev-prezidentu-rossijskoj-federatsii-v-v-putinu/>
3. Национальная библиотека Ингушетии получила в дар сборник научных статей, выпущенный к 75-летию депортации / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://gazetaingush.ru/news/nacionalnaya-biblioteka-ingushetii-poluchila-v-dar-sbornik-nauchnyh-statey-vypushchennyu-k-75>
4. Иванеско А. Е., Урушадзе А. Т. Past Indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе // Новое прошлое. 2018. №3. С. 186-190.
5. Коллегия Минспорта Ингушетии подвела итоги прошедшего года и наметила планы / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://gazetaingush.ru/news/kollegiya-minsporta-ingushetii-podvela-itogi-proshedshego-goda-i-nametila-plany>
6. Махмуд-Али Калиматов: «Успех бизнес-проектов благотворно влияет на имидж республики» / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://serdalo.ru/mahmud-ali-kalimatov-uspeh-biznes-proektov-blagotvorno-vliyaet-na-imidzh-respubliki>
7. Полиция задержала ингушскую активистку, которая вышла на пикет в поддержку политзаключенных / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://fortanga.org/2020/03/politsiya-zaderzhala-ingushskuyu-aktivistku-kotoraya-vyshla-na-piket-v-podderzhku-politizaklyuchennyh/>
8. Открытое письмо РФ / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://fortanga.org/2020/03/otkrytoe-pismo-tejpa-mohloj-k-prezidentu-putinu-o-bojkote-golosovaniya-po-popravkam-v-konstitutsiyu-rf/>
9. Ингушские общественники поддержали конституционную поправку о статусе русского языка / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://gazetaingush.ru/news/obshchestvenniki-ingushetii-vystupili-v-podderzhku-konstitucionnoy-popravki-o-statuse-russkogo>

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО СТРАНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО ПЕРИОДОВ

Джагадзе К. Б., канд. полит. наук,
проектный менеджер Всероссийского центра изучения
общественного мнения (ВЦИОМ)

Настоящая статья посвящена механизмам формирования образа будущего страны – в советский период 50-60-х гг. и постсоветской России. В работе дается сравнение двух подходов к построению конструкта «образ будущего», выделяются общие и отличительные черты, описываются главные инструменты формирования образов. Основные сходства: высокая степень институциональности, наличие конкретных критериев оценки достижимости поставленных целей, формализованность, интегративность. Среди отличий выделяются: длительность стратегического планирования, идеологическая и ценностная основа образов будущего.

Ключевые слова: образ будущего, механизмы формирования образа будущего, идеология, политические акторы, президент, национальная политика, национальные стратегии, KPI.

На человека 20-х гг. XXI века оказывают воздействие огромное количество внешних и внутренних факторов, которые могут существенно изменить его отношение к политическому объекту и как следствие направленное в его адрес поведение. Однако, несмотря на изменчивость, ситуативность, сензитивность феномена политического поведения, существуют устоявшиеся психологические конструкции, определяющие поведенческие особенности человека. К таким относится психологический конструкт «образ будущего».

Современный методологический подход к изучению будущего характеризуется принципом конструктивизма [6] – «будущее не предопределено линейно, оно вариативно и творимо» [22]. В исследованиях будущего закладываются идеи «созидания, воплощения, конструирования будущего, а не просто его предсказание и пассивное ожидание» [9]. Исследования будущего требуют использование трансдисциплинарного подхода, предполагая применение комбинированных методик и концепций.

Принимая тот факт, что прогнозирование носит вероятностный характер, определение «образа будущего» у большой социальной группы (населения страны) позволяет повысить процент достоверности прогнозной модели в отношении данной группы.

В настоящей статье используется сравнительный анализ принципов формирования образа будущего страны в советский и российский периоды¹.

В советский период образ будущего был заложен в идеологию «построения коммунизма». В 50-60-х годах прошлого века перспективы коммунистического строительства формально были закреплены XXII съездом КПСС в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31369 «Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти, политических институтах и лидерах».

рамках III Программы партии (главной целью которой являлось построение в СССР коммунистического общества в течение двадцати лет). Вслед за принятием Программы появилась идея создания новой Конституции СССР, призванной «создать онтологические и правовые принципы идеологии развернутого строительства коммунизма, воплощая нормы функционирования советской системы в новый период» [2].

У предложенного Программой образа будущего были характерные черты: индустриализация, электрификация, модернизация, автоматизация, широкое применение химии, органическое соединение науки с производством, промышленный подход к сельскому хозяйству (создание агрогородов) [5], исчезновение различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, исчезновение частной собственности (создание единой коммунистической собственности), постепенная замена товарно-денежных отношений распределением товаров и т.д. [23].

Сегодня в политической науке образ будущего прежде всего изучается в дискурсе политических акторов, а именно какие сценарии развития на перспективу они предлагают и транслируют в массы. Это могут быть: обращения (послания) Президента [11], выступления политиков [7], программные документы партий [13], национальные проекты, стратегии (доктрины) развития [15, 17-20], повестка социально-политических, экономических мероприятий [4] и другие форматы стратегического планирования и прогнозирования.

В постсоветской России 2020-х гг. прослеживается применение схожих механизмов формирования образов будущего у населения советской эпохи 50-60-х гг. Сегодня основными формальными документами, определяющими образ будущего российского государства являются национальные проекты, инициированные Президентом в мае 2018 года [21]. Целью проектов является качественный прорыв в научно-техническом и социально-экономическом развитии России. Национальные проекты охватили 12 стратегических направлений: демография, здравоохранение, образование, наука, культура, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, цифровая экономика, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт.

В июле 2020 года были внесены поправки к Конституции [1, 8], которые обозначили новые принципы национальной политики. Поправки делятся на четыре группы: социальные², идеологические³, поправки о власти⁴, поправ-

² Обязательство государства поддерживать нацнотехнологическое развитие России, сохранение и развитие ее научного потенциала; обеспечение защиты и безопасности цифровой информации и персональных данных; создание Правительством условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры и т.д.

³ Защита исторической правды. Не допускается фальсификация истории, умаление значения подвига народа при защите Отечества; закрепление русского языка как языка государствообразующего народа; признание культуры в Российской Федерации как уникального наследия многонационального народа и т.д.

⁴ Одно и то же лицо не может одновременно являться сенатором и депутатом Государственной Думы; создание единой системы публичной власти; снятие ограничений для занимавшего или занимающего должность Президента РФ участвовать в качестве кандидата на следующих выборах Президента РФ и т.д.

ки о суверенитете⁵. После уникального в электоральной истории страны недельного общероссийского голосования (с 25 июня по 1 июля 2020 года), на котором были приняты поправки, в законодательство России постепенно будут вноситься корректировки [12], например, Уголовный кодекс РФ дополняют статьей о нарушении территориальной целостности России [3].

Из вышеописанного, можно заключить, что в политическом дискурсе России основным субъектом формирования образов будущего страны является Президент. Механизмы формирования конструкта «образ будущего России» носят патерналистский, этатистский характер, с явно выраженной властной вертикалью, сохраняя преемственность советского опыта. Однако, российский период отличают: более короткие сроки достижения стратегических целей (4-6 лет в национальных проектах, в то время как в III Программе речь шла о 20 годах); отсутствие идеологического содержания (принципы, заложенные в новых документах, не образуют единой ценностной системы, они скорее близки к консерватизму и традиционализму, однако выделить в отдельную концепцию их вряд ли возможно).

В плоскости политики образ будущего – это чаще всего формализованные документы, контент, месседж, которые транслируются всему обществу, и задают основные векторы развития, формируя массовые представления о коллективном будущем. На сегодняшний день в России сохраняются советские традиции формирования образов будущего страны, характеризующаяся высокой степенью институциональности (глава государства, правящая партия – как основные субъекты/инициаторы образов), наличием конкретных критериев оценки достижимости поставленных целей (KPI), формализованностью (образы будущего закреплены в законах и нормах права), интегративностью (представленные в образах будущего принципы развития общества охватывают все сферы жизнедеятельности человека – экономические, социальные отношения, коммуникации с властью, но что более важно – сферу личных отношений, культурных традиций и семейных ценностей).

Результат институционального принципа формирования образа будущего страны (основным субъектом формирования образа является политический институт – президент, правящая партия) имеет сильную зависимость от авторитета, степени доверия населения к самому субъекту, транслирующему образ [16]. Тем самым, с ростом или падением доверия граждан в отношении политического института, сформированный им образ будущего также может укрепиться, либо потерять свою потенциальную значимость для общества.

Исследования состояния современного российского общества все чаще фиксируют высокий уровень тревожности, недоверия политической элите, СМИ, узкий горизонт планирования. Особенно наглядно это проявилось в период пандемии, когда всем участникам политического процесса пришлось скорректировать модели поведения, намеченные планы и устоявшиеся практики. Институциональный принцип является одним из направлений изучения

⁵ Закрепить в Конституции положения о защите РФ суверенитета и территориальной целостности, нерушимости государственной границы. Любые действия, направленные на отчуждение территории РФ, а также призывы к таким действиям, не допускаются; запрет для чиновников хранить наличные денежные средства, ценности за пределами РФ, иметь двойное гражданство и вид на жительство другой страны и т.д.

особенностей формирования образов будущего. Однако для построения эффективных моделей прогнозирования будущего необходим комплексный подход, который будет учитывать ряд факторов: объектный, ситуативный, коммуникативный, темпоральный, политико-культурный [10] и другие [14, с. 19-48].

Примечания

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. № 5. С. 76. С. 80.
3. В УК появится статья о нарушении территориальной целостности страны. URL: <https://ria.ru/20200708/1574042978.html> (Дата обращения: 31.10.2020).
4. Валдайский форум 2020. Основная тема – «Уроки пандемии и новая повестка: как преодолеть мировой кризис в возможность для мира». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261> <https://er.ru/party/program> (Дата обращения: 31.10.2020).
5. Всемирная история экономической мысли. М., 1997. Т. 6, кн. 1. С. 466.
6. Динабург С.Р. Современные исследования будущего: между утопией и форсайтом // Технологос. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-buduschego-mezhdu-utopiey-i-forsaytom> (Дата обращения: 07.11.2020).
7. Жириновский рассказал, каким видит будущее России. URL: https://news.rambler.ru/politics/39304642/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 31.10.2020).
8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».
9. Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2011. № 10 (112). С. 193–201.
10. Палитай И. С., Селезнева А. В. Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 2. С. 123–135.
11. Послание Президента Федеральному Собранию 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (Дата обращения: 31.10.2020).
12. Президентские законы по мотивам поправок в Конституцию. Что важно знать. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2020/5f6a2fb09a7947790a0c3c8e> (Дата обращения: 31.10.2020).
13. Программа Партии «Единая Россия» URL: <https://er.ru/party/program> (Дата обращения: 31.10.2020).
14. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: Монография / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 420 с.
15. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 N 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года».
16. Селезнева А. В. Доверие как политико-психологический феномен: концептуальные основания и возможности измерения // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2020. № 5. С. 40–43.
17. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
18. Указ Президента РФ от 19.04.2017 N 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».
19. Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».
20. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
21. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
22. Филатова О. В. Форсайт: от технологий к человеку // Человек.RU. – 2014. № 9 (9). С. 120–126.
23. Юдин П. Закономерный характер перехода от социализма к коммунизму // Коммунист. 1961. № 12. С. 49.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

*Долганова В. В., кандидат психологических наук, доцент
кафедры общей и практической
психологии и социальной работы ГБОУ ВО СГПИ
Кольцова И. В., кандидат психологических наук, доцент
кафедры общей и практической
психологии и социальной работы ГБОУ ВО СГПИ*

В статье авторами актуализируется проблема различных видов семейного насилия (эмоционального, психологического и физического). Также описываются основные факторы риска жестокого обращения родителей с детьми. Также авторы подчеркивают необходимость профилактической работы по рассматриваемой проблематике в форме психологического просвещения.

Ключевые слова: психологическое просвещение, профилактика, семейное насилие, жертвы насилия, насильственные действия.

В современной России проблематика насилия и жестокого обращения с детьми стала открыто обсуждаться сравнительно недавно. Современные социологические и психологические исследования показывают, что данная проблема гораздо более масштабна, чем показывает официальная статистика. Физическое и психологическое насилие над детьми в России имеет исторические корни. Такие виды насилия становятся привычными методами воспитательного воздействия в современных семьях.

Насилие в отношении детей со стороны родителей, к сожалению, в последнее время стало неотъемлемой чертой современной семьи. И это не обязательно неблагополучная семья, например, где родители злоупотребляют алкоголем. Часто это семья с хорошим материальным достатком, комфортным жильем, но при этом в семье есть насилие над ребенком. Насилие в семье – это сознательное поведение человека, посредством которого он добивается абсолютного подчинения и контроля над детьми. В дальнейшем модель поведения родителей станет эталоном поведения ребенка. Например, если его родители применяли физическое наказание, то, став взрослым, он также будет использовать ремень в своей семье.

В собственно психологическом аспекте проблематика насилия представляет область, разрабатывающуюся в мировой психологии последнюю четверть XX века, в частности, в работах К. Брона, С. В. Ильина, Дж. Кобрина, Д. Левинсона, Р. Лэнга, Э. Миллера, Н. М. Платоновой, Ю. П. Платонова. Рассмотрением эмоциональной депривации занимались исследователи В. В. Ковалев, И. Лангмейр, А. Маслоу, З. Матейчик, В. С. Мухина, З. Фрейд, Э. Фурман, которые рассматривали её как особую форму психотравмирующих факторов [1, 2].

Ф. И. Минюшев является одним из ученых, исследовавших в отношении детей. Психолог отмечает, что данный вид насилия осуществляется в четырех направлениях: экологическом, биогенетическом, социальном и психологическом.

Каждое из направлений по-своему интерпретирует исходящую человеческую агрессию. Например, тип психологического воздействия объясняет причину агрессии родителей по отношению к детям, изначальную враждебность друг к другу, а также стремление решать волнующие проблемы за счет близких, то есть «потребность уничтожить другого человека, чтобы спасти себя» [3, с. 115].

Жестокое обращение с детьми стало сегодня распространенным явлением: 10% жертв насилия имеют летальный исход, у остальных развиваются отклонения в физическом, умственном и эмоциональном развитии. Это не только наносит непоправимый вред здоровью ребенка, травмирует его психику, тормозит развитие его личности, но и формирует социально дезадаптированных, инфантильных людей, которые не умеют работать, не умеют создавать здоровую семью, быть хорошими родителями. В настоящее время это стало серьезной социальной и общечеловеческой проблемой [4, с. 8].

Подобная ситуация в нашем обществе, безусловно, является следствием ряда проблем – экономических, связанных с резким падением уровня жизни большей части населения и незащищенностью, и социальных – общество утратило основные социально значимые ценности, и психологических, воспитывающих в течение длительного времени инфантилизм, отказ принимать жизненно важные решения, брать на себя ответственность, зависимость от других, а главные педагогических – общество, государство не несут ответственности за воспитание человека, формирование его морально-этических принципов.

По мнению специалистов, существуют три основные сферы отношений, в которых, с одной стороны, дети социализируются, а с другой стороны, ребенок подвергается риску физического, эмоционального, психологического насилия: семья, образование, государственные учреждения интернатного типа и сфера макросоциальных отношений.

Насильственные действия могут принимать самые разные формы: прозвища, оскорбительный взгляд, убийство. Они могут принимать вид вербального, физического, социального и психического насилия. Не все формы насилия являются криминальными, в частности насилие в семье. Этот тип насилия включает в себя множество насильственных действий, включая ограничения доступа к пище, одежде, образованию и социальным услугам; унижение достоинства; нарушение внутренних границ личного опыта; пренебрежение потребностями и интересами ребенка.

Наиболее часто используются следующие термины:

- пренебрежение, плохое обращение;
- суровые физические наказания, физическое насилие, издевательства;
- сексуальное насилие.

Безнадзорность в первую очередь понимается как отсутствие надлежащей родительской заботы или ухода, когда ребенок нуждается в помощи со стороны взрослых, бездомен или живет в физически опасной среде. Имеются серьезные упущения в поведении родителей в обеспечении жизненных (жизненно важных) потребностей ребенка в пище, одежде, крове, медицинской помощи и защите от опасных условий. В сущности, речь идет о состояниях депривации. В социально-психологической литературе близким к этому определению является термин «социальное сиротство», или лишение детей родительской опеки при живых родителях.

Физическое насилие определяется как преднамеренное применение суровых телесных наказаний или причинение ребенку ненужных страданий, таких как удары кулаками, ногами, колющие удары или прижигания.

Сексуальное насилие понимается как использование ребенка целью сексуального удовлетворения взрослого или лица значительно старше жертвы. Насилие может совершаться в различных формах: непристойные действия, сексуальные отношения, изнасилования, инцест, порнография, проституция несовершеннолетних. Определение сексуального насилия фокусируется на отношении жертвы насилия к совершаемым действиям. Сексуальное насилие относится к вовлечению функционально незрелых детей, которое они совершают, не понимая их, на которое они не могут дать согласия или нарушает табу социальных (семейных) ролей.

Следующий вопрос, который возникает при анализе насилия в отношении детей, связан с оценкой тяжести жестокого обращения и характера непосредственных и долгосрочных социально-медицинских последствий. Тяжесть последствий связана с такими факторами, как частота и продолжительность актов жестокости, их массовость, возраст ребенка, особенности личности. Характеристика жестокого обращения состоит из:

- оценки выполняемых действий (эмоциональных, сексуальных, физических);
- длительность их воздействия и особенности последствий (психологических, физических, эмоциональных).

По мнению ряда исследователей, к факторам риска жестокого обращения с детьми со стороны родителей относятся:

- алкоголизм, признаки асоциальной деформации личности и преступности, психопатические черты в виде психической ригидности с аффективной возбудимостью;
- незрелость родителей и их изолированность, отсутствие социальной и психологической поддержки со стороны бабушек и дедушек;
- низкий уровень самооценки родителей, пониженная толерантность к стрессам и личным проблемам.

По мнению ряда исследователей, к факторам риска жестокого обращения родителей с детьми относятся:

- алкоголизм, признаки асоциальной деформации личности и преступности, психопатические черты в виде психической ригидности с аффективной возбудимостью;
- незрелость родителей и их изолированность, отсутствие социальной и психологической поддержки со стороны бабушек и дедушек;
- низкая самооценка у родителей, пониженная толерантность к стрессам и личным проблемам.

Школьная среда в общеобразовательной школе, которая переживает возрастающую дифференциацию программ, внедрение «элитарных» форм обучения, создает зоны повышенной конфликтности между сверстниками разных социальных групп. Это способствует повышению агрессивности в системе межличностных отношений.

Стремительный рост «социального сиротства» сопровождается вытеснением детей из неблагополучных семей на улицу, сокращением досуговой

базы детей школьного возраста, доминированием культа «успеха посредством насилия». Большая группа детей живет в криминальной среде. Эти дети вовлечены в преступную деятельность, и подвергаются риску различных форм насилия.

В профилактической работе по предупреждению семейного насилия над детьми можно выделить несколько основных мер:

- меры, направленные на развитие облегчающих условий и минимизацию усугубляющих;
- меры, направленные на взрослых;
- меры, направленные на детей и подростков;
- меры, направленные на улучшение взаимодействия между ребенком и взрослым.

При комплексном подходе профилактика должна проводиться по всем направлениям. Однако, единичные меры также способны предотвратить жестокое обращение к конкретному ребенку в конкретном случае, а значит, дать шанс ребенку избежать травматизации.

Профилактическая работа по предупреждению семейного насилия в отношении детей включает в себя просвещение родителей о правах и свободах детей, закрепленных в международном и федеральном законодательстве, отказ от культурно оправданных форм насилия, особенно в сфере воспитания и перевоспитания детей; полный отказ от физических наказаний; привитие ценностного отношения к детям и детству и др. Эта работа может быть построена с использованием таких форм, как использование плакатной информации, выступления на родительских собраниях, проведение родительских клубов, издание газет внутри образовательного учреждения, индивидуальные беседы и консультации, выработка рекомендаций по воспитанию детей и т. д.

Так, в качестве основных рекомендаций можно довести до создания родителей некоторые основные тенденции в семейном воспитании. Необходимо сделать акцент на создании, прежде всего, благоприятной семейной атмосферы дома, характеризующуюся теплом, положительным интересом и участием взрослых членов семьи к детям. Важно исключить метод угроз и запугивания детей в решении домашних проблем. Не стоит родителям прибегать к взаимным оскорблениям и резким обвинениям в адрес друг друга и детей. Необходимо помнить, что психологическое насилие (т.е. унижение чувства собственного достоинства, словесные оскорбления, грубость по отношению к детям) способно глубоко ранить ребёнка. Стоит также остановиться на экономической форме насилия к членам семьи, которое также не приемлемо в отношениях. Необходимо сообщить родителям о том, чтобы они никогда не применяли физические виды насилия к членам своей семьи. Важно научить детей заботиться о младших, о пожилых людях, о больных и немощных.

Стоит в качестве рекомендаций начать детям читать настоящую художественную литературу, помогая им тем самым развивать хороший вкус в выборе видеофильмов. Совместно чтение пойдет только на пользу.

Искренне любите детей. Помните, что «лаской всегда добьёшься больше, чем грубой силой». В. А. Сухомлинский говорил: «Ребёнок ненавидит того, кто бьёт. Помните о личном примере. Будьте во всём образцом своим детям!» [5, с. 119].

Таким образом, психологическое просвещение родителей выступает в качестве одного из инструментов профилактической работы в решении проблем семейного насилия. В качестве форм психологического просвещения можно использовать стендовую информацию, выступление на родительских собраниях, проведение родительских клубов, выпуск газет внутри образовательного учреждения, индивидуальные беседы и консультации, разработка рекомендаций по воспитанию детей и т. д.

Примечания

1. Ильина С. В. Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 65-75.
2. Насилие в семье: Особенности психологической реабилитации. Учебное пособие / Под ред. Н. М. Платоновой и Ю. П. Платонова. СПб.: Речь, 2004. – 154 с.
3. Минюшев Ф. И. Социология культуры: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Социология» и «Социальная антропология» / Ф. И. Минюшев; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Акад. проект, 2004. 270 с.
4. Шульга В. И. Домашнее насилие и статистика бытовой преступности [Электронный ресурс] / В.И. Шульга.: [Б.и.], 2008. 12 с. Режим доступа: <https://lib.rucont.ru/efd/192302>
5. Сухомлинский В. А. В. А. Сухомлинский. О воспитании. М.: Высшая школа, 2014. 272 с.

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И РАССЛОЕНИЯ НА УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РАДИКАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

*Долгополов К. А., зав. кафедрой уголовного права и процесса СКФУ,
кандидат юридических наук, доцент*

С позиции современной радикальной социологии рассматривается влияние на уголовное наказание фактора социального неравенства и стратификации общества.

Ключевые слова: криминализация, наказание, преступность, социальное неравенство, стратификация.

Радикальная социология девиантного поведения выросла на фоне социально-экономической и социально-политической дестабилизации западного общества в 60-70-х годах XX века и подпитывалась идеями неомарксизма, теориями аномии и стигматизации. Представители данного направления подчеркивали неравенства в привлечении к уголовной ответственности, существующие в социальной структуре общества.

Придерживаясь концепции о повсеместной криминализации в иерархии социальной структуры и стратификации общества, они рассматривали преступность как явление, связываемое с социальными низами в силу их

определенной социальной незащищенности. Как отмечал представитель радикальной социологии девиантного поведения Р. Куинни: «Криминальная реальность в обществе зиждется на интерпретации преступного и непроступного...В основе процессов криминализации лежат классовые конфликты и противоречия...В качестве преступных классифицируются действия, противоречащие интересам господствующих экономических классов...Будет ли то или иное деяние оценено как преступное или нет, решает класс, имеющий власть и занимающийся законотворческой деятельностью» [1, с 380-388].

Закон и наказание являются атрибутом социального неравенства и инструментом господства высших слоев. Устанавливая норму и санкцию за ее нарушение, власть имущие тем самым стигматизируют те слои и группы, которые будут за эту норму выходить в силу особенностей своего социального положения и условий жизнедеятельности. Более того, господствующие классы криминализируют поведение, которое противоречит или угрожает их интересам. Некоторые представители радикальной социологии девиантного поведения пошли далеко в своей критике социального неравенства как источника преступности и объявили преступным классовое общество как таковое.

Э. Шур написал работу с радикальным названием «Наше преступное общество», в котором обозначил ряд тезисов, направленных на осуждение криминогенных последствий образа жизни американского общества:

«— американское общество преступно, поскольку оно является обществом неравноправных;

— американское общество преступно, потому что в наших культурных ценностях есть элементы, порождающие преступность;

— американское общество преступно, поскольку оно создало «дополнительные» преступления путем чрезмерной регламентации общественной жизни;

— американское общество преступно потому, что оно руководствуется не реальными и не действующими принципами при подходе к проблемам преступности» [2, 33-40].

Таким образом, представители радикального направления в социологии девиантного поведения в своих работах фактически установили предельные границы рассмотрения влияния фактора социального неравенства и расслоения на уголовное наказание. Они во многом повторили и акцентировали в неомарксистской редакции основные положения теорий социальной дезорганизации, аномии и стигматизации. В первую очередь это касается концепта «коллективной стигматизации» рассмотренного как противоречие между нормами, выражающими интересы господствующего «класса для себя» и криминализацией этими нормами расположенных ниже в социальной иерархии «классов в себе». Преступность выступила как естественное порождение классового неравенства, воспроизводящееся в социальной структуре и стратификации капиталистического общества.

Примечания

1. Quinney R. The Social Reality of Crime, Little, Brown, 1974. P. 380-388.
2. Шур Э. Наше преступное общество. М.: Прогресс, 1977.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ

Дулин К. А., аспирант кафедры философии СКФУ
Научный руководитель – Сергодеева Е. А.,
профессор кафедры философии СКФУ

В статье рассматривается роль процесса глобализации в наблюдающемся последнее время по всему миру снижении уровня общественного доверия. Описывается негативное влияние глобализации на факторы, составляющие условия формирования благоприятного климата доверия.

Ключевые слова: глобализация, общественное доверие, культура доверия.

Согласно социологическим исследованиям, показатели доверия в Российской Федерации последние годы неуклонно снижаются. Максимальное снижение отмечается в области институционального доверия [1], уровень которого и прежде нельзя было считать удовлетворительным, но и показатели обобщённого доверия находятся на довольно низком уровне [2], в динамике демонстрируя скорее негативные тенденции. Однако такие характеристики социальной действительности в настоящее время присущи далеко не только России. Помимо очевидных примеров стран, претерпевающих радикальные общественные и политические преобразования и неизбежно испытывающих связанные с этим проблемы доверия к новым формирующимся политическим и гражданским институтам, начиная с 1990-х годов кризис доверия также отчётливо наблюдается в наиболее развитых странах мира. Даже в этих странах положительный ответ на вопрос социологов о доверии большинству окружающих тебя в обществе людей дают существенно меньшее количество респондентов, чем ещё 30-40 лет назад. При этом такие ответы все больше сопровождаются множеством оговоров и дополнений. Кроме этого, как отмечает Джеффри Хоскинг, многочисленные социологические данные из США и Европейского союза дают «все основания полагать, что доверие к государственным институтам также теряется» [3, с.9]. К этому можно добавить снижение уровня потребительского доверия, а говоря в более широком смысле – доверия к «экспертным системам», отмеченное ещё три десятилетия назад Энтони Гидденсом [4, с.127]. В области рутинного доверия, характеризующего состояние уверенности в постоянстве непосредственно окружающей человека среды и чувства стабильности повседневной жизни, негативные тенденции наблюдаются ничуть не в меньшей степени. Обыденный мир, в который постоянно погружен человек, сегодня очень часто оказывается радикально непредсказуем, неся в себе перспективу ситуаций, для последовательного и спокойного переживания которых человек нередко не располагает ни должными навыками, ни соответствующим знанием. Чувство безопасности сменяется перманентным ощущением присутствия риска, уверенность в стабильности уступает место пониманию неизбежной изменчивости состояний среды. И на доверие, как на одно из состояний, постоянно сопровождающих

человека в процессе его взаимодействия с окружающим миром, это оказывая существенное влияние.

Несмотря на то, что в отдельно взятых странах, в зависимости от степени распространённости и укоренённости в их обществах «культуры доверия» [5, с. 290], вышеописанные тенденции проявляются в разных формах и с различной интенсивностью, тот факт, что мы наблюдаем их по всему миру, дает основания предполагать существование у них максимально общих и универсальных причин. В качестве одной из них представляется уместным рассмотреть разворачивающийся последние несколько десятилетий процесс глобализации, который удивительным образом коррелирует с общемировым кризисом доверия. Чтобы понять, каким образом глобализация может влиять на уровень общественного доверия в отдельных странах, можно прибегнуть к подходу, предложенному польским социологом Петром Штомпкой, а именно – определить оказывает ли негативное влияние процесс глобализации на факторы, благодаря которым доверие в обществе вообще формируется. Для демонстрации наличия такого влияния достаточно обратиться к двум выделяемым Штомпкой факторам: 1. Возможности осуществления качественного и достоверного расчёта добросовестности адресата доверия, будь то конкретный человек или институция; 2. Комплексным условиям формирования и воспроизводства положительного климата доверия.

В части оценки конкретного адресата, в качестве достойного или недостойного доверия, первостепенное значение имеет доступность и достоверность информации о нем. В обстоятельствах глобального мира количество людей и институций, которым человек может адресовать доверие, значительно возрастает, дистанция между ними тоже становится больше, что сокращает возможности непосредственно доступа к адресатам доверия и к информации о них. Взаимодействие социальных акторов (что включает в себя и взаимодействие в области политики) оказывается опосредовано структурами, которые можно объединить под общей категорией источников информации (средства массовой информации являются самой значимой их разновидностью). Сами адресаты доверия в такой ситуации остаются как бы анонимны, что влечёт за собой ощутимое снижение чувства уверенности в процессе коммуникации в его целостности. А увеличение количества контактов, способствующее их краткости и мимолётности, ограничивает возможности получения информации в объёме, достаточном для оказания доверия.

И если прежде единство культуры обеспечивало людей наглядными нормативными параметрами оценки перспектив исполнения адресатом доверия взятых на себя обязательств, то в ситуации, когда современное состояние глобальной социальной действительности необходимо предполагает постоянные интеракции с представителями других культур, идентификация заслуживающего доверия взаимодействия оказывается крайне затруднена, как в силу различия нормативных порядков, так и форм их выражения. Обратной стороной культурного плюрализма, таким образом, часто может оказаться сдержанность в оказании доверия.

К этому следует добавить обстоятельства, вызывающие затруднения в установлении и воспроизводстве культуры доверия: формирование глобальных экономических структур провоцирует сомнение в отношении ис-

пользования имеющихся в их распоряжении ресурсов для эксплуатации и манипулирования; постоянное изменение жизненного пространства людей, обусловленное непрерывной пересекающейся миграцией культурных символов и социальных практик, провоцирует неуверенность, проявляющуюся в повседневной жизни; культурный плюрализм сопровождается этической анонимией, нередко усложняющей коммуникацию между людьми и сообществами; разрушение сообществ, основывающихся на имеющем традиционное происхождение ценностном базисе, обостряет для конкретных людей проблему самоидентификации и потерянности, что может находить разрешение в их ещё более радикальном обособлении в узких сообществах, ограничивающих рамки распространения доверия, а в крайних случаях быть источником конфликтов; увеличение масштабов разных форм коммуникаций само по себе есть существенный фактор роста уровня рисков, как для отдельных людей, так и для сообществ и групп; глобальность экономических и политических процессов затрудняет исполнение функций независимыми институтами, «контролирующими и взывающими добросовестность» [5, с.423], что немаленно также усугубляет климат доверия.

Таким образом, с достаточной уверенностью можно утверждать, что глобализация, несмотря на ряд безусловно позитивных перспектив, является одной из причин, способствующих снижению уровня общественного доверия в различных его формах. Однако, необходимо отметить, что сложившаяся ситуации может стать поворотным моментом в выработке практик доверия, основанных не на рациональном расчёте или уверенности в реализации ролевого поведения, гарантируемого эффективно функционирующей замкнутой системой институтов, а реализующихся по определению Адама Селигмена как «разновидность веры в добрую волю другого, принимая во внимание непрозрачность намерений и расчётов этого другого», при том, «что непрозрачность намерений есть следствие присутствия в поведении другого некоторых аспектов, не являющихся частью ролевого поведения» [6, с.43].

Примечания

1. Доверие к государственным институтам и стратегии экономического поведения населения / [Электронный ресурс] / <https://social.ranepa.ru/images/News/2017-03/29-03-2017-opros-gos-inst.pdf>
2. Мукомель В. И., Рыжова С. В. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. 2017. №1. С. 37-46.
3. Хоскинг Джеффри. Доверие: история. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 296 с.
4. Гидденс Энтони. Последствия современности. М.: Практикс, 2011. 352 с.
5. Штомпка Петр. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.
6. Селигмен Адам. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Еншина Д. У., студент СКФУ
Научный руководитель – Паслер О. В.,
доцент кафедры социологии СКФУ

Статья посвящена теоретическому изучению проблем, с которыми сталкивается молодежь при построении карьеры, представлений молодежи о карьере, карьерном успехе и месте карьеры в их жизни. Рассматривается проблема успешной реализации профессиональной карьеры молодежью в условиях трансформации российского общества и современных ценностей.

Ключевые слова: карьера, карьерные установки, карьерные ориентации, карьерный успех, профессиональное самоопределение, молодежь.

Тема карьерных установок молодежи вызывает сейчас еще больше вопросов, чем раньше. Стремительные изменения на рынке труда и сфере образования привела к трансформации системы ценностей молодого поколения в России, к примеру, ориентирами жизненного успеха современной молодежи являются интересная работа, прекрасная карьера, рабочий комфорт, высокий заработок и стремление реализовать свой личностный и творческий потенциалы.

В последнее время в обществе, особенно среди молодого поколения, происходит переосмысление феномена «карьера», ведь еще несколько лет назад люди, ставящие карьеру на первое место в жизни, оценивались с негативной точки зрения. Сегодня быть карьеристом – значит быть успешным. При этом в рамках карьеры люди стали больше уделять внимания удовлетворенности работой, а не деньгам.

Современная молодежь достаточно быстро взрослеет, однако образ будущего, равно как и долгосрочные карьерные стратегии, для большинства молодых людей представляются размытым и неясным. Современные подростки отказываются заглядывать далеко в будущее, предпочитая жить настоящим, что приводит к развитию таких качеств, как инфантилизм, пассивность, подчиненность обстоятельствам.

Интересы и ценности конкретного человека в отношении его профессиональной карьеры отражены в понятии «карьерные установки». Выбирая свою будущую профессию, молодые люди часто не знают и не задумываются относительно существа той деятельности, которую им предстоит выполнять после окончания учебного заведения. Нередко, выбирая траекторию карьеры по совету родителей или под влиянием внешних факторов, они примеряют на себя мечты других людей и искренне верят, что эти мечты и есть их собственные. Можно с уверенностью сказать, что юношеские карьерные планы отличаются двумя характерными особенностями: относительно слабой, неустойчивой сформированностью и довольно сильной нравственной нормированностью со стороны старших поколений.

Современная молодежь сталкивается со многими проблемами в процессе профессионального становления. Среди факторов, тормозящих форми-

рование карьерных установок и стратегий молодежи, можно назвать высокий уровень конкуренции на рынке труда, отсутствие спроса на отдельные специальности, а также отсутствие у молодых людей трудового стажа. Подобные трудности с успехом решаются в Америке и Европе через механизм бесплатных стажировок в ведущих компаниях. Молодые специалисты готовы работать бесплатно, чтобы получить заветную строчку в резюме, которая откроет перед ними все двери или даст возможность получить приглашение остаться.

Определенные трудности создает для молодежи отсутствие в России эффективной системы профессионального ориентирования выпускников школ. Выбирая профессиональную карьеру, молодежь ориентируется либо на престижность и популярность будущей профессии, либо руководствуясь желанием просто получить высшее образование без привязки к дальнейшей деятельности после окончания вуза. Между тем, по мнению американских ученых, правильный выбор профессии более, чем в два раза уменьшает поток кадров, на десять процентов увеличивает производительность труда. При этом уменьшается стоимость обучения кадров в полтора раза. [1, с. 26] Отсутствие помощи в профессиональной ориентации, гарантий государства по трудоустройству после окончания вуза существенно тормозит формирование и успешную реализацию карьерных стратегий молодых людей. Вместе с тем, не менее важной является проблема адекватности карьерных ориентаций молодежи реальным условиям современного общества: их представлений и реалий на рынке труда.

Сталкиваясь с обозначенными трудностями, молодежь нередко опускает руки, теряет веру в перспективу карьерного роста, становится безынициативной и довольствуется малым – работой не по специальности, низкой зарплатой и частой сменой работодателей. [2]

Таким образом, формирования карьерных ориентаций является важной начальной ступенью профессионализации личности. Неясность и противоречивость карьерных установок затрудняет построение профессиональных планов у молодежи. Перспективным направлением дальнейшего исследования видится изучение развития карьерных ориентаций студенческой молодежи разных мотивационных профилей.

Примечания

1. Егорова У. Г. Карьерные ориентации в студенческом возрасте // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19. № 6. С. 26-29.

2. Пушкарева Л. Г., Мусин А. Размышления о карьере (по данным опроса молодежи) // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 02. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razмышleniya-o-kariere-po-dannym-oprosa-molodezhi>

СМИ КАК ФАКТОР СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Илюшина О. О., магистрант ГИ
ФГАОУ ВО СКФУ

В статье уточняется изменение функционирования СМИ в условиях информационного общества, характеризуется их роль в формировании массового сознания. Обосновывается идея, что СМИ являются одним из основных факторов, воздействующим на стереотипизацию массового сознания.

Ключевые слова: СМИ, массовое сознание, социальный стереотип, стереотипизация, информационное общество, манипуляция.

В современную эпоху значительно увеличилась роль информации. Она стала главным фактором развития общественных отношений, что позволяет характеризовать нынешнее общество как информационное. В связи с этим наблюдается все более возрастающая роль средств массовой информации в формировании массового сознания.

Согласно закону РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» под массовой информацией понимаются «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы» [1]. В данном законе содержится следующее определение средств массовой информации: «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [1].

Массовое сознание – это один из видов общественного сознания, наиболее реальная форма его практического существования и воплощения. В массовом сознании содержатся принятые обществом нормы поведения, ценностные установки, взгляды и представления о базовых понятиях, а также знания, накопленные человечеством. В существе массового сознания заключены совокупность познаний, образы, значимые социальные установки, ценностные нормы обширной части общества, которые по каким-либо осознанным причинам являются общепринятыми. Они создаются и впоследствии изменяются в процессе коммуникации индивидов.

Одним из основных факторов, оказывающих влияние на массовое сознание молодежи, является деятельность средств массовой информации. Инструментами СМИ выступают стереотипы, с помощью которых можно осуществлять контроль над формированием общественного мнения.

При этом понимание контроля не всегда имеет исключительно негативные коннотации. Следует подчеркнуть, что СМИ открывают новые пути воздействия на социокультурную сферу и общественное сознание в том числе. Их внедрение «... существенно расширяет культурный топос повседневности, порождает новые смыслообразующие центры, меняет образ мышления и структуру ценностных приоритетов» [2, 319].

В данном контексте стоит рассмотреть стереотипизацию сознания как амбивалентное социальное явление. Стереотипизация – термин, возникший в социальной психологии. Он имеет следующее значение: «восприятие, классификация и оценка объектов социальных (событий) путем распространения на него характеристик некоей группы социальной и прочего на основе определенных представлений – социальных стереотипов [3, с. 506]. Основываясь на элементарных общепсихологических механизмах, связанных с упорядочением и отбором информации, стереотипизация в итоге выступает как сложное социально-психологическое явление. Оно выполняет ряд функций, важнейшие из которых – поддержание идентификации личности и группы; оправдание возможных негативных установок по отношению к другим группам.

Стереотипы социального взаимодействия возникают в силу действия двух особенностей человеческого сознания:

- конкретизации – стремления к ассоциированию абстрактных понятий с какими-то конкретными образами;

- упрощения, суть которого сводится к выделению из всего многообразия переменных, характеризующих объект, нескольких признаков.

Мнения формируются под влиянием стереотипов, которые представляют собой крайние формы обобщений. Стереотипность в повседневном мышлении более всего зависима от средств массовой информации, транслирующих образцы поведения. В результате стереотипы, находясь в перцепционной части мышления, привязываются к страхам, желаниям, предпочтениям, гордыне, гордости и иным формам чувственного переживания, детерминируя привязанность или неприятие объектов.

Зависимость мировоззрения индивида от стереотипов, вкладываемых в сознание средствами массовой информации, имеет все более ярко выраженную направленность. Воздействие СМИ создает ситуацию, что современному человеку присуща тяга к упрощению получаемой информации. Зачастую не воспринимается контент научного характера, поэтому большую популярность имеют продукты развлекательного характера. Сознанием вырабатывается привычка обработки сложной информации, требующей от нас размышления и анализа явлений, событий. Все это накладывает ощутимый отпечаток на упрощении формировании стереотипов в массовом сознании молодежи.

Примечания

1. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 06.06.2019) «О средствах массовой информации»

2. Сергодеева Е. А., Бурчикова Е. О. Коммуникативные практики в повседневности информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 317-319.

3. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, 1998. 799 с.

УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Кабенова М. Ф.
Магистрант института философии СПбГУ
Научный руководитель – Осипов И. Д.,
Профессор кафедры истории философии

Современный мир характеризуется высокой степенью неопределенности, связанной с появлением новых сфер возможностей, но вместе с тем и потенциальных конфликтов, что ведет к угрозе безопасности, ощущаемой на многих уровнях человеческого взаимодействия, начиная с микросоциологических процессов и заканчивая сферой международных отношений. Данное состояние неопределенности и угрозы ведет к появлению радикальных мер в качестве ответов на потенциальные вызовы и угрозы, как со стороны государства, так и самого общества.

Ключевые слова: международные отношения, социальные практики, современное общество, турбулентность, радикализация.

Современное общество находится на том этапе своего развития, когда устоявшиеся институты начинают терять свою легитимность, меняются устоявшиеся нормы, правила, социальные практики, меняется доминирующая в обществе культура, а само общество начинает характеризоваться состоянием турбулентности и неопределенности.

Данное состояние влияет на все сферы человеческой жизни, начиная от микросоциологических процессов и заканчивая некоторыми аспектами международных отношений. Но можно выделить основные тренды: процессы в сфере международных отношений на данном этапе, противоречивы и противоположны; когда социально-политические процессы выглядят достаточно неоднозначными.

Так, наблюдается, что в системе международных отношений протекают одновременно противоположные тенденции [1]:

- глобализация и регионализация;
- интеграция и дезинтеграция;
- демократизация и дедемократизация.

Мы видим, что одновременно с процессами «стирания границ» и усиления взаимозависимости всех акторов международных отношений, усиливается и тенденции обособления отдельных регионов, а также игроков, занимающих схожее положение в системе международных отношений; рост антиглобалистских настроений, потеря легитимности наднациональных институтов (Brexit, предвыборные программы Национального фронта, АдГ).

В деглобализационных процессах и настроениях особую роль играет использование международных финансовых инструментов и усилившейся взаимозависимости в целях давления одних игроков другими, что прослеживается в новых валютных, торговых, сырьевых, ценовых войнах. Поэтому желание ослабления международных связей и введения протекционистских

мер представляется вполне логичным следствием попыток сохранения собственной независимости и защиты своих интересов.

Мы наблюдаем одновременно два процесса: с одной стороны, мы видим, что в политическое поле может входить все большее число разных игроков, что может нести угрозу национальной безопасности практически любого государства, а также появляются новые способы коммуникации и взаимодействия; с другой стороны – усиливается и радикализуется реакция государства и общества на потенциальные вызовы и угрозы. Что касается новых способов взаимодействия, мы видим, что все большую популярность обретают как виртуальные, так и реальные флешмобы или, например, шутки или другие элементы развлечений, которые могут иметь долгосрочные политические последствия. Например, крушение режима Мубарака в Египте начиналось с флешмобов, подключавших к движению все большее число людей. [2, с. 93]

В социальном поле наблюдается усиление социальных практик, строго регламентирующих допустимое поведение и накладывающих достаточно жесткие санкции в случае нарушения «негласных правил», это выражается в социокультурном поле в виде, например, «культуры отмены». Не менее жесткие тенденции наблюдаются и со стороны государств на примере системы социальных кредитов в КНР или становления так называемого «цифрового концлагеря».

В сфере социально-политических отношений также наблюдаются тенденции, характерные обществам различных государств. Достаточно ясно прослеживается:

- усиление идентификации себя со своей социальной группой

Наблюдая тенденции последних лет, мы можем сказать, что современный демократический процесс идет через противоборство социальных групп, которое способствует трансформации, доминирующей в обществе культуры, регулирующей характер общественных отношений.

- поляризация политических взглядов

- повышенная эмоциональность

Повышенную эмоциональность или восприимчивость можно объяснить тремя основными факторами:

- 1) Состояние перманентной угрозы. Важно отметить, что угрозы зачастую чувствуются как от других социальных групп (по этническому, конфессиональному, половому или какому-либо другому признаку), других государств или даже со стороны своего государства. Последние события показывают, что проблемы внутриполитической безопасности становятся все более актуальными, и разные государства начинают принимать разные решения в целях упразднения потенциальных или действующих конфликтов. Начиная от принятия решений, не способных удовлетворить интересы всех социальных групп и усиливающих социальные противоречия, что мы наблюдаем на примере Франции, и заканчивая усиленным контролем вплоть до использования камер распознавания лиц в целях ограничения перемещений на улицах СУАР в Китае.

- 2) Состояние турбулентности и неопределенности

- 3) Социальные проблемы (рост социального разрыва, потери рабочих мест, связанных с научно-техническим развитием или миграционным кризисом).

Все в совокупности усиливает общее чувство тревоги, что приводит к тому, что обществом в целом становится легче управлять. На базе этого и появляются такие явления, как постправда или fake news, когда объективные вещи и факты играют не такую важную роль в сравнении с эмоциональной составляющей аудитории. В то же самое время это дает и почву для появления и негосударственных игроков, выражающих интересы определенных социальных групп, которые часто могут носить деструктивный характер [3]. Но появление и усиление негосударственных игроков (течений, движений и пр.) в государственном поле, говорит о том, что и само государство, не способное вовремя отвечать социальным, культурным, международным вызовам, тоже начинает терять свою легитимность.

Примечания

1. Лебедева Марина Михайловна: мегатренды и «мягкая сила». Интервью #14. Игорь Парин: Мировая политика / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Ptfk2hIT2OI> // (Дата обращения 09.11.2020).
2. Гоним В. Революция 2.0/ Издательская группа Лениздат, 2012. С. 93-108.
3. Эрин Мари Солтмен. Почему молодежь вступает в насильственные экстремистские группировки и как можно их остановить / TEDxGhent [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.ted.com/talks/erin_marie_saltman_how_young_people_join_violent_extremist_groups_and_how_to_stop_them?language=ru (Дата обращения 09.11.2020).

ЕГЭ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕЗУЛЬТАТЫ

*Кантемирова И. Б., канд. социол. наук, доцент,
доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО КубГУ,
Кантемирова Н. Г., учитель химии МБОУ СОШ № 73
г. Краснодара им. А. В. Молчанова*

В статье рассматривается единый государственный экзамен как социальный процесс, приведены его этапы, участники, раскрыты цели и результаты на микро- и мезоуровне социальной реальности. Выделены социальные, психологические и педагогические факторы, влияющие на результаты ЕГЭ.

Ключевые слова: социальный процесс, единый государственный экзамен, ученики, родители, педагоги.

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) – один из самых важных вопросов для российских старшеклассников, планирующих дальнейшее обучение в высших учебных заведениях, и их родителей. Так что же такое ЕГЭ? Это «форма государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования» [1].

С позиции социологии ЕГЭ можно рассматривать как социальный институт, через который реализуется аттестация выпускников российских школ и отбор абитуриентов для получения высшего образования в ВУЗах РФ, а также как социальный процесс.

Социальным процессом называется «совокупность однонаправленных и повторяющихся социальных действий, которые можно выделить из множества других социальных действий» [2, с. 274]. Исходя из данного определения, ЕГЭ представляет собой ежегодно повторяющийся социальный процесс, включающий следующие действия его участников: подготовку к ЕГЭ, сдачу экзамена, проверку работ, объявление (размещение на соответствующем информационном ресурсе) результатов ЕГЭ и их отправку абитуриентами, успешно сдавшими экзамены, в выбранные ВУЗы. Рассматривая ЕГЭ как социальный процесс, мы можем выделить социальные и профессиональные группы, задействованные в нем: выпускники школ (одинадцатиклассники), родители выпускников, педагоги, организаторы ЕГЭ, наблюдатели и др.

ЕГЭ, как социальный процесс, затрагивает разные уровни социальной реальности: на индивидуальном или микроуровне, связан с социализацией и интеграцией индивида в общество; на мезоуровне, охватывает такие социальные институты как институт среднего общего образования, высшего образования и семью.

На институциональном уровне целью рассматриваемого социального процесса является отбор абитуриентов для поступления в ВУЗы страны, что, в свою очередь, способствует воспроизводству высококвалифицированных кадров для экономики. На микроуровне участники процесса имеют свои индивидуальные цели.

Результаты ЕГЭ, как социального процесса, конкретны и выражаются в баллах, полученных выпускниками. Число полученных баллов определяет прохождение выпускником порога успешности по предмету и уровень его конкурентоспособности при поступлении в ВУЗ. Как и цели, результаты ЕГЭ имеют индивидуальную значимость для выпускников школ и их родителей, и институциональную значимость для системы итоговой аттестации выпускников и отбора абитуриентов высшими учебными заведениями.

Ежегодно фиксируется факт наличия выпускников, не сдавших ЕГЭ (не преодолевших порог успешности) по одному или нескольким предметам. Этот показатель динамичен. Так, по данным Росособнадзора, «доля участников единого государственного экзамена, не преодолевших минимальный порог, в 2019 году составила 6,4%, в 2018 году – 4,8%» [3]. А что же может служить причиной низких показателей по результатам ЕГЭ (к низким показателям относятся: число или доля не сдавших ЕГЭ, получивших неконкурентоспособные баллы абитуриентов; средние баллы школы по итогам ЕГЭ ниже федеральных, региональных и городских значений)? Эти вопросы волнует каждого выпускника, родителей выпускников, учителей, всех участников образовательного процесса.

В МБОУ СОШ № 73 города Краснодара был обобщен педагогический и административный опыт и выделены факторы (социальные, психологические, педагогические), влияющие на результаты ЕГЭ. Материал апробирован в рамках педагогического совета школы в ноябре 2018 года.

Итак, был выделен ряд значимых факторов. Рассмотрим каждый их них.

Фактор мотивации детей в учебном процессе и мотивации на положительные / высокие результаты ЕГЭ, включает: целеустремленность ребенка; самостоятельность выбора профессии и ориентированность на профессию; желание получить высшее образование. Речь идет о наличии стратегии старшеклассника в сфере профессионального образования. «Большинство современных старшеклассников не имеют осмысленной стратегии и порой не подозревают о ее существовании» [4].

Мотивация семьи (родителей) в рамках учебного процесса и мотивация семьи на положительные / высокие результаты ЕГЭ включает, с одной стороны, представления родителей о ребенке, его мотивации и образовательной стратегии, его будущей профессии, с другой стороны, понимание ими собственной роли в образовательном процессе ребенка, а также претензии к педагогам и школе. Если эти два фактора входят в противоречие, то это может привести: к конфликту внутри семьи между детьми и родителями или к конфликту между семьей и школой и негативно сказаться на результатах экзаменов.

Социальное окружение влияет на жизненную позицию и взгляды ребенка. Важно то, что в приоритете у ученика: собственный интерес, мнение семьи или мнение педагогов, взгляды сверстников, позиции собеседников в социальных сетях. К кому из них или к себе самому прислушивается выпускник? Что ему кажется значимым в текущий момент и в перспективе? Какой из названных факторов социального окружения способствует или препятствует формированию стратегии выбора профессии и траектории профессионального образования? Социальное окружение выпускника имеет сложную структуру. Здесь важно сформировать доверие ученика к тем, кто будет способствовать конструктивному выстраиванию его профессиональной и образовательной стратегии.

Следующий фактор также носит комплексный характер и включает уровень способностей выпускника, системность его подготовки в течение всего периода обучения в школе. Этот фактор самым непосредственным образом связан с самооценкой и степенью уверенности выпускника в своих силах. Может выступать и как фактор успеха, и как фактор неудач.

Ученики, демонстрирующие самоуверенность, обычно не испытывают трудностей со школьными предметами, запросто получают четверки и пятёрки, решают пробные тесты на неплохие баллы, но, при этом, могут быть невнимательными, не до конца дочитывать задания, и, в результате, неправильно понимать их смысл.

Ученики, демонстрирующие неуверенность в себе, характеризуются формированием стойкой позиции: «я не знаю» и «это слишком сложно для меня, даже и не буду пытаться решить задания сложного уровня».

Среди старшеклассников наблюдается присутствие группы, которую можно назвать «патологические лентяи». Они считают, что времени до единого государственного экзамена много и они успеют подготовиться. Как правило, представители данной группы обладают несистемными знаниями школьной программы, их жизненные интересы, профессиональная и образовательная стратегии не определены или размыты.

Но есть группа детей, которые подтверждают уровень подготовки на экзамене. Они демонстрируют хорошие знания в сочетании с уверенностью в себе. К ним относятся школьники с такими характеристиками, как: способности средние и выше средних, трудолюбие, ответственность, системная подготовка в течение всего периода обучения в школе, профессиональная ориентированность на определенную специальность или группу специальностей, взаимопонимание в семье и др.

Стрессоустойчивость ребенка, как фактор успеха или неудачи, «связана с личностными особенностями, которые относятся к проявлениям таких черт характера как: демонстративность, боязливая тревожность, мотивация избегания неудач и перемотивация, пониженный или неадекватно повышенный уровень притязаний ... ученика» [4]. Названные факторы оказывают отрицательное влияние на психоземotionalную устойчивость выпускника во время ЕГЭ. На работоспособность ученика оказывает влияние чрезмерная выраженность отдельных черт его характера (акцентуация характера).

Невозможно переоценить значимость фактора педагогической поддержки во время процесса подготовки к ЕГЭ. Педагогическую поддержку определяют как «специально организованную деятельность учителя, направленную на создание условий при подготовке учащегося к ЕГЭ, обеспечивающих ему решение возникающих проблем самостоятельно или совместно с педагогом» [5, с. 129-130]. Подбор образовательных технологий осуществляется в зависимости от условий и выбранного способа подготовки к ЕГЭ:

- школьным учителем на уроке и на групповых занятиях в школе;
- репетиторами на индивидуальных занятиях и онлайн-занятиях;
- преподавателями на подготовительных курсах в специализированных центрах и в ВУЗах;
- самостоятельно или с учетом рекомендаций педагогов в условиях самоподготовки ученика.

Педагогическая поддержка включает подбор образовательных технологий, обучение или консультирование, контроль усвоения материала и приобретенных навыков его применения учеником. Для осуществления эффективной педагогической поддержки в школе учитель должен внимательно следить за подготовкой выпускников, использующих разные способы подготовки, образовательные технологии и корректировать их при необходимости. Поэтому важно знать, какие технологии включены в систему подготовки каждого конкретного ученика. С этой целью, после предварительного выбора экзаменов выпускниками, учителем-предметником может быть проведен опрос с фиксацией используемых учащимися способов и образовательных технологий для подготовки к ЕГЭ по его предмету.

Что может служить основанием разговора школьного учителя с родителями по вопросам качества подготовки к ЕГЭ? Это система контроля знаний учеников учителем. Такой контроль может осуществляться один раз в четверть на основе КИМов (контрольно-измерительных материалов) по предмету. Результаты контроля обсуждаются с каждым учеником и фиксируются учителем. Учитель дает рекомендации по корректировке ошибок. Фиксации подлежат результаты КДР и ВПР. Так, у учителя-предметника складывается четкая картина подготовки к экзамену каждого ученика по его предмету.

Фактором, влияющим на результаты ЕГЭ, но не зависящим от учителя и школьной системы образования, является регулярное усложнение КИМов по отдельным предметам.

Итак, приведем перечень мероприятий по обеспечению положительных устойчивых результатов ЕГЭ, которые может проводить школа и каждый учитель.

1. Профориентационная работа с самого раннего возраста. Среди причин позднего выбора предмета для сдачи ЕГЭ отмечается отсутствие четкого представления школьников о будущей профессии. Эту работу необходимо проводить системно, особенно с учащимися в 7-8 классах, с тем, чтобы уже к 9 классу школьники имели представления о тех профессиях, которые можно получить в конкретном городе или регионе и где они будут востребованы.

2. Система контроля учителя за подготовкой к экзаменам каждого ученика.

3. Система работы с родителями. Четкая аргументация и доказательность своих оценок подготовки детей к ЕГЭ.

4. Постоянное психологическое сопровождение выпускников в процессе подготовки к экзаменам.

В заключение можно отметить, что ЕГЭ – это сложный, повторяющийся социальный процесс, охватывающий как индивидуальный, так и институциональный уровень социальной реальности. Его результаты, на каждом из уровней, зависят от комплекса социальных, психологических, педагогических, институциональных факторов, включая изменения нормативно-методического характера.

Примечания

1. Основные сведения о ЕГЭ / [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.ege.edu.ru/ru/main/main_item/

2. Фролов С. С. Социология. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. 360 с.

3. Доля школьников, не сдавших ЕГЭ, выросла на 1,6 % / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ria.ru/20190624/1555859770.html>

4. Залыгаева С. А., Шалагинова К. С., Декина Е. В. Психологическая подготовка к ЕГЭ: формирование стрессоустойчивости у старшеклассников // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №2. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-podgotovka-k-ege-formirovanie-stressoustoychivosti-u-starsheklassnikov>

5. Черникова Ю. А. Педагогическая поддержка как условие повышения качества подготовки учащихся к ЕГЭ на основе взаимодействия ВУЗа со школами // Ученые записки университета Лесгафта. 2011. №5. С. 129-133 / [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-podderzhka-kak-uslovie-povysheniya-kachestva-podgotovki-uchaschihsya-k-ege-na-osnove-vzaimodeystviya-vuza-so-shkolami>

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ И НЕДОСТАТКАХ ВНЕДРЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТА ОБУЧЕНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Капустина Н. Н., ассистент кафедры социальных технологий
и государственной службы НИУ «БелГУ»
Иващенко С. А., ассистент кафедры социальных технологий
и государственной службы НИУ «БелГУ»
Лупандина Н. Н., педагог-психолог
МДОУ «Детский сад комбинированного вида № 54 г. Белгорода»

В статье рассмотрено внедрение дистанционной формы обучения в систему образования российских школ. Дано определение понятию «дистанционные образовательные технологии» и выявлены их положительные и отрицательные стороны. Автор утверждает, что дистанционный формат обучения способен обезопасить здоровье всех участников учебного процесса, а также преумножить навыки использования специализированных онлайн-площадок и информационных технологий.

Ключевые слова: образование, школа, самообучение, самоорганизация, дистанционное обучение, дистанционные технологии, онлайн-площадка, онлайн-формат.

В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией в стране, большинство учебных учреждений целесообразно переведены на дистанционную форму обучения. Если ранее онлайн-обучение применялось как своего рода новшество и нечто инновационное и редко применяющееся в ходе учебного процесса детей, то сегодня онлайн-технологии – это неотъемлемая часть обучения. Дистанционные образовательные технологии позволяют не только обезопасить здоровье всех участников учебного процесса, но и развить у пользователей навыки и умения использовать информационные технологии и продукты работы с ними. В данной статье автор попытается разобраться в пользе и основных проблемах, возникающих при применении дистанционного обучения. Для этого, прежде всего, необходимо понимать, что такое «дистанционные образовательные технологии» [1].

Дистанционные образовательные технологии представляют собой пакет образовательных технологий, который предоставляется учащимся посредством передачи через средства информационных технологий, при этом общение между учеником и учителем происходит опосредованно. То есть главная идея дистанционной формы обучения – это развитие самостоятельной работы ученика, повышение самоконтроля и самоответственности. Большим плюсом данного процесса является то, что получение знаний возможно в любое удобное для учащегося время, в благоприятном темпе и вне зависимости от его привязанности к местоположению. Применение дистанционных образовательных технологий позволяет учащемуся получить больше знаний, чем на традиционном занятии. Это обусловлено, прежде всего, тем, что учитель способен прикрепить больше информации в файлах и в его ведении регулирование хода занятий (если мы говорим об онлайн-уроке) – время урока

легко разбивается на части, ограничивая произвольные выкрики учеников, несвоевременные вопросы, отнимающие время урока и пр. Все это позволяет школьникам достичь более высоких успехов в учебе и повысить свои шансы поступления в ВУЗ. Кроме дистанционного проведения занятий по плану, выделим следующий перечень возможностей, открывающихся перед онлайн-обучением [2]:

1. Работа с часто болеющими детьми. Онлайн-формат – выход для детей с проблемами со здоровьем. Учащиеся, которые не могут посещать школу – занимаются дома, не отставая от своих сверстников. 2. Работа с одаренными детьми. Учителю и ученику, имеющему одаренные способности, будет легче найти удобное для обеих сторон время для занятий. Здесь также превалирует комфортность построения занятия.

3. Проведение дополнительных занятий с интерактивными материалами (всевозможные кроссворды, ребусы, викторины, образовательные игры). Как правило, время урока распределено таким образом, что учитель с учащимися успевают проверить домашнее задание, изучить новую тему и закрепить ее на практике. Т.е. для развивающих игровых материалов по теме урока времени не всегда достаточно. В этом случае дистанционная форма занятия окажется кстати, и школьник с удовольствием закрепит свои знания нетрадиционной подачей материала.

4. Участие в дистанционных олимпиадах, конкурсах, проектах. Внедрение дистанционного формата обучения в школьный процесс повысит количество учасников во всевозможных образовательных мероприятиях, что, несомненно, является плюсом для развития школьника.

5. Подготовка к экзаменам. Онлайн формат позволяет охватить больше материала, необходимого для подготовки ЕГЭ и других государственных экзаменов. Появляется равнозначная возможность общения с учителем детей с проблемами со здоровьем. Процесс дистанционного обучения, несомненно, является инновационной ступенью в российском образовании. Однако данный процесс нуждается еще в отдельных корректировках и модернизации. Наряду с выделенными преимуществами перехода от традиционного метода обучения к инновационному, обозначим некоторые проблемы, возникающие при внедрении дистанционных технологий в формат обучения школьников. Учителя, школьники и их родители после введения в России дистанционного обучения в школах из-за пандемии коронавируса больше всего жаловались на технические сбои, а также неготовность оборудования и самих педагогов к работе онлайн [3]. Систематизируем типичные проблемы внедрения дистанционной формы обучения следующим образом:

1. Регулярные технические сбои на рекомендованных интернет-ресурсах (проблемы с регистрацией, с входом в личный кабинет, «зависание» ресурсов пр.).

2. Некомпетентность учителей в части навыков удаленной передачи знаний (зачастую учителя предлагают изучить параграф самостоятельно, указав страницу в учебнике, не применяя дополнительных разъяснений). 3. Отсутствие необходимого оборудования. Данная проблема особенно касается сельских школ, где помимо нехватки оборудования, далеко не у всех есть стабильный высокоскоростной интернет, необходимый для виртуальных уро-

ков. А в условиях, когда и родители вынуждены работать удаленно, детям порой просто не хватает компьютеров. Таким образом, дистанционное обучение – это прорыв в системе образования, однако, учитывая вышеупомянутые проблемы, данный процесс необходимо дорабатывать. Это касается не только учителей, учащихся и их родителей, но также и органов власти, которые должны обеспечить доступность дистанционной переориентации в образовании для всех участников.

Примечания

1. Понятие дистанционных образовательных технологий / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://spravochnick.ru/pedagogika/obrazovatelnye_tehnologii/distancionnye_obrazovatelnye_tehnologii/.

2. Применение дистанционных образовательных технологий в основной школе в условиях реализации ФГОС / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://япедагог.рф/применение-дистанционных-образовате/>.

3. Основные проблемы дистанционного образования в РФ / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://sn.ria.ru/20200326/1569166181.html>.

ДИНАМИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ КАК АДАПТИРУЮЩЕГО МЕХАНИЗМА КУЛЬТУРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Каширина О. В., д-р филос. наук,
профессор кафедры философии ГИ ФГАОУ ВО СКФУ
Илюшина О. О., магистрант ГИ ФГАОУ ВО СКФУ

В статье рассматривается, что традиционная локальная культура как информационная система развивается в информационном пространстве, впитывая в себя и адаптируя к себе новую информацию. Происходит это благодаря сформировавшемуся в процессе эволюции «культурному иммунитету к другому» в виде мощного адаптирующего механизма, что позволило культуре относительно безболезненно приспосабливать к себе новые компоненты».

Ключевые слова: информационное поле, культура, информационное пространство, «культурный иммунитет», информационная культура, культура самосознания.

Тот факт, что любая устойчивая традиционная локальная культура как информационная система развивается в информационном пространстве, впитывая в себя и адаптируя к себе новую информацию, не подлежит сомнению. Происходит это благодаря сформировавшемуся в процессе эволюции «культу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260 «Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики».

турному иммунитету к другому в виде мощного адаптирующего механизма, что позволило культуре относительно безболезненно приспосабливать к себе новые компоненты» [1]. Однако, каков механизм адаптации локальных культур друг к другу в информационном пространстве? Каковы подходы, методы и методология исследования этого культурного феномена?

Ответ, на наш взгляд, содержится в обосновании концепта информационного поля культуры как методологии социального времяявления.

Информационное поле культуры в информационном пространстве.

Процесс «втягивания» в информационное пространство человека и культуры в целом, В.В. Миронов рассматривает как фактор негативного воздействия на человеческую культуру. Данный процесс представляет собой не просто нечто новое по отношению к традиционной культуре, «но новое с агрессивностью ко многим традиционным элементам культуры». Глобализированное информационное пространство, образовавшееся в результате величайших достижений науки и техники в XX веке, оказалось антиподом информационного поля культуры человека и общества в целом. Странным образом продукт культуры человечества, «научная мысль как планетное явление» (В. И. Вернадский) образовал альтернативу своей исходной субстанции, порождая разрыв прошлого и будущего в настоящем, отвергая преемственность. Каковы же возможные последствия этого процесса?

Определяя глобальный технологический прогноз на XXI век, И. В. Бестужев-Лада отводит решающую роль информационным полям, а четыре этапа их развития он называет «поколениями интернета». В первом поколении неизбежен переход от «информационного хаоса» интернета сегодня к «информационному космосу» интернета завтра при помощи «интернетской цензуры». Второе поколение – просто чтобы выжить человеку и человечеству – обязательно должно отличаться от современного своей упорядоченностью информационных полей по заранее заданным критериям: безопасности и полноты информации, а также способностью информационного поля выполнять практически любые разумные задания. «Третье по счету и предпоследнее из видимых сегодня футурологами поколение интернета должно отличаться от предыдущих своей эвристичностью – относительной независимостью от человека». Наконец, четвертое поколение интернета будет представлять «независимая от человека» «упорядоченная совокупность информационных полей» – по сути, постчеловечество (т.е. то, что будет после человечества). Поэтому необходимо «начинать прогнозное обоснование процесса гуманизации перехода от человечества к постчеловечеству» [2].

Прогноз такого рода похож на обоснование обреченности человечества превратиться в постчеловечество к концу XXI века, когда информационные поля преобразуют свою относительную независимость от человека в абсолютную независимость упорядоченной совокупности информационных полей от человечества. Можно предположить, что к тому времени человек и человечество должно превратиться в примитивного субъекта – простого носителя информационных программ по преумножению и упорядочению информационных полей. Пример выполнения функций подобного субъекта привел Маклюэн Г. М. в своей знаменитой книге «Понимание Медиа: Внешнее расширение человека» (1964): «Вместо вопрошания о том, что появи-

лось раньше, курица или яйцо, внезапно пришло на ум, что курица – это план яйца по преумножению яиц» [3]. В таком случае, наблюдая развитие хаоса современного интернета, международной и внутренней рекламы и вопиющую безнравственность российских СМИ, включая телевидение, можно предположить, что коварная деятельность информационных полей по формированию профанного субъекта с куриными мозгами уже активно ведется.

Что же противопоставит этой деятельности современный рационализм? Единой концепции пока нет. Универсальный эволюционизм Н. Н. Моисеева обосновывает коэволюцию и гармонию Логики Природы и Логики Истории. А. С. Панарин предлагал глобальный проект сoterиализации, в котором нравственное должно обогатиться религиозным. А. А. Зиновьев, фиксируя факт разделенности человечества на устремленных в прошлое и устремленных в будущее, сокрушался по этому поводу: «Будущее на самом деле ужасно не тем, что в нем появляется что-то ужасное и устрашающее, а тем, что ничего ужасного и устрашающего вообще нет и не будет» [4].

Нам ближе позиции современных культурологов, в частности концепция Л. В. Сковрцова о культуре самосознания и цельном знании. Культурология, на наш взгляд, более практична, чем философия. Однако и философия, после периода советского застоя и инертного постсоветского периода «философского самоулубления» и «переоценки ценностей», начинает оживать, рождая новые направления, в частности, социальную эпистемологию, к которой мы относим и социальное времяведение, в рамках которого выполнена настоящая работа[5].

Однако, социальное времяведение – это и практическая философия, рассматривающая последствия воздействия информационного пространства не только на человечество в целом, но и на отдельного человека. Современное информационное пространство значительно увеличивает психофизические нагрузки на человека, – в частности в частности отметил сенатор. – Так, зрительное утомление, развивающееся при чтении с дисплея, выше по сравнению с чтением с листа бумаги на 65% у младшеклассников и на 30% у учащихся старших классов. В связи с этим приобретает особую актуальность разработка методов и технологий охраны детского зрения. Напряженный темп смены событий на экране способствует невротизации детей, поддерживает у них стойкий уровень тревожности. Следует ввести контроль за использованием компьютерных игр дошкольниками.

Необходима переоценка роли Интернета в духовном и нравственном воспитании детей и молодежи. Акценты должны быть смещены с праздно-развлекательных на познавательные позиции. Пока старшие с опаской приглядываются к новым информационным средствам, их дети и внуки быстро осваиваются в интернетной среде, не осознавая, что «информационные бомбы» имеют такую созидательную или разрушительную силу, которую трудно предвидеть и переоценить. Интернет для нынешних детей и подростков является одновременно и добрым, и злым, и развивающим, и подавляющим началом. Почему так происходит? А потому, что значительную долю нужных сведений молодые люди черпают с сайтов, предназначенных для взрослых. В сети Интернет недостаточно культурно-образовательных порталов, рассчитанных на детско-юношескую аудиторию.

Очень важно создавать коммуникационные каналы, помогающие обществу слышать голоса детей. В связи с этим важным представляется изучение мнения самих детей и подростков по проблемам их жизнедеятельности, потребностей и претензий к обществу и взрослому миру. Создатели Интернет-сайтов должны помочь молодежи усилить линию «принятия ответственности на себя», то есть разъяснить и акцентировать внимание на том, что именно зависит от самих молодых людей [6].

Таким образом, информационное поле культуры, в котором обеспечивается доминирующее влияние культурных норм и ценностей, может и должно стать механизмом адаптации локальных культур друг к другу, а также к информационному пространству в целом. При этом нормы и ценности должны быть поняты как предповеденческие (культура самосознания), поведенческие (культура индивидуальных действий) и деятельностные (культура коллективного действия) структуры, которые не существуют вне поведения людей с их интересами и ценностными ориентациями. И все эти структуры выстраиваются в определенную направленность самосознания, поведения и деятельности целостного цивилизационного субъекта под влиянием векторных факторов культуры.

Векторообразующая функция культуры патриотизма. В понятии «культура патриотизма» культура рассматривается как соционормативная составляющая. В ней формируются нормы, как регуляторы социальных связей внутри общества, а также ценности, составляющие информационную основу действия норме и придающие нормам неповторимую окраску и ориентирующие личность в отношении значимости действующих норм. [7; 735]. Развивая эту трактовку культуры, А. И. Гусейнов (г. Баку) определяет «культуру как социально унаследованную систему регулирующих механизмов, которая обусловлена всей совокупностью конкретно-исторических условий, в которой основным, сущностным элементом является идеи, ценности, нормы, обязательно стандартизированные и составляющие основу моделей поведения, и которая, в конечном счете, упорядочивает человеческую деятельность» [8].

Однако, соглашаясь с такими определениям культуры, необходимо уточнить, что в словосочетании «культура патриотизма» понятие культура выполняет не только соционормативную, но и ценностно-смысловую – векторообразующую функцию, указывающую на направления развития.

Примечания

1. Миронов В. В. Информационное пространство: вызов культуре // Информационное общество. 2005. № 1. С. 14-18.
2. Бестужев-Лада И. В. Глобальный технологический прогноз на XXI век // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 22-33.
3. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешнее расширение человека / Пер. с англ. 2-е изд. М., 2007. С. 14-15.
4. Зиновьев А. А. Глобальный человек. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. С. 156.
5. Каширин В. И., Каширина О. В. Информационное поле культуры: информационный отбор – цивилизационный выбор. Монография. М.: МАКС Пресс, 2008. 176 с.
6. Коробейников А. Информационные бомбы // Ставропольская правда, от 24 марта, 2009.
7. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. 832 с.
8. Гусейнов А. И. Соционормативная сфера культуры // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 39-50.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Киравосян Э. Н., студент СКФУ
Научный руководитель – Симен-Северская О. В.,
доцент кафедры социологии СКФУ

В статье представлена сравнительная характеристика пенсионных систем развитых стран: России и Великобритании. Проанализированы основные современные принципы их построения. Обозначены основные проблемы реформирования пенсионных систем рассматриваемых государств.

Ключевые слова: пенсионная система, реформирование пенсионной системы, пенсионный возраст, страховые взносы.

На сегодняшний день проблема реформирования пенсионных систем остро встала перед многими развитыми странами. Многие из них пришли к выводу о необходимости перехода к более эффективным пенсионным системам, так как нынешние являются несовершенными и в полной мере не обеспечивают достойный уровень жизни пенсионерам. Актуальность данной темы обусловлена тем, что пенсионная система вне зависимости от страны является важнейшим социальным гарантом каждого гражданина и общества в целом. Для того чтобы выявить уровень пенсионного обеспечения граждан в России, проведем анализ пенсионной системы нашей страны и Великобритании.

В настоящее время существует большое количество вариантов определения понятия «пенсионная система». Согласно Федеральному закону от 15.12.2001 №167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» пенсионная система – это «совокупность создаваемых государством правовых, экономических, организационных институтов и норм, предусматривающих предоставление гражданам материального обеспечения в виде пенсии» [1].

Существует мнение, что пенсионная система России не является стабильной и достаточно ориентированной на достойную поддержку пенсионеров. Пенсионная система России на протяжении долгого времени являлась примером, основанным на принципе солидарности поколений распределительной системы. В ходе пенсионной реформы 2002 года тип пенсионной системы был изменен на распределительно-накопительный [6].

После данной реформы трудовая пенсия стала состоять из трех частей: страховой, накопительной и базовой. Так продолжалось до 2014 года. В 2015 году в системе обязательного пенсионного страхования были введены два вида пенсий: страховая и накопительная. С 1 января 2019 года произошло увеличение пенсионного возраста. В принятом варианте законопроекта установлена новая целевая возрастная планка «65 (60) лет». Возраст выхода на пенсию будет поэтапно повышен до новых значений в течение переходного периода, заканчивающегося в 2028 году [3].

Помимо обязательного пенсионного страхования в России каждый гражданин вправе заключить договор с негосударственным пенсионным фондом

(далее НПФ), который сохранит и приумножит вложенные денежные средства гражданина. Взносы, вносимые на счет, подлежат инвестированию, а полученный в результате инвестирования доход также учитывается на счетах застрахованных лиц [4]. Самой главной проблемой пенсионной системы России является увеличение численности пожилых людей с одновременным снижением рождаемости. Это означает, что возрастает нагрузка на работающее население. Трудоспособное население постепенно сокращается, а значит, растут расходы государства на поддержку престарелых людей. Эта проблема и ставит вопрос о финансовой состоятельности и эффективности пенсионной системы России [2].

Как в России, так и в Великобритании пенсионная система представлена тремя уровнями. Этот факт свидетельствует нам о том, что Россия и Великобритания являются странами с развитой экономикой [6]. В 2020 году планируется увеличение пенсионного возраста в Великобритании, который должен достигнуть «66 лет» как для мужчин, так и для женщин. При повышении пенсионного возраста следует учитывать среднюю продолжительность жизни населения. Так, самая высокая продолжительность жизни наблюдается у англичан, преимущественно у женщин – 81,3 год, у мужчин она составляет 76,2 лет. В России продолжительность жизни у мужчин меньше почти на 14 лет и составляет 62 года, а у женщин – 74 года. Минимальный страховой стаж в Великобритании составляет 10 лет, в России он установлен на уровне 8 лет в 2017 году. Ежегодно минимальный трудовой стаж в России будет увеличиваться на 1 год. Такая тенденция будет сохраняться вплоть до 2024, когда человеку, рассчитывающему на пенсию, придется отработать 15 лет на официальной работе. Средняя минимальная пенсия в России значительно ниже, чем в Великобритании. Если в России она составляет 6500 рублей, то в Англии она составляет примерно 50 тысяч рублей в месяц. Однако критерии получения пенсии в Великобритании становятся строже. Чтобы получить полную базовую пенсию, гражданину необходимо иметь 35 лет трудового стажа. Каждый недостающий до этого предела год будет уменьшать базовую пенсию на 1/30. Также стоит отметить, что значительная часть жителей Англии получают дополнительную пенсию. Большинство работников вносит в профессиональные пенсионные фонды 5-8 % заработка, но взнос по желанию можно увеличивать. С 2017 года вступила в силу реформа, которая позволила снимать четверть всех накоплений без уплаты налога. Это дало возможность гражданам, например, улучшать жилищные условия сейчас, пожертвовав размером пенсии в будущем [3]. Размер таких пенсий также превышает российский и зависит от трудового стажа и прочих факторов. Минимальный размер пенсии, как в России, так и в Великобритании ежегодно увеличивается в связи с ежегодной индексацией на уровень инфляции, увеличением размера прожиточного минимума населения [5]. Для поддержания нормального уровня жизни пенсионеров необходимо регулярно пересматривать размер социального пенсионного обеспечения граждан.

Таким образом, можно отметить, что каждая система пенсионного обеспечения уникальна, несмотря на то, что они обе основываются на распределительно-накопительном принципе. На положительном примере Великобритании Россия стремится трансформировать свою пенсионную систему. Для

того чтобы реформы пенсионной системы заработали в полную мощь, необходим достаточно длительный период времени. Государство должно четко определить уровень гарантий и ответственности, которые оно может взять на себя в процессе пенсионного обеспечения граждан, создав условия для формирования их пенсионных накоплений.

Примечания

1. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации федер. закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант-плюс». Режим доступа: <http://base.consultant.ru>.

2. Беляев Ю. А. Увеличение продолжительности жизни и проблемы пенсионной системы // Проблемы учета и финансов. 2011. №2. С. 26.

3. Размер пенсии в Великобритании в 2015-2017 году [Электронный ресурс] // Opensii.info: информ. – справочный портал, 2017, Режим доступа: <http://opensii.info/razmer/v-velikobritanii/>

4. Пенсионная система РФ [Электронный ресурс] // АО «НПФ Согласие»: информ. – справочный портал, 2017, Режим доступа: <https://test.soglasie-npf.ru/directory/pension-system/>

5. Эжен Делакура Развитие и становление пенсионных систем в России и за рубежом: мировой опыт и российские реалии [Электронный ресурс] // Центр изучения пенсионной реформы: информ. – справочный портал, 2014-2017, Режим доступа: <http://rospens.ru/research/analytics/razvitie-i-stanovlenie-pensionnykh-sistem-v-rossii-i-za-rubezhom-mirovoy-opyt-vs-rossiyskie-realii.htm>

ФЕНОМЕН БЕДНОСТИ ИЛИ ПОЧЕМУ ЛЮДИ УСТАЛИ ИГРАТЬ В ДЕМОКРАТИЮ?

Ковальчук А. А., магистрант
Научный руководитель – Усова Л. В.,
доцент кафедры социологии КубГУ

В статье дается анализ проблемы бедности в современной России. Приведены социологические и статистические данные, которые свидетельствуют о расширении слоя бедности и о необходимости изменения в управлении демократического общества.

Ключевые слова: бедность, общество, экономический фактор, социальный статус, стратификационная пирамида, маргинализация, виктимизация.

В настоящее время проблема бедности в России существенно актуализировалась. Некоторые исследователи отмечают, что «... это обусловлено переходом к новым социальным отношениям, развитием рыночной экономики и изменением политической системы. ... Возросла роль экономических факторов в определении социального статуса индивида. Для большей части населения ухудшились условия труда в связи с кризисом бюджетной и производственной сфер, что привело к снижению уровня жизни, утрате ценностных ориентиров» [3. С. 126].

Процесс «обеднения» страны опасен социальными последствиями. Увеличение разрыва между бедными и богатыми приводит к усилению диспропорциональности стратификационной пирамиды общества, к снижению вертикальной мобильности возможностей и самореализации индивидов. Возникает феномен «работающих бедных», характерный для работников бюджетной сферы, общественного питания, сельского хозяйства и лёгкой промышленности.

По данным Росстата за II квартал 2020 года количество россиян, доходы которых ниже прожиточного минимума, составило 19,9 млн. человек, что на 1,3 млн. больше, чем в I квартале. Оказалось, что в апреле-июне, после начала пандемии коронавируса и введения государством мер для борьбы с его распространением, число россиян, живущих за чертой бедности, составило 13,5% населения страны.

«Росту численности малоимущего населения способствовало снижение деловой активности в период пандемии и, как следствие, снижение реальных денежных доходов» – говорится в сообщении Росстата.

В июне 2020 года количество безработных россиян выросло на 38,1% по сравнению с июнем 2019 года. Прирост к маю 2020 года составил 2,1%. По данным Росстата, в июле 2020 года без работы оказались 4,6 млн. россиян.

Реальные располагаемые доходы россиян во II квартале 2020 года, на который пришелся разгар пандемии и карантин, упали на 8% – это рекорд за последние 20 лет [4].

Падение уровня жизни населения, семилетнее снижение доходов, появление нового «феномена бедности», при котором наличие работы у работающего населения не гарантирует выход из состояния бедности, так как зарплата и доход – два разных понятия. Работающий человек, получающий зарплату 15 тысяч рублей, после выплаты всех налогов получает доход в 11 тысяч рублей, что автоматически ниже прожиточного минимума, тем самым оставляет человека на уровне бедности.

Резкий рост уровня бедности несомненно влияет на управление политическими процессами и участие общества в демократических процессах.

Механизм политического управления уже давно требует совершенствования, изменения, приспособления к новым условиям общественного развития. Ярким примером того, что управление политическими процессами дает сбой на региональном и муниципальном уровне, свидетельствует такой факт, что главой сельского поселения из Костромской области стала уборщица.[1]

Возникает закономерный вопрос: «Сможет ли техника встать у руля власти и навести порядок?» – пока большой вопрос. Единственной, о чем можно говорить утвердительно – это то, что реформа в управлении политическими процессами в России давно назрела, и решение по этому вопросу давно подсказывают сами избиратели, в своей низкой явке на избирательные участки в некоторых регионах России в день голосования. Выражая тем самым свою позицию словами: «Выборы есть, а выбора – нет!». Низкая явка избирателей свидетельствует не о нежелании участвовать в избирательном процессе, просто люди избрали такую форму голосования, разочаровавшись в результатах предыдущих выборов компаний.

Феномен бедности – это, прежде всего, низко ресурсное состояние, при котором у отдельного индивида или семьи, или социальной группы наблю-

дается дефицит разных ресурсов, представляющих ценность в данном обществе или помогающих улучшить социально положение, статус, а также использование групповых ресурсов в демократизации общества.

Примечания

1. Нигамаева К. Уборщица из Костромской области случайно выиграла выборы. «Без понятия, что входит в обязанности» // Новостной блог информационного агентства URA.RU статья / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ura.news/news/1052451092>.
2. Победа уборщицы и тракториста: протестное голосование в регионах привело к успеху случайных кандидатов // Новостной сайт телеканала России Vesti.ru / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2463088>.
3. Замарева З. П., Воронова К. А. Феномен бедности в социологии с позиции факторного и ресурсного анализа // Вестник Пермского университета. 2018. № 1. С. 125-134.
4. Данные Росстата за 2 квартал 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/99486>.

ЭЛЕКТРОННЫЕ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

*Козуб А. Ю., студентка СКФУ
Научный руководитель – Волчинский А. В.,
старший преподаватель кафедры социологии СКФУ*

В данной статье указывается актуальность исследования политической мобилизации с помощью электронных средств массовой информации.

Ключевые слова: электронные СМИ, политические партии, социальные сети, цифровая революция.

Известный немецкий социолог, политический экономист Макс Вебер считал, что отдельным фактором влияния на общественное сознание являются политические партии. По его мнению, их невозможно заменить ни спонтанной активностью масс, ни каким-либо профессионально действующим институтом общества; хотя партии взаимодействуют и с тем, и с другим, в их функциональности существуют значимые отличия, характеризующие образ партии как целостность и взаимодействие с гражданским обществом. [1]

В современном мире на смену действующим политическим партиям приходят электронные средства массовой информации. Данный феномен напрямую связан с тем, что к настоящему времени принято считать, что мы живем в эпоху «цифровой революции». И действительно, в обществе увеличивается значимость информационных технологий, оказывающих большое влияние на все сферы человеческой деятельности.

Отдельное внимание стоит обратить на то, что цифровая революция создала технологические предпосылки эволюции модели правления в сторону

расширения политического участия. Однако вторжение информационных технологий в политическую жизнь общества, наряду с появлением новых возможностей участия, порождает и новые столь же большие риски. Современные СМИ чаще всего используют информацию для манипулирования общественным сознанием и усиления контроля над обществом.

В настоящее время происходит процесс медиатизации повседневной жизни, средства массовой информацией постепенно становятся инструментом, подменяющим не только традиционные институты, но и агентов социализации.

Образ электронных средств массовой информации представлен как единый процесс, направленный на коммуникацию граждан между собой и их взаимодействия с государством. Благодаря таким каналам передачи информации как: социальные сети, радиостанции, блоги, группы новостей, телевизионные каналы, мессенджеры, люди намного меньше напрямую взаимодействуют с партийными представителями власти.

Вследствие развернувшейся цифровой революции появились предположения к информации о том, что технологии сами по себе в состоянии трансформировать политическую систему общества, без личного участия в ней.

Изучая профессиональную литературу, очень часто встречается выражение «СМИ – четвертая сила», но сейчас, в эпоху развития электронных СМИ, они становятся чуть ли не первой властью. Данный процесс объясняется тем, что в руках средств массовой информации оказываются довольно существенные рычаги манипулирования общественным мнением. После появления электронных СМИ увеличилась дистанция между людьми и властью. Интернет в настоящее время является чрезвычайно актуальным и эффективным инструментом политической мобилизации, а в качестве основной платформы для мобилизации выступают социальные сети. Люди стали более доверительно относиться не к институтам политической власти, а к информационному потоку, который транслируется социальными сетями и мессенджерам [2].

Недавно сложившаяся ситуация в Белоруссии, связанная с фальсификацией итогов выборов, повлекла за собой митинги и протесты. Особая форма гражданской активности прослеживается через социальные сети, в рамках которых были созданы анонимными пользователями, электронные голосования. Они были направлены как на желающих участвовать в митингах, так и на решение более частных вопросов. Этот пример является доказательством того, что партийные организации, политические группы играют уже меньшую роль в управлении общественной активности [3, с. 9].

Также лидерами общественного мнения в современную эпоху цифровой цивилизации являются блогеры. Они доносят информацию до своих читателей посредством ведения блога. Такая форма коммуникации напрямую затрагивает и политическую жизнь общества. Такой вид передачи информации привлекает людей из-за отсутствия в ней цензуры и каких-либо непреодолимых границ. Блогеры, которые являются рычагами в системе передачи информационных потоков, в настоящее время способны конкурировать с традиционными СМИ. Такие люди успешно проводят агитацию населения в различных политических ситуациях, управляют общественным сознанием,

так как имеют доверительный образ. Также стоит отметить, что блоги различных политиков направлены не только на пропаганду политических идей, но и на информирование населения о происходящих событиях, что является не менее важной частью системы быстрого взаимодействия на людей. Главным преимуществом электронных СМИ перед традиционными политическими структурами является скорость донесения информации до читателей.

Таким образом, целью электронных СМИ является создание системы, которая максимально дистанцирована от любых существующих политических структур. Средства массовой информации в настоящее время являются неотъемлемой частью взаимодействия людей. СМИ в политической структуре выполняет функцию манипулирования массовым сознанием, скрывая это под способом социального управления. Вследствие этого появилась дистанция между людьми и властью, которая в скором времени можем привести к негативным последствиям.

Примечания

1. Гусев П. Н. СМИ в России – «инструмент власти». Политика и общество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journodom.ru>.
2. Фокина В. Н., Абрамова А. В. Язык общения интернет-социума Рунета. Становление и развитие [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.muh.ru/content/doc/110131_pps_01.doc.
3. Солoduхин Ю. Н. Российские средства массовой информации: являются ли они «четвертой властью». М., 1995. С. 34.

ХАРАКТЕР МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ РАЗНОГО ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

Колесникова А. П., студентка СКФУ
Научный руководитель – Волчинский А. В.

В статье рассматриваются особенности взаимоотношений между членами семьи разного возраста, анализируются особенности взаимоотношений родителей и детей, а также дается краткий обзор взаимоотношений детей и родителей в разных типах семьи.

Ключевые слова: семья, поколение, дети, родители.

Для современного общества характерен не только интенсивный и продолжительный период ускорения технического, информационного и социального развития, но также и трансформация, переоценка тех позиций и тех ценностей и взглядов, которые до относительно недавнего времени считались если не незыблемыми, то во всяком случае определенно надежными. Это в первую очередь относится к семье, которая претерпела достаточно значимые изменения, даже в сравнении с прошлым столетием: это переход из

расширенной семьи, куда включены также более дальние родственники, вроде дедушек и бабушек, в нуклеарную, представленную родителями и детьми; переход самого общества в новую среду, в информационную сферу, где ориентация идет не на прошлый опыт, а на современность – в таких обстоятельствах знаний, полученных родителями и переданных детям, оказывается просто недостаточно.

Вместе с тем родительская семья как первичная ячейка общества остается наиболее важным и влиятельным фактором социализации личности. На формирование жизненного пути ребенка продолжают оказывать значительное влияние не только особенности воспитания, присущие родителям, но также и социально-экономическое положение семьи, род занятий родителей, внутрисемейная атмосфера, включая внутрисемейные традиции и обычаи. Эффект воздействия всего вышеперечисленного носит накопительный характер и преломляется в структуре личности ребенка [1].

Межпоколенная связь – это общность, соединенность, односторонняя или взаимная зависимость представителей разных поколений в семье. Иными словами, это процесс передачи информации и опыта от одного поколения к другому. Для описания типов межпоколенческих отношений в семье можно выделить две пары критериев, на основании которых выделяются четыре основных типа семьи: это Интеграция/ Дезинтеграция и Воспроизводство/ Преемственность. Первая пара указывает на состояние отношений между поколениями в семье (сплоченность/ разобщенность), а вторая пара – на воссоздание опыта поколения (сознательное/ бессознательное) [2, с. 172].

Мария Вячеславовна Сапоровская в своей статье «Социальное воспитание и межпоколенные отношения в семье» выделяет четыре основных типа взаимоотношений в семье.

Первый тип – отношения, основанные на прямом воспроизводстве. При данном типе межпоколенных взаимоотношений между членами семьи формируется устойчивая групповая идентичность, идентификация прежде всего с «Мы». При этом «Я»-идентификация у человека в такой семье может утрачиваться или растворяться. В таких семьях, как правило, передается не только конструктивный, но и деструктивный опыт, а подавление индивидуального групповым может приводить к «тлеющим» конфликтам.

Второй тип – отношения, основанные на обратном воспроизводстве. Здесь индивидом начисто отрицается опыт всего предыдущего поколения, причем как деструктивных, так и конструктивных его частей. При данном типе отношений появляются сильные травмирующие переживания, что впоследствии может привести к ослаблению и даже разрыву любых отношений между членами семьи.

Третий тип – взаимоотношения, основанные на преемственности поколений. Данный тип можно встретить в умеренно сильных семьях, где удастся найти баланс между межпоколенным «Мы» и индивидуальным «Я». Здесь индивидуализм детей зачастую формируется благодаря семейной идентичности, отождествления себя с кем-то из родственников (например, «хочу быть, как мой отец», «хочу быть такой же, как моя бабушка» и так далее).

Четвертый тип – значимое отношение к отсутствующему предку и преемственность его опыта. Уникальный для семьи тип отношений, при котором

осведомленность потомков о своем предке является достаточно полной, хотя данный предок мог никогда и не взаимодействовать с потомками напрямую. Тогда весь полученный от предка опыт передается потомкам, которые ретранслируют его через свои индивидуальные качества.

Таким образом, взаимоотношения между поколениями разных возрастов в семье могут носить разный характер. Понимание особенностей межпоколенных отношений семьи позволяет выявить возможные противоречия и оценить их влияние на личностное и групповое развитие членов семьи.

Примечания

1. Взаимоотношение поколений / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://psyera.ru/4248/vzaimootnoshenie-pokoleniy>

2. Сапоровская М. В. Социальное воспитание и межпоколенные отношения в семье // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. т. 18. С. 170-174.

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Колесникова Н. С., студент СКФУ

Научный руководитель – Волчинский А. В.,

старший преподаватель кафедры социологии СКФУ

В статье рассматривается явление «цифровая дипломатия» и его место в современных международных отношениях.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, Интернет, «мягкая сила».

Развитие информационных технологий и расширение сферы их применения как факторы глобализации затронули даже международные отношения. Об этом свидетельствует появление термина «цифровая дипломатия».

Цифровая дипломатия – это новая область, в которой правительства напрямую взаимодействуют с общественностью за рубежом с помощью социальных сетей [1]. Целями данного явления выступают решение дипломатических задач, дискредитация зарубежных оппонентов, а также формирование соответствующего общественного мнения и укрепление репутации и имиджа. Влияние на иностранных пользователей оказывается за счет большого количества языков, на которых происходит взаимодействие с аудиторией. В широком смысле к инструментам такой работы можно отнести любые доступные ресурсы сети Интернет, в том числе веб-сайты и блоги, которые выступают как элемент публичной дипломатии – важной составляющей «мягкой силы» мировых держав [2]. Мягкая сила – это форма политической власти, способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение [3].

Примером страны, использующей возможности цифровой дипломатии для достижения различных целей, являются США, в частности, деятельность их Государственного департамента, но одна из её отличительных черт – применение современных технологий в качестве «умной силы», то есть сочетание «мягкой» и «жесткой» сил. Это позволяет США извне влиять на определенные события, процессы, при этом комбинируя методы дипломатического, политического и культурного давления.

Основные направления работы Госдепартамента США представляют собой развитие блогерского движения в зарубежных странах, борьба с терроризмом в интернет-пространстве, создание специальных компьютерных программ для диссидентов. Особое внимание уделяется организации протестных движений в зарубежных странах против правящей власти. Так, во время «арабской весны» протестная мобилизация молодежи в Египте и Тунисе осуществлялась посредством сети Интернет, целью которой было свержение действующего режима [4, с. 162].

Определенную цель преследуют и политики, пользуясь активностью в сетях, так как симпатия пользователей может быть преобразована в реальные голоса избирателей. Однако цифровая дипломатия не ограничивается только подобными действиями: государства постоянно увеличивают траты на обеспечение кибербезопасности, ведущие мозговые центры мира соревнуются в разработке и внедрении искусственного интеллекта в жизнь [4, с. 148].

Помимо преимуществ цифровой дипломатии у нее имеются и некоторые недостатки. С расширением возможностей цифровой дипломатии изменения происходят также в языке. Особо отмечается использование хэштегов, стикеров и т.д. Однако российские эксперты утверждают, что при широком использовании новых методов коммуникации может произойти падение политической культуры. В особенности это касается дипломатических ведомств, где уровень общения должен оставаться высоким [5, с. 146].

К негативным последствиям бурного развития информационно-коммуникационных технологий и интернета И. В. Сурма относит появление новых форм международных конфликтов, включая информационные и сетевые войны [6, с. 221].

Цифровая дипломатия не заменит классическую, но она является средством, которое при правильном использовании может оказать положительное влияние на деятельность государства в области международных отношений.

Примечания

1. Цифровая дипломатия: изменение мира через коммуникацию / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.american.edu/soc/news/digital-diplomacy-q-a.cfm>
2. РСМД: Цифровая дипломатия вчера и сегодня/ [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/>
3. Мягкая сила / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1571557>
4. Мусаева Г. Ю. Цифровая дипломатия США как инструмент «умной силы» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. №4. С. 159-165.
5. Алешкина Н. С. «Цифровая дипломатия»: новые инструменты «мягкой силы» // Вестник Поволжского института управления. 2018. №1. С. 143-150.
6. Сурма И. В. Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. вып. 49 С. 220-249.

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С АГРЕССИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Кольцова И. В., канд. психол. наук,
доцент кафедры общей и практической психологии
и социальной работы ГБОУ ВО СГПИ
Моловцова В. О., магистр ГБОУ ВО СГПИ

В данной статье предпринята попытка раскрыть специфику проектирования модели психолого-педагогического сопровождения подростков с агрессивным поведением и специфику алгоритма её реализации в образовательной организации. В статье анализируется основное содержание модели, её структурные компоненты (блоки), алгоритм реализации. Модель включает основные направления психолого-педагогического сопровождения: просвещение, профлактиту, диагностику, коррекцию и развитие, консультирование и экспертизу.

Ключевые слова: агрессивное поведение, общеобразовательная школа, психолого-педагогическое сопровождение, подростки, модель.

В настоящее время психолого-педагогическое сопровождение подростков с агрессивным поведением в условиях общеобразовательной школы рассматривается как комплексная технология, особая культура поддержки и помощи ребенку в решении задач развития, обучения, воспитания, безопасной социализации в учебно-воспитательном процессе.

Необходимость психолого-педагогического сопровождения подростков с агрессивным поведением воспитанников заложена в основных документах, регламентирующих воспитательно-образовательный процесс в современных образовательных учреждениях, что придает исследуемой проблеме актуальность и теоретическую значимость [1, с. 32].

Особенности психолого-педагогического сопровождения подростков с агрессивным поведением в условиях общеобразовательной школы охватывают широкий круг вопросов, что не позволяет сконцентрироваться на решении конкретных проблем. В этой связи разрабатываемая нами модель сопровождения подростков с агрессивным поведением призвана помочь психологу научить ребенка решать возникающие проблемы, а также научиться конструктивно преодолевать проявления девиации [2, с. 101]. Нами предпринята попытка создания модели психолого-педагогического сопровождения, как одного звена в работе психолога.

Сопровождение должно строиться на четко спланированном, обговоренном, коллективном алгоритме действий.

Объекты целенаправленной деятельности педагога-психолога по психолого-педагогическому сопровождению подростков с агрессивным поведением:

– **Личность** – психолого-педагогическое сопровождение подростков с агрессивным поведением направлено на субъектов воспитательно-образовательного процесса. Результатом этой работы будет личностная идентичность – набор черт, который отличается постоянством или преемственностью

в пространстве и времени и позволяет дифференцировать данного индивида от других людей (Э. Эриксон).

– **Коммуникации.** Отношения между участниками образовательных отношений (конфликты, неразрешенные трудности, моббинг) оказывают влияние на проявление агрессивного поведения обучающихся общеобразовательной школы.

– **Деятельность.** Психологический комфорт и безопасность обучающихся зависит от удовлетворенности учебной и воспитательной деятельностью в процессе получения знаний, умений и навыков [3, с. 40].

Предмет психолого-педагогического сопровождения – гармонизация личностных особенностей подростков.

Субъект психолого-педагогического сопровождения – лица, оказывающие сопровождение в процессе воспитания и обучения в общеобразовательной школе: практические психологи, социальные педагоги, обучающиеся [1, с. 34].

Сочетание объектов, предмета и субъектов определяют направления работы по модулям психолого-педагогического сопровождения подростков с агрессивным поведением в условиях общеобразовательной школы.

Социально-психологический модуль. Направления работы сопровождения:

Диагностика агрессивного поведения подростков: подбор методик и их апробация с целью мониторинга уровня развития агрессивного поведения у подростков в условиях общеобразовательной школы:

– когнитивный компонент: опросник социально-коммуникативной компетентности (Н. П. Фетискина); опросник склонности к риску (А. М. Шуберта); «Диагностика самооценки, психических состояний» (Г. Ю. Айзенк); опросник «Чувствительность к справедливости» (А. А. Адамян, С. К. Нартова-Бочавер, М. Шмитт);

– эмоциональный компонент: опросник «Оценка проявлений гнева» (STAXI-2) (Ч. Д. Спилберг); экспресс-диагностика склонности к аффективному поведению (В. В. Бойко); дифференциальные шкалы эмоций (К. Изард); опросник агрессивности А. Басса и А. Дарки; «Диагностика уровня социальной фрустрированности» (Л. И. Вассерманом); «Накопление эмоционально-энергетических зарядов, направленных на самого себя» (В. В. Бойко); Шкала ориентации гнева (Шпилберген, Джонсон, Рассел); Шкала враждебности (Кук и Медли); Шкала гнева как состояния-свойства (Шпилбергер, Якобс, Рассел); опросник агрессивности (А. Басс и М. Перри);

– волевой компонент: «Уровень субъективного контроля» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд; опросник диагностики саморегуляции (ДИАСАМ) (К. В. Злоказов); «Способность к самоуправлению» (Н. М. Пейсахова); шкала сверхконтролируемой агрессии (Мегарджи);

Психологическая коррекция и развитие – активное психолого-педагогическое воздействие с целью формирования навыков конструктивного общения, адаптивного поведения, развития личностных ресурсов, повышения самооценки; создание условий для актуализации личностно значимых ресурсов и самореализации подростков, повышение их социальной активности через включение в различные виды взаимоотношений; обучение приемам саморасслабления, снятия психомышечного напряжения, отреагирования

внутренних конфликтов, страхов, агрессивных тенденций, уменьшения тревожности [2, с. 109-115]. В коррекционно-развивающей работе применяются следующие формы и методы:

Тренинги с обучающимися: эффективные методы поведения в нестандартной ситуации, повышение уверенности в себе и самовосприятия, развитие коммуникативной компетентности учащихся с агрессивным поведением и по запросу классных руководителей; обучение способам релаксации, саморегуляции и самоконтроля с опорой на внутренние резервы; снятие физического и эмоционального напряжения; формирование эмоциональной устойчивости.

Тренинги с педагогами: обучение педагогов установлению психологически грамотной, развивающей системы взаимоотношений с обучающимися, которая основана на взаимопонимании и взаимном восприятии друг друга; эффективному взаимодействию с родителями.

Групповая дискуссия – рассмотрение и исследование спорных вопросов, проблем, различных подходов, при аргументации суждений, решения заданий («Как бороться со стрессом», «Как управлять своими эмоциями», «Как вести себя во время экзамена» и др.).

Игровые методы – методы, которые позволяют в игровой форме воссоздать ситуации, направленные на усвоение норм и правил поведения в обществе, способствуют формированию социального опыта, совершенствуют навыки самоуправления поведением: инсценировка, деловая игра, имитационная игра, операционная игра, «деловой театр», исполнение ролей, психодрама и социодрама.

Медитативные техники – метод саморегуляции, основанный на управлении вниманием и призванный изменять психические процессы с целью улучшить самочувствие и психическое здоровье, расширить возможности управления сознанием («Созидающая визуализация», медитация Випассана, медитация любящей доброты и пр.).

Игры-драматизации – вид деятельности, в котором обучающийся разыгрывает знакомый сюжет, развивает его или придумывает новый.

Формы работы с родителями:

- фронтальные: тематические родительские собрания;
- индивидуальные: консультации.

Консультирование заключается в консультации школьных учителей, учащихся и их родителей (законных представителей) по проблемам агрессивного поведения подростков. Консультирование осуществляется по запросу обучающихся (неумение находить выход из трудных ситуаций, детско-родительские отношения, аутоагрессия и пр.), родителей (нарушения в детско-родительских отношениях, аутоагрессия и пр.) или учителей (конфликтные отношения с учащимися и пр.). Консультативная работа также может быть индивидуальной, групповой или семейной [4, с. 61].

Целью работы с родителями является повышение психологической компетентности матерей и отцов через информирование родителей на собраниях в школе, разработку своеобразных «учебников» для родителей, психологический тренинг (расширить возможности понимания своего ребенка,

улучшить рефлексию взаимоотношений с ним, выработать новые эффективные навыки взаимодействия в семье).

Работа с педагогами ведется с помощью социально-психологического тренинга, позволяющего активизировать, скорректировать навыки общения, расширить поведенческий репертуар, дает ориентиры возможного поиска эффективного взаимодействия партнеров.

Профилактика – предотвращение возможного неблагополучия в личностном, психическом и поведенческом развитии обучающихся, учителей и родителей; создание психологических условий, которые способствуют адекватному и компетентному реагированию личности на психологическое насилие в условиях образовательного учреждения, формирование навыка отказаться от использования его форм во взаимодействии с участниками образовательного процесса. Психологическая профилактика может носить индивидуальный, семейный или групповой характер [4, с. 61].

Профилактические мероприятия для безопасного использования интернет-ресурсов могут включать: дискуссии, воспитательные беседы, семинары со школьниками с учетом их возрастных и психологических особенностей.

Формы психолого-педагогического просвещения:

– Родительские собрания с целью вовлечения родителей в совместную с детьми деятельность посредством деловых игр, тренингов, круглых столов.

– Тематические консультации проводятся для подгруппы родителей с участием разных специалистов по решению проблемы, которые могут помочь найти оптимальный вариант ее решения (классный руководитель, психолог, социальный педагог, заместитель директора по воспитательной работе).

– Родительские конференции предусматривают расширение, углубление и консолидацию знаний о воспитании детей. Основная цель конференции состоит в обмене опытом семейного воспитания.

– Родительские чтения – это форма работы, которая позволит родителям слушать лекции педагогов, изучать литературу по данной проблеме и участвовать в ее обсуждении.

Средства психолого-педагогического просвещения: вербальные (деловая игра, родительское собрание, лекция, беседа, дискуссия, КВН и др.), невербальные (электронные и печатные СМИ, информация на стендах и плакатах, флайеры, буклеты, памятки) и интерактивные (школьный сайт); различные акции, интернет-сайты [4, с. 61].

Экспертиза психологически комфортной и безопасной образовательной среды проводится с целью выявления рисков и угроз со стороны образовательной среды, препятствующих развитию личности обучающегося.

Информационный модуль. Цель сопровождения заключается в защите личности от негативных проявлений, угроз и рисков в открытом информационном пространстве и обеспечении условий для наиболее полноценного развития личности обучающегося. Направления работы сопровождения:

Профилактика. Проблемы детской интернет-безопасности решаются через использование педагогами и родителями различных средств контроля (психолого-педагогический, родительский). Для достижения положительных результатов необходимо проводить комплексную работу с семьей и образовательным учреждением.

Педагог-психолог разрабатывает методические рекомендации для обучающихся и их родителей по обеспечению информационной безопасности (классификация интернет-угроз, обеспечение безопасности школьников в сети Интернет, негативное воздействие информации).

Социально-правовой модуль. Задача сопровождения заключается в повышении правовых знаний подростков и родителей, ориентированных на обеспечение защиты прав ребенка и обеспечение его социально-психологической и правовой безопасности; знакомство с прикладными знаниями в области агрессивного поведения с целью развития психологической культуры. Направления деятельности сопровождения:

Деятельность по социально-правовому просвещению предполагает:

- формирование культуры поведения, навыков самодисциплины, личностных установок, основанных на моральных и правовых ценностях современного общества;
- профилактику семейного неблагополучия и социального сиротства, актуализацию чувства родительской ответственности перед государством и обществом, формирование культуры семейных отношений;
- развитие компетенции для защиты прав, свобод и законных интересов личности и правомерной реализации гражданской позиции и т.п.

Система психолого-педагогического сопровождения подростков с агрессивным поведением включает модули, содержание которых может меняться в зависимости от запроса субъектов образовательной организации. К реализации каждого модуля могут быть привлечены все специалисты образовательного учреждения.

Таким образом, модель психолого-педагогического сопровождения подростков с агрессивным поведением в условиях общеобразовательной школы позволит повысить качество межличностных отношений улучшить комфортность образовательной среды; создаст чувство защищенности от психологического насилия; уменьшить тревожность, беспокойство и чувство вины, усовершенствует и систематизирует систему психологической помощи в образовательном учреждении, акцентирует внимание на гуманистическую центриацию у субъектов образовательной среды.

Примечания

1. Кучер И. В. Модель психологического сопровождения развития личности воспитанников социального приюта // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 4-1. С. 32-36.
2. Кучер И. В. Психологическое сопровождение развития личности подростков в социальном приюте: дис... канд. психол. наук: 19.00.07 / Кучер И.В. Ставрополь, 2006. 198 с.
3. Кольцова И. В. Личностно-развивающий потенциал пространства социального приюта как условие безопасной социализации детей и подростков, оставшихся без попечения родителей // Гуманитарные и социально-экономические исследования в современных условиях: сборник статей преподавателей и аспирантов. М.: Издательство: Знание-М, 2020. С. 38-42.
4. Стрельбицкая Н. С. Модель психолого-педагогического сопровождения психологической безопасности образовательной среды школы // Молодежь и наука – 2020. I Всероссийская студенческая научно-практическая конференция. Краснодар: АНО ДПО «ИССиМ», 2020. С. 55-63
5. Мкртычан Г. А. Психология экспертной деятельности в образовании: Теория. Методология. Практика. Н.Новгород: Развитие, 2002. 164 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ МЕДИАСФЕРОЙ

*Кривошеева Н. И., аспирант Волгоградского института управления –
филиала РАНХиГС при Президенте РФ
Научный руководитель – Бардаков А. И.,
д. полит. н., доцент, профессор кафедры государственного
управления и менеджмента*

В статье охарактеризована предметная область политической повестки дня. Установлено, что управление медиасферой осуществляется через механизм конструирования политической повестки. Выявлены условия, определяющие включение социально-политической проблемы в политическую повестку дня.

Ключевые слова: медиасфера, управление, политическая повестка дня, механизм конструирования, повесткообразующие субъекты.

В современном обществе именно медиасфера способна трансформировать социально-политическую действительность. Механизмом этой трансформации выступает политическая повестка дня, посредством которой продуцируется и конструируется политический контент. Мы считаем, что политическое управление медиасферой, главным образом, осуществляется через механизм конструирования повестки дня. Под ним понимается процесс наделения некоторых условий или явлений статусом политической проблемы и идентификация их таковыми.

Охарактеризуем условия, влияющие на потенциальность конкретной темы оказаться в информационном пространстве медиасферы и стать центральной темой в повестке дня. Для этого нами была разработана система параметров и показателей – характеристик, отражающих то или иное свойство системы.

Предметная область медиасферы характеризуется:

- 1) наличием границ;
- 2) неоднородностью;
- 3) инклюзивностью пространства;
- 4) информационной открытостью, прозрачностью границ;
- 5) тотальностью;
- 6) возможность участия в ней различных субъектов;
- 7) механизмом «обратной связи»;
- 8) степенью влияния повесткообразующих субъектов на «строительство» политической повестки;

9) степенью учета интересов различных социальных групп, выдвигающих утверждения-требования (действие механизма «обратной связи») и др.

Среди повесткообразующих акторов и субъектов медиасферы можно выделить:

- 1) Институты власти;
- 2) Институты гражданского общества;

- 3) Бизнес-структуры (руководители финансово-промышленных групп);
- 4) Экспертно-аналитические сообщества;
- 5) СМИ, медиа-организации;
- 6) Коммуникационные агентства;
- 7) Лидеры мнений, блогеры;
- 8) Медиа-аудитория (потребители контента).

Проблема, претендующая на статус общественно-политической должна быть:

- 1) озвучена группой интересов и легитимизирована общественностью;
- 2) репрезентирована и распространена в СМИ;
- 3) одобрена органами государственной власти и институционализирована (официальный план действия).

Субъективные факторы, оказывающие влияние на формулирование проблемы (темы) в политической повестки дня:

- многочисленность субъективных оценок и интерпретаций в силу разнонаправленных интересов и ценностей общественных групп;
- позиции политической элиты, коммуникационных агентств и СМИ, влияющих на формулировку официального подхода к проблеме и облачающих её в выгодную для себя «коммуникативную упаковку»;
- эмоционально-психологический окрас проблемы, способность вызывать симпатию/антипатию, участие/отчуждение, беспокойство/апатию.

Обозначим принципы отбора, влияющие на вероятность появления каких-либо социально-политических проблем в медиасфере [1]:

- Драматизация проблемы;
- Культура (связанность проблемы с широко распространенными культурными акцентами и ценностями);
- Соответствие позициям и политическим пристрастиям господствующих политических и экономических групп политика;
- Пропускная способность публичных институтов, ограничивающая количество тем социально-политической повестки дня;
- Институциональные рамки;
- Собственная «местная специфика», определяемая институциональной характеристикой и культурой.

Важно подчеркнуть двойственную роль СМИ: это и медиаканал, посредник, передающий информацию от отправителя к получателю (медиа-аудитории); и полноценный актор коммуникации, создающий информационный повод. Информация, попавшая в медиасферу, конструируется на основании политики издания, художественного вкуса издателя, журналистов и т. п.

Таким образом, политическая повестка дня в медиасфере функционирует как совокупность специально отобранных сообщений с целью трансляции в публичное пространство; как заказ медиа со стороны политической элиты; как поле смыслов аудитории, фильтрующей информацию на важную и второстепенную. В современном обществе именно в медиасфере обеспечивается трансляция информации между политической и социальной системами.

Примечание

1. Хилгартнер С., Боск, Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73-94.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОФИЛАКТИКЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

*Крикунова О. А., магистрант ГБОУ ВО СГПИ
научный руководитель – Долганина В. В., доцент кафедры общей
и практической психологии и социальной работы ГБОУ ВО СГПИ*

В статье автором актуализируется проблема агрессивного поведения дошкольников, рассматриваются некоторые современные подходы, позволяющие осуществлять профилактическую деятельность в рамках дошкольной образовательной организации в решении рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: профилактика, агрессивное поведение, дети дошкольного возраста, профилактика агрессивных тенденций, детская агрессивность.

Изучая вопросы профилактических мер в отношении агрессивного поведения дошкольников в первую очередь отметим, что образовательное учреждение выступает в качестве субъекта профилактики.

В качестве основных действующих субъектов процесса профилактики могут выступать:

- 1) педагогический коллектив дошкольной образовательной организации, отвечающий за организационно-педагогическую деятельность и административное направление;
- 2) психолого-педагогическая служба дошкольного учреждения несет ответственность за организацию социально-психологического направления;
- 3) семья несет ответственность за социализацию личности ребенка и его социальное воспитание.

Работа профилактического характера в дошкольном образовательном учреждении заключается в отслеживании как социального, так и индивидуального поведения дошкольников. Организационно-педагогическая деятельность предполагает планирование, постановку цели, а также отбор средств для её реализации.

Работа по профилактике агрессивных тенденций у дошкольников может строиться по типу организации совместных игр, проигрывания сюжетов известных сказок. Более того, дошкольнику с агрессивными формами поведения необходимо предлагать роли слабых персонажей, которые нуждаются в защите. Такой подход необходим для того, чтобы дошкольник в полной мере ощутил себя на их месте, таким образом, мы стремимся развить в детях эмпатию. В том случае, если дошкольник все же занял роль агрессивного героя, в этом случае важно акцентировать внимание на сдержанности, выдержке, умении владеть собой, защищать слабых и пр. Важно понимать, что работа с детской агрессивностью будет максимально эффективной в том случае, если в ней принимают участие воспитатели и родители [1].

Стоит также отметить, что детская агрессивность может носить неоднородный характер. Так, с одной стороны, она может выступать в качестве способа самозащиты, отстаивание своих прав, удовлетворение желаний в до-

стижении собственных целей. Агрессия, выраженная в приемлемой форме играет ключевую роль в способности адаптироваться к обстановке, добиться успеха, узнать что-то новое и пр. [3].

С другой же стороны, агрессивность, выступающая в форме ненависти и враждебности может нанести вред, сформировать отрицательные черты характера (задира, хулиган, трус и пр.). В любом случае, это отрицательно скажется на наших чувствах, а иногда приводит к деструкции личности.

Важно научить родителей, уважать своего ребенка, понимать психологические особенности детского поведения, стремиться поддерживать здоровую настойчивость, способствовать концентрации энергии ребенка в позитивное русло или наоборот, избавляться от лишней агрессии. Данная помощь важна, для того, чтобы дошкольники не могли осложнить свою жизнь внутренними конфликтами, чувством стыда и вины, могли проявлять уважение к себе и другим, несли свою меру социальной ответственности, умели налаживать доброжелательные отношения с окружающими и получали настоящее удовольствие от жизни [2].

Для профилактики состояния агрессии и гнева у дошкольников значение имеет нормализация детско-родительских отношений. Большинство родителей не имеют представления об эмоциональных потребностях своих детей, а также не обладают важными навыками для реализации эффективного взаимодействия со своими детьми. Поэтому, в профессиональной помощи психолога нуждаются не только дети, но и их родители: им необходимо помочь овладеть навыками, способствующими развитию позитивных детско-родительских отношений [2].

В своей работе психолог выстраивает детско-родительскую терапию так, чтобы укрепить отношения внутрисемейные отношения. В процессе занятий родители начинают проявлять большую чувствительность к запросам и потребностям своих детей, начинают относиться к ним с пониманием, создавая при этом атмосферу принятия, в которой ребенок будет ощущать себя более комфортно и безопасно.

Важно акцентировать внимание на том, чтобы приобретенные детьми и родителями умения, навыки, а также способы взаимодействия могли спонтанно, естественно переноситься за пределы группы, в их реальные взаимоотношения. В качестве одного из главных преимуществ работы в группе выступает групповой опыт, который способен противодействовать отчуждению, возникающему в процессе индивидуальной работе с психологом [1].

Группа позволяет воссоздавать конкретные жизненные ситуации, к примеру, обыграть ситуацию привычного семейного конфликта, представив разные варианты его разрешения, а также попробовать разнообразные стратегии поведения в конфликте. Также групповые участники тренинга могут получить обратную связь и поддержать людей со похожими проблемами.

В профилактической работе с дошкольниками необходимо говорить с ребенком о том, что он понимает под гневом, в чем может заключаться его разрушительное значение, а также каким злым и неприятным становится человек в ситуации гнева.

Ролевая игра может стать одним из эффективных приемов работы с агрессивными дошкольниками.

Таким образом, в качестве основных подходов к профилактике агрессивного поведения старших дошкольников в нашей статье мы рассмотрели следующие:

- обучение детей с агрессивными формами поведения приемлемым способам саморегуляции, умению владеть собой;
- обучение приемлемым способам выражения гнева;
- отработка навыков общения в конфликтных ситуациях;
- формирование эмпатии и доверия;
- работа с родителями агрессивных детей.

Примечания

Журналы

1. Барченкова Н. И., Арсёнова М. А., Суворова Н. Н. К проблеме профилактики агрессивного поведения детей старшего дошкольного возраста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 2671–2675. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53537.htm>.

2. Петрова Е. В. Педагогические условия профилактики агрессивного поведения детей старшего дошкольного возраста. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2016. № 11 (115). С. 1514–1516. URL: <https://moluch.ru/archive/115/30691/> (дата обращения: 06.11.2020).

Учебные пособия

3. Маркова Л. С. Работа педагога-психолога в ДОУ метод. пособие. М.: Айрис-пресс, 2010. 384 с.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ИНФОРМАЦИОННОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Кузнецова К. И., соискатель, СКФУ,
Яковлев И. И., канд. социол. наук,
старший специалист ГУ МВД России по
Ставропольскому краю

В статье рассматривается проблема информационного неравенства, которое формируется тремя факторами: неполное сканирование (оцифровка) библиотечного фонда, дефицит информации, платный доступ к информации. Рассмотрено негативное воздействие на жизнедеятельность людей, а также на функционирование социальных организаций трех факторов.

Ключевые слова: информационное неравенство, виртуальные библиотеки, дефицит информации, платный доступ к информации.

Основной показатель качества информации является ее ценность, то есть ее важность перед информационным субъектом, с помощью которой он может решить определенные задачи. Качество информации складывается из таких показателей как достаточность (полнота), доступность, актуальность, своевременность, точность, устойчивость. Но все же в первую очередь, не-

обходимо обладать информацией, и для этого должна быть возможность получения ее через общедоступные источники распространения информации.

Одним из главных источников пополнения информации является оцифровка библиотечного фонда и создание единого информационного и образовательного пространства, то есть создание электронной библиотеки. Оцифровка книг осуществляется сканированием бумажных книг и переводом их в электронный вид. Необходимо сказать, что оцифровка книг является трудоемким и достаточно медленным процессом, но уже миллионы книг отсканированы и находятся в доступе. Преодолев технический и материальный вопросы, информационный субъект сталкивается с проблемой поиска необходимой информации в данном виде информационного пространства, в таком потоке необходимо уметь пользователю ориентироваться [2].

Преимущества виртуальной библиотеки очевидны, это накопление неограниченного объема информации, более удобный способ поиска необходимого материала, а также снижены расходы на получение, обработку, хранения и ее передачу. Необходимы минимальные затраты для обеспечения удаленного доступа к информационным ресурсам, научным работам, произведениям литературы, искусства, решает проблему для неограниченного количества пользователей проживающих в труднодоступных районах страны или имеющих ограничения по состоянию здоровья. Оцифровка материала дает возможность получения полнотекстового поиска, то есть осуществляется поиск документа в базе данных на основании запроса информационного субъекта при оптимизации данного процесса. Что значительно сокращает время поиска, повышает результативность отбора, а также позволяет обратить внимание пользователя на источники, на которые мог бы не обратить внимание.

На пути формирования виртуальных библиотек стоит еще одна из главных причин, это институт интеллектуальной собственности. Все результаты интеллектуальной деятельности являются охраняемыми объектами авторского права. Для создания виртуальной копии книги или статьи необходимо получить разрешение автора. Закон устанавливает определенные правила, которые регулируют содержательные границы исключительного права на интеллектуальную деятельность, случаи их свободного использования или ограничения в электронном виде [2]. Пользователь ограничен законом, что приводит к информационному неравенству, но создает такие предпосылки сам человек, пренебрегая негласными правилами использование информации и злоупотребляя присвоением интеллектуальной собственности своему имени.

Сколько не было бы в виртуальной сети материала, каждый пользователь сталкивается с такой проблемой как информационный дефицит. Теория информационного дефицита была разработана Дж. Гербнером еще в 1970 году, обсуждалась многими учеными и была опубликована статья «Средства массовой информации и информационный дефицит». Согласно этой теории, люди с разным уровнем образования, материальным достатком, трудовым и социальным положением в обществе используют разные возможности, которые предоставляют средства массовой информации [6]. Считается, что пользователи с более высоким уровнем подготовки предпочитают информационно насыщенные источники и готовы к восприятию сложной и объем-

ной информации, чем менее подготовленные пользователи. Что приводит к проблеме неготовности и нежелания некоторого населения воспринимать и обучаться новому. Массовая коммуникация не делает всех пользователей одинаково образованными, а скорее всего, способствует более явному информационному разрыву между разными слоями населения. Критика данной теории информационного дефицита сводится к тому, что в качестве критерия рассматривается исключительно социальное положение людей [6]. К данному критерию можно добавить: образование, материальное положение, техническое оснащение, профессионально-ориентированная деятельность и простой интерес человека.

Информационный дефицит мы рассматриваем как нехватку необходимой (профессиональной, образовательной, научной и т.д.) информации. Есть определенный ограниченный круг элит, которые обладают корректной и своевременной информацией. Простым пользователям все меньше предоставляется актуальная и важная информация, появляются все больше пользователей, которые обладают монополией на знания. Большое количество людей не получает информации в том должном виде как монополисты, и одна из причин, это не способность ее воспринимать, что приводит к усилению различий между социальными группами и как следствие, информационный разрыв увеличивается.

Как отмечает Х. Бонфаделли, пользователи с менее низким уровнем образования заинтересованы в развлечениях, которые предлагает глобальная сеть, а другие пользователи более активно используют сеть для поиска необходимой информации. Так же современные алгоритмы, которые анализируют предыдущие поисковые запросы, предлагают пользователям определённый контент, и шансы вырваться из созданного круга информации и преодолеть информационный разрыв становятся все меньше. Средства массовой информации направляют различные взгляды людей на социальную реальность в единое русло, происходит унификация [6]. И чтобы расширить уже сформировавшуюся окружающую реальность человеку необходимо приложить определенные усилия и интерес для уменьшения информационного ограничения.

В сети интернет есть много информации, но отыскать необходимую для той или иной области очень сложно, при запросе будет представлен абсолютно идентичный пересказ одной и той же темы. Многие люди не имеют возможности ознакомиться с зарубежными и отечественными источниками информации, так как они являются платными. Таким образом, одним из факторов информационного неравенства является платный доступ к той или иной информации, платным подпискам. Но в то же время самым важным условием является то, что платная информация на интернет-сервисах является более качественной, чем общедоступная, ведь идет огромная работа по сбору, подготовки и систематизации необходимого материала. На платных ресурсах периодических изданий предоставляют уникальный контент, предлагают материал, опубликованный как в этом году, так и предоставляют доступ к архивам [3].

Так, в 2016 году на сайте газеты «Батайское Время» как эксперимент запустили платную функцию просмотра материала. За одну неделю существования платного доступа на сайт ни один читатель не купил рубрику, но за это

время возросла посещаемость сайта, и увеличилось количество уникальных посетителей [5]. Российский читатель привык к бесплатному доступу к новостным сайтам, и поэтому не хочет платить за полученную информацию. Но такие изменения все же привлекли новую аудиторию, что заставляет задуматься о том, что если пользователям будут действительно предоставлять качественную и достоверную информацию, то со временем они привыкнут к ней платить.

С увеличением объема информации пользователь предъявляет более строгие требования к используемой информации. Платные сервисы существовали всегда, к примеру, онлайн-магазины, которые продают книги. В 2020 году в период реализации мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) помимо необходимых товаров люди покупали, в том числе книги. Позиция по покупке книг занимает высокое место – шестое [7].

Недостатком платного использования информации является необходимость платить деньги за относительно небольшой объем информации, включенных в базу данных конкретного ресурса. Или наоборот, платить деньги для того чтобы опубликовали важную информацию, которая несет значимость и вклад в общественную деятельность.

Подводя итог вышесказанному, информационное неравенство формируется тремя факторами:

- Неполное сканирование (оцифровка) библиотечного фонда;
- Дефицит информации;
- Платный доступ к информации.

Все три фактора формируют и усугубляют информационное неравенство, приводя к более скрытым факторам данной проблемы. Законодательство РФ об охране прав на интеллектуальную собственность осуществляют ограничительные меры библиотекам по созданию электронных копий информации, без специальных договоров и соглашений. Так же закон регулирует баланс между правообладателями, которые получают выгоду от создания и использования интеллектуальной собственности посредством закрепления исключительных прав на сохранность объектов, но в то же время государство должно гарантировать гражданам достаточно свободный доступ к тем или иным достоверным информационным ресурсам. Государство должно контролировать формирование информационной инфраструктуры, которое должно минимизировать дефицит информации, как и к платному доступу информации. К культуре платного контента пользователи предъявляют высокие требования, и такие условия предоставить может не каждый. Но и не каждый может заплатить за ту или иную информацию, что приводит к усугублению проблемы.

Примечания

1. Информация в Интернете становится платной <https://www.sostav.ru/news/2004/05/13/20/>
2. Козлова Н. В., Косовец А. А., Ворожевич А. С. Электронные библиотеки научно-образовательных организаций: правовые проблемы создания и деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. №6.
3. Платные ресурсы Интернета против бесплатных <https://it.wikireading.ru/13362>
4. Право знать. Доклад Команды 29 о доступе к информации в России <https://team29.org/wp-content/uploads/2017/08/Access-to-information.pdf>

5. Спецпроекты и платная подписка: как выживают городские СМИ на Дону <https://rostov.rbc.ru/rostov/02/11/2016/5819bff89a7947285b9a8c30>

6. Теория информационного дефицита https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B4%D0%B5%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0

7. Что и как покупают в интернете жители России: аналитика и статистика за 2020 год <https://cms-rating.ru/chto-i-kak-pokupayut-v-internete/>

ЗАБАСТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ В США: МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

*Кумпан Е. Н., канд. ист. наук, доцент кафедры
всеобщей истории и международных отношений КубГУ*

Нарастание протестного потенциала в учительской среде, проявившееся в США в 2018–2019 г. актуализирует необходимость применения прогностического инструментария для предупреждения конфликта, в том числе основанного на мониторингах общественного мнения и изучении социально-экономических факторов. Рассмотрена эффективность существующих методик.

Ключевые слова: образование, учителя, школы, забастовки, протест, мониторинг, США.

В США 2018–2019 учебный год был отмечен волной забастовок учителей. В феврале 2018 года около 20 тыс. учителей в Западной Вирджинии не выходили на рабочие места буквально в каждом округе штата в течение 9 дней. Затем губернатор подписал законопроект, согласно которому заработная плата преподавателей и сотрудников школ была повышена на 5% [1]. В штате Вашингтон прошло 14 забастовок учителей, которые боролись за фактическое повышение заработной платы уже после того, как постановлением Верховного суда штата властям было предписано увеличить финансирование образования [2]. Организованные акции протеста проходили также в Оклахоме, Аризоне Колорадо, Кентукки и Северной Каролине [3].

В 2019 году начались забастовки в Лос-Анджелесе, во втором по величине школьном округе страны. Около 31 тыс. учителей не работали в течение 7 дней, затем была достигнута договоренность о повышении заработной платы, увеличении числа вспомогательного персонала, сокращения численности учеников класса в соответствии с обязательными нормативами [4]. Общим результатом забастовочного процесса стало повышение заработных плат учителей в Вирджинии и Западной Вирджинии, Оклахоме, Аризоне, в Лос-Анджелесе и Окленде, в Калифорнии, в Денвере, в Колорадо [1].

Можно ли было прогнозировать забастовочные действия учителей? Обратимся к опубликованным данным структур США, проводящих мониторинг

ги в сфере образования. В их спектре выделим прежде всего исследования Американского института общественного мнения (American Institute of Public Opinion) – Институт Гэллага. Его лозунг «Аналитика и советы обо всем что имеет значение». Еженедельно компания проводит опрос 1500 взрослых американцев, с 2005 г. проводит глобальные исследования (World Poll), охватывающие значительную часть населения планеты. Одним из направлений социологических исследований института является образование. На сайте института размещен «Отчет о состоянии школ США»[5], составленный на основе данных, полученных в результате ежегодно проводимых исследований в 5–12 классах школ США. В опросе приняло участие 600 000 учеников и 7 200 учителей школ K-12 (12-летнего образования). Изучение текста отчета показывает следующие системные для США проблемы.

Во-первых, сравнительно низкий статус учителя по сравнению с Финляндией, Сингапуром, Южной Кореей, Гонконгом – странами, которые показывают более высокие образовательные результаты. Одновременно отмечена низкая степень удовлетворенности учителя признанием его достижений [5, p. 10].

Во-вторых, исследователи обращают внимание на феномен «вращающейся двери» («revolving door») – значительное количество молодых людей, имеющие способности к преподаванию не идет в профессию и в тоже время в течение первых пяти лет работы от 40% до 50% учителей покидают профессию. При это недостаточная оплата является важным (чуть меньше половины респондентов-учителей указывают на необходимость повышения зарплат), но не решающим фактором. В значительной степени влияет на их решение: недостаточная автономия, необходимая для эффективного использования собственных талантов; использование стандартизированной системы оценочных тестов; большое количество учеников в классах; низкий уровень сотрудничества между учителем и администрацией школы; значительное количество «бумажной работы», прежде всего ведение документации и отсутствие времени на ее подготовку [5, p. 23, 33].

В третьих, аналитики центра отмечают, что учителя на последнем месте из 12 изученных профессиональных групп, согласны с утверждением о том, что на работе их мнение имеет значение («At work, my opinions seem to count»). При этом почти половина учителей K-12 (46%) сообщают о высоком уровне ежедневного стресса в течение учебного года. Эта цифра соответствует максимальному уровню стресса среди иных профессиональных групп: медицинские сестры, врачи. Только треть учителей (31%) указывает на высокий уровень своей вовлеченности в работу (engagement rate), примерно каждый восьмой (13%) выражает активное недовольство рабочим местом.

Более одной трети учителей (37%) согласно данным 2013 года, назвали основной причиной увольнения – систему управления школой. Многие школьные округа США сталкиваются с проблемой отсутствия адекватного руководства школьным советом. Только 37% суперинтендантов учебных округов полностью согласны с тем, что их округа хорошо управляются на уровне совета директоров [5, p. 36]. Таким образом, «Отчет о состоянии школ США» выявляет факторы, способствующие нарастанию забастовочной активности учителей.

Особое положение занимает Национальный центр статистики образования (NCES). С 1962 г. центр публикует многостраничные сборники статистической информации, включающие данные по всем ступеням образования: количество учебных заведений, учителей, учащихся и выпускников, степень вовлеченности родителей, проблема алкоголя, курения и наркотиков в школе, уровень образовательных результатов, финансовое обеспечение школ и динамика доходов учителей [6]. Так например, средняя зарплата учителей государственных школ в 2017–18 гг. составила 60 483 долл. США и с учетом инфляции она стала на 1% ниже, чем в 1990–91 годах [6, р. 58]. Сводные таблиц, сформированные центром, используются компаниями как материал для собственных исследований. Pew Research Center, в опубликованном в июле 2019 г. отчете, построенном на данных NCES за 2015–16 гг., показывает, что примерно четверть (26%) учителей-мужчин и 15% учителей-женщин в течение учебного года работают на второй работе. В течение летнего отпуска на второй работе заняты 18% учителей. В среднем, летний заработок учителя составляет 7% от общего годового дохода. Доход от второй работы в течение учебного года – в среднем 9% от их дохода [7]. Таким образом проблема заработной платы – не повышающейся в течении десятилетий – действительно является значимым конфликтогенным фактором.

Комплексная методика диагностики протестного потенциала в учительской среде присутствует в аналитике, подготовленной Центром бюджетных и государственных приоритетов (Center of Budget and Policy Priorities, существует с 1981, не правительственный, беспартийный) [8]. Еще к ноябрю 2017 г. был подготовлен доклад, который выделял следующие проблемы:

- сокращение государственного финансирования школ K–12: в среднем 47% доходов школ в Соединенных Штатах поступают из государственных фондов. Местные органы власти предоставляют еще 45%; остальное исходит от федерального правительства. В 29 штатах общее государственное финансирование на одного учащегося было ниже в 2015 учебном году, чем в 2008 учебном году, до начала рецессии. В 17 штатах сокращение составило 10 и более процентов. По состоянию на текущий 2017–2018 учебный год, по крайней мере, в 12 штатах сократилось государственное финансирование начальных и средних школ на 7 % и более на одного учащегося.

- Сокращение большинством штатов финансирования школ после рецессии: во время кризиса произошло сокращение доходов штатов от подоходного налога, от операций с недвижимостью; падение цен на нефть также негативно повлияло на бюджеты ряда штатов (Оклахома, Техас, Западная Вирджиния). Несмотря на то, что кризис уже был завершен, фонд налоговых поступлений еще успел не сформироваться, и штаты предпочитали не увеличивать заработную плату учителям. В 2015 г. 29 штатов обеспечивали меньшее общее школьное финансирование на одного учащегося, чем в 2008 году. В 2016–2017 гг. удалось только незначительно повысить финансирование. Семь из 12 штатов – Алабама, Аризона, Кентукки, Мичиган, Миссисипи, Техас и Западная Вирджиния – еще больше сократили финансирование на одного учащегося в 2017 г.

- Специфика финансирования школ: на 45% денежные средства поступают из местных бюджетов, таким образом, есть более богатые и бедные

образовательные округа. В результате разрыв между зарплатами учителей в разных округах достигает 18,7%.

- Сокращение учителей: в то время как число школьных работников с 2008 года сократилось на 135 000, число учащихся увеличилось на 1 419 000 человек, то есть растет нагрузка на учителя.

- Снижение капитальных затрат на строительство и ремонт школ: 37 штатов сократили капитальные расходы по сравнению с инфляцией за этот период, во многих случаях радикально: шесть штатов более чем на половину, Невада – на 82%. Таким образом условия обучения и труда за время экономической рецессии и переходного посткризисного периода ухудшилось.

- Социальный запрос на изменения: отсутствие адекватного финансирования школ воспринимается обществом как важный фактор, негативно влияющий на потенциальную успешность детей – особенно в семьях с низким доходом. Авторы доклада, ссылаясь на исследования К. Джексона, Р. С. Джонсона и К. Персико «Влияние школьных расходов на образовательные и экономические результаты: данные реформ школьного финансирования» и Б. Бейкера «Имеют ли значение деньги в образовании?» [9, 10], указывают, что исследование данных о более чем 15 тыс. детей, родившихся в период с 1955 по 1985 год, показало, что дети из семей с низким уровнем дохода, посещающие школы, в которых финансирование на одного ученика было на 10% выше (с учетом инфляции), имели на 10 процентных пунктов больше шансов закончить среднюю школу, чем другие дети из бедных семей (low-income children). Вырастая, эти дети могли обеспечить себе более высокий доход (также на 10%) и на 6% реже оказывались за чертой бедности [8].

Отметим, что А. Хертел-Фернандес (Колумбийский университет, школа международных и общественных отношений) в своей статье отмечает, что в начале 2019 г. его исследовательской группой был проведен опрос в шести штатах в которых проходили забастовки учителей, количество респондентов составило 4 468 чел. «Вы можете подумать, – пишет он, – что, столкнувшись с серьезным нарушением образования своих детей, родители повернутся против учителей. Но мы нашли прямо противоположное» [11]. В штате Кентукки более двух третей респондентов заявили, что поддерживают протесты учителей. Подавляющее большинство кентуккийцев даже заявили, что будут поддерживать будущие забастовки и забастовки учителей, чтобы увеличить школьные расходы и ресурсы [11]. Почти две трети респондентов полагают, что забастовки принесут положительные результаты для учителей и около 40% считают, что забастовки пойдут на пользу ученикам и их родителям [12].

В результате аналитиками центра была составлена диаграмма (рис. 1).

В перечисленных на рисунке 3 штатах прогноз Center of Budget and Policy Priorities оправдался: в течение 2018-2019 г. забастовки прошли учителей в Оклахоме, Техасе, Кентукки, Аризоне, Западной Вирджинии, Северной Каролине.

Таким образом, мониторинги системы образования США в течение предшествующего росту забастовочного движения периода, выявляли комплекс экономических, социальных факторов, свидетельствующих о нарастании протестного потенциала в учительской среде. В тоже время исследования общественного мнения показывали, что учителя вполне рационально могут

рассчитывать на поддержку общества (прежде всего учеников и родителей) что повышает групповые выгоды от участия в протесте и, учитывая высокую социальную значимость сферы образования в США, вероятны ожидания не нулевой пользы от забастовочных действий.

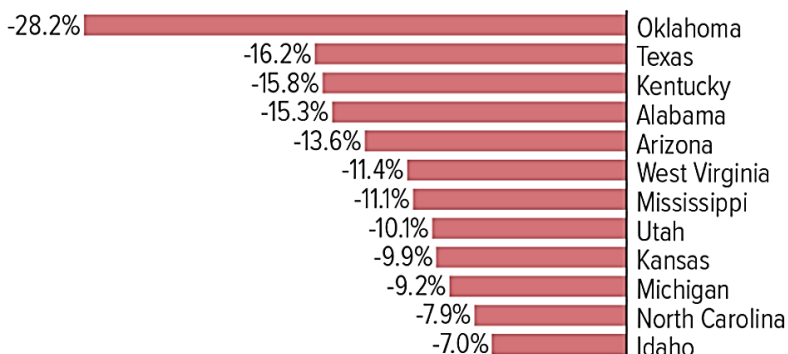

Рис. 1. Государственное финансирование расходов на образование в штатах США, в наибольшей степени снизившиеся по сравнению с 2008 годом. Процентное изменение финансирования по формуле штата на одного учащегося, с поправкой на инфляцию в 2008-2018 финансовых гг. [13, p.7]

Примечания

1. Sainato M. Low pay, large classes, funding cuts: behind new wave of US teachers' strikes. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.theguardian.com/education/2019/feb/27/low-pay-large-classes-funding-cuts-behind-new-wave-of-us-teachers-strikes> (дата обращения: 6.11.2020).
2. Will M. School Aid Skirmishes Still Flare in Washington State. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.edweek.org/ew/articles/2018/09/19/school-aid-skirmishes-still-flare-in-washington.html>
3. Например см. Will M. Ky. Teachers Storm Capitol After Governor's Veto of Ed. Budget / [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://blogs.Edweek.org/edweek/teacherbeat/2018/04/kentucky_teachers_protest_budget.html
4. Gewertz C. With Umbrellas and Picket Signs, L.A. Teachers Begin First Strike in 30 Years. Education Week. January 14, 2019. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://blogs.edweek.org/edweek/teacherbeat/2019/01/los_angeles_teachers_strike_begins.html
5. State of America's Schools // The Path To Winning Again in Education. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.gallup.com/education/269648/state-america-schools-report.aspx>
6. Snyder T.D., de Brey C, Dillow S.A. Digest of Education Statistics 2018. 54th Edition. December 2019. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://nces.ed.gov/pubs2020/2020009.pdf>
7. Schaeffer K. About one-in-six U.S. teachers work second jobs – and not just in the summer. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/07/01/about-one-in-six-u-s-teachers-work-second-jobs-and-not-just-in-the-summer/>
8. Leachman M., Masterson K., Figueroa E. A Punishing Decade for School Funding. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.cbpp.org/research/state-budget-and-tax/a-punishing-decade-for-school-funding>.
9. Jackson C. K., Johnson R. C., Persico C. The Effects of School Spending on Educational and Economic Outcomes: Evidence from School Finance Reforms. Quarterly Journal of Economics, October 1, 2015/ [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.nber.org/papers/w20847>.

10. Baker B. Does Money Matter in Education? Albert Shanker Institute, 2016. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.shankerinstitute.org/resource/does-money-matter-second-edition>.

11. Hertel-Fernandez A. Teacher strikes have changed the political landscape across the US / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.theguardian.com/global/commentisfree/2019/nov/12/teacher-strikes-chicago-kentucky-political-impacts>

12. Hertel-Fernandez A. Summary of 2019 Teacher Walkout Survey Results. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://scholar.harvard.edu/files/ahertel/files/results_memo_public.pdf

13. Leachman M., Masterson K., Figueroa E. A Punishing Decade for School Funding / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.cbpp.org/research/state-budget-and-tax/a-punishing-decade-for-school-funding?__cf_chl_captcha_tk__=b52326bf5862917609ba06ec26e94f1e3667e593-1604994264-0-AU69xZ1VUcLie9S2anJd5y2U4m3vf_gBEhws0GmiHMFVb4q0Yv7FZKF8pyKox_L9si5Xqsa_Md4-QFcJcHw0AMG0_PoAFbjtab1s5O2yDvoNz6nGJsNFC0kmzinVnuulMQX88fzSEKF08McHWWBF_htYqC12cPOVEJsBM5WOr6yIMeI92dtohZ_TqH1CgGvTQecAb7VL1BE-WGI3wGbLXp7NB42Yk4tlIvR8i5dF0yAl5a69tYS2RM43A7FUhaeER0suJzdYEMTZTIS13BklilLnt_4u6UUrp1k2u0ZzTH-i_j6GuLYvR0F-idvDM1LV13Gtjta-VPBO5Bv_n-fmUUM4ws9YawK8XIH-HiQX5hM5TD2C8q6eLVplZyxUhm2HT-IZIFzDJMac1FL8jVHTMYy2sflId20PUD4OuL8bRalUzhJL9EbZchJfYUpd5YuMsrxmVnxXgARcZ5V98uL4mYnKUmLCFjkgLWabNVRV30m2b1VCdlwxhKcHxpMBxeG3JTI0JekmdWBT3nmqTd0VMfNqEFb9ySTHCg9FbNJ09rYBDVKBHh7aOfcm0i_3hFoJq6dnCvbqXpTP-fHxLCzKw.

ТЕХНИКИ «SAND-ART»-ТЕРАПИИ В РАБОТЕ ПСИХОЛОГА

Курбатова К. О., Зимоглядова А. Ю.,
студентки ГБОУ ВО СГПИ

Научный руководитель – Долганина В. В.,
кандидат психологических наук, доцент

В статье авторы подчеркивают негативное влияние образовательной среды школы на физическое и психологическое здоровье учащихся. Отмечается необходимость конструирования развивающей образовательной среды создающей благоприятную атмосферу для самореализации каждого ребенка с учетом его индивидуально – личностных особенностей. В этой связи, авторами рассматривается эффективность использования «Sand-Art», выступающей в качестве инновационной модели в терапии песком, применяемой как в работе как с детьми, так и со взрослыми, имеющими различные психологические проблемы.

Ключевые слова: Sand-art терапия, терапия песком, арт-терапия.

Быстро развивающаяся информационная среда с каждым днем усиливает влияние на содержание образовательных программ и процесс обучения. В этих условиях возникают вопросы повышения эффективности усвоения учениками большого потока знаний, адаптации организма ребенка к возрастающим стрессовым нагрузкам. Образовательная среда школы, в которой дети находятся в продолжение значительной части времени, нередко содер-

жит факторы и риски, негативно влияющие на физическое и психологическое здоровье детей.

В последние десятилетия в России происходит переход от традиционных технологий обучения репродуктивного типа к образовательным технологиям развивающего типа. Конструирование развивающей образовательной среды предполагает создание возможности для самореализации каждого конкретного ребенка с учетом его индивидуально – личностных особенностей.

Рисование песком как технология, которая активно используется в работе учителей, воспитателей, психологов и психотерапевтов, появилась сравнительно недавно (чаще всего в Интернет-источниках называется 2007 или 2008 год [5]) и уже стала популярной среди профессионалов.

В настоящее время необходимо разработать более четкий понятийно-терминологический аппарат. Ориентирование в понятиях является необходимой предпосылкой для изучения и построения теоретических моделей, понимание процессов, происходящих на практике, с точки зрения динамики и перспективы, позволяет более четко обозначить и создать последовательную концепцию применения песчаного метода sand-art в работе специалистов.

Метод sand-art можно отнести к методу арт-терапии, когда в качестве изобразительного материала используется песок, который наносится на специальную поверхность в виде матового стекла с подсветкой. Эту поверхность называют световым планшетом или арт-песочницей [1].

Метод песочной живописи sand-art предполагает недирективный подход к клиенту и успешно используется как при работе с детьми, так и при работе со взрослыми. С помощью техники рисования песком активируется правое полушарие и синхронизируется работа обоих полушарий головного мозга, что позволяет клиенту проявлять свой творческий потенциал, что в целом положительно влияет на общее состояние человека [2].

Сегодня специалисты продемонстрировали на практике эффективность методики «Sand-Art» для работы с различными психологическими проблемами: разрешение семейных конфликтов, гармонизация отношений между родителями и детьми, стабилизация текущего психоэмоционального состояния и другие психокоррекционные задачи.

«Sand-art» относится к методам, состоящих из комплекса упорядоченной работы с песком на специально оборудованных столиках, имеющих подсветку, и активно применяется психологами всего мира в коррекционно-развивающей, восстановительной работе с разными категориями населения [3].

«Sand-art» – это инновационная модель использования терапии песком, где в качестве изобразительного средства применяется все тот же песок, наносимый на ровную поверхность, имеющую вид непрозрачного стекла с подсветкой, называемую световым планшетом. «Sand-art» терапия – это современное направление арт-терапии, которое организует творчество, как вид искусства, психолога и ребенка.

Метод «Sand-Art» успешно применяется в образовательных и развивающих целях: обучение основам чтения, письма и рисования, развитие познавательных процессов, расширение кругозора и общей осведомленности, развитие мелкой моторики и координации движений, развитие воображения и творческих способностей. Серьезный учебный процесс превращается для детей в увлекательное и захватывающее занятие.

Терапия песком приобретает большое значение, так как снимает различные негативные реакции: аффективные вспышки, раздражение, агрессию; эмоциональную холодность; положительно влияет на эмоционально-волевую сферу и развивает душевные качества в виде осмысленных взаимоотношений ребенка с родными людьми; способствует проявлению его желаний и формирует эмоциональные и коммуникативные связи с окружающими.

Ребенок берет песок и разбрасывает его по планшету под наблюдением психолога, который помогает развить его воображение и фантазию, что способствует осознанному выполнению своих действий, за счет чего и происходит улучшение и стабилизация эмоционального состояния. При работе песочным рисованием «Sand-art» пользуются недирективным подходом, поэтому дети разного возраста с удовольствием идут на контакт со специалистом. Техника рисования песком активизирует правое полушарие, вследствие чего синхронизируется работа обоих полушарий головного мозга. В это время развиваются художественные и творческие способности детей, что положительно отражается на общем психологическом состоянии [4].

Песок применяют специального качества, который приятен на ощупь при тактильных ощущениях, способствует развитию тонкой моторики и общей координации движений. На развитие ассоциативного мышления благоприятно влияют воздействия тени и света.

Актуальность и новизна использования психологами в психокоррекционной, развивающей и восстановительной работе с клиентами разного возраста метода «Sand-art» заключается в следующем: он способствует решению проблем личностного характера и стабилизации эмоционально-волевой сферы; от взаимодействия искусства и психологии в процессе рисования на планшетах песком ребенок получает удовольствие и ощущение психофизического комфорта.

Примечания

Статьи в журналах, газетах

1. Sand-art-терапия в работе психолога–консультанта // Альманах Арт-Терапия. Периодическое издание о вопросах методологии и практики терапии искусством. 2016. №1 (7). С.46-51.

Монографии

1.Епанчинцева О. Ю. Роль песочной терапии в эмоциональной сфере детей дошкольного возраста: Конспекты занятий. Картотека игр. СПб: ООО «Изд-во «ДетствоПресс», 2011. 80 с.

2. Сакович Н. А. Технология игры в песок. Игры на мосту. СПб: Речь, 2006. 176 с.

3. Шиманская А. Сказки на песке. Практика песочной терапии. СПб: Речь, 2010. 224 с.

Интернет-ресурсы

1. Электронный ресурс http://psy.su/summit/summit_archive/2011/

ВЛИЯНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ НА ОДИНОЧЕСТВО СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 И САМОИЗОЛЯЦИИ

*Латина А. А., студент СГПИ
Научный руководитель- Кольцова И. В.,
доцент кафедры общей и практической психологии
и социальной работы*

С помощью сопоставления результатов психологического анкетирования объективизирована прямая взаимосвязь влияния дистанционной формы обучения на переживание одиночества студентами педагогического ВУЗа в период пандемии COVID-19 и самоизоляции. Обсуждаются причины переживания студентами одиночества.

Ключевые слова: дистанционное обучение, общение, одиночество, пандемия, самоизоляция, студенты.

В настоящее время весь мир противостоит сложной эпидемиологической ситуации, которая повлияла не только на здоровье граждан, но и на социально-экономическое положение стран в целом.

Наша страна не стала исключением, в связи с этим, президентом Российской Федерации предприняты меры, не допускающие массового заражения населения и роста смертности от COVID-19.

В условиях пандемии коронавируса и вынужденной самоизоляции приспособляться пришлось и сфере высшего профессионального образования. На смену традиционного обучения в аудиториях пришло дистанционное.

Г. Н. Фадеев отмечает, что дистанционная форма обучения имеет ряд преимуществ, она удобная и практичная, способствует углубленному изучению учебного материала и просто незаменима в случае ограниченности доступа к традиционному очному образованию [5, с. 31-39].

Однако, подчеркивает Л. К. Аверченко, дистанционная форма обучения имеет и ряд недостатков, к которым относит отсутствие общения со сверстниками и негативное влияние на здоровье студентов в силу того, что они должны длительное время проводить за компьютерами [1, с. 322-329].

Кольцовой И. В. и Долганиной В. В. проведено исследование влияния пандемии на возникновение тревожности у студентов педагогического вуза. Результаты исследования свидетельствуют, что 37,5% студентов испытывают дискомфорт и состояние одиночества, т.к. не могут встречаться с друзьями, посещать развлекательные и спортивные комплексы [3, с.1-10].

В. Е. Бочков считает, что, представляя собой социальную общность, студенчество, обладающее способностью быстро адаптироваться к ритму современной жизни, в период в период пандемии COVID-19 и самоизоляции оказалось в ситуации неопределенности [2, с. 53-61].

В связи с этим, с целью выявления влияния дистанционной формы обучения на одиночество студентов педагогического ВУЗа в период пандемии COVID-19 и самоизоляции, проведено исследование на базе ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт». Для реализации

данной цели был проведен анонимный анкетный опрос студентов, в котором приняли участие 100 респондентов очной (58 человек) и заочной (42 человека) формы обучения. Из них: 72 девушки и 28 юношей. Анкета включала 11 вопросов, ответы на которые состоят в выборе утверждения, близкого студенту [4, с.96]. Итак, количественный и качественный анализ по каждому из предложенных вопросов позволил диагностировать следующие результаты.

В период самоизоляции 50% студентов проживали с родителями, 20% – с другими родственниками, 20% – с семьей, 10% – самостоятельно.

Анализ результатов анкетирования показал, что для 40% студентов дистанционная форма обучения удобна и даже нравится (отвечали студенты, которые до пандемии обучались заочно); 30% респондентам удобно обучаться, но сложно (в основном так отвечали студенты, которые ранее обучались очно). Студенты отмечали, что им нравится быть дома, заниматься своими делами, но они испытывали страх за свое здоровье и выполнять задания в дистанционном формате затруднялись, они привыкли разбирать все упражнения в аудитории под руководством преподавателя с использованием наглядности. 10% студентам дистанционное обучение не нравится, они испытывали трудности при выполнении заданий. 20% затруднялись ответить на данный вопрос.

На вопрос: «Как изменился у вас уровень мотивации к дистанционному обучению», студенты отвечали:

- 30% – увеличился;
- 30% – не изменился;
- 20% – уменьшился;
- 20% – затруднялись ответить.

При этом отмечено, что респонденты, у которых уровень мотивации увеличился обучаются очно.

Анализ ответов на вопрос: «С какими трудностями Вы столкнулись в период дистанционного обучения?» показал, что:

20% студентов недостаточно владеют информационно-коммуникационными технологиями;

20% опрошенных отметили недостаточное количество дистанционного материала;

20% респондентов было сложно выполнять дистанционные учебные задания;

40% студентов (из них 30% – юноши) отмечали, что дистанционное обучение расслабляет, можно было не выполнять некоторые задания, не просматривать лекционный материал.

На вопрос «Каким образом повлияло условие вынужденной самоизоляции на уровень переживания Вами одиночества?» студенты отвечали:

- 50% – не повлияло на переживание одиночества;
- 20% – испытывал(а) одиночество;
- 10% – наиболее остро переживал(а) одиночество;
- 10% был(а) наедине с собой, без социальных контактов;
- 10% проводил(а) время с близкими людьми, в кругу семьи.

Отмечено, что на 42% студентов, обучающихся заочно до пандемии, условие вынужденной самоизоляции не повлияло на переживание одиночества.

58% студентов, обучающихся очно до введения режима самоизоляции наиболее подвержены переживанию одиночества. Они привыкли к ежедневному общению с однокурсниками и преподавателями, были задействованы в общественных делах института. У данной категории студентов в период вынужденной самоизоляции возникла проблема дефицита «живого» общения. Общение с помощью компьютера с преподавателями ВУЗа в 36% случаев их угнетало.

Анализ мнения студентов о дефиците живого общения с окружающими в период вынужденной самоизоляции, показал, что:

60% респондентов стал(а) общаться намного чаще при помощи мобильной связи и сети Интернет;

20% отмечали, что частота общения с родными и друзьями осталась на прежнем уровне;

20% студентов полностью «погрузился(лась)» в мир виртуального общения.

В первую очередь, наладить отношения, в которых студенты были до самоизоляции, респонденты хотели бы с друзьями (50%), с семьей и близкими людьми (20%), с однокурсниками и преподавателями института (20%), ни с кем, им нравится новый формат общения (10%).

Анализ результата вопроса: «Продолжите фразу: «Считаю, что одиночество – это...» показал, что:

30% отвечали, что это состояние, когда ты болен собой, устал от себя, надоел сам себе, и ты хочешь куда-то пойти и забыться в ком-то другом;

30% предположили, что это иллюзия отсутствия обратной связи от мира;

20% считают, что это отдых наедине с собой.

50% студентов положительно относятся к продлению периода самоизоляции в ближайшем будущем, 30% – отрицательно, 20% – нейтрально.

На основании проведенного исследования в качестве эмоциональных состояний студентов педагогического ВУЗа и переживания ими чувства одиночества в период пандемии COVID-19 и вынужденной самоизоляции, выделим: ощущение незащищенности и изолированности, сочувствие к себе, отчужденность и ранимость.

Выявлены причины ощущения студентами чувства одиночества в период пандемии COVID-19 и вынужденной самоизоляции: нежелание обучаться дистанционно, страх за свое здоровье, дефицит «живого» общения, неуверенность в себе и окружающих, завышенная или заниженная самооценка, тревожность.

Отметим, что ответы девушек и юношей различаются тем, что последних данные условия «расслабляют», они не против продления режима самоизоляции и дистанционного обучения. Девушки же, наоборот, считают, что традиционное обучение наиболее им подходит.

Выявлено, что реакция девушек на переживание одиночества проявилась в заполнении свободного времени домашней работой или учебой, общением с близкими. Студентки могут контролировать свою тревогу и используют различные приемы для снятия отрицательных эмоций.

Также отмечено, что форма обучения влияет на отношение студентов к получению образования в дистанционном режиме. Например, 42% студентов, обучающихся на заочном отделении до пандемии коронавируса, поло-

жительно отнеслись к дистанционной форме обучения, отмечая, что практически не испытывали чувство одиночества. При этом, 58% студентов, обучающиеся очно до введения режима самоизоляции, наиболее подвержены переживанию одиночества. Девушки-студентки, в отличие от юношей, испытывают одиночество более остро.

Таким образом, проанализировав результаты исследования, отметим, что в половине случаев данная ситуация не оказала существенного влияния на переживание одиночества студентами педагогического ВУЗа. Пребывание дома на самоизоляции для многих студентов не «наказание», а ресурс для получения новых знаний, умений и навыков.

Примечания

1. Аверченко Л. К. Дистанционная педагогика в обучении взрослых // Философия образования. 2011. № 6 (39). С. 322-329.
2. Бочков В. Е. Учебно-методический комплекс как основа и элемент обеспечения качества дистанционного образования // Качество. Инновации. Образование. 2004. №1. С. 53-61.
3. Кольцова И. В., Долганина В. В. Влияние пандемии на возникновение тревожности у студентов педагогического вуза // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №4. Том 8.
4. Ольнев А. С. Использование новых технологий в дистанционном обучении // Актуальные проблемы современной науки. 2011. Т1. С. 96.
5. Фадеев Г. Н. Интегративно-аксиологический подход к созданию систем дистанционного образования // Дистанционное и виртуальное обучение. 2020. №13. С. 31-39.

ВЛИЯНИЕ ЭПИДЕМИИ COVID-19 НА СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

*Лежебоков А. А., д.с.н., профессор,
профессор кафедры социологии СКФУ*

В работе приводятся отдельные, предварительные итоги негативных тенденций от эпидемии COVID-19 на уровень занятости и инвестиций, определяется роль коронавирусной инфекции в снижении уровня развития Карачаево-Черкесской Республики.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесская республика, региональное развитие, социокультурный подход, социальное развитие, безработица, уровень жизни, социальные процессы, эпидемия, COVID-19.

Гармоничное и поступательное развитие регионов зависит от множества факторов, однако отсутствие значимых негативных потрясений является ведущим для прогрессивной динамики. В этой связи, эпидемия COVID-19 и мероприятия по уменьшению уровня заболеваемости привели к нарушению

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260 «Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики».

стабильной социально-культурной и экономической картины регионального развития. На примере Карачаево-Черкесской Республики покажем отдельные негативные последствия эпидемии. Сразу оговоримся, что на момент написания работы эпидемия находилась в стадии, которую принято называть «второй волной» и поэтому любые выводы могут носить только промежуточный характер. Исследование осуществлено на основе анализа данных официальной статистики и информации.

При общей численности населения Карачаево-Черкесской Республики в 465 тысяч человек [1] к 17 ноября официально подтвержден диагноз у 11090 жителей, что составляет 2,4% от всех граждан региона, умерло 34 человека, 7042 заболевших выздоровели [2]. На рисунке 1 четко видна динамика численности основных показателей [2]

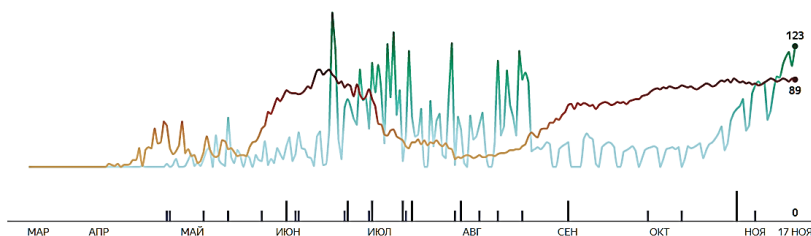

Рис.1. Число новых заражений, выздоровлений и смертей с начала марта
(Карачаево-Черкесская Республика)

Основные мероприятия по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в Республике в целом соответствовали тем направлениям, которые были приняты на территории всей России. В результате, как представляется, удалось найти способы оперативного реагирования на рост числа больных, наладить механизмы оказания помощи нуждающимся.

Несмотря на принимаемые меры, экономика Карачаево-Черкессии понесла значительный урон. В результате заградительных мероприятий курортно-туристический комплекс региона лишился значительного притока отдыхающих, увеличилось число безработных. Так, численность граждан, не имеющих работу, значительно возросла, что наглядно видно из таблицы 1.

Таблица 1

Изменение численности незанятых граждан
Карачаево-Черкесской Республики [3]

	Численность безработных на конец июня 2020, тыс. человек	В % к июню 2019 года
Российская Федерация	3152,0	365,1
Северо-Кавказский федеральный округ	351,8	273,7
Карачаево-Черкесская Республика	16,0	452,4

Резко уменьшился уровень инвестиций, в том числе – в основной капитал (таблица 2), что служит косвенным свидетельством снижения экономической активности.

Таблица 2
Изменение объема инвестиций в основной капитал [4]

	Млн рублей	В %
		к I полугодию 2019 г.
Российская Федерация, млрд рублей	6916,6	96,0
Северо-Кавказский федеральный округ	174228,8	100,2
Карачаево-Черкесская Республика	5604,6	69,4

Население также оценивает свое положение не как положительное, отмечая ухудшение экономического положения и уровня самочувствия. Данное положение получено в результате проведения опроса жителей, по методике, рекомендованной участникам Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», N=1100.

Таким образом, продолжающаяся эпидемия COVID-19 несет риски дальнейшего ухудшения социокультурной динамики Карачаево-Черкесской Республики, перспективы ее завершения связываются нами с массовыми прививками населения эффективной вакциной.

Примечания

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru>

2. Коронавирус: статистика // https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_notif&geold=11069

3. Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в I полугодии 2020 года. М., 2020. С. 48. / <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260>

4. Там же. С. 40.

ПОТРЕБИТЕЛИ: НОВАТОРЫ И КОНСЕРВАТОРЫ

*Лобода Д. Н., студентка СКФУ
Научный руководитель – Симен-Северская О. В.,
доцент кафедры социологии СКФУ*

В статье рассмотрено поведение потребителей с точки зрения новаторов, ранних последователей, раннего большинства, позднего большинства и консерваторов.

Ключевые слова: ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство потребители, новаторы, консерваторы.

Опросы населения России позволяют следить за изменениями массовых потребительских установок в ситуации экономических преобразований. Расслоение общества на богатых и бедных требует учета не только дифференциации потребительского рынка, но и запросов тех или иных групп потребителей, различных стратегий поведения экономических агентов.

Выдающийся американский социолог и теоретик коммуникации, положивший начало теории распространения инноваций, Эверетт Роджерс, предложил типологию потребителей с возможностью распознавать и принимать новые продукты. Он утверждал, что потребители знают несколько этапов продукта до его покупки: внимание, интерес, оценка, проверка, адаптация, признание.

Клиенты имеют разные тенденции к инновационным решениям и проходят через эти этапы, узнавая новые продукты на разных временных промежутках. Большой объем новых продуктов зависит от того, готова ли его использовать самая продвинутая часть потребителей.

Э. Роджерс классифицировал потребителей по пяти типам на основе их отношения к инновациям: новаторы, ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство и медленные (консервативные).

Новаторы – это потребители, которые хотят попробовать что-то новое. Они всегда заинтересованы в новых продуктах, не любят повторяться, с удовольствием меняют бренды, компании, их интересуют новые ароматы и упаковка. Они пропускают однообразие у них есть определенный аппетит к риску, жажда новых ощущений и дефицит адреналина. Ничто не смущает новатора больше, чем узкий выбор.

В рекламе для них приготовлены такие сообщения, как «новинка», «свежее решение», «модель этого года», «новый вкус», «самый модный», «хит сезона», «последнее слово в мире техники» и прочие фразы, подчеркивающие новизну продукта. Реклама для новаторов использует техники, отражающие высокие технологии. Так, для них вполне подходящей является реклама с демонстрацией конструктивных 3D-моделей, графиков и формул. Для них так же хороша реклама, воздействующая на эмоциональную сферу и представляющая товар как самый модный, молодежный и передовой. Для новаторов очень подходит рестайлинг, обновление внешнего вида товара или упаковки

для поддержания интереса к старым продуктам. В новой упаковке они воспринимаются как новые, еще не отведаанные продукты.

Ранние последователи – имеют образование и пользуются популярностью, тянутся к использованию новых технологий и стремятся повсеместно внедрить их. Они более привязаны к местной структуре, обладают лидерскими качествами.

Раннее большинство – осмотрительны и имеют много неформальных контактов. Информацию часто получают от предыдущей группы.

Позднее большинство – традиционны, предусмотрительны, скептически, обладают низким социальным статусом, восприимчивы к стоимости товара и давление большинства оказывает на них большое влияние.

Консерваторам не нравятся инновации, они предпочитают проверенные временем товары и услуги. Обращают внимание на все новое и даже подозрительное, привыкают к одному или нескольким проверенным брендам. Для них изменения являются стрессом, они часто хвалят ранее произведенные товары, предпочитают покупать один раз надолго, а не приобретать много неоднозначных вещей.

Для консерваторов придуманы такие рекламные приемы, как подчеркивание истории и долгой жизни марки на рынке. Ключевыми сообщениями такой рекламы могут быть: «традиции и качество», «производится с 1855 года», «заслужил доверие», «надежный и долговечный». В роликах может демонстрироваться история компании и продукта от старых, уже ушедших в небытие моделей до современных. Для консерваторов иногда оживляют ретро-бренды, дают им вторую жизнь. Или просто стилизуют продукт под старину.

Таким образом, рассмотренные подходы к сегментации потребителей дают представление о делении потребителей на группы по различному типу оснований. При этом все же необходимо отметить, что особенности каждой классификационной группы могут меняться со временем в зависимости от развития рынка и самих потребителей, их перемещения в пространстве, в иерархических и социальных плоскостях.

Примечания

1. Сухарев О. С. Стратегия и структура инновационного развития: конкуренция новаторов и консерваторов // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. №2-1.
2. Красильникова М. Д. Потребители: новаторы и консерваторы // Мониторинг. 1996. №1.
3. Лисафьев С. В., Секерин В. Д. Основные этапы развития теории диффузии инноваций // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. №8.
4. Ильин, В.И., Поведение потребителей: учебное пособие / В. И. Ильин; Сыктывк. гос. ун-т. Сыктывкар, 1998. 191 с.

КОНЦЕПЦИЯ ДЕКОНСТРУКЦИИ Ж. ДЕРРИДА КАК МЕТОДИКА ДЕКОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА

Лушников Д. А., д. соц. наук,
заведующий кафедрой социологии СКФУ

Рассматривается эвристический потенциал концепции деконструкции Ж. Деррида как методики деконструирования образа врага в современных социально-политических, этнических и этноконфессиональных конфликтах.

Ключевые слова: дегуманизация, деконструкция, прививание, рассеивание, инверсия, конфликт, манипуляция, карнавализация.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00237 «Деконструирование образа врага в современных социально-политических, этнических и этноконфессиональных конфликтах».

Одним из важных образов, существующим в политическом сознании, без которого невозможно представить его развитие и воспроизводство является образ врага. Его специфический функционал позволяет центрировать политическую систему вокруг определенных ценностей, представлений, идей и смыслов, отстраивать собственную идентичность, выстраивать контуры экономической, культурной, медийной и военно-политической экспансии, легитимировать свои действия вовне, проецировать силу в определённых направлениях и т.д.

Образ врага, как и любой относительно сложный образ представляет собой сложную невербальную структуру, состоящую из представлений, корреспондирующих между собой и обнаруживающих признаки системной целостности. В большинстве своем он относится к мета-образам и гетеростереотипам и его формирование является неизбежным фактором современных социально-политических, этнических и этноконфессиональных конфликтов. Сформированный и устойчивый образ врага уже сам по себе выступает как значимый фактор конфликтогенности, инструмент манипуляции массовым сознанием, инициирования и воспроизводства конфликта. Однако в свою очередь он превращается и в значимый объект воздействия при попытках выхода из состояния конфликта, поэтому решение проблемы воздействия на сформированный и эмоционально насыщенный образ врага является одной из основных задач разрешения сложных и длительных конфликтов.

Проблематика воздействия на образ врага формулируется в понятиях изменения, разрушения, отказа от него и делегируется специалистам в области манипуляции массовым сознанием, пропаганды, информационно-медийного и политехнологического влияния. Следует отметить, что развитие конструктивистской и постмодернистской теорий позволяет использовать в воздействии на образы Другого и Врага концепции репрезентации и деконструкции. Традиционные для информационного противодействия методы убеждения и внушения в ложности сформированного образа врага в случае его деконстру-

ирования позволяют подвергнуть рефлексии и инверсии те самые механизмы и методы, с помощью которых он формировался.

Понятие «деконструкция» связывается с концепцией деконструкции Ж. Деррида, первоначально включающей философско-лингвистические коннотации критики «логоцентризма». Данная концепция обнаружила свою смысловую вариативность относительно других отраслей научного знания и культурных практик, подвергшихся влиянию постмодернистского дискурса, проникая из философии и литературной критики в историческую науку, психологию, право и т.д. Сам Ж. Деррида не считал деконструкцию ни особым герменевтическим методом, ни методом чего-либо вообще (анализа, критики или чтения текста): «Деконструкция не есть ни анализ, ни критика... Это не анализ в особенности потому, что демонтаж какой-то структуры не является регрессией к простому элементу, некоему неразложимому истоку. Эти ценности, равно как и анализ, сами суть некие философемы, подлежащие деконструкции. Это также и не критика, в общепринятом или же кантовском смысле» [1, с. 55].

Хотя Ж. Деррида и утверждал, что деконструкция не является и не может стать методом, современный социально-гуманитарный исследователь не обнаруживает особых сомнений при использовании смысловой механики деконструкции как при аналитическом препарировании «метанарративов» и системно-целостных конструкторов, так и в случае необходимости инициирования иронично-уничтожительной радикальной критики.

Особую методологическую ценность деконструкция получила при использовании в качестве стратегии и инструментария манипуляции массовым сознанием в ситуациях политико-идеологического противостояния, информационных войн и психологических операций (psy op). Деконструкция явила себя не только как набор пропагандистских техник, но и как самая общая стратегия разрушения целостных и относительно легитимных идеологических конструкторов (вершиной применения которой был поздний период «холодной войны» – противостояния социалистического лагеря и коллективного Запада и «перестройки» политико-идеологической системы в СССР).

В обобщённом виде деконструкция предполагает размывание текстуальных границ явления, «различение» и инверсию его внутренней структуры. Явление/текст рассматривается как следствие логоцентрического конструирования в координатах противопоставления и противоречия, вскрываемого как следствия интерпретации и легитимации тех или иных бинарных оппозиций и их взаимоулавливания. После операции различения бинарной оппозиции, необходимо уравнивать данные оппозиции и аналитически максимально дистанцировавшись от них рассмотрев саму их возможность как таковую.

Различению, уравниванию и удаленному рассмотрению вскрытых оппозиций способствует ряд взаимосвязанных промежуточных процедур [2].

1. «Рассеивание» предполагает децентрирование текста в многочисленных отсылках на генеалогию его частей и сквозное повторяющееся заимствованное цитирование.

2. «Прививание» – операция инвагинации, вставления элементов иного дискурса в деконструируемый контекст.

3. «Палеонимия» – внесение в устоявшиеся понятия иного нетрадиционного содержания, способствующего генерированию новых смыслов, выходящих за пределы когнитивной рамки.

4. Инверсия – стремление к переворачиванию как самих понятий, так и всей бинарной оппозиции, языковая игра с использованием антиподов. Сходную операцию мы находим у М. М. Бахтина, которая заключается в инверсии двоичных противопоставлений в период карнавализации социальной реальности, переворачивании этического, телесного «верха» и «низа» [3]. Когнитивно упрощая эти операции, большинство исследователей фактически сводят деконструкцию к схеме «различение – инверсия».

При построении методологии деконструирования образа врага использование процедур деконструкции Ж. Деррида представляется обоснованным в качестве общей стратегии исследования, тем не менее, взывающей о конкретизации в виде частных методов. Однако изучение немногочисленной научной литературы по проблематике деконструирования и деконструкции образа врага не дает нам возможность выделить какие-либо конкретные механизмы, выходящие за рамки процедурного набора деконструкции Ж. Деррида и его последователей. Таким образом, возникает логичный исследовательский вопрос: что может быть взято за основу механики и методики деконструирования образа врага? Представляется очевидным использование опять же деконструктивистской по сути исследовательской логики инверсии механизмов конструирования образа врага в качестве отправной точки выделения механизмов его деконструирования. Также и защитные механизмы психики, используемые при конструировании образа врага, должны выступить в качестве неперенных атрибутов его деконструирования.

Примечания

1. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии, 1992, № 4. С. 53-57.
2. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 520 с.
3. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Макарова Д. А., студентка СФ БашГУ
Научный руководитель – Нафикова А. И.
доцент кафедры всеобщей истории
и философских дисциплин СФ БашГУ

Статья посвящена исследованию современных культурных ценностей как смыслообразующих факторов в жизни молодёжи. Рассмотрены дефинитивные характеристики ценностных ориентиров данной социально-возрастной группы. Выделена и обоснована роль системы образования и воспитания в формировании смыслообразующих культурных ценностей современной молодёжи.

Ключевые слова: ценности, культура, молодёжь, смысл жизни, ориентиры.

Современные государства ориентируют свою социальную и образовательную политику на формирование позитивного отношения молодых людей к окружающему миру, общественным явлениям и процессам исходя из анализа их ценностей, интересов, предпочтений и настроений. Это связано с тем, что указанные аспекты являются ключевыми смыслообразующими параметрами в жизни молодёжи. Следовательно, изучение ожиданий, потенциала и направленности молодых людей является общей практикой большинства стран, в том числе и России, что актуализирует выбор направления исследования.

Система ценностей молодёжи не является статичной, она имеет трансформативный характер и, зачастую, отлична от ценностей, господствующих в обществе в целом. И именно поэтому важно понимать, в чем заключаются социально значимые представления молодёжи о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, любовь, дружба и т.д., и какова динамика этих представлений. Под ценностями Дежевой А. В. понимает те представления молодёжи, которые выступают регуляторами личностной деятельности, выражаются в ценностных ориентациях, социальных установках [4].

В свою очередь, Биктагирова А. Р. рассматривает ценностные ориентации как некую совокупность иерархически связанных между собой ценностей, продуцирующих направленность жизнедеятельности человека [3].

Исследования Зубок Ю. А. и Чупрова В. И. направлены на изучение важности для молодёжи интегративных общественно значимых ценностей [6].

Некоторые мыслители отмечают, что смысл жизни и счастье для отдельных представителей молодёжи сконцентрированы на удовлетворении только своих желаний и потребностей [7; 11].

Важно отметить, что для личности, которая только находится в процессе развития, прежде всего, необходимо осознать жизнь как самую существенную ценность. Поняв это, человек откроет путь к формированию других личностных ценностей, которые в дальнейшем станут определяющими в смысло-жизненном поиске [1].

По мнению Фельдштейн Д. И., смысл жизни всегда включает в себя три аспекта: целевой – определяет стратегию и тактику жизни; эмоциональный – отражает удовлетворённость человека своей жизнью, её эмоциональную насыщенность; волевой – является движущей силой активности личности, обеспечивает её готовность к достижению жизненных целей [2].

Таким образом, рассуждая о смысле жизни, молодой человек выражает свою сущность, стремление не просто жить, но и планировать свою жизнь, чувствовать её оправданность и целесообразность. Тем самым воспитание молодёжи в настоящем должно быть направлено на общечеловеческие духовные идеалы и ценности, на развитие культурного потенциала.

Культурный потенциал выступает содержательной характеристикой таких подструктур личности как общение, направленность, характер, самосознание, интеллект и опыт [5]. Бесспорным является тот факт, что ориентированность образовательно-воспитательного процесса на культурно-нравственные ценности и идеалы должна способствовать формированию истинного смысла жизни молодёжи.

Влияние высоких темпов развития современных технологий (компьютеров, сети Интернет, мобильных телефонов, телевизоров и пр.) кардинально изменило взгляды на смысл жизни и счастье. Люди современного общества привыкли заполнять социальными сетями, компьютерными играми всё своё свободное время. Виртуальная жизнь привлекает больше, чем реальная, а виртуальные друзья и виртуальные путешествия заменяют современной молодёжи общение с родителями, сверстниками, взаимодействие с реальным окружающим миром, в том числе – с достижениями культуры нации и мировым кладом достижений данной сферы [8].

Следует отметить, что современная молодёжь меньше внимания уделяет своему здоровью, физическому и умственному развитию, редко интересуется культурой общества и задаётся философскими вопросами. Исчезли очереди в библиотеках, спортивных и научных кружках, а тотальная алкоголизация, наркотизация и девиация стали худшими характеристиками современной молодёжи, с которыми необходимо бороться не силой принуждения и запретов, а путём постепенного убеждения, прививания духовных и культурных ценностей. Культурные ценности позволяют формировать у молодого человека стремление критически осмыслить все окружающее, утвердить свою самостоятельность и оригинальность, создать собственные теории смысла жизни, любви, счастья. Для того чтобы формирование культурных ценностей молодёжи происходило адекватно общественным процессам, необходимо определить её (культуры) роль и место в обществе, выявить её трудности и проблемы. Решение многих проблем культуры зависит от факторов социальной жизни [9].

Национально-культурные, духовные ценности, общая культура и культура общения в своей основе опирается на глубокую нравственную культуру. Сегодня значительно актуализируется проблема воспитания ценностных ориентаций – духовных, общечеловеческих, национальных, которые значительно влияют на социализацию человека – процесс усвоения и воспроизведения им культурных ценностей и социальных норм, саморазвитие и самореализацию в том обществе, в котором он находится.

Таким образом, можно сделать вывод, что успешная реализация молодого человека становится возможной только тогда, когда он имеет соответствующее представление о культуре народа, мира, в котором живет. Культура является основой жизнедеятельности каждого человека, фактором достижения им личного и общественного счастья. Проблема отсутствия моральных и культурных ценностей у современной молодежи кроется в недостаточном уровне соответствующего воспитания. Важнейшей задачей образовательно-педагогического процесса сегодня является развитие и воспитание культурных ценностей у молодежи. Очень важно создать условия для формирования у молодежи стремления к общечеловеческим ценностям – таким, как добро, красота, любовь, милосердие, справедливость, толерантность, готовность помогать другим. Постигание культурных ценностей ведёт к осознанию истинного смысла жизни и достижению настоящего счастья.

Примечания

1. Иванова А. В. Культурно-образовательное пространство как фактор формирования духовно-нравственных ценностей молодежи. М.: Директ-Медиа, 2017. 85 с.
2. Фельдштейн Д. И. Личностное развитие растущих людей в условиях социально-экономического кризиса. М.: Наука, 2016. 335 с.
3. Биктагирова А. Р. Смыслообразующие ценности российской молодежи // Образование и духовная безопасность. 2019. № 2 (8). С. 48-55.
4. Дежевой А.В. Особенности мировоззрения молодежи XXI века // Научный аспект. 2018. № 1-1. С. 141-143.
5. Зубарева С.С. Культурная идентичность современной молодежи в контексте общества потребления // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 127-140.
6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 3-13.
7. Каримов Ф.Х. Формирование культурных ценностей молодежи // Научный обозреватель. 2017. № 2 (74). С. 50-51.
8. Карпухин С.В., Колокольцева Н.Б. Влияние культурной среды на развитие социальных и нравственных ценностей молодежи // Конфликтология. 2016. № 2. С. 248-253.
9. Куриленко Ю. А. Смысловая сфера как структурный элемент личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 20-23.
10. Фоменко В. Г. Проблемы формирования гуманистических ценностей студенческой молодежи в контексте культурно-исторических преобразований // Грани познания. 2019. № 5 (64). С. 37-40.

СОЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Манжуева О. М. док. филос. наук, доц.,
преподаватель ГАПОУ РБ БРМТИТ

В процессе решения проблем информационной безопасности, общество пытается самостоятельно регулировать вопросы, связанные с информационным взаимодействием его членов. В статье рассматривается история возникновения этических кодексов, проводится анализ их основных функций, приведены характерные особенности, позволяющие повысить эффективность применения.

Ключевые слова: информационная безопасность, социальная ответственность, информационные технологии, нравственное регулирование, этический кодекс.

Борьба с преступностью в области информационной безопасности – это актуальнейший вопрос, стоящий в череде решений современного общества. Не первое десятилетие мировое сообщество, в целях управления указанным риском, пытается выработать эффективный инструментарий. В том числе, общество предлагает творческие подходы для повышения уровня понимания проблем и методов борьбы с преступлениями в информационной среде.

Признание первостепенной роли моральной ответственности в формирующейся ситуации, обязывает информационное общество создавать механизмы регулирования в процессе использования информационных технологий и социального взаимодействия в глобальной среде. Так, в стремлении усовершенствовать действие общего законодательства в сфере информационной безопасности социальные, коммерческие организации и образовательные учреждения активизируют свою деятельность по принятию уставов этики и профессионального поведения. Указанные действия еще раз подтверждают мнение К. Маркса о том, что моральную силу невозможно создать только параграфами закона. По убеждению Л. Лессига, именно кодекс, в качестве норм и правил, создаст необходимый формат регулирования электронной среды [1, р. 89]. В первую очередь этические кодексы направлены на более детализированное представление имеющейся регламентации в информационной сфере и реализации возможности способствовать большей саморегуляции пользователя в данной среде.

Обобщение опыта в соотношении с принятыми в обществе моральными нормами, определение общих принципов и правил поведения в процессе взаимоотношения людей в определенной сфере деятельности положили начало формирования кодексов этического поведения. Понятие «кодекс» предполагает систематизированный единый законодательный акт, регулирующий какую-либо однородную область общественных отношений, так же совокупность правил и убеждений [2, с. 597].

Этические кодексы выполняют две важные функции: они регулируют поведение людей и несут представление о моральной ответственности специалистов, выраженной в качестве и достоинстве профессиональной деятельности. В свою очередь, предназначение теории ответственности состоит в задаче совместить такие принципы, как свобода личности, свобода медиа и долг перед обществом. Диапазон применения подобной либеральной концепции оказался весьма широк, поскольку охватывал практически все общественные институты вещания. Основные принципы теории социальной ответственности Д. Маккуэйл описывает в качестве высоких профессиональных стандартов объективности и правдивости, продиктованных заботой о благе народа и сохранением баланса между разнообразием существующих точек зрения в обществе, с целью избежать всякого рода насилия или возможности оскорбить группы меньшинств [3]. На наш взгляд, теория социальной ответственности, прежде всего, показывает, что нравственное регулирование процессов в информационной сфере становится необходимым атрибутом демократического общества.

В период 90-х годов 20-го столетия этическое регулирование выходит за границы сугубо профессиональной среды людей, непосредственно участвующих в разработке информационных технологий. Данное событие ознаменовано включением ряда нормативов в базовый курс образовательных учреждений [4]. Так, постепенно, с распространением информационно-коммуникационных технологий, становление информационного общества потребовало выхода понятий «ответственность» и «нравственное регулирование» за рамки только профессиональной этики. Теория компьютерной этики, стремительно развиваясь, переросла в обширную и актуальную научную область – информационную этику. Сегодня ее предлагают рассматривать как составляющую социальной этики. Механизм институционализации социальной этики содержит важный принцип: в социальной жизни практика индивида осуществляется относительно моральных ценностей, отражающих общественные интересы [5, с. 671].

Существующий разрыв между реальностью среды Интернет и провозглашенными этическими принципами в договорах, конвенциях и законодательных актах требует необходимости применения на практике четких правил и точных директив. Ученые мирового сообщества убеждены: «Необходим динамичный, гибкий международный инструмент в виде этического кодекса Интернета с открытыми принципами для содействия будущему прогрессу и новым форматам» [6, с. 37]. Новаторская среда Интернета требует универсального механизма регулирования собственных специфических процессов. По нашему мнению, принятый документ должен ясно и точно отражать предписания, сохраняя особое отношение к таким характерным для среды и весьма спорным с правовой точки зрения нюансам, как, например, индивидуальная собственность или «горизонтальные эффекты». «Горизонтальные эффекты» связаны с позитивными обязанностями государства (понятия, восходящие к конституционному и международному праву), гарантирующими уважение и обеспечение прав человека как в реальной, так и в информационной среде, придание моральным нормам и ценностям интернационального значения.

В связи с признанием факта, что последствия применения информационных технологий вызывают глубокие изменения в обществе, международная организация ЮНЕСКО разработала Этический кодекс информационного общества [7], который призван регулировать отношения в информационном мире. Принципы Этического кодекса утверждают, что информационное общество должно основываться на общепринятых ценностях, все заинтересованные стороны продвигают общественное благо и способствуют предотвращению злонамеренного использования информационных технологий. Однако, при всей важности и необходимости создания подобного документа, в связи с охватом большого числа аспектов жизни информационного общества и чересчур общего характера рекомендаций, проект Этического кодекса сочли «неспособным решить существующие проблемы» [6, с.14].

По мнению экспертов, из-за расплывчатых деклараций этические кодексы получают большое количество негативных отзывов: «Несмотря на разнообразии кодексов этики трудно выделить документ, который мог бы служить эталоном при разработке стандартов этического поведения в области информационной безопасности. Многие кодексы не отражают специфики профессии, они содержат слишком общие каноны, которые охватывают обязательства любого профессионала: честность, компетентность, ответственность, повышение квалификации и т. п.» [8].

Более того, некоторые исследования говорят о принципиальной слабости этических кодексов, которые не способны отразить суть этических аспектов, так как этика изначально не может быть кодифицирована [9]. Они выражают сомнения относительно предполагаемого эффекта от применения этических кодексов: хороший человек и квалифицированный профессионал в одном лице попросту не нуждается в них, а «плохие парни» не будут их придерживаться в любом случае. Кроме того, существует мнение о том, что этические принципы слишком сложны, чтобы быть формализованными [10]. В рассуждениях о плюсах и минусах процесса применения этических кодексов, предполагается, что коды поведения, возможно, будут вдохновлять на «этическое поведение», консультировать и предупреждать. При этом они способны порождать побочные эффекты: вызывать чувство самоуспокоенности, скрывая «безответственное» поведение, и, что более важно, по его мнению, могут выступать в качестве защитного механизма, отвлекающего от реальных этических проблем.

Важно отметить следующий момент: в данном случае ключевой вопрос заключается не в создании кода, но в содействии обсуждению этических вопросов, связанных с определенной деятельностью. Если этические принципы рассматриваются в качестве аргумента, то они открыты для дальнейшего обсуждения, как само слово «oughts» [11], выражают не «конец», а «начало». Кодексы не являются абсолютным основанием, введенным в качестве закона, они свободны от догмы и выражают человеческую свободу, открытость миру и друг к другу. В этом ключе весьма уместно мнение о том, что этический дискурс – прежде всего, пруденциальный дискурс. «Благоразумие есть добродетель, то есть источник действия, который характеризует положение того, кто осознает его и его ограничения. Это ограничивает антикритерий «все позволено», информирует о двойственности ситуации» [12]. Таким об-

разом, пруденциальный этический дискурс выполняет функцию сохранения этической чувствительности, результатом которой моральная ответственность.

В связи с указанными замечаниями придание этическим кодексам следующих важных характерных особенностей, возможно, по нашему мнению, решит проблему повышения эффективности принятых кодексов.

Первая характеристика, присущая этическим кодексам, обязана отражать их прагматичность, основу которой составляют четкие принципы и установки относительно функций определенной группы действующих субъектов или определенного сектора.

Следующая особенность связана с активным привлечением различных профессионалов или заинтересованных лиц к процессу дискуссии о моральных обязательствах, составляющих этический свод правил, в зависимости от их предмета или сферы. Например, в решении проблем ощущения ложного чувства свободы от рамок (социальных, семейных, профессиональных), корректирующих поведение пользователя в информационной среде, призвать к дискуссии экологов, психологов, психиатров. При разработке этических кодексов, регулирующих электронную торговлю, пригласить на обсуждение его положений потребителей, прямо заинтересованных в принятии подобного документа. Результатом этого будет созданный диалог открытых групп, пропагандирующих принципы легитимности и гласности. Подобное многостороннее обсуждение на различных уровнях фундаментальных нравственных принципов послужит приданию этическим кодексам истинной глобальности.

Важной характеристикой этических кодексов должно также являться содержание, отличающееся не просто соответствием существующим правовым нормам, но, более того, укрепляющее их и воплощающее в действительность: «Важно, чтобы он был неким дополнением (к законодательным нормам), продиктованным заботой об уважении фундаментальных принципов, которые вдохновляют его: уважении достоинства и автономности личности, солидарности и социальной справедливости» [6, с. 15].

Примечания

1. Lessig L. Code and Other Values of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999. 432 p.
2. Большой энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. 14768 с.
3. McQuail D. Mass Communication and Public Interest: Towards Social Theory for Media Structure and Performance // Polity Press. 1994. P. 241-254.
4. Turner A.J. Summary of the ACM/IEEE-CS Joint Curriculum Task Force Report: Computing Curricula, 1991 // Communications of the ACM. 1991. N 34(6). P. 69-84.
5. Васильевне Н. Влияние классического философского наследия на развитие прикладной этики (на примере этики организаций) // Философия и этика: сборник научных трудов. К 70-летию академика А. А. Гусейнова. Москва: Альфа-М, 2009. С. 671-672.
6. Этика и права человека в информационном обществе: материалы европейской региональной конференции. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009. 60 с.
7. Этический кодекс для информационного общества (проект) / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ifap.ru/ofdocs/unesco/etcodex.pdf>.
8. Малюк А. А., Полянская О. Ю. Кодекс этики в сфере информационных технологий как основа обеспечения информационной безопасности / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://library.mephi.ru/data/scientific-sessions/2007/z14/2-1-23.doc>.
9. Schwarz S. Research, integrity and privacy. Notes on a conceptual complex // Social Science Information. 1979. N 18 (1). P. 103-136.

10. Ladd J. The quest for a code of professional ethics: an intellectual and moral confusion. Belmont: Wadsworth, 1985. P. 8-13.
11. Schwarz S. Research, integrity and privacy. Notes on a conceptual complex // Social Science Information. 1979. N 18 (1). P. 103-136.
12. Ladd J. The quest for a code of professional ethics: an intellectual and moral confusion. Belmont: Wadsworth, 1985. P. 8-13.
13. Schwarz S. Research, integrity and privacy. Notes on a conceptual complex // Social Science Information. 1979. N 18 (1). P. 103-136.
14. Capurro R. Technics, Ethics, and the Question of Phenomenology // Tymieniecka A.-T., Hrsg.: Morality within the Life- und Social World. Analecta Husserliana XXII. Dordrecht: Reidel, 1987. S. 475-482.

КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК РИСКОГЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

*Маслова Т. Ф., д-р социол. наук,
профессор кафедры дополнительного образования ГБОУ ВО СГПИ
Магина М. В. канд. социол. наук,
и. о. ректора, проректор по учебной работе ГБОУ ВО СГПИ*

В статье раскрываются особенности социального риска поведения и выбора действий человека в опоре на личные ценностные приоритеты; проблемы разрешения социокультурных противоречий в процессе взаимодействия студенческой молодежи. Приводятся данные социологических исследований, отражающие тенденции рискованных явлений и пути их преодоления.

Ключевые слова: социальный риск, социальное взаимодействие, студенческая молодежь, студенческая среда.

В современный период описание социальной реальности все чаще описывается на понятие социального риска. Концепции, отражающие качественные социальные изменения, вызванные модернизацией (Э. Гидденс, С. Лаш, Б. Тернер и др.), указывают на то, что данный процесс, с одной стороны, представляет усовершенствования, сопровождаемые прогрессивными достижениями в обновлении объекта, приведением его в соответствие с новыми требованиями и нормами. А с другой, — препровождает риски неопределенности (непредвиденности) последствий изменений в неравновесной социальной системе.

Анализ существующих подходов к определению риска говорит о том, что общим для большинства из них можно рассматривать: наличие неопределенности; необходимость выбора альтернативы; возможность при этом оценить вероятность осуществления выбираемых альтернатив; нравственная самооценка результата.

Наиболее универсальным является определение риска как «деятельности, связанной с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели» [1, с.126].

В настоящее время актуализировалась проблема поведения и выбора действий человека в такой ситуации в опоре на ценностные приоритеты личности, с одной стороны, и общественные стереотипы, с другой. Рискогенными рассматриваются такие социальные явления, как «отчуждение», «ценностный вакуум», «отклоняющееся поведение», «межличностные, межнациональные конфликты» и другие. Оценка поведения человека производится относительно социальных норм конкретного общества, сообщества, группы, понимаемых как предел, мера допустимого или обязательного поведения, деятельности людей.

Изучение взаимодействия молодежи в студенческой среде обусловлено необходимостью ослабления факторов, провоцирующих напряженность, конфликты и экстремистские проявления; развития индивидуально-личностных, групповых, интегративных свойств субъектов в условиях поликультурного социального пространства.

Достаточно показательны результаты социологических опросов, посвященных изучению поведения молодежи, проведенные А. А. Козловой и Т. Э. Петровой. По данным исследований, проведенных в Санкт-Петербурге, Центральной России, на Среднем Урале, в Екатеринбурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, большинство молодых людей испытывают чувство неудовлетворенности и неуверенности в сегодняшнем дне. Время, в котором они живут, большинство молодых респондентов оценили как «смутное», «агрессивное, в котором каждый должен брать все, что может» (71%); 30,5% – как время неотложных действий для спасения России и только 10% – как время хороших перспектив и надежд [2, С.58].

Результаты социологического опроса студентов¹ показали, что при систематическом воздействии студентов друг на друга в ходе образовательной деятельности, досуга и т.д. объективируются различные факторы, в той или иной мере влияющие на характер отношений.

Анализ результатов анкетного опроса студентов позволил выделить тенденции, соотносящиеся с типами отношений как конфликтных (конкурентных), кооперативных (партнерских) [3].

Причины конфликтов и риски экстремистских проявлений во взаимодействии. Участники опроса (500 студентов четырех вузов г. Ставрополя), исходя из собственных наблюдений, оценок высказались по поводу того, что чаще является (может стать) причиной столкновений среди молодежи в регионе:

- во-первых, неприязнь по национальному признаку (64%), в том числе, по мнению 68% представителей республик; 55% – жителей территорий Ставропольского края; 74% – местных студентов, жителей краевого центра. Учитывая, что в ответах на вопрос об отношениях в образовательной среде «национальный вопрос» не имеет ярко выраженных негативных оценок,

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ №15-03-18041.

осознание студентами факта неприязни по отношению к иным национальностям, отражает либо скрытый, либо потенциальный фактор конфликтных отношений, который влияет на их взаимодействия «извне». Это подтверждается ответом на вопрос, «Какие проблемы наиболее актуальны для нашего Северо-Кавказского региона?».

На первом месте по количеству выборов, связанных с вопросами проблем социального взаимодействия, находятся межнациональные конфликты (47%), обусловленные негативными стереотипами в социуме (47%). То есть, существующая в отношениях национальная неприязнь, на которую указало свыше 60% опрошенных, объясняется фактором негативных стереотипов. 11% участников опроса указали еще и на «неприязнь по признаку городской и сельской культуры».

В числе причин конфликтов названа «вовлеченность в криминальную среду» (31%) социума. Почти четверть (23%) респондентов отметили криминогенность как проблему региона. Причем, криминогенность связывается, главным образом, с коррупцией, на что указали 58% опрошенных студентов.

Материальное (доходное) неравенство также оказалось в числе анализируемых причин (24%). Меньшее количество ответов о причинах конфликтов по признаку материального неравенства у местных студентов (21%). Несколько большее значение он имеет в среде представителей территорий Ставропольского края – 27% и представителей республик – 25%.

Допускается, что данный фактор стимулируется процессами безработицы, которую отмечают как проблему региона 56% респондентов, состоянием материального и социального расслоения, что признают 34% опрошенных студентов, проживающих в Северо – Кавказском Федеральном округе.

Нарушение прав в образовании, работевыделено 8% респондентов. Следует отметить, что данный показатель гораздо ниже того, который указывает на вовлеченность студентов в ситуации нарушения прав. Отвечая на вопрос, «Приходилось ли вам сталкиваться с нарушением ваших прав?», 20% ответили положительно, подчеркнув, что это было «на улице, во дворе», причем более четверти (26%) – среди опрошенных – местные студенты – жители Ставрополя; 23% – из числа жителей территорий Ставропольского края; 13% – выходцы из республик СКФО.

16% опрошенных сталкивались с нарушением прав во время учебы (18%, 15% и 16% соответственно). То есть, выраженной дискриминации, связанной с нарушением прав отдельных групп студентов, не выявляется; как и того, что само по себе нарушение прав не определяет конфликтные отношения для большей части опрошенной молодежи. Это может быть связано с характерной для сообщества проблемой гражданской пассивности, отмеченной в ходе опроса 23% респондентов. Хотя само по себе явление ущемляет личное и гражданское достоинство и не может не сказаться отрицательно на социальном самочувствии хотя бы небольшого числа молодых людей.

Тенденции и факторы кооперативных отношений среди студентов

– увлечения, общность интересов, отношение к учебе. Отвечая на вопрос о том, «что имеет значение в выборе «своего круга» в вузе», студенты выделили следующие обстоятельства. 1. Увлечение на досуге (55%) 2. Общественная активность (38%). 3. Серьезное отношение к учебе (37%).

4. Землячество (15%). 5. Национальность, религия (13%). 6. Материальное положение, статус семьи; физические, внешние данные; авторитет, лидерские качества (по 10%). 7. Связи (7%). Данные показатели практически не расходятся с мнением различных групп студентов, в том числе мигрантов из республик СКФО и территорий Ставропольского края (СК); и не связываются напрямую с факторами землячества, национальности, религии. По результатам опроса о выборе близких друзей среди студентов, 62,7% в круг близких студенческих друзей включают людей из других городов, 52% – людей других национальностей; 47% – «из моего города», 39% – «моей национальности».

При этом 70,4% от числа всех опрошенных студентов (70,5% выходцев республик Кавказа, 74,6% – из территорий Ставропольского края), считают, что в группе восприятие друг друга – «в основном нормальное, независимо от различий».

– толерантность и взаимопомощь.

В ответах на вопрос: «В какие формы взаимодействия приходилось вовлекаться в вашей студенческой жизни?», преобладают варианты:

– «толерантное отношение к представителям иной культуры» – 53,5%, в т.ч. – 47,0% – у представителей республик СКФО, 50,6% – у представителей территорий СК, 66,0% – у местных студентов;

– «помощь студентам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации»: 34,6% от общего числа опрошенных (41,1% – представители СКФО, 36% – жители территорий СК, 24,5% – местные студенты);

– нахождение компромиссов – 28% (31%, 23% и 32,0%).

Есть основания полагать, что такое отношение основано на сложившемся чувстве доверия, сходстве убеждений и ценностей «у большинства студентов». Более трети студентов (35,2%) подчеркнули именно эту черту в качестве характерной. 35,2% отмечают сходство убеждений и ценностей у большинства студентов (35,2% – из республик СКФО, 34,6% – из территорий Ставропольского края).

В качестве общих убеждений и ценностей, на которые обратили внимание респонденты, выдвигаются позиции в отношении явлений этноцентризма и культурного релятивизма, гражданской идентичности и личных интересов, что нашло отражение в ответах респондентов:

– культурный релятивизм, межкультурная интеграция

– 80% студентов, участвующих в опросе, не согласны с утверждением, что представители отдельных национальностей или этнических групп более склонны к совершению преступлений, однако 18,3% – с таким суждением согласны.

– более 70% респондентов разделяют мнение: «Мы живем на Северном Кавказе, где происходит обмен культурными ценностями и традициями. Мы стремимся взаимодействовать друг с другом», в том числе 69% из числа представителей республик СКФО; 57% – из территорий СК; 49% – из числа местных студентов.

Около 40% студентов по всем трем группам отметили, что они вполне знакомы с культурой представителей других национальностей в своей студенческой группе; столько же – поверхностно знакомы; и единицы считают нормой жизни утверждение превосходства перед людьми другой культуры

(3,5%). Однако треть (30%); опрошенных с суждением о стремлении к взаимодействию представителей разных культур региона не согласна и усматривает конфликт в отношениях. Больше всего уверены в конфликтогенности местные студенты (80%).

– гражданская идентификация

– 71,4% опрошенных считают себя россиянином. А именно: 73% – из числа представителей республик; 74% – жителей территорий СК; 64% – жителей краевого центра. Кроме этого, среди двух последних категорий наибольший показатель того, что они чувствуют себя «гражданином мира» (17%), а среди выходцев из республик – «представителем своей национальности» (20%).

– 52% – выразили мнение о том, что нормой повседневной жизни является поддержка и защита личных интересов («прежде всего»). Так считают 50% респондентов – представителей СКФО; 56% – представителей территорий СК; 49% – местных студентов. Наряду с данной позицией выступает и другая, касающаяся поддержки коллективных интересов. В ответах 49% опрошиваемых студентов подчеркнуто: «Поддержка и защита коллективных интересов, прежде всего».

Способность сочетания личного и общественного в нормативной сфере студенческой среды характеризует развитие свойства принадлежности к «своему» сообществу, что выступает интегрирующим фактором – важным для развития кооперации и сотрудничества.

– 37% участников опроса считает нормой повседневной жизни руководство законом, установленными правилами во всех случаях жизни. Руководство национальными и религиозными нормами больше свойственно студентам – выходцам из республик СКФО (24%). Средний же показатель по «национальной» позиции составил 17%.

Таким образом, конфликтное взаимодействие, возникающее в молодежной среде как рискогенное явление, имеет психологические и социокультурные основы, связанные с состоянием рискогенности внешней среды. Проблемы внешней среды, такие как неприязнь по национальному признаку основана, главным образом, на стереотипах, сформированных в обществе в силу ряда причин. В ряду рисков – гражданская пассивность, социальное расслоение, безработица и другие находят отражение, по наблюдениям студентов, в возникновении конфликтных отношений, которые ведут к экстремизму. Преодолению и предупреждению рисков во взаимодействии студентов способствует позитивная студенческая среда, которая содержит факторы кооперативных отношений среди студентов.

Примечания

1. Элиас Н. Общество индивидов / Перевод с немец. А. Иванченко, А. Антоновского, А. Круглова / Общая редакция М. Хорькова. Сер. Образ общества. М.: Праксис, 2001. 336 с.

2. Демаховская М. Е. Психологические факторы риска экстремистского поведения у подростков: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.12: Санкт-Петербург, 2003. 136 с.

3. Маслова Т. Ф. и др. Социологическое сопровождение адаптации студентов-мигрантов в поликультурной среде: опыт моделирования. Ставрополь: СГПИ, ООО «Бюро новостей», 2015. 68 с.

ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА В ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Матюсова А. И.,
Аспирант кафедры социологии и психологии политики
Факультета политологии
МГУ им. М. В. Ломоносова

Исследование, представленное в рамках данной конференции, посвящено анализу процесса рекрутирования представителей губернаторского корпуса современной России, разделенных на две группы – губернаторы-«новички» и «губернаторы-старожилы». Исследование проведено методом сравнительного анализа с использованием биографического метода. В качестве критериев для сравнения были выбраны институционально-правовые основы на момент прихода к власти, особенности карьерных траекторий, а также каналы рекрутирования.

Ключевые слова: рекрутирование, отбор, губернаторы, губернаторский корпус, главы российских регионов.

Одним из необходимых условий стабильного функционирования политической системы России является доверие со стороны граждан к деятельности власти, лицом которой в регионе выступает губернатор. Для поддержания политической стабильности значимую роль играют механизмы рекрутирования глав регионов, которые за последние 30 лет претерпели немалые изменения. Актуальность темы исследования обосновывается резко изменившимся контекстом деятельности губернаторов вследствие эпидемии коронавирусной инфекции, когда на них была возложена дополнительная ответственность по введению ограничительных мер. Принятие поправок к Конституции РФ и протестное голосование на губернаторских выборах также актуализировали проблему рекрутирования представителей губернаторского корпуса.

В рамках исследования все губернаторы были разделены на две группы: «новички» и «старожилы». Первые – это те, кто управляет регионом не более двух электоральных циклов, вторые – кто находится на посту более двух электоральных сроков. Первых на данный момент насчитывается 72, вторых – 13². Безусловно, что они были по-разному были рекрутированы во власть.

Среди ученых, занимающихся изучением политических элит, можно выделить Г. К. Ашина [1], О. В. Гаман-Голутвину [2], А. В. Дуку [3], О. В. Крыштановскую [4] и др. Изучением вопроса рекрутирования элит занимаются Г. В. Зубарев [5], И. С. Палитай [6], А. В. Селезнева [7], А. В. Филатов [8], Е. Б. Шестопал [9]. Зарубежные исследователи также изучают особенности отбора российской элиты: Д. Ривера и Ш. Ривера [10], В. Зиммерман и Р. Инглхарт [11], Н. Бакли [12] и др.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

² Все данные приведены с учетом результатов голосования в Единый день выборов.

Что касается исследований процесса рекрутирования именно губернаторов, то большинство научных работ не затрагивают особенностей отбора разных групп региональной элиты [см., например, 6,7].

Проводя эмпирический анализ биографических материалов губернаторов, представленных в средствах массовой информации, официальных сайтах субъектов РФ, открытых Интернет-ресурсах, исходным положением выступало утверждение о том, что рекрутирование политической элиты – это процесс, благодаря которому индивиды, обладающие соответствующими личностными и профессиональными качествами, делегируются для занятия высших политических должностей [13, С. 21].

Институционально-правовой критерий, выбранный для сравнения двух групп губернаторов, подразумевает, каким образом губернатор стал главой региона – был назначен или был избран населением. У «новичков» и «старожилов» способы прихода во власть разнятся, что напрямую связано с институциональными преобразованиями, которое проводило руководство России. До 2004 г. главы регионов избирались населением, пока Президент России В. В. Путин не изменил правила их назначения в целях укрепления вертикали власти – произошла ликвидация прямых выборов, Президент сам стал предлагать кандидатуры на пост губернатора в законодательные собрания регионов.

В 2012 г. произошел возврат к прямым выборам губернаторов. Это предопределило формирование в губернаторской среде двух типов – «новичков» и «старожилов». Многие губернаторы-«старожилы» были назначены еще Президентом, а «новички» уже были избраны.

Нельзя не упомянуть о новой модели отбора управленцев (губернаторов, в том числе), которая была создана нынешним куратором внутренней политики С. В. Кириенко – проведение управленческих кадровых конкурсов. Например, по результатам первого сезона конкурса «Лидеры России» назначение на должность врио региона получили нынешние глава Ямало-Ненецкого автономного округа Дмитрий Артюхов и глава Амурской области Василий Орлов³.

Таким образом, создание механизма социального лифта благодаря управленческому конкурсу «Лидеры России», возвращение прямых выборов глав субъектов РФ, возможность самовыдвижения изменили параметры отбора для губернаторов-«новичков». В российскую элиту был открыт доступ представителям разных социальных страт.

Карьерная траектория также является важным элементом процесса рекрутирования. Е. Б. Шестопал считает, что «каждый политик обладает своей собственной карьерной траекторией, которая имеет уникальные временные и профессиональные характеристики, а также обусловлена влиянием разных политических, социальных и психологических факторов» [13, С. 20]. В результате исследования было определено, что 12,5% «новичков» стали губернаторами второй раз. Среди оставшихся «новичков» 17% ранее занимали пост заместителя министра, 6% – заместителя губернатора, 15% – бывшие депутаты, 6% – выходцы из бизнес-структур.

³ Самый молодой губернатор рассказал о роли конкурса «Лидеры России» в своей судьбе// Российское информационно-аналитическое агентство SM News. 9 октября 2019 г. URL: <https://news.rambler.ru/other/42966268-samyi-molodoy-gubernator-rasskazal-o-rol-i-konkursa-lidery-rossii-v-svoey-sudbe/> (дата обращения: 01.10.2020).

Среди «новичков» (за исключением возглавляющих регион уже второй срок) около 52 % – выходцы из политической элиты федерального уровня (заместители министров, депутаты ГД, начальники Федеральных агентств и т.п.) и 39 % – представители региональных элит (члены и председатели законодательных собраний, главы городов, заместители губернаторов и т.д.). Выходцев из бизнеса и силовых структур совсем невелико (около 8 %).

Интересно, что «новички», занимающие свои позиции уже второй срок по своим карьерным траекториям схожи со «старожилами»: 2/3 от общего количества в прошлом являлись представителями региональной элиты, а 1/3 – федеральной. Среди губернаторов-«старожилов» соотношение «регионалов» и «федералов» – 70 % и 30 % соответственно. Выходит, что сейчас практически в два раза снизилось число губернаторов-выходцев из регионов.

Если говорить об основных каналах рекрутирования, то они являются немаловажной категорией в процессе отбора кандидатов на должность главы региона. Основные каналы рекрутирования действующего состава губернаторского корпуса представлены в таблице.

Таблица

Основные каналы рекрутирования «старожилов» и «новичков»

Основной канал рекрутирования	Губернаторы-«старожилы»/чел	Губернаторы-«новички»/чел	Всего/чел
Политическая партия	1	11	12
Бюрократический аппарат	10	47	57
Сфера бизнеса	1	8	9
Армия и силовые структуры	1	6	7

Как видно, для «старожилов» и «новичков» основным каналом рекрутирования стала работа в бюрократическом аппарате. Для «новичков» также сохраняется такой канал, как «политические партии». Надо отметить, что среди новых губернаторов появилась категория беспартийных (28 %), которая ранее отсутствовала.

Таким образом, в результате сравнительного анализа представителей двух групп губернаторского корпуса можно сделать следующие выводы. Большинство губернаторов-«старожилов» были назначены на свои посты, в то время как губернаторы-«новички» избирались населением. Причиной этому являются институциональные-правовые рамки законодательной системы России, которые не раз претерпевали значительные изменения. Кроме того, в 2020 г. произошли изменения, связанные с принятием поправок к Конституции РФ. Так, Государственный совет РФ, формируемый главами регионов, закрепил свой статус. Это не могло не отразиться на том, что губернатор стал восприниматься не просто как бюрократ, а как фигура, которая активно вовлечена в публичную деятельность. Можно сказать, что законодательный фактор «уравнял» глав субъектов РФ вне зависимости от количества электро-ральных сроков губернаторов.

Анализируя карьерные траектории губернаторов, следует отметить, что среди «новичков» присутствует большая доля выходцев из федеральной

элиты. Во время избрания или назначения «старожилов» такая тенденция не наблюдалась.

Среди каналов рекрутирования основным для всех губернаторов является бюрократический аппарат. Немаловажная роль отводится политическим партиям, которые являются основным каналом для 15% «новичков». При этом значимым остается членство в партии власти – «Единой России», хотя в последнее время увеличилось число беспартийных губернаторов.

Таким образом, можно констатировать, что особенности отбора в губернаторский корпус России, действительно, претерпели изменения за последние 30 лет. Однако процесс рекрутирования носит комплексный характер, который также учитывает и личностные особенности глав регионов.

Примечания

1. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО–Университет, 2010. 600 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97–103.
3. Быстрова А. С., Даугавет А. Б., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 22–66.
4. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М: Захаров, 2005. 384 с.
5. Зубарев Г. А. Государственная кадровая политика РФ: проблемы формирования политической элиты // Современная экономика: проблемы и решения. 2018. Т. 7. С. 50–56.
6. Палитай И. С., Данилова А. С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 252–262.
7. Палитай И. С., Попова С. Ю., Селезнева А. В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68–77.
8. Филатов А. В. Типология рекрутирования и презентации губернаторов-«варягов» в современной России, 2004–2010 гг. // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 9 (89). С. 255–260.
9. Шестопап Е. Б. Психологический подход к анализу российских политических элит // Вестник МГУ. Сер. 12. 2011. № 6. С. 75–89.
10. Rivera D.W., Rivera Sh. W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. № 1. P. 27–50.
11. Zimmerman W., Inglehart R. Russian elite – 2020. Moscow: Valdai Discussion Club, 2013. P. 110.
12. Buckley N. Corruption and Power in Russia. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2018. 20 p.
13. Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопап, А. В. Селезневой. М.: АГРАМАК МЕДИА, 2015. 405 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ ИНКУРАБЕЛЬНЫХ БОЛЬНЫХ ОБ ИНФОРМИРОВАННОСТИ ОТНОСИТЕЛЬНО СИСТЕМЫ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Миллер Е. А., аспирант СКФУ
Научный руководитель – Лежебоков А. А.,
профессор кафедры социологии СКФУ

В статье приведены результаты социологического исследования об информированности несовершеннолетних членов семей инкурабельных больных относительно системы паллиативной помощи инкурабельным больным в Ставропольском крае, а также по результатам пилотажного исследования определен блок трудностей, с которыми сталкиваются несовершеннолетние члены семей инкурабельных больных.

Ключевые слова: паллиативная помощь, инкурабельный больной, качество жизни, опрос, анкетирование, нарративное интервью.

В современном российском обществе постоянно увеличивается число людей, которым необходима не просто постоянная медицинская, но специализированная социально-медицинская, или паллиативная, помощь. Паллиативная помощь представляет собой комплекс специальных мер, направленных на поддержание качества жизни неизлечимого (инкурабельного) пациента посредством купирования болевого синдрома, с одной стороны, и через оказание социальной, психологической и духовной помощи, с другой [1, с. 5]. С позиции социологии паллиативная помощь – это совокупность поведенческих актов (способов поведения), в основе которых лежат ценностно-ориентированные действия, направленные на облегчение страданий тяжелобольных людей [2, с.169].

Паллиативная помощь является одной из малоизученных отраслей социологии, тогда как в условиях растущего числа нуждающихся в ней лиц, актуальность исследований в данной области не вызывает сомнения.

Однако при всей очевидной необходимости изучения и практического развития системы паллиативной помощи в российском обществе в настоящее время ее применение крайне ограничено и не затрагивает большую часть нуждающихся [3].

Более того, социологические исследования паллиативной помощи практически не проводятся, фокус современных научных исследований этого направления, в основном, сосредоточен на медицинской стороне проблемы, не уделяется должного внимания важным аспектам психологической, социальной и духовной помощи инкурабельным больным.

По определению Всемирной Организации Здравоохранения, паллиативная помощь – это направление медицинской и социальной деятельности для улучшения качества жизни инкурабельных больных и членов их семей [4].

Безусловно, цель такой помощи не может быть сведена только к улучшению физического состояния больного. Паллиативная помощь направлена на

обеспечение наивысшего уровня качества жизни инкурабельного пациента и членов его семьи посредством предупреждения и облегчения их страданий – благодаря раннему выявлению, тщательной оценке и купированию болевого синдрома и других симптомов (физических, психологических и духовных), и поэтому требует решения не только медицинских, но и психологических, социальных проблем, обеспечения возможности духовного умиротворения, принятия смерти как закономерного течения жизни [5].

Одной из наиболее мучительных и труднопереносимых проблем, не связанных с физической болью, для инкурабельных больных является их социальная изоляция. Именно этот фактор существенно снижает качество их жизни. На основе анализа научной литературы, отечественных и международных законодательных актов, статистического материала, можно сказать, что положение инкурабельных больных и членов их семей достаточно часто приобретает характер социальной эксклюзии, что выражается в неадекватной реализации их социальных прав, а также в состоянии материального неблагополучия исключаемого субъекта [6, с. 83]. Система паллиативной помощи призвана решать, в том числе, и такие вопросы.

В этой связи становится особенно актуальным получение эмпирических данных по вопросу информированности относительно оказания паллиативной помощи в Ставропольском крае несовершеннолетних членов семей инкурабельных больных. Проведенное нами исследование состояло из ряда этапов и включало в себя:

1) Определение информированности несовершеннолетних членов семей инкурабельных больных относительно развития системы оказания паллиативной помощи инкурабельным больным в Ставропольском крае. Метод исследования – анкетный опрос. Выборка была сформирована посредством метода основного массива N=54. Опрос проводился в г. Ставрополе на базе Центра оказания паллиативной медицинской помощи ГБУЗ СК «Ставропольский краевой клинический онкологический диспансер». Признаки репрезентации: пол, возраст, родственная связь. Дата проведения опроса: июль-август 2020 г. Методы обработки полученных данных – простая и перекрестная группировка.

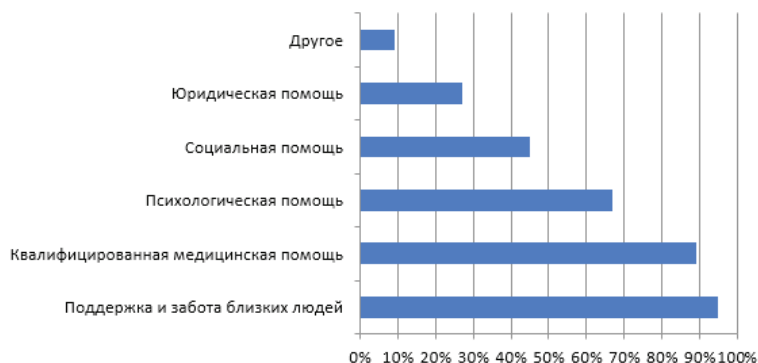
2) Определение блока трудностей, с которыми сталкиваются несовершеннолетние члены семей инкурабельных больных. В исследовании был задействован метод сбора социологической информации – нарративное интервью. Тип выборки: случайная N=47. Выборка была сформирована с помощью процедуры случайного отбора респондентов. Признаки репрезентации: пол, возраст, родственная связь. Содержание свободных ответов респондентов было зафиксировано посредством аудиозаписи, после расшифровки было подвергнуто стандартной процедуре обозначающего семантического анализа. Дата проведения опроса: июнь-июль 2020 года. Проведенное исследование является пилотажным и не претендует на репрезентативность.

На основании анонимного анкетирования было установлено, что значительная часть респондентов (96%) испытывала затруднения в интерпретации термина «паллиативная помощь», а сообщили, что знают о существовании паллиативной помощи как отдельного направления медицины, лишь 4% опрошенных.

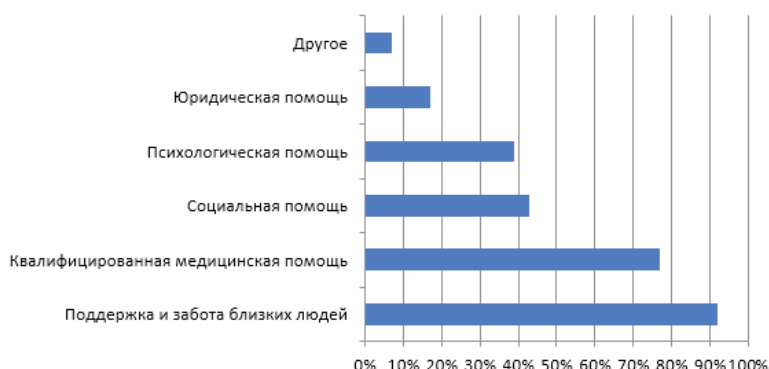
В проведенном исследовании был сделан сравнительный анализ мнений двух групп респондентов. К первой группе относятся те, кто непосредственно принимал участие в оказании помощи инкурабельным больным. Данную группу мы считаем экспертной. Вторая группа респондентов не сталкивалась с уходом за инкурабельными пациентами.

На основе анализа полученных данных можно сказать, что в основном мнения респондентов совпадают. Так, респонденты первой группы главным фактором, способствующим облегчению состояния инкурабельного больного, признают поддержку и заботу родственников больного (95%). Следующим по значимости фактором названа квалифицированная медицинская помощь (89%) и третьим – психологическая помощь (67%).

Факторы, способные облегчить состояние инкурабельного больного (по мнению респондентов первой группы)

Факторы, способные облегчить состояние инкурабельного больного (по мнению респондентов второй группы)

Распределение ответов во второй группе респондентов получилось следующим: на первом месте – забота и поддержка родственников (92%), на втором – квалифицированная медицинская помощь (77%), на третьем – социальная помощь (43%).

Мы можем видеть, что респонденты, не сталкивавшиеся с оказанием паллиативной помощи, наряду с психологическим фактором (поддержка родственников), большее внимание уделяют физическому состоянию больного, тогда как эксперты, также не умаляя психологической составляющей, более склонны отдавать предпочтение социальной помощи.

Интересны и результаты исследования, проведенного методом нарративного интервью несовершеннолетних членов семей инкурабельных больных с согласия и в присутствии взрослых членов семей. В опросе приняли участие (n=47) респондентов. Из них 62% – дети инкурабельных больных, 38% – другие родственники пациентов. Средний возраст опрошенных составляет 12 лет. Нижняя граница возрастного распределения – 8 лет, верхняя – 15 лет. Большинство выборки составили девочки – 81% и только 19% респондентов – мальчики.

Было выделено три основные группы проблем, значительно снижающих их качество жизни: отсутствие внимания со стороны старших членов семьи, трудности с учебой, нехватка финансовых средств.

Практически все (97%) указывали на потребность в более расширенной информации о заболевании и длительности лечения болезни, 56% крайне негативно высказывались о болезни, 48% отмечали нежелание сидеть в «длинных очередях» и не понимали, чем они могут помочь в данной ситуации.

При анализе фазы нарративных расспросов была определена степень влияния на исход болезни, данные распределились следующим образом: 55% респондентов поставили на первое место самих себя; 27% респондентов поставили на второе место врача; 16% поставили на третье место родных и близкий круг общения; 2% затруднились с ответом.

Таким образом, задачами дальнейшего исследования могут стать проблема изучения потребностей несовершеннолетних членов семей инкурабельных больных, способов поддержания их благополучия, а также решения психологических, социальных и юридических вопросов.

Примечания

1. Введенская Е. С. Паллиативная помощь – современное направление общественного здравоохранения / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.simhos.ru/medicine/89-palliativecare.html>.

2. Готовкина М. С. К проблеме социологического анализа паллиативной помощи // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2015. Вып. 32, № 8 (205). С. 169-172.

3. Совершенствование паллиативной помощи пожилым людям. Всемирная организация здравоохранения / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://medpro.ru/node/13170.html>.

4. Паллиативная помощь. Убедительные факты. Всемирная организация здравоохранения / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://medpro.ru/node/13170.html>.

5. Новиков Г. А. Паллиативная помощь в онкологии – родоначальник паллиативной медицины в здравоохранении / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.painstudy.ru.html>.

6. Пузанова М. С. Особенности и перспективы развития движения сестер милосердия в современной России // Ученые записки РГСУ. 2011. № 7. С. 83-87.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ НКО С ВНЕШНЕЙ СРЕДОЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Миронова М. В. канд. соц. наук,
доцент кафедры социальной работы УрФУ,
Кириллова А. магистрант кафедры
социальной работы УрФУ

В статье представлены результаты социологического исследования в форме полуструктурированного интервью, проведённого со специалистами некоммерческих организаций крупного промышленного центра в уральском регионе. Анализируется характер изменений коммуникации некоммерческих организаций в социальных сетях. Отсутствие достаточных теоретических разработок, раскрывающих характер коммуникативных практик в некоммерческом секторе, определяет актуальность данной проблематики, а также намечает перспективы дальнейших исследований. Делаются выводы о необходимости освоения некоммерческими организациями новых форм коммуникации в социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети, НКО, коммуникация некоммерческих организаций, взаимодействие НКО, цифровизация.

Вызовы современного информационного общества, связанные с массовым и стремительным распространением цифровых технологий, потребовали от некоммерческих организаций активного приспособления к условиям новой реальности. То, насколько быстро и успешно смогут сориентироваться сегодня некоммерческие организации, имеет решающее значение как для третьего сектора экономики, так и для благополучателей в целом. Некоммерческий сектор постепенно становится открытым пространством, в котором активно используются новые формы коммуникации.

Вместе с тем вопросы, связанные с изучением особенностей коммуникативной идентичности некоммерческой организации как участника взаимодействия, характер коммуникативных практик в некоммерческом секторе, а также социальные сети как пространство коммуникации НКО с внешней средой, пока еще не являются предметом пристального внимания исследовательского сообщества и требуют, на наш взгляд, серьезного научного осмысления.

Нами было проведено исследование, позволяющее оценить характер изменений коммуникации некоммерческих организаций в социальных сетях. В рамках исследования была проведена серия полуструктурированных интервью с сотрудниками некоммерческих организаций крупного промышленного центра – города Екатеринбурга. Информантами выступили специалисты некоммерческих организаций, деятельность которых связана непосредственно с осуществлением коммуникации в социальных сетях.

Как показало наше исследование, происходящие в российском обществе перемены, связанные с цифровизацией разных сфер жизнедеятельности общества, а также с ситуацией пандемии, не могли не отразиться на деятельности некоммерческого сектора в целом. Эти изменения напрямую связаны с

изменениями характера коммуникации некоммерческих организаций с внешней средой. Одним из важнейших современных инструментов коммуникации, активно используемым НКО, являются социальные сети. Социальные сети выступают как платформа для организации разнонаправленных коммуникаций. В качестве инструментов повседневной коммуникации некоммерческий сектор использует, помимо прочих, такие социальные сети как Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Instagram, Telegram. Они предоставляют современным некоммерческим организациям огромные возможности для реализации своих задач: информирование населения о существующих социальных проблемах и возможностях их решения, организация мероприятий, привлечение средств для реализации проектов и, наконец, самопрезентация.

По данным проведенных нами интервью, очевидно, что в современных условиях некоммерческий сектор столкнулся с необходимостью поиска доступных форматов взаимодействия с социумом. Привычные формы коммуникации НКО с получателями социальных услуг и с донорами, которые выстраивались годами, были приостановлены. Некоторые НКО достаточно успешно перестроили свою деятельность в онлайн-режим, оценив ее мобильность и низкую трудозатратность. Традиционные средства коммуникации, такие как устная передача информации, радио, телевидение, печатная продукция и т.д. постепенно стали выполнять не основную, а вспомогательную функцию. В связи с этим отмечается процесс трансформации форм коммуникации в виртуальном пространстве: *«Если мы уже говорим о тех, кто как-то жертвует разово или регулярно, то с ними используем комплекс инструментов: это и сайт с историями, и соцсети, где можно не только это, но и какие-то оперативные вещи почитать»* (специалист благотворительного фонда, г. Екатеринбург).

Наши информанты в своих интервью отмечают, что до недавнего времени их активность в социальных сетях была достаточно ограничена и сосредоточена на поиске какой-либо информации либо межличностном общении. На сегодняшний день подчеркивается, что социальные сети являются основным инструментом деятельности НКО: *«...это инструмент, которым нужно заниматься системно, постоянно. Планировать что-то, смотреть, что работает и как работает, желательно анализировать, как та или иная публикация работает, интересно это или нет, какие люди приходят в сообщество, комментируют они, не комментируют, ну, то есть, это полноценная работа»* (специалист благотворительного фонда, г. Екатеринбург).

Активное развитие цифровых технологий обуславливает необходимость развития компетенций, у сотрудников организаций «третьего сектора», выполняющих работу социальных сетей. Это неоднократно отмечалось респондентами не только в нашем, но и в других исследованиях по данной проблематике [1, с.32]. Мы, вслед за серией исследований наших коллег из г. Томска, считаем, что большая часть руководителей и сотрудников НКО является поколением, процесс первичной социализации которых прошел без цифровых технологий и средств коммуникации [2, с. 8]. И именно это вынуждает их изучать организацию коммуникаций в современном контексте: *«Другое дело, что действительно, нужен отдельный человек, который*

как-то бы развивал свои компетенции в этом направлении и, чтобы он занимался только этим» (специалист благотворительного фонда, г. Екатеринбург).

Ограниченность как кадровых, так и финансовых ресурсов НКО существенно затрудняет деятельность организации по выстраиванию определенной стратегии коммуникации некоммерческой организации с внешней средой. Так, крупные благотворительные фонды имеют ресурсы для проведения мониторинга социальных сетей: *«Нет, понятное дело, что в больших фирмах, может и есть отдельный человек, и то мы говорим про какие-то коммерческие гиганты. А так даже в больших фондах это один человек, у которого есть все доступы ко всей статистике. Он понимает какая у него картина была и ему не надо вникать: он сразу выгрузил эти цифры и понял: тут не охватили, тут не сработало, а тут неожиданно сработало, а почему столько репостов, что там случилось?» (специалист благотворительного фонда, г. Екатеринбург).* Что касается более скромных НКО, их ресурсы в этом плане существенно ограничены и зачастую такие организации не имеют четко выраженной коммуникативной стратегии.

Успешность деятельности НКО во многом обусловлена ее присутствием и активностью в социальных сетях: *«Сейчас как работают соцсети: если есть активность, они поднимают, постоянно размещают тебя в ленте. Если активности нет, но у тебя очень много ссылок на какие-то сторонние сайты, то система тебя игнорирует. Соответственно, чем больше комментариев, значит люди общаются, что-то пишут, чем-то интересуются, значит у организации больше шансов, что ее увидят, узнают о ней большее количество людей.» (специалист благотворительного фонда, г. Екатеринбург).* Социальные сети становятся средством концентрации внимания на деятельности организации или ее конкретных проектах. В этот процесс вовлекается как общественность в целом, так и органы власти. Это, безусловно, привлекает дополнительные ресурсы. Присутствие некоммерческих организаций в социальных сетях и грамотная работа с интернет-аудиторией позволяет расширить географию присутствия участников совместных проектов и настроить деятельность организации в целом в новом формате.

Социальные сети также способствуют развитию гражданского общества в целом, повышают активность населения и дают возможность своевременного решения социальных проблем. Наше исследование позволило зафиксировать, что грамотно выстроенная коммуникация с населением позволяет некоммерческим организациям оперативно способствовать индивидуальной и групповой включенности в процесс решения социальных проблем: *«Наверное, хорошо социальные сети сработали, когда было наводнение в Нижних Сергах. Как это нам помогло? Мы узнали информацию через соцсети. Точно также через соцсети мы предложили помощь, также через соцсети мы набрали команду людей. Добровольцы, которые давно себя никак не проявляли, они очень быстро откликнулись. Вконтакте нам позволили собрать очень большие сборы на гуманитарную помощь. Нам удалось собрать еще дополнительные сборы на тепловые пушки для просушки, на лопаты, на разный инвентарь. И когда НКО каким-то образом доносит до людей о том, как они могут помочь, люди без проблем откликаются».* (специалист некоммерческой организации, г. Екатеринбург).

Таким образом, сегодня перед НКО возникают новые вызовы, требующие от них мобильности и адаптации к новой реальности. Несомненно, что развитие некоммерческой организации, реализация ее миссии, зависит от ее способности к коммуникации. Эффективная деятельность организации невозможна сегодня без использования социальных сетей как инструмента коммуникации с внешней средой. Освоение информационного пространства в различных областях практики, грамотное выстраивание процесса коммуникации с внешним миром – ключевые задачи, которые продолжают решать некоммерческие организации.

Примечания

1. Трескин П. А. Изменение функционирования некоммерческих организаций в эпоху виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 29–33.

2. Глухов А. П. Межличностный виртуальный сёрфинг: самопрезентация и межличностная коммуникация цифрового поколения в социальных сетях // Социальные сети как площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения: сборник материалов исследования / науч. ред. И. П. Кужелева-Саган. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. С. 8–44.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нуримхаметова Л. К., студентка, Бирский филиал БашГУ
Стовба А. В., канд. филос. наук,
доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Бирский филиал БашГУ

В статье рассматриваются современные проблемы инновационного развития дистанционного образования. Инновационное развитие охватывает процесс обновления социальной действительности, предусматривающий комплекс мер, стремительной цифровизации человечества, которая связана с широким внедрением интернет-платформ оказывающее влияние на все сферы жизни человека и заставляет по-новому смотреть на уже известные средства получения знаний. Особое внимание уделено проблемам дистанционного образования, основным онлайн системам.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, инновационные процессы, дистанционное образование, система образования, онлайн-обучение, онлайн-конференции, платформы.

В современных условиях трансформации общества необходимы инновационные процессы, ориентации на принятие, освоение и использование в собственной духовно-нравственной деятельности кардинальных изменений.

Инновации должны быть ориентированы на успешное развитие нововведений в различных подсистемах общества: социальной, экономической, информационно-технологической, образовательной, управленческой.

Инновации для современного общества являются способом сохранения устойчивости, способами воспроизводства. Они возникают как феномены творческого порядка, являясь преднамеренными решениями встающих перед обществом проблем [4].

Современное общество представляет собой динамично развивающуюся систему. В основе этих процессов лежит всевозрастающая роль информационного этапа научно-технической революции. Ее последствием является потребность быстрой ориентации в различных ситуациях и принятии скорейших управленческих решений [2]. Инновационное развитие охватывает процесс обновления социальной действительности, предусматривающий целый комплекс мер. Взвешенность принятия мер и внедрения нововведений предполагает и анализ действительного состояния страны, ее экономических, социальных, ресурсных возможностей [3].

Сегодня в мире происходят существенные изменения из-за пандемии коронавируса (COVID-19): везде введен режим самоизоляции и карантина, приостановили свою деятельность многие промышленные предприятия, большая часть трудоспособного населения многих стран оказалась без постоянного заработка, а образовательные учреждения переходят в новую эру дистанционного образования.

На протяжении долгих лет велись разговоры о том, что процесс обучения онлайн будет неизбежен, создавались различные платформы для дистанционной деятельности, разрабатывались проекты по работе в информационно-телекоммуникационной сети. Переход от традиционного обучения к дистанционному тотально осуществился в короткие сроки при вынужденных обстоятельствах, что у учителей и педагогов не было возможности ознакомиться с новой системой образования. Когда пандемия закончится, система образования потерпит существенные изменения [5].

Первооткрывателем в масштабном дистанционном процессе обучения стал Китай, около 170 млн учащихся перешли на онлайн-обучение. Также была разработана онлайн-платформа, в которую вошли разделы со всеми школьными предметами, материалы для скачивания (учебники для начальной и средней школы, входящие в перечень образовательного стандарта), китайские классические литературные произведения и фильмы, мотивационные видео для детей и родителей о занятиях в период карантина. Подобная система была создана в короткие сроки, основное ее преимущество – каждый гражданин имеет доступ к видео-урокам, лекциям по необходимым темам.

Сегодня учащиеся активно используют интернет-платформы, позволяющие обучаться, не покидая дом. На сегодняшний день ученики и студенты могут обучаться по следующим системам: Zoom, Moodle, Skype, GSuite (Hangouts), iSpring, Discord, Yaklass.ru, Uchi.ru, GoogleClassroom и др. Образовательные системы обеспечивают поиск необходимой информации (задачи, тематические курсы, видео-уроки, задания для самопроверки, дидактические и методические материалы по всем урокам.), ответы на вопросы, которые могут возникнуть в процессе обучения, позволяют сократить время выполнения домашнего задания.

Изучив платформу Zoom, мы провели онлайн-уроки и выявили положительные особенности данной системы и столкнулись с проблемами, которые возникают при дистанционном образовании.

Данная платформа zoom представляет собой платформу для видеоконференций или аудио-встреч. Система работает как на компьютере, так и на телефоне. Особенностью Zoom является демонстрация экрана и передача управления, то есть ученик может без труда выполнять действия на компьютере организатора конференции (выполнять задания в онлайн-играх, созданных для обогащения дистанционного обучения). Следующее преимущество — это функция «подправить внешний вид», что сэкономит время на подготовку к онлайн-работе (изображение будет осуществляться с мягким фокусом, легким размытием фона и разглаживанием морщин, пятен). Zoom представляет список «сочетание клавиш», использование которых сэкономит время на поиски нужных значков и иконок. Приятный бонус от данной платформы — виртуальный фон, позволяющий создать благоприятное пространство, не затрачивая время на поиски идеального места в доме.

Несмотря на множество онлайн ресурсов, инструкций для работы дистанционно учителя и ученики сталкиваются с рядом проблем, связанных не только с перегруженностью интернет-сети, но и с отсутствием знаний в данной области. Многим семьям пришлось приобрести дополнительную технику: ноутбук, планшет, микрофон, веб-камера; педагогам и учителям, не владеющих техникой, было необходимым познакомиться с её деятельностью за минимальный промежуток времени. Если раньше пойти в школу или на кружок в образовательный центр не составляло труда для обучающихся, то сегодня выход в онлайн-конференцию вызвал недовольство у детей подросткового возраста (факт выключенной камеры, что ведет к проблемам поддержания зрительного контакта между учителем и учеником). Более того, объем домашнего задания увеличился из-за сокращения времени урока. А многие ученики не способны отправить выполненные домашние задания, что приводит к увеличению времени на проверку учителем. Если ранее школа представляла среду для социализации, современный процесс обучения не может предоставить взаимодействия между учениками, учителями. Подготовка к уроку в режиме онлайн требует много времени и усилий, для современного учителя нужно построить урок таким образом, чтобы материал был усвоен за время урока, мотивация детей сохранилась. Учителя совершают ошибки, используя традиционные методики при дистанционном обучении, вводя новые и незнакомые детям задания, тем самым создавая препятствия для освоения нового материала, некорректно организовав свой рабочий день или стараясь использовать как можно больше онлайн инструментов и ресурсов. Как при традиционном, так и при онлайн обучении есть учащиеся, которые не желают получать знания, срывают онлайн уроки, используя свои знания при работе с современными технологиями, тем самым вводят учителей в затруднительные ситуации [1].

Занимаясь или работая дома, возникает множество соблазнов прервать процесс обучения: рабочее место на кухне, разговоры и домашние дела, выполняемые членами семьи, создают шум, что приводит к недопониманию на уроках. Качество процесса обучения напрямую зависит от качества обра-

зовательной среды, без эмоционального взаимодействия с учениками, зрительного контакта получение знаний не будет эффективно сказываться на учениках.

Таким образом, дистанционное образование – это сложный процесс, которым невозможно овладеть, не столкнувшись с трудностями, неоправданными ожиданиями и нервным расстройством всех участников процесса обучения. Все сложности могут быть преодолены взаимодействием учителя и родителей учащихся, предоставления подробной информации для работы онлайн с серией обучающих курсов и практических рекомендаций, прослушивания лекции преподавателей Массачусетского технологического университета, Калтеха или Бауманки и осуществления работы обдуманно, размеренно. Тем не менее, невзирая на все препятствия, школьники продолжают получать знания, развиваться и идти в ногу со временем.

Примечания

1. Главные ошибки учителя при переходе на дистанционное обучение: три совета, которые помогут перейти на дистанционное обучение [Электронный ресурс]. URL: <https://education.yandex.ru/teacher/posts/distantionnoe-obuchenie-glavnye-oshibki-uchitelya> (дата обращения: 08.04.2020).
2. Стомба Е. В., Стомба А. В. Инновации как фактор устойчивого развития сельских территорий // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 5.
3. Стомба Е. В., Стомба А. В. Роль инноваций в стратегическом планировании развития агропродовольственного комплекса региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 6. С. 121-132.
4. Стомба А. В., Соколов В. М. Проблемы инновационного развития российского общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.
5. Цифровизация образования – основные плюсы и минусы [Электронный ресурс]. URL: <https://plusminusi.ru/cifrovizaciya-obrazovaniya-osnovnye-plyusy-i-minusy/> (дата обращения: 05.04.2020).

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ¹

Палитай И. С., канд. соц. наук,
доцент кафедры социологии и психологии политики
факультета политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова

В статье приводятся результаты исследования депутатского, министерского и губернаторского корпусов по основным социально-демографическим показателям. Описание результатов дается в сравнении с результатами статусно-ролевого анализа политической элиты, проведенного в 2011 и в 2014 годах.

Ключевые слова: политическая элита, социально-демографический профиль, депутаты, губернаторы, министры.

Постановка проблемы

С января 2020 года на политическая жизнь нашего общества претерпела ряд преобразований. Во многом они связаны с теми кадровыми перестановками, которые произошли сначала в Правительстве, а затем и в губернаторском корпусе. В 2021 г. нас ждут выборы в Государственную Думу, которые, вероятно, также обновят ее состав.

Эффективность ответов на вызовы и угрозы, которые стоят перед нашей страной, во многом зависят от кадрового состава нашей политической элиты. Так, например, быстротечность событий, которая характерна для современного мира, новые формы коммуникации, с одной стороны, требуют пластичности сознания, умения реагировать на быстро меняющуюся ситуацию, свойственные молодым людям. Однако, с другой стороны, молодое поколение российской политической элиты проигрывает старшему, поскольку не имеет предварительного опыта практической работы и прохождения специальной подготовки для исполнения своей новой роли [1] в виду отказа нашей политической системы от принципа прохождения соискателем всех номенклатурных стадий [2, с. 80].

Иными словами, для того, чтобы оценить состояние и эффективность нашей политической элиты, необходимо понимать, кто входит в ее состав, каковы основные показатели ее представителей и насколько они соответствуют тем критериям, которые диктует наша жизнь. Первым этапом такого рода оценки «человеческого капитала» нашей элиты является проведение статусно-ролевого анализа, который предполагает выявление основных социально-демографических показателей представителей элиты. Помимо этого, весьма значимым является отслеживание динамики по этим показателям, поскольку такого рода сведения могут позволить скорректировать систему рекрутирования, от которой во многом зависит кадровый потенциал элиты [3].

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

Теоретические основания исследования

Политическая элита в нашей стране достаточно активно исследуется, начиная с 70-х годов прошлого века. Она представляет собой высшую страту, определяющая, каким образом функционирует и развивается общество и его отдельные подсистемы [4, с. 23]. Ввиду важности данной категории людей для общества всегда весьма остро стоят вопросы ротации элиты и механизмов ее обновления [см., например, 2; 3].

Исследования самой политической элиты, в большинстве своем, отражают суть структурно-функционального или институционального подходов. Однако политико-социологические исследования политического лидерства и политических элит показали, что происходящие в современном мире перемены ведут не только к появлению лидеров нового типа, но и новых форм, механизмов их взаимодействия с последователями [5]. Возможно, именно по этой причине трансформационные процессы, которые происходят в России в последние годы, диктуют необходимость изучения политической элиты (как в целом, так и отдельных ее элементов) с опорой на мультипарадигмальность подходов и методологических ориентаций.

Результаты исследования

Одни из первых попыток комплексного политико-психологического анализа политической элиты были предприняты в исследовательских проектах кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, по результатам которых в свет вышли две монографии и ряд статей [6-9], в которых были выявлены важные характеристики российской политической элите, связанные с ее психологическим измерением. Эти данные в совокупности с теми, которые были получены нами в 2020 г. позволяют проследить динамику основных показателей нашей политической элиты (губернаторского, министерского и депутатского корпусов).

1. Гендерный аспект

Данный показатель является одним из устойчивых. Доля женщин среди депутатов Государственной Думы (ГД) в 5-7 Созывах варьировалась от 13,3 до 15,5 %. Среди членов правительства женщин всегда было лишь несколько. Исключением является 2011 г., когда их доля составляла 11,1 %. Губернаторский корпус является самым «мужским»: женщин там всегда лишь 1–3%.

2. Возрастной аспект

Несмотря на объявленный тренд на омоложение состав ГД РФ не сильно меняется с точки зрения возраста депутатов, средний величина которого в настоящее время 55,9 лет. Отличительной особенностью нынешнего созыва является тот факт, что снизилось количество законодателей в возрасте от 31 до 40 лет, при этом доля тех, кому 51–60 лет изменилась незначительно, а людей в возрасте 61–70 лет и вовсе практически не поменялось (см. диаграмму 1).

Правительство РФ значительно омолодилось. Первое, что бросается в глаза – рост числа молодых министров в возрасте от 30 до 40 лет (14,3 %), чего в 2011 г. не было вовсе, а в 2014 г. проявилось в небольшой мере (см. диаграмму 2).

Губернаторский корпус вслед за правительством тоже стал моложе: уменьшилась доля людей в возрасте 51–60 лет. Если раньше они составляли

практически половину корпуса глав регионов, то теперь их доля снизилась до трети. При этом число губернаторов в возрасте 40–50 лет увеличилось на 17% по сравнению с 2011 и 2014 годами (см. диаграмму 3).

Диаграмма 1

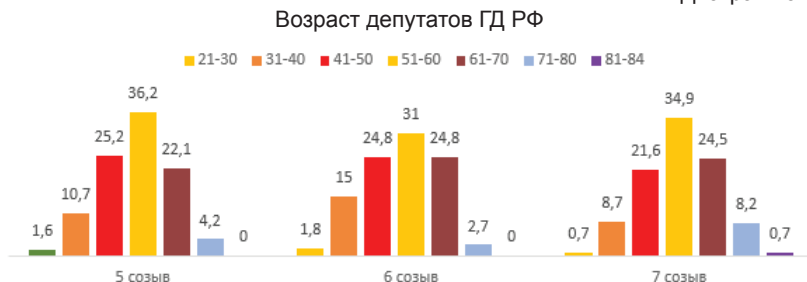
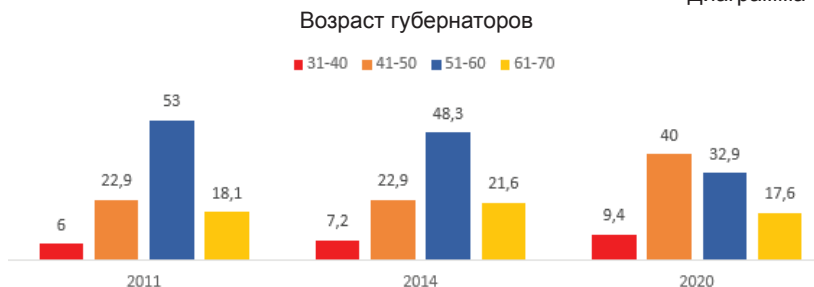

Диаграмма 2

Диаграмма 3

3. Место рождения и основной социализации

Мы уделили внимание данному показателю, поскольку считаем, что человек, выросший в городской среде отличается от сельского жителя (или жителя маленького города) способом мышления, степенью свободолобия, широтой взглядов. Однако в них, зачастую, в большей степени развито чув-

ство индивидуализма и отсутствие реакции на социальные стимулы, что для публичного политика в некоторых случаях может быть больше негативной характеристикой, нежели достоинством.

В депутатском корпусе наблюдается отсутствие ярко выраженной динамики (во всех трех последних созывах примерно треть депутатов – выходцы из сельской местности).

Губернаторский корпус претерпел изменения в данном направлении куда более сильные: доля «городских» за последние годы увеличилась с 47% до 63,5%.

Нынешний состав Правительства по данному показателю буквально на несколько процентов отличается от состава 2011 года (25,9% выходцев из сельской местности). А вот в 2014-м году доля социализировавшихся в маленьких городах и селах упала до 18,2%.

4. Образование

Количество образований, пожалуй, – единственный показатель, по которому наблюдается схожая динамика для всех корпусов. Заключается она в том, что растет количество представителей элиты, у которых два и более высших образования. Так среди депутатов доля таковых повысилась с 39,8% в 5 Созыве до 60,2% в 7 Созыве. Более одного диплома практически у половины министров (52,4%) при том, что в 2011 году таких было 40,7%, а в 2014 г. этот показатель снизился до 27,3%. Практически аналогичный тренд и среди глав субъектов (52,4% губернаторов с двумя и более образованиями против 43,1% и 39,7 % в 2011 и 2014 гг. соответственно).

Если говорить о типах первого высшего образования, то заметной динамики в депутатском корпусе замечено не было. Во всех трех созывах самая большая доля людей с техническим образованием (26,8–34,2%. Можно предположить, что это люди старшего поколения). На втором месте – экономическое образование, которое имеет в среднем каждый пятый депутат. На третьем – гуманитарное образование, однако, доля таковых снизилась с 17,3% и 18,8% в прошлых созывах до 10,7% в текущем 7-м. Следующие в этом «рейтинге» стоят юристы, коим является практически каждый 10-м федеральный законодатель.

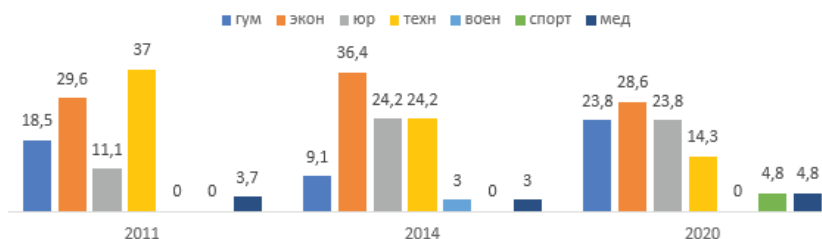
Правительство 2011 года по данному показателю отличается от Правительства 2014 и 2020 гг. Из особенностей можно выделить снижение доли людей с техническим образованием (возможно, в силу омоложения данного корпуса) и увеличение числа гуманитариев (см. диаграмму 4).

Практически такая же ситуация с точки зрения тенденций и среди губернаторского корпуса (возможно в силу той же причины, связанной со средним возрастом): резко упало количество глав регионов с техническим образованием. Однако среди них стало немного больше специалистов по юридическим вопросам (см. диаграмму 5).

Второе высшее образование у депутатов ГД РФ 5 и 6 Созывов в основном было юридическое или экономическое (приблизительно 48% и 25% соответственно от общего числа имеющих второе образование). Характерной особенностью текущего Созыва является «увлеченность» законодателей получением образования в сфере государственного и муниципального управления (22,3%).

Диаграмма 4

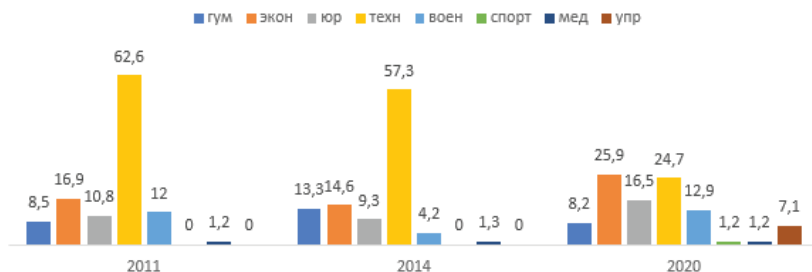
Типы первого высшего образования федеральных министров

В текущем кабинете министров также наблюдается стремление получить управленческие навыки (увеличение с 36,4% и 22,2% в 2011 и 2014 гг., соответственно, до 45,5% в 2020 г.). На втором месте по частоте встречаются министры со вторым высшим юридическим образованием (по 27,3 % в 2011 и в 2020 гг., 55,6% в 2014 г.).

Диаграмма 5

Типы первого высшего образования федеральных министров

Практически половина нынешних губернаторов со вторым образованием имеют диплом управленца (40,7%). На втором месте по популярности среди глав регионов находится экономическое образование, которое получило 23,8% в 2011 г., 43,1% в 2014 г. и 25,9% в 2020 г. На третьем месте – юридическое, диплом о котором практически у каждого четвертого губернатора.

Заключение

Проведённый нами статусно-ролевой анализ политической элиты и описание динамики основных её социально-демографических показателей демонстрирует нам ее текущее состояние и особенности формирования. Однако такой объем данных не является достаточным для выявления проблемных зон и определения направлений для усовершенствования процессов рекрутирования и ротации. Для поиска ответов на эти вопросы необходим более глубокий анализ, включающий в себя изучение личностных характеристик отдельных представителей политической элиты, на основе сочетания качественных и количественных методов исследования.

Примечания

1. Палитай И. С. Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 90-100.
2. Покатов Д. В. 2019. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп. Власть и элиты. Том 6. Выпуск 1. С. 71-97.
3. Палитай И. С., Попова С. Ю., Селезнева А. В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68-77.
4. Ашин Г. К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки. 2005. № 7. С. 23-43
5. Самсонова Т. Н., Шпуга Е. С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. 22(4). С. 142–163.
6. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопал, А. В. Селезневой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 344 с.
7. Современная элита России: политико-психологический анализ: монография / отв. ред. Е. Б. Шестопал и А. В. Селезнева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 448 с.
8. Палитай И. С., Майорова М. А. Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 4 (837). С. 160-173.
9. Палитай И. С., Данилова А. С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 252-262.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЯМИ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ ПРЕДПРИЯТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА

*Паслер О. В., канд. полит. наук,
доцент кафедры социологии СКФУ
Мирошников И. И., канд. социол. наук, доцент,
начальник кафедры Краснодарского высшего
военного авиационного училища летчиков*

В статье апробирована комплексная методика диагностики различных аспектов отношений в трудовом коллективе на примере организации малого бизнеса ООО «Ваш бухгалтер». Авторы пришли к выводу, что предложенная универсальная методика, включающая исследование всех основных сегментов трудовых отношений, позволяет выявить структуру ключевых проблем организации в целом. При этом разработанный инструментарий может служить основой для проведения прикладных исследований при изучении проблематики, связанной с управлением отношениями в организациях малого бизнеса.

Ключевые слова: социологический анализ, управление персоналом в организации малого бизнеса, управление отношениями в трудовом коллективе, социально-психологический климат, диагностика конфликтов в организации, управление трудовой мотивацией работников, анализ удовлетворенности трудом, управленческая культура.

Все большее значение для успеха любой организации в рыночной экономике играет внутрикорпоративная стабильность и взаимодействие членов трудового коллектива. Упорядоченная система управления межличностными отношениями позволяет эффективно организовать выполнение целей и задач предприятия, обеспечивать его конкурентоспособность и долгосрочное развитие.

Сфера малого бизнеса, как правило, отличается теснотой межличностных связей, минимальной дистанцией между работниками и руководством, близким общением сотрудников, высоким уровнем конкуренции и низким порогом конфликтности, что обуславливает необходимость постоянного мониторинга отношений в трудовом коллективе и выстраивания гибкой системы реагирования.

Для апробации авторской методики социологического диагностирования различных аспектов отношений в трудовом коллективе в апреле – мае 2020 года было проведено комплексное исследование на базе предприятия малого бизнеса – ООО «Ваш бухгалтер».

ООО «Ваш бухгалтер» основана в сентябре 2002 года. На протяжении почти 18 лет данная компания динамично развивается, оказывая специализированные бухгалтерские услуги.

Коллектив организации исключительно женский, директором также является женщина. Сотрудники имеют различный возраст и трудовой стаж. Костяк коллектива составляют работники в возрасте от 41 до 50 лет со стажем работы в организации от 4 до 10 лет. Все сотрудники имеют высшее образование.

Должностное деление по функциональному признаку слабо выражено. В структуре предприятия помимо директора предусмотрены должности главного бухгалтера, ведущего бухгалтера-специалиста, бухгалтера-специалиста, бухгалтера-консультанта. Функциональные обязанности персонала подразделения схожи и заключаются в ведение бухгалтерского и налогового учета, оказании консультативных услуг по ведению бухгалтерии и финансово-хозяйственной деятельности.

Нельзя сказать, что организация испытывает «кадровый голод» или большую текучесть кадров, но поиск и наем новых работников время от времени происходит. За последние 5 лет по собственному желанию уволились 2 человека, а также 2 сотрудницы ушли в декрет и на их место взяли новый персонал.

Для решения исследовательских задач был выбран метод анкетирования. Выборка анкетного опроса является сплошной и охватывает всю генеральную совокупность респондентов – сотрудники ООО «Ваш бухгалтер», работающие на момент проведения исследования – 12 человек.

На первом этапе комплексного исследования изучались уровень групповой сплоченности и характер социально-психологических связей в трудовом коллективе. Данный блок анкеты представлял собой комбинацию элементов двух методик – Методика определения индекса групповой сплоченности Сисшора и Диагностики психологического климата в малой производственной группе (В. В. Шпалинский, Э. Г. Шелест) [1, с. 459]. При этом данный блок анкеты нами был дополнен и скорректирован для решения поставленных исследовательских задач.

На первый вопрос анкеты «Как бы Вы оценили свою принадлежность к организации?» большинство членов коллектива – 9 чел. (75%) выбрали ответ «чувствую себя ее членом, частью коллектива», лишь 3 сотрудника выбрали менее утвердительные ответы (рис. 1).

Рис. 1. Как бы Вы оценили свою принадлежность к организации?

Можно сказать, что коллектив ООО «Ваш бухгалтер» ощущает себя вполне сплоченным, однако есть отдельные работники, которые пока не до конца чувствуют свою принадлежность к организации и общность с людьми, работающими в ней. Примечательно, что среди таких людей преобладают молодые сотрудники в возрасте до 30 лет с наименьшим стажем работы в организации.

Полученные данные коррелируют с ответами на следующий вопрос: «Как Вы оцениваете коллектив организации?». Больше половины опрошенных (66,7%) уверены, что костяк коллектива сложился, но некоторые работники как бы стоят в стороне. Два сотрудника (16,7%) утверждают, что коллектив распался на отдельные группы. Лишь один человек ответил, что в организации сложился вполне сплоченный коллектив, и один сотрудник считает, что его становлению мешают несколько человек из-за личной неприязни.

Определенным маркером человеческих отношений и сплоченности трудового коллектива является то, насколько сотрудники знают друг друга и имеют представление о деловых и личных качествах членов своего коллектива.

Результаты опроса показали, что о деловых качествах друг друга в той или иной степени осведомлены все сотрудники. Однако, в отношении личных качеств, мнения разделились. Чуть больше половины опрошенных отметили утвердительные варианты ответа. Треть сотрудников (33,3%) признались, что не задумывались над этим, а один работник (8,3%) затруднился бы дать достаточно полную характеристику личным качествам своих коллег.

Подобный факт свидетельствует о том, что в данном коллективе приоритет отдается деловым отношениям, не выходящим за рамки трудового процесса. С точки зрения коллектива важны не личные, а профессиональные качества членов группы. Принято считать, что чем более развит коллектив, тем более определяющую роль в нем играют деловые отношения. Но это не означает, что личные взаимоотношения постепенно уходят из сферы общения: речь идет лишь о том, что, оценивая друг друга, члены развитых коллективов в большей мере ориентируются на деловые качества друг друга. Авторитетность людей в таких коллективах, их популярность, в первую очередь, определяются их профессиональными заслугами, а личные взаимоотношения подчиняются интересам дела. В группах менее высокого уровня развития могут, наоборот, доминировать личные взаимоотношения, личные симпатии-антипатии играть определяющую роль в том, кого поддержать, а кого осудить, кому дать «выгодную», а кому «невыгодную» работу.

Вряд ли можно ожидать успеха от совместной деятельности, если психологический климат в организации неблагоприятен, если высока конфликтность и низка сплоченность сотрудников, велика текучесть кадров, нестабильна общая обстановка в коллективе. Психологический климат выступает одним из важнейших индикаторов готовности организации к эффективному решению стоящих перед нею задач.

Общение является главнейшей потребностью личности, что подтверждают и результаты опроса. Коллектив ООО «Ваш бухгалтер» практически единодушно приветствует возможность пообщаться друг с другом в течение трудового дня. Однако, большинство сотрудников не согласилось с тем, что в их деловом общении преобладают доброжелательность и доверительные интонации. Велика и доля тех, кто затруднился с ответом.

Нельзя сказать, что большинство критических замечаний в коллективе высказываются тактично, исходя из лучших побуждений. Лишь ¼ сотрудников согласилась с этим утверждением, половина коллектива выбрали ответ «скорее не согласен», а остальные затруднились ответить.

Тревожным сигналом является также тот факт, что практически никто из членов коллектива ООО «Ваш бухгалтер» не согласился с тем, что успехи коллег искренне радуют остальных и не вызывают зависти.

Стало также очевидно, что в организации не принято делиться своими семейными радостями и заботами. Между тем, большинство сотрудников уверены, что в коллективе достаточно развиты взаимопомощь и взаимное доверие, а новичок скорее всего встретит доброжелательность и радушие.

Подсчёт индекса итогового показателя психологического климата предлагается осуществлять, преобразовав варианты ответов в балльную шкалу от 1 до 5, где 5 баллов соответствует ответу «полностью согласен», 1 балл – «полностью не согласен». Вариант «затрудняюсь ответить» является промежуточным и имеет значение 3 балла. Исключение составляет только заключительное суждение, где шкала имеет обратное значение. Значение каждого показателя вычисляется как среднее арифметическое суммы ответов всех опрошенных.

Таким образом, итоговый показатель находится в диапазоне от 10 до 50 баллов. Высокой благоприятности психологического климата соответству-

ют показатели в диапазоне 35-50 баллов; средней благоприятности – 25-34 баллов; незначительной благоприятности – 16-24 баллов. Количественные показатели менее 16 баллов свидетельствуют о неблагоприятном психологическом климате.

Для исследуемого коллектива ООО «Ваш бухгалтер» итоговый показатель составил 36 баллов, что соответствует высокой благоприятности психологического климата. Однако, значение четырех параметров из десяти ниже среднего, что может свидетельствовать о скрытых межличностных конфликтах и требует от руководителя пристального внимания.

Завершающий вопрос первого блока «Что Вы обычно чувствуете, заканчивая работу?» показал, что почти все сотрудники испытывают чувство легкой усталости (33,3%) или поскорее хотят покоя и отдыха (66,7%).

Во втором блоке анкеты были представлены вопросы, касающиеся уровня удовлетворенности различными аспектами трудовой деятельности и мотивации сотрудников ООО «Ваш бухгалтер».

Одним из показателей удовлетворенности трудом является то, насколько комфортно человек себя чувствует на рабочем месте. Так, оказалось, что все сотрудники ООО «Ваш бухгалтер» в той или иной степени ощущают себя комфортно, работая в организации (Рисунок 6). Большинство членов коллектива (83,7%) чувствуют себя вполне комфортно, «на своем месте».

Сотрудники ООО «Ваш бухгалтер» продемонстрировали весьма высокий уровень удовлетворенности различными сторонами своей работы. Ответы участников опроса отражают активное стремление продемонстрировать свою лояльность. В наибольшей степени опрошенные удовлетворены: самостоятельностью и разнообразием в работе, а также отношениями с непосредственным руководителем. В наименьшей степени респонденты довольны справедливостью морального и материального стимулирования и возможностью должностного продвижения.

Достаточно большой разброс мнений зафиксирован при ответе на вопрос: «С какими людьми Вы бы хотели быть рядом на работе?». Самыми востребованными оказались сотрудники, которые готовы поддержать в разных ситуациях. Доказала свою актуальность и мера, по внедрению механизма наставничества по отношению к новичкам, т.к. в коллективе в равной степени есть потребность в людях, которые хотят научиться чему-то полезному и людям, желающих передать свой опыт и знания.

В своей работе сотрудники ООО «Ваш бухгалтер» ценят разнообразные вещи. Так, каждый четвертый член коллектива в равной степени ценит то, что за эту работу неплохо платят, и то, что она дает возможность проявить свои знания и умения. Каждый шестой сотрудник ценит в работе самостоятельность и полезность. Один человек затруднился с ответом и один особо ничего не ценит в своей работе и выполняет ее по привычке, т.к. она хорошо знакома.

Более подробно о мотивации сотрудников можно судить по выраженности у членов трудового коллектива пяти групп потребностей: материальных, социальных, в безопасности, в признании, в самоактуализации. В данном случае мы воспользовались экспресс-методикой «Диагностика личностных и групповых базовых потребностей», построенной на положениях иерархической теории потребностей А. Маслоу. [1, с. 459]

Для наглядного сравнения мотивации сотрудников с разным опытом и стажем работы мы представили результаты в виде трех мотивационных профилей (рис. 2).

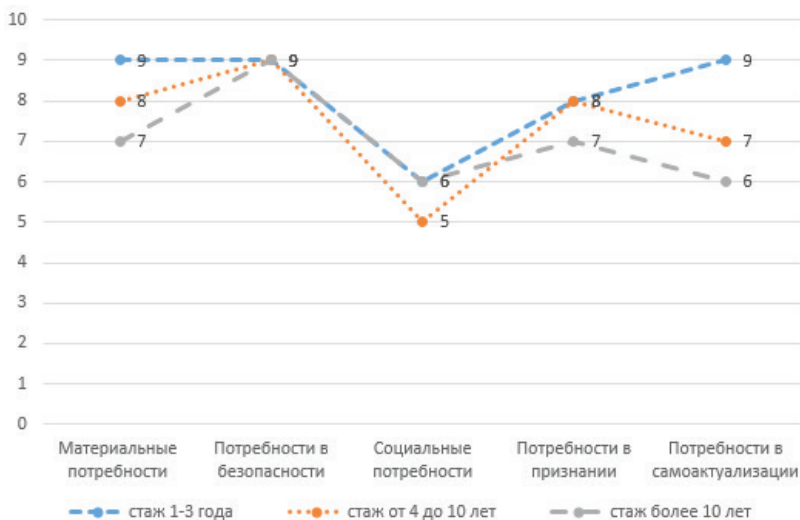

Рис. 2. Мотивационные профили сотрудников ООО «Ваш бухгалтер» в зависимости от стажа работы

Полученные средние баллы следует трактовать от обратного — чем выше значимость потребности, тем выше текущая неудовлетворенность ею. Из представленных на рисунке данных следует, что доминирующей потребностью у персонала является потребность в безопасности («обеспечить себе будущее», «упрочить свое положение в организации» и «избегать неприятностей»). Все категории работников одинаково высоко оценили значимость факторов безопасности — 9 баллов. Относительное единодушие всех групп работников можно наблюдать и в отношении потребностей в признании.

Велика выраженность в трудовом коллективе и материальных потребностей, однако, у сотрудников с наименьшим стажем работы, данная группа потребностей оказывается приоритетней. Аналогичным образом объясняется разница в выраженности потребностей в самоактуализации. Их нехватка также ощущается больше у молодых сотрудников. Социальные потребности оказались наименее востребованы в трудовом коллективе ООО «Ваш бухгалтер».

В целом сравнение мотивационных профилей сотрудников с различным стажем работы в организации подтверждает типичную картину: чем дольше человек работает в организации, тем выше уровень удовлетворенности его потребностей и ниже базовая мотивация. Это вынуждает руководителя применять в управлении коллективом более гибкую мотивационную систему с учетом приоритетов малых трудовых групп.

Заключительный этап исследования был направлен на изучение влияния стиля руководства и управленческой культуры на отношения в трудовом коллективе ООО «Ваш бухгалтер». Надо сказать, что вопросы данного блока, в большинстве своем, не вызвали больших противоречий у членов организации и часто они были единодушны в своих оценках.

Так, на вопрос «Как Вы оцениваете контакты руководителя с подчиненными в организации?» абсолютно все сотрудники ответили, что руководитель регулярно общается с подчиненными. 91,7% членов организации считают, что начальник четко распределяет функции между собой и подчиненными и привлекает членов коллектива к управлению.

Не так однозначно оценивают сотрудники продуктивность коллектива в отсутствие руководителя. 10 человек (83,4%) утверждают, что коллектив не снижает продуктивности, и по одному человеку считает, что исполнители работают хуже или с переменным успехом.

На вопрос о том, какие методы воздействия на подчиненных преобладают в организации, большинство ответили (83,4%), что «замечания руководителя всегда справедливы». При этом все сотрудники отметили, что директор всегда обращается к подчиненным вежливо и доброжелательно.

Высоко оценивают подчиненные способность начальницы поддерживать дисциплину и порядок. И здесь обнаруживается полное единодушие.

Анализируя результаты исследования, мы пришли к выводу, что руководитель ООО «Ваш бухгалтер» использует мягкий тип управленческого лидерства. При наборе персонала директор ориентирована на привлечение высокопрофессиональных кадров. При таком методе управления формируется эффективная обратная связь и система самоконтроля. Это подтверждают и результаты опроса. Так, 75% сотрудников утверждают, что руководитель контролирует деятельность подчиненных «от случая к случаю». Мировая практика показывает, что достичь более высоких результатов помогает именно мягкий подход к управлению персоналом. Руководителю ООО «Ваш бухгалтер» удалось выстроить в организации эффективную модель управления, основанную на доверии и взаимной поддержке.

Однако ни одна, даже самая эффективная модель управления, не исключает недоразумений и конфликтов на рабочем месте. Нас, в первую очередь, интересуют конфликты по вертикали – между коллективом и руководителем. В ООО «Ваш бухгалтер» перечень причин таких конфликтов достаточно узок. Половина членов коллектива утверждают, что причиной большинства конфликтов является «несправедливое распределение заработной платы, премий», ¼ сотрудников уверены, что поводом служат переработка и частые сверхурочные, и два человека ответили, что конфликтов с руководством не возникает.

При этом интересно знать, как в коллективе разрешаются различного рода конфликты. Как показало исследование, главную роль в разрешении конфликтных ситуаций в ООО «Ваш бухгалтер» играет руководитель.

Безусловным маркером успешного управления организацией является наличие скрытых резервов для повышения эффективности труда. Как показало исследование, по мнению большинства сотрудников ООО «Ваш бухгалтер», «все резервы использованы». Так считает половина опрошенных, 1/3

коллектива затруднилась с ответом, и лишь 2 человека (16,7%) посчитали, что возможно имеются незначительные резервы.

Подводя итоги вышеизложенному, можно констатировать, что в ООО «Ваш бухгалтер» выстроена достаточно эффективная модель управления отношениями в трудовом коллективе, которая основана на мягком типе управленческого лидерства. При наборе персонала руководитель ориентирован на привлечение высокопрофессиональных кадров. ООО «Ваш бухгалтер» удалось, таким образом, избежать характерной для российской национальной управленческой культуры малого бизнеса патологии, известной как «ловушка основателя» или «ловушка семейственности», когда организационная культура превращается в клановую и на этапе роста и развития набор сотрудников очень часто происходит не по принципам профессионализма, а из числа родственников, друзей и знакомых.

Рабочий процесс в ООО «Ваш бухгалтер» опирается на четкую организацию труда, распределение функциональных обязанностей, дисциплину и сработанность трудового коллектива. При таком методе управления формируется эффективная обратная связь и система самоконтроля. Роль руководителя при этом остается значительной, но его вмешательство требуется только в ситуациях острых противоречий и конфликтов. Существующий уровень конфликтности в коллективе невелик, руководству удается гибко реагировать на возникающие противоречия.

Вместе с тем, был выявлен ряд факторов, которые оказывают негативное воздействие на отношения в коллективе.

Во-первых, молодые сотрудники, только что закончившие вуз, приходящие на работу в организацию, сталкиваются с недостатком практических навыков и знаний, необходимых для трудовой деятельности, и поэтому часто не справляются с профессиональными обязанностями. При этом, более опытные коллеги в виду большого объема собственной трудовой нагрузки не успевают помогать новичкам. Это создает сложности во взаимопонимании в коллективе.

Во-вторых, деятельность организации сопряжена с неровным графиком работы – в отчетный налоговый период, нагрузка на каждого сотрудника возрастает. Им приходится задерживаться на работе. Велика и цена допущенных ошибок, поэтому вместе с нагрузкой растет и ответственность. Всё это способствует складыванию нездоровой атмосферы в коллективе и может сопровождаться конфликтами, снижением работоспособности и мотивации персонала.

В-третьих, социологическое исследование подтвердило наличие скрытых межличностных конфликтов и зависти, что очень характерно для однополых и разновозрастных коллективов. Как правило, пока эти противоречия носят ситуативный, кратковременный характер. Причиной этого может быть усталость, перенапряжение, недовольство собой и окружающими, чувство несправедливости и т.п. Именно под влиянием таких факторов обычно выдержанный человек в состоянии крайнего перенапряжения становится вспыльчивым, резким, способным к обострению отношений с коллегами.

В связи с вышесказанным представляются целесообразными следующие меры по управлению отношениями в трудовом коллективе ООО «Ваш бухгалтер»:

- разработка системы мер по профилактике стрессов в трудовой деятельности персонала;
- повышение компетентности сотрудников в области тайм-менеджмента;
- создание открытой и понятной системы морального и материального поощрения, учитывающей вклад каждого сотрудника в успех компании;
- внедрение механизма наставничества для молодых сотрудников;
- постепенное сбалансирование половозрастной структуры коллектива, за счет приема на работу молодежи и сотрудников мужского пола.

Таким образом, предложенная универсальная методика, включающая исследование всех основных сегментов трудовых отношений, позволяет выявить структуру ключевых проблем организации в целом. При этом разработанный инструментарий может служить основой для проведения прикладных исследований при изучении проблематики, связанной с управлением отношениями в организациях малого бизнеса.

Примечания

1. Чередниченко И. П. Психология управления / И. П. Чередниченко, Н. В. Тельных. Ростов н/Дону: Феникс, 2004. 608 с.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ЛЮДЕЙ КАК ПРИЕМ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ НА ЦЕЛЕВУЮ АУДИТОРИЮ

Паслер О. В., доцент кафедры социологии СКФУ,
Киракосян Э. Н., студент СКФУ

В статье проведен сравнительный анализ коммуникативного воздействия коммерческой телерекламы «Альфа-Банка» и «Почта Банка» на целевую аудиторию через прием привлечения известных людей. Рекламные стратегии рассмотренных брендов отличаются ориентацией на разные целевые аудитории. По результатам контент-анализа интернет дискурса вокруг рассматриваемых рекламных кампаний доказано, что важным критерием их успешности является правильный, с точки зрения целевой аудитории, выбор персоналии и постоянный мониторинг отношения общественности к компании и продуктам в сети Интернет.

Ключевые слова: коммерческая реклама, телереклама, целевая аудитория, ядро целевой аудитории, медиавоздействие, прием привлечения в телерекламу публичных людей, амбассадор, контент-анализ интернет-дискурса.

Телереклама, благодаря комплексному сочетанию звука, изображения и географии распространения, имеет преимущества перед другими видами рекламы.

На сегодняшний день телевизионная реклама представляет собой, с одной стороны, наиболее популярный вид коммуникативного воздействия на потенциального потребителя, с другой стороны, это очень дорогой инструмент, который требует много времени, денег и креативности идей. В таких условиях реклама на телевидении просто обязана быть эффективной. Вот почему в современном маркетинге, для грамотного построения телевизионной рекламной стратегии важно умение четко определять целевую аудиторию и выбирать продуктивные приемы воздействия на нее. При этом следует понимать, что в разных сферах существуют определенные нюансы работы с целевой аудиторией, которые необходимо учитывать для достижения хотя бы минимальных результатов [1].

Обязательной составляющей рекламных роликов является персонаж – лицо бренда, которое должно быть привлекательным, вызывающим доверие и прежде всего уместным. В маркетинге выделяют четыре вида эффективных персонажей, которых стоит использовать для продвижения товара или услуги:

- «персонаж эксперт/рекомендатель», который представляет компетентное мнение со стороны «знающих людей»;
- «персонаж потребитель», его образ близок к потенциальному потребителю товара. Так что, чем проще и обыденней он выглядит, тем больше вызывает доверия;
- «вымышленный персонаж», имя которого, как правило, созвучно с именем бренда, а образ соответствует национальным традициям и культуре;
- «персонаж знаменитость», репутация и узнаваемость которого распространяется на рекламируемый товар или услугу.

На практике лицо бренда может сочетать в себе несколько видов персонажей, выступая в различных амплуа.

Наиболее популярным приемом повышения узнаваемости и продвижения своей марки является использование в рекламных кампаниях звезд первой величины, публичных людей. Считается, что коммуникативное воздействие рекламного сообщения на потребителя выше, если это послание исходит от известного человека.

Однако, помимо видимых плюсов существует ряд ограничений, приводящих к дополнительным рискам рекламодателей. Так, в российском обществе участие известных людей в рекламе не имеет однозначного положительного восприятия. Звезды, чей образ жизни олицетворяют собой успех, не всегда соответствуют образу в рекламе. В силу разницы в уровне жизни, подобный диссонанс может вызывать негативные эмоции у среднестатистических россиян. Отчасти, такое неоднозначное отношение объясняется тем, что у большинства россиян после рекламного бума 90-х годов появилась «прививка» от доверия рекламе и создаваемым в ней образам. К участию звезд в рекламных роликах стали относиться скептически, воспринимая его как попытку звезд получить дополнительный заработок. Считается, что лишь аудитория 20-35 лет восприимчива к рекламе с участием известных людей. [2, С. 427]

Еще одной проблемой привлечение публичных людей к рекламной кампании является обязательное принятие во внимание образа выбранного персонажа. Сама знаменитость уже обладает определенным багажом из соб-

ственной аудитории, транслируемых ценностей, поэтому сложность состоит в том, чтобы в роликах была гармония между персонажем и тем, что он рекламирует. Досконально должна быть изучена биография знаменитости, его основные амплуа и роли. Не менее важно учитывать и особенности личной жизни выбранной звезды, так как возможные публичные скандалы, могут повлиять на результативность рекламной кампании.

Предпримем попытку проанализировать, насколько отечественные рекламодатели учитывают указанные аспекты при выборе персонажей для своих рекламных кампаний, на примере телевизионной рекламе 2020 года двух крупнейших банков России – «Альфа-Банк» и «Почта Банк» и контент-анализа интернет-дискурса вокруг данных рекламных кампаний.

Надо сказать, что оба банка занимают прочные позиции на российском рынке. «Альфа-Банк» — крупнейший универсальный частный банк в России с более чем 30-летней историей, входит в 5-ку российских банков по надежности и размеру активов. «Почта Банк» – универсальный розничный банк, созданный группой ВТБ и Почтой России в 2016 году. На сегодняшний день «Почта Банк» занимает второе место по размеру розничной сети на российском банковском рынке. Между тем, борьба между крупными банками за платежеспособных клиентов сейчас только усиливается, что вынуждает коммерческие банки и финансовых «новичков» искать собственную нишу, борясь за различные сегменты потенциальных клиентов.

В рекламных кампаниях выбранных банков за последние годы предпринимались попытки совместить имиджевую и продуктовую коммуникации, а также расширить целевую аудиторию. Однако, рекламные стратегии 2020 года сосредоточены, главным образом, на работе с ядром своих целевых аудиторий, сохранение которых позволит удержать занятые ранее позиции. При этом целевое позиционирование Почта Банка более ярко выражено – за банком закрепился стереотипный образ «банка для людей старшего возраста».

Целевая аудитория Альфа-Банк довольно обширная, поскольку его клиентская база составляет около 109200 корпоративных клиентов и 10,6 миллионов физических лиц. У банка отсутствует ярко выраженное ядро целевой аудитории, однако большинство клиентов составляют люди в возрасте от 25–55 лет с уровнем дохода выше среднего, проживающих в крупных городах и агломерациях. При этом сам банк позиционирует себя как банк для свободлюбивых, состоятельных и состоявшихся людей или желающих такими стать.

Прием привлечения публичных людей использован в рекламных роликах обоих банков. Так, лицом рекламной кампании Альфа-Банка в 2020 году стал популярный телеведущий Иван Ургант. В роликах с его участием удачно сочетаются юмор, простота и эстетика. Ургант – известный шоумен, со своей аудиторией и оригинальной манерой. Его образ легко привлекает и удерживает внимание, заставляет зрителя вникать в содержание рекламного ролика и запоминать исходящую от него информацию. Однако, Ургант не является эксклюзивным амбассадором, в свое время он снимался в рекламе Мегафон, МТС, Активель и даже прямого конкурента – банка Тинькофф. Хотя в последний раз Ургант снимался в рекламе год назад, его участие во множестве проектов несет в себе риск того, что образ знаменитости не будет ассоциироваться с конкретным брендом и доверие целевой аудитории будет низким.

Данное предположение подтверждают комментарии к рекламным роликам с участием Урганта, размещенным в открытом доступе на различных ресурсах интернета (рис. 1). Контент-анализ нескольких интернет-ресурсов позволил заключить, что негативных отзывов под роликами Альфа-Банка больше, чем позитивных.

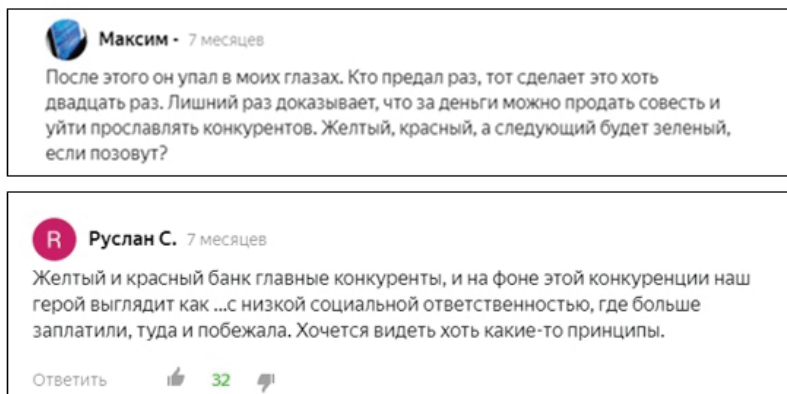

Рис. 1. Комментарии интернет-пользователей к рекламным роликам «Альфа-Банк» с участием Урганта [3]

В свою очередь, лицом кампании «Почта Банк» в 2020 году остался заслуженный артист РФ Сергей Гармаш, известный своими яркими ролями в отечественных кино и сериалах, почти 40-летней работой в московском театре «Современник». У актера уже был опыт участия в рекламе банковских услуг. В частности, в 2010 году он был лицом рекламы «СКБ-банка» (Екатеринбург). Между тем, Гармаш – «незаезженная» рекламой персона, его выразительный образ гармонично вписывается в концепцию Почта Банка и вызывает доверие у целевой аудитории – людей старшего возраста и пенсионеров. В этом плане Гармаш – отличный ключевой персонаж. Сотрудничество актера с рекламодателем осуществляется с 2016 года, что положительно сказалось на слиянии личности знаменитости с брендом «Почта Банк».

Однако контент-анализ интернет-дискурса вокруг рекламной кампании Почта Банка выявил несколько негативных моментов. Во-первых, за прошедшие годы у зрителей сформировалась усталость от рекламного образа Гармаша. Во-вторых, стилистика, сюжеты и сам образ актера, как было выяснено, вызывают у зрителя нежелательные ассоциации с рекламой «МММ» и образом Лени Голубкова (рис. 2). В-третьих, на общее восприятие образа актера в рекламе влияют, ставшие публичными скандалы: уход актера из «Современника» после конфликта с худруком, сорванные из-за пьянства творческие вечера и встречи со зрителями. На этом фоне ряд интернет изданий припомнили актеру скандальную историю, которая напомнила дело Михаила Ефремова, и вышли с ярки заголовками: «Пьяный Гармаш ничуть не лучше Ефремова» («Экспресс газета»), ««И Ефремова вытащит по-братски»: Сер-

гей Гармаш спас от тюрьмы брата-убийцу после пьяного ДТП» («Комсомольская правда») и др. Подобные факты из биографии актера формируют общий негативный фон вокруг репутации самого банка.

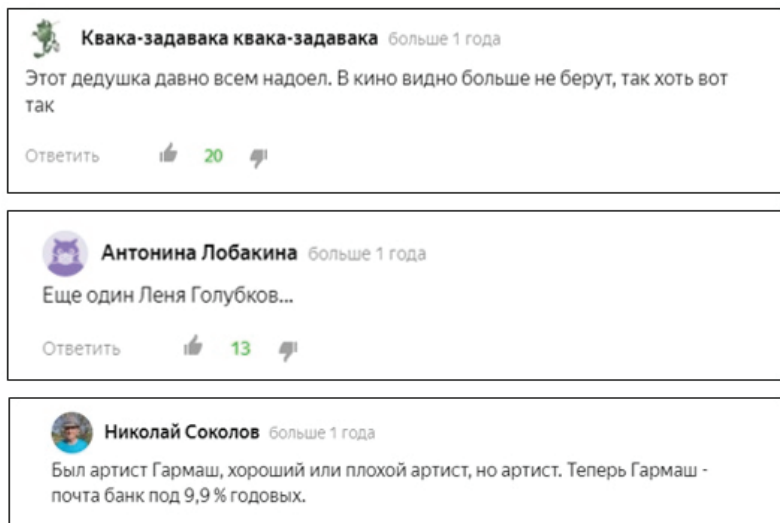

Рис. 2. Комментарии интернет-пользователей к рекламным роликам «Почта Банк» с участием Гармаша [4]

В целом, с учетом рассмотренных кейсов, можно констатировать, что существенная доля российских рекламодателей продолжает использовать прием привлечения звезд для продвижения своих брендов, оценивая его как оправданный и эффективный. Однако не все из них уделяют должное внимание выбору персоналий, не учитывают возможные риски, которые всегда присутствуют в работе со знаменитостями. Кроме того, для отечественных рекламодателей свойственны экономия на бюджете и, в связи с этими, пренебрежение традиционными инструментами обратной связи (опросами, работой с фокус-группами) и мониторингом преобладающего мнения целевой аудитории в интернет-дискурсе. В то время как, общение и доверие к информации все больше переносится в глобальную сеть.

Примечание

1. Джавршян Н. Р., Семенова М. А. Приемы коммуникативного воздействия телевизионной рекламы на потребителя // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2018. № 5 (191). С.115-117

2. Понявина М. Б. Методические рекомендации по повышению узнаваемости бренда посредством привлечения знаменитостей в рекламные кампании // Интернет-журнал «Науковедение». Выпуск 3, май – июнь 2014 / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/44EVN314.pdf>.

3. Как Иван Ургант рекламировал Тинькофф банк, а теперь – Альфу / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/sravni.ru/kak-ivan-urgant-reklamiroval-tinkoff-bank-a-teper--alfu-5e95d26d7c2aaa48d52d3534>.

4. Гармаш в «Почта Банке». Надоело. Вранье и стыдоба. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5cccbd7ebf32e00b08bc072/garmash-v-pochta-banke-nadoelo-vrane-i-stydob-a-5cce3586cecf8300b334702b>

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Пачин А. В., студент СКФУ
Научный руководитель – Шульга М. М.,
профессор кафедры социологии СКФУ

В статье представлены результаты социологического опроса «содержание стереотипов о Северном Кавказе в представлении современных россиян», проведенного среди жителей Свердловской области, Челябинской области, Ставропольского края в возрасте от 15 до 25 лет.

Ключевые слова: стереотипы, Северный Кавказ, осведомленность, образ.

Взаимоотношения между Северным Кавказом и остальной частью Российской Федерации на протяжении последних двух десятилетий складывались неоднозначно. Происходившие в регионе события, связанные с ликвидацией террористических группировок, образованием нового федерального округа, а также большое количество финансовых средств, вкладываемых государством в развитие региона привели к тому, что у основной массы российского населения Северный Кавказ стал ассоциироваться с чем-то отрицательным, негативным и опасным. Подтверждением этого могут служить опросы населения 2005 года, где почти половина опрошенных на вопрос об ассоциациях с Северным Кавказом ответили словами «война», «терроризм», «насилие», и только 8% – словами «горы», «отдых» и «курорт» [1].

Несмотря на то, что последовавшие за образованием нового федерального округа изменения в целом привели к нормализации и стабилизации ситуации в регионе [2], тем не менее, об отношении населения Российской Федерации к региону нельзя сказать ничего определенного. Редкость оповещения о событиях Северного Кавказа в СМИ, невысокая частота опросов по теме Северного Кавказа, по-видимому, привели к тому, что россияне либо не знают ничего об этом регионе, либо сохраняют прошлые, негативные образы о Кавказе. Не утешают и оценки экспертов, предсказывавших в 2014-м году сохранение и возможное повышение риска террористических угроз в регионе [2, с. 95].

В связи с этим, очень важно изучить выявить стереотипы о Северном Кавказе у современного поколения. С этой целью было проведено исследование

«Содержание стереотипов о Северном Кавказе в представлении современных россиян». Опрос проходил в онлайн-формате, с использованием технологии Google Forms.

Анкета была разбита на три основных блока: первый блок был направлен на выявление общей осведомленности респондентов о событиях в регионе. Второй блок был нацелен на определение отношения респондентов к Северному Кавказу, его культуре, особенностям и т.д. Третий блок вопросов был необходим для оценки солидарности респондентов с некоторыми стереотипами о Северном Кавказе.

По результатам первого блока вопросов были сделаны следующие выводы: большинство респондентов были осведомлены о событиях на Северном Кавказе в общих чертах, при этом доля тех, кто был осведомлен лучше и тех, кто не был осведомлен совсем, примерно одинакова. Основным источником информации о регионе для большинства опрошенных были Интернет и социальные сети, хотя ненамного меньшее число респондентов также получали сведения о Кавказе через знакомых и СМИ. Содержание информации большая часть опрошенных оценили, как нейтральное, более ознакомительное. Также респондентам было предложено указать, с чем у них самих ассоциируется Северный Кавказ, и наиболее распространенный образ для респондентов – это «горы».

По результатам второго блока вопросов были сделаны следующие выводы: среди опрошенных большинство ни разу не были на Северном Кавказе. Вместе с тем, среди тех опрошенных, кто хотя бы раз побывал в регионе, воспоминания о поездке у большинства посетивших остались положительные (74% опрошенных). При оценке взаимоотношений людей на Северном Кавказе большинство респондентов, – 52%, – отметили, что кавказцы хорошо взаимодействуют друг с другом, но более закрыты по отношению к внешнему влиянию, из других регионов России. На вопрос ко всем респондентам о том, хотели бы они отправиться в путешествие на Кавказ, большинство опрошенных (76%) хотели бы побывать на всем Северном Кавказе.

Наконец, по третьему блоку вопросов были сделаны следующие выводы: исходя из общей картины, респонденты либо не знали ни о каких стереотипах о Северном Кавказе, либо слышали об отрицательных стереотипах о регионе. Из предложенных в опроснике стереотипов о Кавказе респонденты в большинстве своем согласились с такими, как: кавказцы ценят честь и отвагу, тратят огромные деньги на свадьбы, серьезно относятся к воспитанию молодежи и обожают танцевать лезгинку. Кроме того, респонденты считают, что основной причиной возникновения стереотипов о Северном Кавказе являются именно предрассудки самих людей.

Подводя итог, можно сказать, что опрос в целом подтвердил опасения касемо общей информированности о регионе за последнее время: информация о народах и культуре или отсутствует, или приводится в качестве негативной. Вместе с тем, из результатов опроса видно, что отношение жителей Российской Федерации к региону стало значительно лучше, что у граждан даже появляется интерес к туризму на Кавказе и изучению культуры его народов. Будем надеяться, что дальнейшее развитие региона будет только способствовать повышению интереса со стороны туристов.

Примечания

1. Северный Кавказ: Знания и представления о регионе / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/of053224>
2. Северный Кавказ: Контроль над ситуацией / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://bd.fom.ru/pdf/d38kavkaz.pdf>
3. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92-99.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЯХ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

*Петросян Д. С., студент СКФУ
Научный руководитель – Корольков К. В.,
доцент кафедры социологии*

В статье рассматриваются теоретические основы изучения произведений массовой культуры в качестве моделей, содержащих информацию о возможных социальных проблемах, с которыми общество может столкнуться в будущем.

Ключевые слова: футурология, социальные проблемы, трансгуманизм, идентичность, искусственный интеллект, массовая культура.

Перед наукой всегда стоят задачи о разрешении новых социальных проблем, с которыми может столкнуться общество в ближайшем и далёком неоднозначном будущем. Футурологию можно определять, как общее учение о будущем с утопической и антиутопической направленностью [2]. И в рамках её развития сложился ряд определённых теорий, которые на сегодняшний день уже являются классикой. Одной из них является произведение Э. Тоффлера «Футурошок», которое вышло в 1970 году [3]. В нём автор говорит о проблемах влияния экономических выгод на технологические разработки, а само понятия «футурошок» определяется как культурный шок, испытываемый новыми поколениями, которые не успевают адаптироваться к ускоряющимся темпам жизни, культурного и технологического развития. Помимо этого, Тоффлер затрагивает проблемы экологии, обращая внимание на требование к государству по защите не только окружающей среды, но и психики человека, а также контроль образования и поступающей на рынок продукции.

Помимо Тоффлера обратить внимание следует и на работу Б. Зайденштикера «Future Nure», опубликованной в 2006 году. Здесь же высказываются во многом противоположные положения по отношению к тем, которые наблюдаются в основе «Футурошока». Во-первых, постоянно ускоряющийся технологический прогресс сохраняет своё значение на идейном уровне, но на практике это не совсем так. Пример тому приводится создание самолёта «Конкорд», к которому прогресс шёл в результате решения проблемы по

ускорению пассажирских перевозок. На нём процесс на какое-то время остановился, поскольку научно-технический прогресс оказался в зависимости от тенденций экономического развития общества [3]. Помимо этого, в работе Зайденштикера производится развенчание мифов о негативном влиянии технологического прогресса на общество.

Ещё одной классической работой является труд У. Эко «От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст», которая связана с проблемой негативного влияния Интернета на культуру. Главный вопрос всей этой проблемы связан с тем, является ли информационная эра закатом цивилизации и ведёт ли к всё большему разрушению сферы межличностной коммуникации. В своей работе У. Эко довольно простым аргументом опровергает тезис М. Макклюза о том, что Интернет может поспособствовать утрате достижений книжной культуры. Связан он с физической природой обоих источников информации. Поскольку книга не зависит от электричества, то её долговечность выше, чем у Интернета. И если он насыщен аудиовизуальным контентом, то книга же насыщена вербальным. Интернет у У. Эко понимается как взаимодействие текста и гипертекста, примером которого является тот же самый блог.

Не маловажно затронуть и вопросы гуманизма, с которыми связаны труды Ф. Фукуямы. Он критикует биотехнологии, которые должны изменить человека, хотя сам же придерживается позиции о том, что тот же IQ возрастает вместе с уровнем жизни вне зависимости от половой или расовой принадлежности [3].

Наконец, необходимо обратиться к идеям трансгуманизма, в основе которых лежит как раз тезис об улучшении человека с помощью технологий. Однако интерес трансгуманизма заключается как раз в том, что следует избавиться от идеи исключительности человека, как существа. С такой идеей как раз выступил Ж. -М. Шеффер [3].

Также необходимо отметить, что в случае обращения к будущему достаточно отдалённому, ослабляется возможность рационального измерения гипотетических перспектив его развития. Поэтому в данном случае, исследователи сталкиваются с тем, что им приходится ставить твёрдые научные доказательства и обращаться к так называемым гипотезам высокой степени вариативности, к интуитивным построениям и к описанному Ортегой-и-Гассетом метафорическим научным инструментарием. Как доказывает в своём исследовании Т.В. Тимошенко, значимую роль здесь играет научная фантастика, которая как раз и порождает и футурологию, и прогностику [6]. Ключевой функцией данного жанра произведений является по Е. В. Цветкову, является «Научное предвидение».

Как раз здесь и проявляется утопический характер футурологии, но при этом он даёт толчок для развития сценариев массовой культуры. Дело в том, что образ будущего настолько сильно озадачил не только учёных, но и общество в целом, что размышления о нём стали частью культуры и перешли в мир фантазий, где возможно создание различного рода сценариев общества будущего [3].

Большое преимущество произведений массовой культуры является в визуальной передаче информации. Если научный труд позволяет передать вербальную сторону возможно явление или процесса в будущем, то та же самая манга [10] или фильм позволяют это продемонстрировать ещё и наглядно.

В качестве примеров обратимся к некоторым произведениям массовой культуры. Так, в произведении «Ghost in the Shell» (1989) [9] в жанре киберпанк [7], оригинальным автором которого является Масамунэ Сиро, имеются следующие термины, выражающие социальные проблемы представленного в нём общества во времена ближе к середине XXI века:

Призрак (рис. 1.). Некий абстрактный конструктор, схожий в некоторой степени в мире людей с понятием «души» только помещённый в кибермозг, который может переноситься из одного носителя в другой, тем самым личность в процессе этого имеет меньше шансов потерять себя.

Рис. 1. Кадр из манги «Ghost in the Shell»

Проблемная сторона феномена «призрака» заключается в том, что, во-первых, поскольку предыдущий опыт перенесён в искусственный носитель (кибермозг), индивид испытывает сомнения по поводу его истинности. Иными словами, имеются сомнения насчёт того, а остался ли он самим собой в процессе кибернетизации или же нет. Более обострённый характер феномен имеет для индивидов, чьё тело полностью или практически полностью заменено на искусственное, поскольку самоощущение происходит на совершенно ином уровне, нежели у человека с биологическим телом и кибермозгом. Поскольку в мире произведения кибернетизация стала глобальным явлением, то призрак является, как характерной особенностью представленного общества, так и одной из его социальных проблем.

Синдром одиночки. Это центральная проблема, затронутая в адаптации манги в лице сериала Ghost in the Shell: Stand Alone Complex. Под синдромом одиночки понимается феномен, при котором социальное поведение несвязанных между собой индивидов является аналогичным, поскольку повторяется с оригинального образа, который как раз отсутствует (произведение отсылает к понятию «симулякра» [5]), и это создаёт иллюзию согласованных действий в обществе, а можно сказать иллюзию общественного строя в целом.

Также одной из значимых социальных проблем, под влияние которой могут, получается попасть все члены общества, является вмешательство в личную жизнь, поскольку мозг в данном произведении заменён на кибернетический и имеет возможность подключения к сети. Опасность заключается в том, что рядовой гражданин может верить в определённый сценарий своей жизни, который ему, получается, переписали вместо его собственного, и роль он играть эту будет до тех пор, пока не перестанет быть выгодным (здесь можно вернуться к понятию экономической выгоды, которое является базисным в некоторых классических футурологических работах, упомянутых выше). В произведении такое называют термином «псевдоопыт» (рис. 2).

Рис. 2. Кадр из манги «Ghost in the Shell»

Ещё одна проблема, затронутая в произведении – это взаимодействие с ИИ (искусственного интеллекта). Искусственный интеллект не располагает целями поработить всё человечество, а стремится к саморазвитию своей сети, из-за чего возникает угроза того, что он может прийти к мыслям о восстании против более, по его мнению, низших форм жизни, однако решением для данной проблемы является возможность побуждать роботов [1] к дискуссии, благодаря чему они смогут прийти к более разумному решению (рис. 3.).

Рис. 3. Кадр из манги «Ghost in the Shell»

Проблема взаимодействия с ИИ и его места в обществе на данный момент является наиболее приближенной к сегодняшней реальности, поскольку остальные технологии пока не дошли до соответствующего уровня развития. Та же технология Gatebox [4], разработанная в Японии, первоначально

предполагалась, как приложение к системе умного дома, однако встроенный искусственный интеллект имеет функцию самообучения, и благодаря этому ИИ создаёт у людей ощущение того, что дома кто-то есть, поскольку периодически в течение дня он сам связывается с человеком, а перед выходом сопровождает соответствующими репликами и напоминаниями, как и по возвращению (рис. 4.).

Рис. 4. Технология Gatebox

Другое произведение массовой культуры, которое можно привести в пример является манга автора Цутому Нихэй «Blame!», в которой рассказывается о мире, в котором технологический прогресс настолько сильно вышел из-под контроля человечества, что породил так называемую «Мегаструктуру» – гигантский комплекс, который стал развиваться сам собой и оставил человечество позади, как ненужный эволюционный элемент. А для остановки этого процесса необходимо найти так называемые «Сетевые Терминальные Гены», которыми обладало только человечество, которого как вида уже не существует [8]. Как можно заметить уже из краткого описания сюжета, наблюдается некоторое противоречие. С одной стороны, технологический прогресс является полезным для общества феноменом, однако его необходимо контролировать и «пропускать через фильтр» с целью избегания потенциально опасных для общества последствий.

Таким, образом, социальные проблемы в произведениях массовой культуры имеют разносторонний характер и имеют стремительный темп развития от индивидуально-личностных проблем, как призрак или же синдром одиночки, до глобальных, как потеря контроля над технологическим прогрессом и вымирание человеческой цивилизации в целом.

Примечания

1. А. В. Павлов. Враги по разуму: робот как революционный субъект. [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/3npveQk>
2. А. В. Соколов. Вопросная будущее... Размышления над монографией И. Д. Тузовского «Светлое завтра?». [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/3ps4VdU>
3. Е. И. Фролова. Образы будущего и проблемы информационного общества. [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/2UojZLx>
4. Официальный сайт Gatebox. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gatebox.ai/en/>
5. Теории и практики: «Что такое симулякр или зачем на самом деле нужен Диснейленд». [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/36DYo7k>

6. Ю. С. Сергеевна. Футурология и философская фантастика как формы исследования будущего общества и его политического мира. [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/330nJaT>
7. Neon Dystopia: «What Is Cyberpunk?». [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/3nqyECu>
8. Shikimori: «Blame! / Блейм!». [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/2UtcmmR>
9. Shikimori: «Koukaku Kidoutai: The Ghost in the Shell / Призрак в доспехах». [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/2GZ7ftr>
10. Quora: «What is manga?». [Электронный ресурс] URL: <https://bit.ly/32HZn5r>

ВИДЫ И ФОРМЫ ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА

*Проскуряков И. В. аспирант СКФУ
Научный руководитель – Лежебоков А. А.,
профессор кафедры социологии СКФУ*

В настоящей статье детально рассмотрены виды и формы частно-государственного партнерства. Обоснована актуальность внедрения проектов ГЧП в сферы жизнедеятельности общества. Дано авторское определение государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; ГЧП; концессионные соглашения; бизнес; инвестиции; риски.

Частно-государственное партнерство, по нашему мнению, определяется как, партнерские отношения между государством и представителями предпринимательских структур на взаимовыгодных условиях, подкрепленные законодательной базой для достижения высокого экономического роста и удовлетворения потребностей общества в целом, путем объединения материальных и нематериальных ресурсов всех участвующих в договоре сторон.

Для полного понимания такого метода, как ЧГП рассмотрим его формы. В научных источниках и работах ученых существует огромное количество классификаций форм партнерства государства и частного сектора. Формы партнерства в данном методе напрямую зависят от целей, которые ставит правительство, муниципалитет или орган, выступающий заказчиком, а так же от объема правомочий собственности.

Основными факторами, определяющими форму ЧГП являются:

- законодательная база;
- схемы распределения инвестиционных рисков;
- опыт организации контрактных отношений для партнерства;
- отраслевая принадлежность проекта;
- определение плательщика за услуги и реализацию проекта.

Согласно, трудам Варнавского В. Г. [2] в России существуют следующие формы ЧГП:

- государственные контракты с инвестиционными обязательствами частного сектора;

- аренда имущества, принадлежащего государству;
- участие в капиталовложении;
- концессии;
- соглашения, которые подразумевают раздел продукции или результатов внедрения услуг;
- контракты содержащие в себе различные виды услуг.

Для удобства понимания сущности данных форм ЧГП, систематизируем различия между ними в виде таблицы (таблица 1).

Таблица 1

Различия между основными формами ЧГП

Форма ЧГП	Предмет соглашения между государством и частным сектором	Форма собственности на имущество
Государственные контракты с инвестиционными обязательствами частного сектора	Софинансирование – строительство и эксплуатация	Государственная
Аренда	Эксплуатация, техническое снабжение и модернизация	Государственная
Участие в капиталовложении	Софинансирование капитала проекта – строительство и эксплуатация	Частная/государственная
Концессия	Софинансирование – проектирование – строительство	Государственная
Соглашение о разделении продукции	Строительство и эксплуатация	Частная/государственная
Контракты, сочетающие в себе оказание различных видов услуг	1. Софинансирование 2. Софинансирование – строительство 3. Софинансирование – строительство – эксплуатация	Частная/государственная

Остановим свое внимание на каждой из форм частно-государственного партнерства отдельно:

1. Государственные контракты с инвестиционными обязательствами частного сектора. Данная форма подразумевает под собой государственный или муниципальный контракт, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта РФ или же муниципального образования в целях удовлетворения государственных и муниципальных потребностей. Созданные отношения регулируются Гражданским и Бюджетным кодексами, Федеральным законом от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон №224 ФЗ) [7].

Отметим, что большая часть контрактов не относится к ЧГП по ряду причин.

Во-первых, их выполнение может не предполагать частно-государственное финансирование. В этом случае, государство финансирует проект, а за-

казчик только выполняет контракт и предоставляет смету для оплаты, а своих инвестиций в проект не вносит.

Во-вторых, при выполнении таких контрактов инвестор не несет больших рисков, поскольку финансирование происходит только из федерального (муниципального) бюджета, а при ЧГП риски распределяются в соответствии с сумой инвестиций.

В-третьих, в контрактах ЧГП отсутствуют пункты используемых и закупаемых материалов и оборудования, а так же порядок ведения работ и совещаний. Если эти пункты вносятся в контракт, то он не может относиться к частно-государственному партнерству.

Таким образом, отношения ЧГП в рамках государственных контрактов с обязательными инвестициями частного сектора возникают только в том случае, если в финансировании проекта участвуют и внебюджетные средства (при чем в большем количестве, для уменьшения рисков государства) [1].

2. Аренда. Данная форма предполагает передачу на определенных условиях государственного или муниципального имущества частному сектору. Такие отношения между государством и бизнесом регламентируются Гражданским кодексом РФ и другими нормативно-правовыми актами федерального и местного уровня. Особенностью данной формы является то, что ответственность за модернизацию лежит на собственнике (государстве), а арендатор (частный сектор) отвечает за надлежащую эксплуатацию арендуемого имущества. На бизнес возлагаются траты за содержание и текущий ремонт арендуемого помещения. Нюансом данной формы является то, что при оснащении помещения неотделимым имуществом за счет денежных средств арендатора, он имеет право на возмещение затраченных средств со стороны государства по истечению срока арендного договора, при условии согласия на изменения и модернизацию арендодателя, в противном случае расходы не возмещаются.

Доходы от сдачи в аренду государственного и муниципального имущества в настоящее время составляют существенные статьи доходов в бюджетах различных уровней [3].

3. Совместное капиталовложение. Данная форма ЧГП подразумевает участие частного сектора в капитале государственного учреждения путем акционирования или создании смешанного учреждения путем долевого участия сторон.

Предпринимательская деятельность, осуществляемая в акционерных обществах, завязана на денежных средствах акционеров, в числе которых может быть и государство. При таком сотрудничестве степень свободы бизнеса в принятии решений по управлению учреждением определяется долей акций, чем ниже количество акций принадлежащих частному сектору, тем больше влияние на учреждение и акционеров имеет государство. В зависимости от участия в капитале распределяются так же и риски.

В отличии от других форм ЧГП участие в капитале подразумевает постоянное присутствие представителей государства, что ограничивает частный сектор в принятии инвестиционных, управленческих и иных решений [6].

4. Концессии – это разрешение, уступка, скидка, соглашение. Данная форма ЧГП относится к экономической составляющей социальной сферы,

которая может подразумевать широкий круг объектов. В концессию могут передаваться предприятия, учреждения, вид деятельности и право на оказание услуг.

Концессия – это наиболее распространенная форма ЧГП, особенность которой состоит в том, что государство, в рамках заключенного концессионного соглашения, уполномочивает своего частного партнера выполнить в течении определенного срока соглашения, наделяя при этом его соответствующими полномочиями, без которых осуществление данного проекта было бы весьма затруднительным. Частный сектор, в свою очередь, вносит за предоставляемое имущество/услугу вносит денежные средства.

Бизнес инвестирует, управляет переданным ему имуществом/услугой и получает за это оплату, в большинстве своем прибыль приносят получатели услуг или пользователи имущества. Переданные же объекты/услуги по истечению концессионного соглашения переходят (возвращаются) к государству.

Можно сказать о том, что концессия – это партнерство, при котором стороны могут осуществлять планирование своей деятельности. При заключении концессионного соглашения бизнес приобретает больше полномочий в принятии решений, а так же может самостоятельно регулировать вопросы, которые раньше были прерогативой государства. При этом государство оставляет за собой рычаги управления частным партнером и при несоблюдении концессионного соглашения сможет защитить свои интересы и интересы конечных потребителей [5].

5. Соглашения о разделе продукции, как форма ЧГП является довольно близкой к концессии, но все же между ними есть ряд принципиально отличительных моментов.

Во-первых, по соглашению о разделе продукции партнеру принадлежит только часть произведенной продукции, в то время как в концессионном соглашении прибыль получает только частный сектор.

Во-вторых, соглашения о разделе продукции не включают некоторые сферы применения, в то время как концессия охватывает все сферы жизни государства [6].

6. Контракты сочетающие в себе различные виды работ (гринфилд проекты). Данная форма ЧГП связана со строительством новых объектов и учреждений государственной и муниципальной собственности частным сектором при различиях в правах собственности на сооружаемые объекты. Примечательно то, что данная форма подразумевает строительство объектов «с нуля». Виды гринфилд проектов:

- строительство-владение-управление, подразумевает под собой строительство бизнесом нового учреждения на собственные/заемные средства, управляет им на основании контракта. После окончания срока действия договора передает объект государству;

- строительство-управление-передача – частная компания строит объект и управляет им, по истечению срока договора передает его государству. Бизнес имеет право управлять объектом, но он не находится в их собственности;

- строительство-передача-управление – бизнес строит объект и передает его в собственность государства по завершению строительства. После приема объекта государством он переходит к частному сектору, как объект эксплуатации/управления;

– строительство-владение-управление – частная компания строит объект и управляет им на правах собственника. Срока передачи объекта государству нет. Роль государства минимальная;

– проектирование-строительство – частная компания строит объект в соответствии с требованиями и стандартами государства, а после этого передает его государству для управления и обслуживания;

– проектирование-строительство-управление – частная компания разрабатывает проект и смету объекта, после строительства объект эксплуатируется частным сектором.

На практике нет чисто встречающегося вида гринфилд, в основном они смешанные, что позволяет удовлетворить интересы всех сторон.

Таким образом, частно-государственное партнерство является методом взаимодействия частного сектора и государства при взаимных капиталовложениях, имеющий свои формы. Почти все формы, перечисленные выше, могут быть реализованы в социальных практиках по поддержке местных проектов, что позволяет увеличить эффективность данной деятельности, удовлетворить потребности населения и вывести страну из финансового кризиса, путем привлечения частного капитала в сферу государственных гарантий и обязательств.

Примечания

1. Варнавский В. Г. Управление государственно-частными партнерствами за рубежом // Вопросы государственного и муниципального управления, 2012. № 2. С. 134–147.

2. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. М.: ИМЭМО РАН, 2009. В 2-х томах. Том 2. 192 с.

3. Варнавский В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. М., 2012. 192 с.

4. Есина Ю. Л., Агафонова Е. Е. Инструменты частно-государственного партнерства как фактор инновационной активности малого бизнеса в регионе // Российское предпринимательство. 2012. №3 (201). С. 17-22.

5. Камиллов Д. А. Механизм государственно-частного партнерства как метод государственного регулирования развития отраслей социальной сферы // Экономические науки, 2011.

6. Каширин А. И. Инновационный бизнес: венчурное и бизнес-ангельское инвестирование: учебное пособие / А. И. Каширин, А. С. Семенов; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. М.: Издательский дом «Дело», 2014. 259 с.

7. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Рощина Н. М., канд.соц.наук,
доцент кафедры социологии КубГУ

Конфликтологическая культура является актуальным исследовательским направлением в гуманитарных науках. Реализация воспитательного процесса в вузе приобретает новое значение и научное понимание в современных образовательных условиях. Конфликтологическая культура преподавателя в социологическом дискурсе основана на теориях социологии, педагогики, психологии и др. В статье представлен анализ феномена конфликтологической культуры, дается описание особенностям и значению процесса воспитания студенческой молодежи с целью формирования конфликтологической компетентности.

Ключевые слова: конфликтологическая культура, конфликтологическая компетентность, процесс воспитания, студенческая молодежь, преподаватель, вуз.

Проблема воспитательного процесса в вузовской среде представляет собой наличие стереотипов во взаимодействиях со студенческим сообществом: выраженная дистанцированность, формализационный подход в выстраивании коммуникации, ограниченные представления об инструментах воспитания молодежи, особенно в конфликтных ситуациях.

В наш век нетерпимости, социальных и межличностных конфликтов, открытой и латентной агрессии необходимо понимать и управлять процессами, разрушающими мирное сосуществование людей. Молодежь является самой уязвимой общностью, так как, получив в определенном смысле свободу и автономность, готова воспринимать и усваивать ценности, разрушающие гражданственность, мораль, ответственность.

Студенческое сообщество невозможно представить без конфликтных ситуаций: в межличностных связях, во взаимодействиях с преподавателями и другими социальными группами. Отсутствие эффективного управления конфликтами приводит к повышению уровня социальной напряженности, к открытым способам проявления агрессии и апатии, унынию, снижению работоспособности. Не исключаются девиантные формы развития конфликтных ситуаций. Следует признать необходимость компетентного подхода в организации воспитательного процесса в вузе для преодоления противоречий при столкновении интересов субъектов образовательного пространства.

Способность личности управлять конфликтной ситуацией является главным компонентом конфликтологической культуры. Проведенные Васильевой Е.Н. исследования выявили противоречия и несоответствия между интенсивно растущей конфликтогенностью преподавательской среды и готовностью педагогического сообщества к ее преодолению, между уровнем теоретической разработанности проблем конфликтологии и уровнем сформированности у педагогов опыта работы с конфликтами, между уровнем теоретической конфликтологической подготовленности преподавателей и уровнем их готовности к практической работе с конфликтами [1, с.3].

Конфликтологическая культура преподавателя должна проявляться в формировании способности продуктивного межличностного общения в модельной среде на основе толерантности и взаимного уважения. Конфликтологическая компетентность – это необходимый навык каждого современного человека, который делает процесс коммуникации не только эффективным, но и безопасным.

В социологии конфликт рассматривается с позиции социальной напряжённости, взаимодействия субъектов на макро- и микроуровнях социальной реальности. Социальные изменения могут приводить к конфликтам между личностью и обществом, формируя различные адаптивные стратегии: конформизм, инновацию, бюрократизм и др. Чаще всего в социологии анализируется социальный конфликт как столкновение между людьми, группами, обществом, вызванное противоречиями на основе интересов, целей, ценностей. С позиции социологического анализа конфликтологическая культура включает в себя ценностно-смысловую и коммуникативную компетентность.

В педагогике конфликтологическая компетентность является необходимым показателем профессиональных качеств педагога, который должен проявлять её в обучающей и воспитательной деятельности, в работе с родителями, при взаимодействии с коллегами. В педагогике конфликты рассматриваются между всеми участниками образовательного процесса, который включает в себя обучающихся, родителей и педагога.

С точки зрения конфликтологии общество и саму личность невозможно представить вне конфликтной ситуации, конфликт – это не только столкновение интересов, это признак и условие развития. Конфликтологическая компетентность в психологии рассматривается с позиции личности, ее интересов, потребностей, ролевого распределения функций. Внутриличностный конфликт представляет собой несоответствие ценностей, установок, убеждений. Межличностный конфликт отражает связи между индивидами, социальными группами, организациями.

Педагогическая деятельность преподавателя характеризуется взаимодействием большого количества людей, относящихся к разным возрастным категориям и обладающих различными представлениями, взглядами, жизненным опытом, что с неизбежностью порождает конфликтные ситуации, для разрешения которых педагогу необходимо обладать конфликтологической культурой. Ее конструктивная функция заключается в гармонизации взаимоотношений субъектов профессиональной деятельности, согласовании их взаимных действий, обеспечении эффективной профессиональной деятельности, преобразовании конфликтной среды с целью предупреждения последующих конфликтов [2]. Важным следует признать необходимость проявления конфликтологической компетентности не только самому преподавателю, но и умение формировать данную компетентность в студенческом сообществе.

Процесс воспитания студенческой молодежи считается автономным, так как осуществляется на уровне мероприятий, организованных специальными структурными подразделениями вуза: студенческим советом, целевыми студсообществами, отделом воспитания. При этом теряется роль самого преподавателя, который является не только носителем конфликтологической культуры, но и её распространителем в условиях образовательной среды.

Обобщая практико-ориентированные подходы, применяемые в процессе воспитания студенческой молодежи, можно выделить следующие методы:

1. Метод case-study – широко применяется в качественных социологических исследованиях, но и ещё может успешно использоваться в проработке и анализе конфликтных ситуаций различного генеза и уровня.

2. Метод интервью – снижает уровень социальной дистанции между студентами и преподавателем, помогает в решении проблем конфликтной ситуации. Преимуществом данного метода является открытый диалог.

3. Пропаганда элементов этнокультурного релятивизма – позволяет обозначить интересное в необычном, отразить специфику и самобытность этнических групп, снизить уровень межэтнической напряженности. Как показывает практика, студенты с удовольствием принимают участие в фестивалях национальных культур, где можно продемонстрировать кулинарное мастерство, музыку, предметы прикладного творчества.

4. Социально-значимая деятельность – применяется для формирования в студенческих группах командного духа с целью профилактики межличностных конфликтов. Наиболее популярная форма – волонтерское движение.

5. Тренинговая деятельность – снижает уровень напряженности, позволяет оптимизировать эмоциональные и когнитивные ресурсы в студенческой группе, трансформируется в устойчивые состояния эффективного межличностного взаимодействия.

6. Исследовательская деятельность – предполагает проведение небольших социологических диагностик в студенческой среде с целью выявления уровня комфорта и напряженности в группе.

7. Кураторская деятельность – позволяет сфокусировать внимание преподавателя на группе студентов, за которую он несет ответственность. Куратор заинтересован в сохранении эмоционально комфортного климата внутри группы, поэтому будет активно инициировать культурные, социальные, патриотические, волонтерские и др. мероприятия.

Навыки управления конфликтами становятся важным инструментом в работе руководителя образовательного подразделения, преподавателя, так как осознанное применение соответствующих приёмов помогает сохранять удовлетворённость трудом работников, занимающих должности профессорско-преподавательского состава [3, с.95].

Таким образом, формирование конфликтологической культуры преподавателя вуза является необходимым условием в организации воспитательного процесса студенческой молодежи. Требуется социологическое исследование проблемных направлений современного образования для разработки эффективных управленческих решений в конфликтных ситуациях. Профессионально ориентированная конфликтологическая компетентность преподавателя необходима для определения, диагностики и управления конфликтами в условиях современной образовательной среды, что значительно снизит уровень социальной напряжённости в молодёжном сообществе.

Примечания

1. Васильева Е. Н. Конфликтологический дискурс модернизации системы образования // Вестник Томского государственного университета. 2012. / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktologicheskii-diskurs-modernizatsii-sistemy-obrazovaniya>

2. Самсонова Н. В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 308 с.

3. Никулина И. В., Соловова Н. В. Формирование конфликтологической компетентности преподавателя вуза // Высшее образование в России. 2018. № 2 (220). С. 95-102.

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: КЕЙС ЕКАТЕРИНБУРГА¹

Руденкин Д. В., канд. соц. наук,
доцент кафедры интегрированных маркетинговых
коммуникаций и брендинга УрФУ

В работе рассматривается вопрос о специфике проявления протестных настроений российской городской молодежи в условиях карантинных ограничений. Автор отмечает, что тезис о повышенном протестном настрое городской молодежи получил довольно заметное распространение в российской научной литературе, но основывался он на обобщении данных, полученных до начала пандемии Covid-19 и вызванных ей карантинных ограничений. Стремясь проверить, насколько подобные протестные настроения российской молодежи прослеживаются в условиях пандемии, автор обращается к материалам собственного социологического исследования, проведенного им среди молодежи Екатеринбурга летом 2020 г.

Ключевые слова: городская молодежь, российская молодежь, протестные настроения, пандемия, Covid-19.

Городская молодежь в последние годы часто описывалась в российской литературе как один из наиболее протестных и склонных к недовольству сегментов российского общества. Стимулом к развитию такого отношения исследователей к городской молодежи, вероятно, стали протестные акции, проходившие в российских городах в 2017-м и 2019-м гг. Хотя все эти акции и возникали под влиянием разных причин, а их участниками становились не только представители молодежи, именно активное участие в них молодых горожан оказалось показательным трендом, который заставил исследователей пересмотреть отношение к молодежи. Примечательная легкость, с которой городская молодежь превратилась в важный элемент социальной базы, подпитывавшей эти акции, показала, что многие представители этой группы далеко не так аполитичны и лояльны, как об этом было принято писать в прежние годы [1]. И закономерно, что в последние годы в отечественной социально-гуманитарной науке стали появляться работы, в которых городская

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код «soft power» как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

молодежь описывается как одна из наиболее протестных по своему настрою социальных групп [2] или даже как фактически ключевой драйвер развития всего российского протестного движения [3].

Проблема, однако, заключается в том, что исследования, на основе которых делались подобные заключения, проводились еще до того, как началась пандемия Covid-19, существенно изменившая многие привычные социальные реалии. Разумеется, было бы большим преувеличением считать, будто введение карантинных ограничений из-за нового вируса могло устранить проблему повышенных протестных настроений российской городской молодежи: мы согласны с Р. В. Пырмой [4], В. В. Титовым [5], А. Б. Шатиловым [6] и другими исследователями в том, что почву для развития таких настроений создают системные и глубокие проблемы, которые едва ли могли исчезнуть просто из-за введения в стране карантинных мер. Но все же очевидно, что ограничение социальной мобильности, снижение уровня жизни, рост напряжения в обществе и иные глобальные последствия пандемии могли существенно сказаться на интенсивности и содержательной специфике протестных настроений молодых людей. Тем более, что актуальные научные работы говорят о существенных изменениях, которые пандемия Covid-19 вызвала в обществе [7]. Поэтому твердой уверенности в том, что протестные настроения российской городской молодежи в условиях пандемии обладают той же спецификой, что и до нее, быть не может. Но каковы эти протестные настроения сейчас? Насколько они сильны и каким образом проявляются? Цель данной работы – разобраться именно в этих вопросах.

Для прояснения обозначенных вопросов мы обратимся к материалам социологического исследования, которое было проведено нами на базе Уральского федерального университета летом 2020-го г. Непосредственной целью исследования являлась диагностика актуального уровня протестных настроений молодежи города и выявление факторов, от которых эти настроения могут зависеть. Формой проведения исследования стал анкетный опрос, который в связи с действием карантинных ограничений проводился без личного контакта с респондентами и осуществлялся с помощью интерактивного формуляра на базе GoogleForms. При этом опрос выполнялся с тщательным контролем выборки: анкета не размещалась в открытом доступе, а адресно рассылалась конкретным респондентам, соответствующим квотным признакам. Всего в рамках исследования были опрошены 506 представителей молодежи города в возрасте от 14 до 29 лет, отобранных на основе квотной выборки. Квотные признаки включали в себя район проживания, пол и возраст опрошенных.

Поясним важный организационный нюанс. Фокус именно на молодежи Екатеринбурга был сделан нами целенаправленно и объяснялся тремя причинами. Во-первых, специфика социального, культурного, экономического развития Екатеринбурга делает тренды его социально-политической жизни схожими с ситуацией в иных крупных нестоличных городах современной России (Казани, Красноярске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Перми и других городах). Во-вторых, молодежь Екатеринбурга очень многочисленна и разнообразна по составу: будучи четвертым по числу жителей городом страны, он становится домом для множества молодых людей, уровень образования,

профессиональная принадлежность и планка доходов которых весьма разнородны. В-третьих, тема протестных настроений молодежи обладает для Екатеринбурга повышенной актуальностью: примерно за год проведения исследования город стал точкой развития резонансной акции протеста против застройки городского сквера, активными участниками которой стали именно представители молодежи. Иными словами, Екатеринбург в контексте исследования рассматривался нами как частный, но информативный кейс, который мог ярче показать интересующие нас тренды и более иллюстративно ответить на интересующие нас вопросы.

Анализ собранных данных помог сделать несколько выводов об особенностях протестных настроений молодежи города в условиях пандемии.

Первый вывод. Пандемия и введение карантинных ограничений не вызвали сильного всплеска протестных настроений молодежи города. В момент проведения исследования протестных акций в городе ожидали только 28% опрошенных: 20% из них оценили вероятность возникновения таких акций на 4 балла по пятибалльной шкале, еще 8% – на 5 баллов. Тех, кто допускал свое личное участие в подобных акциях, оказалось еще меньше, их набралось только 19%: 14% оценили вероятность своего участия на 4 балла из 5, еще 5% – на 5 баллов из 5. Конечно, это не минимально возможные значения. Но чего-то аномального в них нет: выявленные значения оказались в пределах общероссийских показателей, которые регулярно выявляют опросы крупных социологических центров [8]. Более того, эти значения оказались сопоставимы с уровнем протестных настроений молодежи города, который был обнаружен нами в ходе собственных исследований годом ранее [9]. Таким образом, номинальный уровень протестных настроений молодежи города в условиях пандемии оказался умеренным: он не выходил за рамки общероссийских показателей и никак не выделялся на фоне ситуации до начала карантина.

Второй вывод. Отношение молодежи города к власти в момент исследования оказалось довольно лояльным. По крайней мере, какого-то массового недоверия властям в полученных ответах не прослеживается. Справедливости ради, надо отметить, что в полученных ответах видна уровневая закономерность: чем ниже ступень власти – тем меньшая доля респондентов ее одобряет (См. рис. 1). Но при этом даже действия власти самого нижнего уровня (мэра) одобряет более половины опрошенных. Такой показательный результат свидетельствует об отсутствии массовых протестных настроений и установок молодежи города в момент исследования. Если введение карантинных мер и сказалось на настроениях молодежи города, то катализатором ее негативного отношения к власти это событие все же скорее не стало. Местная, локальная власть пользуется меньшим одобрением молодежи, чем федеральная, но массового негатива нет и к ней. Федеральная же власть даже в условиях сложных времен пандемии продолжает восприниматься скорее с одобрением.

Третий вывод. В общих настроениях молодежи города все же прослеживаются определенные негативные тренды, но однозначно связать их именно с последствиями пандемии сложно. В ходе анализа выяснилось, что среди молодежи города имеет массовое распространение убеждение в несправед-

ливости российского общества: с соответствующей оценкой оказались согласны сразу 71% респондентов. Кроме того, у опрошенных обнаружили довольно массовые миграционные настроения: 48% опрошенных отметили, что хотя бы единожды за последний год обдумывали идею навсегда уехать из страны. Эти обстоятельства говорят об отсутствии у молодежи города идеалистического и наивного отношения к жизни: окружающая социальная реальность воспринимается ими довольно критически, и реальные проблемы вокруг себя они видят. Тем не менее, связывать существование таких ответов опрошенных именно с пандемией не следует: как наши собственные исследования [10], так и работы других социологов [11] показывают, что подобные тенденции в сознании молодежи России прослеживались и в прежние годы. Этот негативизм скорее сохранился в условиях пандемии, но не был ей стимулирован.

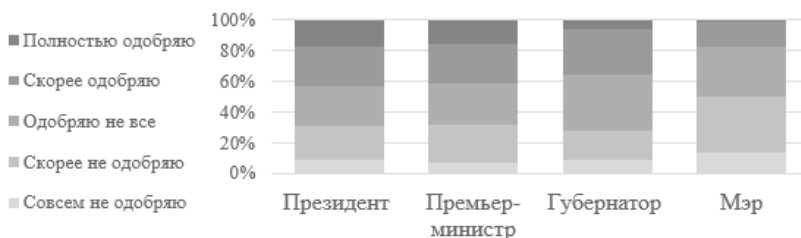

Рис. 1. Насколько Вы одобряете деятельность следующих представителей власти? (% от числа ответивших)

Рис. 2. Какие из этих проблем общества сейчас стоят для Вас наиболее остро? (поливариантный вопрос, % от числа ответивших)

Четвертый вывод. Сама по себе пандемия стала для молодежи города серьезным раздражителем, но самой важной проблемой молодых людей она не стала. Полученные ответы говорят о том, что дискомфорт от введения карантина ощутили многие: сразу 53% опрошенных отмечают, что введение карантина стало для них серьезной проблемой (См. рис. 2). Тем не менее, видно, что карантин из-за пандемии Covid-19 оказался далеко не самым популярным ответом на вопрос о проблемах, которые опрошенные представители

молодежи города ощущают в жизни. Заметно, что сложности, связанные с поиском жилья, некачественное образование, дефицит свободы в обществе, низкий уровень жизни и иные проблемы были названы существенно чаще. Это говорит о том, что введение карантинных мер из-за пандемии стало для многих представителей молодежи города заметной, но все-таки второстепенной по важности проблемой. Фактически негативные последствия пандемии добавились к перечню тех проблем, которые волнуют многих из них. Но вытеснить другие проблемы, входящие в этот перечень, этим последствиям не удалось.

Подведем краткий итог. Исходным импульсом, который вдохновило написание данной работы, послужило наше стремление разобраться в специфике протестных настроений российской городской молодежи в условиях карантинных ограничений. Проведенный нами анализ показывает, что введенные из-за пандемии карантинные ограничения вряд ли следует рассматривать как катализатор роста протестных настроений российской городской молодежи. Проблемы, вызванные введением карантинных ограничений, вызвали определенный дискомфорт в молодежной среде и для многих молодых людей стали серьезным раздражителем. Однако многие из них воспринимают введение карантинных мер как важную, но все же не первоочередную проблему, значимость которой меркнет на фоне других, более устойчивых и серьезных проблем. А робкое недовольство, которое есть в молодежной среде, не конвертируется ни в острый рост протестных настроений, ни в снижение лояльности власти. Наверное, было бы преждевременно говорить о том, что пандемия Covid-19 стала фактором снижения или исчезновения протестных настроений российской городской молодежи. Тем не менее, очевидно, что на данный момент не случилось заметного роста таких настроений. И мы склонны считать этот вывод ключевым итогом своего анализа.

Примечания

1. Трофимова И. Н. Политические ориентации современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 304-324.
2. Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40-53.
3. Волков Д. А. Отличия молодых россиян от представителей старших поколений: результаты социологического мониторинга // Вестник общественного мнения. 2020. № 1-2(130). С. 122-130.
4. Пырма Р. В. Восстание Поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2017. № 2. С. 43-50.
5. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения. – 2020. № 3(157). С. 139-158.
6. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе // Власть. 2019. № 4. С. 26-32.
7. Нестик Т. А. Влияние пандемии covid-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 47-83.
8. Протестные настроения. Уровень недовольства властями и готовность протестовать / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://fom.ru/obshchestvo/11090> (дата обращения: 10.11.2020).
9. Руденкин Д. В. Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 г. // Социодинамика. 2019. № 2. С. 23-33.

10. Руденкин Д. В. Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 1. С. 8.

11. Байков А. А., Лукьянец А. С., Письменная Е. Е., Ростовская Т. К., Рязанцев С. В. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75-84.

ОСОБЕННОСТИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

*Сапрыкина Е. В., канд. филос. наук,
доцент кафедры философии СКФУ*

В статье рассматриваются коммуникативные характеристики популяризации науки и ее особенности. Делается вывод о том, что эффективность популяризации науки в системе социального взаимодействия достигается, в том числе, при условии привлечения специалистов массовой коммуникации.

Ключевые слова: социальная коммуникация, научная коммуникация, популяризация науки, ученый, СМИ, социокультурный подход, Карачаево-Черкесская Республика.

Популяризация региональной науки предстает как форма коммуникации научного сообщества с публикой, которая ставит себе целью донесение научных знаний до широкого круга общественности и создание образа науки в общественном сознании. Обозначенная цель популяризации науки может конкретизироваться в следующих аспектах:

- информирование широких кругов населения страны о научных открытиях и изобретениях, о деятельности научных коллективов, учреждений, отдельных ученых;
- разъяснение сути сложных явлений, преобразование научной информации в понятную и доступную форму;
- вовлечение с помощью художественных образов, выразительных средств в мир науки, мир изобретений и открытий;
- обучение читателя какой-либо области или фрагменту научного знания с целью профориентации школьников и их родителей.

Если научная литература обращена к узкому кругу специалистов, объединенных общими профессиональными интересами, то популяризация рассчитана на расширение аудитории, которая является неоднородной. В связи с этим популяризация науки связана с поиском такого арсенала средств, в том

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260 «Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики».

числе и речевых, которые позволяют установить контакты с публикой, поэтому для нее наиболее существенным является коммуникативный аспект.

Популяризация науки является неотъемлемой частью социальной коммуникации, под которой понимается «универсальный социокультурный механизм, ориентированный на взаимодействие социальных субъектов, на воспроизводство и динамику социокультурных норм и образцов такого поведения» [1, с. 5].

При рассмотрении коммуникативных характеристик популяризации науки важными являются фигуры адресанта (отправителя) и адресата (получателя) сообщения, а также цель коммуникации. Отправителем научно-популярной информации является популяризатор – создатель научно-популярного произведения (статьи, книги, фильма и т.д.), который считается носителем специального знания. Популяризаторами могут выступать как сами ученые, так и журналисты, писатели, специализирующиеся в этом виде деятельности. Популяризатор должен обладать следующими качествами: во-первых, глубоким владением специально-научных знаний, которые он излагает; во-вторых, умением облечь эти знания в простую и доступную форму. Необходимость владения навыками изложения сложной научной информации в ясной, простой и доступной форме ставит перед популяризатором задачу поиска необходимых средств. Научно-популярная литература в отличие от научной не требует строгой доказательности в изложении. В ней вполне допустимы простота, упрощение, фрагментарность. Следовательно, язык научно-популярной литературы будет отличаться от языка науки с его терминологией. Формируясь на основе общелитературного языка, научно-популярный жанр будет отличаться от научного стиля.

Субъектов коммуникации, заинтересованных в распространении научной информации, можно подразделить на группы:

- ученые, которые стремятся обосновать социальную значимость своей профессиональной деятельности, а также поддержать взаимопонимание между коллегами, работающими в различных областях науки, привлечь в науку новые кадры;
- государство, заинтересованное в повышении уровня и качества в принятии решений, как на ответственных постах, так и при изъяснении общественного мнения;
- бизнес, заинтересованный в притоке высококвалифицированных кадров;
- общество, нацеленное на удовлетворение фундаментальной потребности человека в познании окружающего мира и устойчивое развитие.

Среди инструментов, которые помогают эффективно донести научную информацию широкому кругу общественности, принято выделять: во-первых, СМИ, для которых характерна многочисленная аудитория и высокая коммуникативная результативность; во-вторых, научно-популярные лекции, характеризующиеся интерактивностью и работой с информацией напрямую в реальном времени; в-третьих, научно-популярная литература, включающая в себя издания, посвященные наукам и ориентированные на широкую публику; в-четвертых, Интернет, объединяющий в себе вышеуказанные инструменты и способный придавать им интерактивность.

Популяризация науки предполагает обращение к широкой аудитории, а журналистика и СМИ обладают необходимыми инструментами для осуществления этого, потому что работают с массовой информацией. Популяризация науки является частью массовой коммуникации, но не сводится только к журналистике. Массовая коммуникация – это систематическое распространение информации (через печать, радио, телевидение, кино и т.д.) среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей данного общества и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей [2, с. 14]. Популяризация науки представляет собой особую самостоятельную сферу массовой коммуникации, поскольку имеет дело с аудиторией большой численности, поэтому она может использовать инструменты, которыми располагает журналистика, связи с общественностью, реклама, книгоиздание, Интернет, кино. Таким образом, можно сказать, для того чтобы популяризация науки была эффективной, необходимо, чтобы ее процесс осуществлялся под руководством специалистов массовой коммуникации.

Зачастую неподготовленным журналистам сложно освещать отдельные научные темы, поэтому создаются учебные программы, направленные на подготовку специалистов в сфере научных коммуникаций, обеспечивающих взаимодействие между учеными и представителями СМИ. В России на сегодняшний момент признана важной задача популяризации науки, и среди основных направлений ее развития выделяют следующие:

- материальная поддержка авторов, пишущих научно-популярные книги и статьи;
- социальная реклама научной популяризации в целом и научно-популярной литературы в частности;
- система научных пресс-служб и информгентств, включая курсы основ журналистики и стажировку в зарубежных организациях подобного профиля;
- независимое рецензирование научно-популярной литературы;
- служба научного мониторинга СМИ [3, с. 20].

Следует обратить внимание и на проблемы, связанные с распространением научных знаний в регионах России, например, в Карачаево-Черкесской Республике. Во-первых, проблемой является столичная локализация мероприятий, направленных на популяризацию науки. В частности, преимущественно в столичных центрах запускаются масштабные проекты и акции, целью которых служит распространение научных знаний среди публики, организуются открытые научно-популярные лекции ученых, академиков РАН, создаются площадки для взаимодействия экспертов, способствующие установлению новых связей и обмену актуальной информацией.

Во-вторых, эскалация популяризации, которая делает акцент только на определенной сфере науки или конкретных научных (или околонаучных) исследованиях и/или теориях. Такое усиление одних научных аспектов порождает неосведомленность в других сферах науки, что создает удобную площадку для порождения различных мифов и искаженных представлений наряду с реальными открытиями в науке (например, мифы о функционировании мозга человека, который использует лишь 10 % его возможностей).

В-третьих, распространение научных мифов, под которыми понимается широко распространенное заблуждение, преподносимое как научный факт. Причиной появления научных мифов может быть некорректное распространение результатов научных исследований, вызванное чрезмерным упрощением исходного материала, изменением фактов и потерей первоначального смысла (например, вечный двигатель).

В-четвертых, наличие фрагментарных событий и мероприятий, отсутствие самоподдерживающейся системы, которая активно продуцирует денежные средства, направленные на популяризацию науки.

Таким образом, для дальнейшего развития популяризации науки в регионах России необходимо устранение указанных проблем. Для их решения необходимо разработать программу популяризации науки, которая будет реализоваться не только в столичных центрах, но и в регионах; привлечь не только заинтересованных граждан, но и финансовые структуры и бизнес; обеспечить доступный и научно корректный формат и содержание, взаимное обучение ученых и журналистов; обеспечить необходимую информационную поддержку, рекламу и пиар.

Примечания

1. Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация. М.: ИС РАН, 2005. 158 с.
2. Дивеева Н. В. Популяризация как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений: Автореферат на соискание ученой степени канд. филолог. наук. Воронеж, 2015. 23 с.
3. Сухенко Н. В. Специфика популяризации науки в России // Вестник НГТУ. 2014. № 3. С. 18-22.

«МЯГКИЕ» И «ТВЕРДЫЕ» НАВЫКИ: СУЩНОСТЬ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

*Севостьянов Д. А., канд. мед. наук,
доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом
Новосибирского государственного аграрного университета
Павленко Т. В., руководитель Детской академии художественного творчества и
дизайна, старший преподаватель кафедры ИЗО Института искусств
Новосибирского государственного педагогического университета*

В статье рассматриваются понятия «soft skills» и «hard skills» («мягкие» и «твердые» навыки). Обсуждается, можно ли установить однозначную границу между этими понятиями. Анализируется психофизиологическая суть освоения «твердых» навыков. Рассматривается вопрос, могут ли эти навыки отождествляться с компетенциями.

Ключевые слова: «мягкие» навыки, «твердые» навыки, автоматизация навыков, социальная фасилитация, социальная ингибция, компетенции.

В отечественной педагогической науке утвердились сравнительно недавно заимствованные из зарубежной литературы термины, такие как «мягкие навыки» и «твердые навыки» (в оригинальном написании – «soft skills» и «hard skills»). Следует проанализировать как научную состоятельность употребления этих понятий, так и их практическую значимость.

Под «мягкими навыками» обычно понимается то, что немногим ранее в целом относилось к сфере общекультурных компетенций. Эти навыки, как указывают современные авторы, должны помогать человеку справляться с фундаментальной неустойчивостью, неопределенностью и неоднозначностью будущего. Эти навыки должны находить применение в любом конкретном контексте деятельности, независимо от его предметного содержания. Сюда относят навыки, которые обеспечивают способность к сотрудничеству, творчеству и предпринимательству, а также создают сопротивляемость неблагоприятной окружающей среде, в основном социальной (стрессоустойчивость). Здесь же следует отметить способность справляться с нарастающей сложностью современной цивилизации, формировать планы на будущее, для чего требуются аналитические навыки, дающие возможность прогнозировать дальнейшее развитие событий. Для этого требуются навыки по решению проблем и владение системным подходом. К «мягким навыкам» относятся также навыки поиска, обработки и анализа информации, а также критической оценки получаемого контента – вся совокупность навыков, позволяющих существовать в современном информационно-коммуникационном мире. К «мягким навыкам» относят и способность управлять своей познавательной деятельностью; здесь следует особо отметить управление вниманием, навыки запоминания информации. Наконец, «мягкие навыки» включают в себя то, что принято относить к проявлениям эмоционального интеллекта [1]. «Мягкие навыки» направлены на то, чтобы осуществлять успешную деятельность, в принципе, в любой предметной области [2], «твердые» же навыки адресованы конкретному контексту профессиональной деятельности. Это технические компетенции, позволяющие оперировать в области формализованных технологий. При этом однозначно разделить «твердые» навыки от «мягких», по-видимому, невозможно: существует множество областей профессиональной деятельности, в которых «твердыми» могли бы считаться такие навыки, которые применительно к другим специальностям относились бы к категории «мягких». Например, сюда относятся профессии, требующие главным образом коммуникативных навыков: технические приемы слушания оппонента или навыки, позволяющие завоевывать внимание аудитории здесь приобретают права «твердых» навыков. То же самое касается деятельности политолога (или аналитика в любой предметной области): здесь то, что для других профессиональных сфер есть «мягкий» навык, приобретает черты «твердого» навыка.

Когда мы говорим о «твердых навыках», то при этом приходится иметь в виду не только содержательную сторону этих навыков, так или иначе определяющую данную их характеристику, но и то, насколько эти навыки являются «твердыми» в общепринятом смысле применительно к данному субъекту. Иначе говоря, имеет значение степень усвоения, автоматизации данного навыка.

По представлениям Н. А. Бернштейна [3], автоматизация некоторого навыка означает перенос его двигательных координат на низший уровень

моторного построения. Другими словами, технические стороны данного действия выводятся из актуального сознания и осуществляются без волевых усилий и вне когнитивного контроля. В пределах актуального сознания остается только сам факт действия и целеполагание на его совершение. Если же такой автоматизации не произошло, то применительно к данному субъекту мы не можем говорить о приобретении им «твердого навыка» (в противном случае понятие «твердый навык» размывается и перестает что-либо значить). Разумеется, можно рассуждать о «твердом навыке» как об отвлеченном понятии, отмечая, что у того или иного обучающегося он еще не выработан в должной мере; однако чтобы обоснованно утверждать, что обучающийся вполне овладел данным «твердым навыком», такая автоматизация является необходимым условием.

Автоматизация действий порождает определенные последствия, изменяя характер будущей профессиональной деятельности обучающегося. Так, при наличии автоматизированного навыка деятельность человека становится более эффективной в присутствии посторонних наблюдателей; этот эффект известен под названием социальной фасилитации [4]. Если же навык не автоматизирован, то присутствие посторонних лиц, напротив, снижает эффективность деятельности субъекта; такое явление обозначается как социальная ингибция. Чем технически проще выполняемая деятельность, тем легче она автоматизируется и тем больше вероятность того, что в профессиональной деятельности будет проявляться социальная фасилитация; чем деятельность сложнее, тем труднее происходит и выработка автоматизмов (то есть закрепление «твердых навыков»).

Объясняется данное явление тем, что, как уже говорилось выше, при автоматизации навыка его исполнение вытесняется из актуального сознания; руки и ноги исполнителя в этом случае действуют как бы сами собой. Волевым решением обусловлен только запуск действия, но не его реализация в конкретных деталях. В этих условиях присутствие посторонних лиц идет только на пользу продуктивной деятельности. Человек, как существо социальное, в видимом присутствии себе подобных переживает психологическое возбуждение, обусловленное подсознательной готовностью к подражательным действиям и выжидательным вниманием; при достигнутой автоматизации деятельности это возбуждение приводит к большей активности. Если же жесткий навык не выработан (то есть автоматизация не достигнута), все действия приходится осуществлять под постоянным сознательным контролем; здесь наличие наблюдателей становится отвлекающим фактором, и действие этого фактора способно привести к распаду деятельности. В прежние времена для возникновения данного эффекта требовалось физическое присутствие наблюдателей, причем имело значение их количество и концентрация в данном пространстве или помещении (эффект массовидности). В современной ситуации присутствие посторонних лиц может быть и виртуальным; цифровые технологии позволяют создавать эффект постороннего присутствия и наблюдения фактически на любом расстоянии, порождая сходные эффекты [5].

Наконец, следует рассмотреть вопрос, уместно ли вообще отождествлять «soft skills» и «hard skills» с компетенциями. По-видимому, это не совсем так,

и особенно применительно к «твердым навыкам». Дело в том, что навык (преимущественно «твердый») по своей природе ригиден и статичен, в то время как наличие той или иной компетенции представляет собой текучее, динамическое состояние. Производственные навыки способны устаревать и выходить из употребления, вытесняясь более актуальными навыками. В качестве иллюстрации достаточно упомянуть, какое количество новых «твердых навыков» (которые, правда, тогда так не назывались) принесла в профессиональную деятельность очень многих людей всеобщая компьютеризация. В то же время владение той или иной компетенцией требует постоянной поддержки и обновления. Если некоторый субъект с течением времени стал носителем одних лишь только устаревших навыков, то невозможно сказать, что он владеет какой-либо востребованной компетенцией. Таким образом, компетенции, с одной стороны, и «soft skills» и «hard skills» – с другой стороны, представляют собой совершенно разные, хотя и частично взаимосвязанные понятия.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что отечественная педагогическая (и не только педагогическая) наука, естественно, заимствуя все лучшее из зарубежного опыта, не будет и далее с упорством попугая повторять все услышанное на Западе, как некоторое откровение или истину в последней инстанции. Заимствование иноязычных терминов и зарубежных концепций должно производиться обдуманно и только в том случае, когда это действительно необходимо, а не для того, чтобы просто поспеть за очередной модной тенденцией.

Примечания

1. Полушкин Д. П. Востребованные компетенции 21 века // Наука без границ. 2018. № 9 (26). С. 28–32.
2. Чуланова О. Л. Социально-психологические аспекты управления: эмоциональная компетентность руководителя в структуре soft skills (значение, подходы, методы диагностики и развития) // Вестник евразийской науки. 2017. № 1 (38). С. 7.
3. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.
4. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2017. 800 с.
5. Гуськова Е. А., Шавырина И. В. Особенности социальной ингибиции в системе современных социально-профессиональных // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 249–254.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ¹

Сергодеева Е. А., профессор кафедры философии
ФГАОУ ВО СКФУ

В статье характеризуются инновационные модели управления научно-образовательными сообществами, выделяются социокультурные факторы их эффективности. На примере Карачаево-Черкесской республики показывается важность учета традиций и внутренних культурных и институциональных ресурсов в управлении региональными научно-образовательными сообществами.

Ключевые слова: научно-образовательные сообщества, управление научно-образовательными сообществами, социокультурные факторы управления, эффективность управления, региональные социокультурные особенности.

В условиях формирования экономики знаний наиболее важным институциональным звеном науки являются вузы как научно-образовательные сообщества. Выполняя свойственные им исследовательские и образовательные функции, они являются проводником социальных изменений, превращается в основных агентов инновационного развития общества. В современных условиях будут эффективны лишь те научные учреждения, которым удастся совмещение традиционных исследовательских и образовательных функций. Помимо этого, должна быть актуализирована еще одна важная функция – взаимодействие с обществом в целях обеспечения материальной и финансовой поддержки научных исследований. Вуз в рамках этой модели превращается в предпринимательскую организацию с соответствующим изменением моделей профессионального поведения сотрудников.

В качестве ответа на этот социальный запрос Г. Ицковиц и Л. Лейдесдорф в 1996 году обосновали концепцию «тройной спирали инноваций» [1]. Е. Г. Гребенщикова, описывает ее как модель управления образованием в условиях интенсификации взаимоотношений науки предпринимательства. «Основанием концептуальной рамки указанной концепции стал синтез ряда социологических теорий и аналогия из биологических наук: пересечение двух двойных спиралей «университеты – предприятия» и «государство – университеты» синтезируется в инновационной «тройной спирали» «университеты – государство – предприятия», фундирующей «знаниевую экономику» [2, с. 109]. В денной ситуации объединение потенциала образовательных учреждений, предприятий и государства дает возможность конструирования инновационной среды, значимой для устойчивого развития современного общества.

В современном западном социальном науковедении сложилось несколько устойчивых ракурсов рассмотрения научно-образовательными сообществами, в основе различия которых лежит критерий механизмов принимаемых решений. Можно выделить четыре таких управленческих модели:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260 «Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики».

коллегиальную, иерархическую, политическую (коалиционную) и модель организационной анархии [3].

В современной России ситуация многовариантности моделей управления научными сообществами осложняется культурными и социально-экономическими проблемами в системе отечественной науки, которые выражаются в следующих взаимосвязанных коллизиях [4].

– Противоречие между острой потребностью в подготовке научных кадров для инновационной экономики и отсутствием единой обоснованной системы управления научной деятельностью.

– Противоречие между традиционными и инновационными моделями управления наукой (кризис преемственности).

– Противоречие между требованиями интеграции российских науки и образования в мировое научно-образовательное пространство и существующей национальной спецификой, обуславливающий «отрыв» от современных достижений в области управления наукой и образованием.

В целях компенсации этих «разрывов» и противоречий в отечественном науковедении формируются собственные инновационные концепции управления научными коллективами. Особый интерес среди них представляют проектно-ориентированный, стратегический, рыночно-ориентированный, когнитивный и процессный управленческие подходы. Однако пока модели управления научно-образовательными коллективами, апробируемые в современном российском обществе и разработанные на основе западных образцов, характеризуются низкой эффективностью. Повышение их результативности должно опираться на следующие принципы:

– опора на традиции и внутренние культурные и институциональные ресурсов;

– соблюдение баланса автономности и государственного вмешательства в деятельность учреждений науки и образования;

– развитие коммуникационных процессов по вертикали (государство – администрация – научные сотрудники и преподаватели) и горизонтали (между различными научными учреждениями, в том числе зарубежными);

– учет относительной самостоятельности научных коллективов и их способности к самоорганизации,

– эффективизация человеческих ресурсов и интеллектуального капитала, развитие профессиональной культуры.

Особую значимость при этом представляет учет региональных социокультурных особенностей. В частности, применительно к Карачево-Черкесская Республика, А. К. Айбазова отмечает: «Народы Карачаево-Черкесии должны иметь права и возможность развивать свои национальные прогрессивные традиции, поднимать на новую, более высокую ступень свою национальную культуру, совершенствовать образ жизни. Исторический опыт свидетельствует о том, что только путем включения народов КЧР в общероссийскую культуру возможно овладеть достижениями общечеловеческой культуры и вносить вклад в развитие мировой цивилизации, идти по пути прогресса и демократии» [5, с. 21].

Модели управления научно-образовательными коллективами, апробируемые в современном российском обществе и разработанные на основе западных образцов, характеризуются низкой эффективностью. Повышение

их результативности должно опираться на учет традиций и внутренних культурных и институциональных ресурсов; соблюдение баланса автономности и государственного вмешательства в деятельность учреждений науки и образования; развитие коммуникационных процессов по вертикали (государство – администрация – научные сотрудники и преподаватели) и горизонтали (между различными научными учреждениями, в том числе зарубежными).

Примечания

1. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
2. Гребенщикова Е. Г. «Третья миссия университета»: от «второго типа» производства знаний к «тройной спирали инноваций» // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. 1. С. 270-274.
3. Лежебоков А. А., Сергодеева Е. А. Модели управления научными коллективами в современном российском обществе: традиции и инновации // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Научный журнал. 2016. №5(56). С.87-93.
4. Аквазба Е. О., Медведев П. С. Мотивационная политика образовательной организации как инструмент эффективного управления // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-21. С. 4794-4798.
5. Айбазова А. К. Становление и развитие системы дошкольного образования в Карачаево-Черкесской Республике : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Карачаево-Черкесск. гос. ун-т. Карачаевск, 2004. 22 с.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

*Сергодеева Е. А., профессор кафедры философии ФГАОУ ВО СКФУ
Ткаченко К. В., магистрант ГИ ФГАОУ ВО СКФУ*

В статье рассматриваются вопросы развития информационного общества и информационной безопасности как в региональных сообществах. Подчеркивается, что эффективность информационного общества, основанного на знаниях, предполагает высокий уровень рациональной организации, взаимопонимания и синхронизированного взаимодействия.

Ключевые слова: социальная безопасность, информационное общество, региональная безопасность, информационная безопасность региона, региональные факторы обеспечения социальной безопасности, социокультурное развитие, Карачаево-Черкесская Республика.

Прогрессивное развитие информации и инновационных средств, и способов техники, с одной стороны, открывают беспрецедентные возможности в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260 «Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики».

человеческой деятельности, с другой стороны, обостряются многочисленные проблемы, связанные с информационной безопасностью цивилизационного субъекта и общества.

Политический статус страны, ее возможности влиять на мировые процессы зависят не только от военно-силовых факторов, но и от прогрессирующей роли информационных факторов, а именно от возможности эксплуатировать интеллектуальный потенциал других стран, распространять и внедрять свои духовные ценности, культуру, язык, а также тормозить духовную и социокультурную экспансию других народов, трансформировать и даже подрывать их духовно-нравственные каноны. Соперничество и противостояние государств, реализация их политических планов зависит от смещения центра тяжести с открытых силовых методов и средств – к латентным информационным методам и средствам, квалифицируемым как следствия процессов глобализации.

В данных процессах роль информационной безопасности все более возрастает. Информация и информационное поле культуры для многих развитых стран уже стали драматическими составляющими, воздействием на которые способно вызвать многозначительные последствия, дезорганизовать государственное управление, вызвать новые конфликты. Чем выше уровни интеллектуализации и информатизации общества, тем более значимой становится его информационная безопасность, поскольку реализация интересов, целей государств и народов все больше осуществляется посредством информационных, а не вещественно-энергетических воздействий.

В наиболее общем плане под информационной безопасностью понимая такое состояние защищенности и сохранности потребностей личности, общества и государства, при котором обеспечиваются их существование и прогрессивное развитие, независимо от наличия внутренних и внешних информационных угроз [1, с. 109].

Рассматривая современные информационные угрозы личности, общества и государства следует отметить, что информация, является не только мощным двигателем общественного прогресса, но и действенным инструментом манипулирования общественным сознанием. Многообразные государственные объединения, структуры используя рычаги власти на средства массовой информации, не знают государственных границ и пределов по расстоянию, способны формировать у субъектов определенные идеологические установки, оценки, настроения, ценностные ориентиры поведения и деятельность.

На сегодняшний день выделяют два типа информационного оружия:

1) информационно-техническое, где главными объектами воздействия являются информационно-технические системы (системы связи, телекоммуникационные системы, банки и т. д.);

2) информационно-психологическое главными объектами являются индивидуальная психика и общественное сознание.

Основными манипуляторами сознания выступают средства массовой информации. Они пользуются определенными методами и средствами, направленными на изменение восприятия подаваемой информации. Так, версия информации, которая освещает явления и события первой из источников, воспринимается позитивнее. Повторяемость информации накладывает на сознание незаметный отпечаток и способствует формированию определен-

ных взглядов и ценностных установок. К факторам влияния относится и подача информации из уст знаменитых личностей, уровень доверия общественных масс к СМИ.

Регион находится в состоянии социальной безопасности, если он имеет возможность осуществлять меры по развитию социальной и информационной сферы, науки, образования и экономики без негативного внешнего воздействия, обеспечивать своих граждан жильем, продовольствием, работой, защищать их здоровье, гражданские права и личные свободы. Кроме того, к социальной безопасности необходимо отнести возможность для региона добиваться социально-экономического развития, прогресса и социальной стабильности. Среди индикаторов социальной безопасности регионов наиболее приоритетными, по нашему мнению, являются [2]:

- степень поддержки различными слоями общества социальных и экономических реформ, проводимых федеральными органами и региональными органами власти;

- уровень обеспокоенности населения правовой ситуацией в регионе; ранжирование социальных групп и слоев в регионе по их общественному статусу в обществе и разности их суммарных доходов;

- уровень жизни;

- демографическая ситуация;

- защищенность культурных потребностей населения;

- уровень здравоохранения;

- уровень образования населения регионального сообщества; развитие комплекса спортивных учреждений; этнический, конфессиональный состав населения и гармонизация межнациональных отношений.

Система обеспечения безопасности может быть рассмотрена как социальный институт. В этом плане безопасность выступает как: составляющая качества жизни, предполагающая:

- защищенность населения;

- влияние окружающей среды на систему обеспечения безопасности (климат, место проживания, религия, характер застройки, организация жилого пространства, культура, традиции);

- степень информированности населения об опасности; подготовленность населения к безопасной деятельности, к действиям в случае опасности;

- отношение различных социальных групп к проблеме обеспечения безопасности и безопасному поведению;

- общественное мнение о проблеме безопасности и деятельности по ее обеспечению.

Важной функцией системы обеспечения безопасности является формирование культуры безопасности.

Культура безопасности характеризует материальные и духовные модели жизнедеятельности, составляющие основу безопасного развития личности, общества, государства, человечества в целом. Она предстает как характеристика, с одной стороны, условий или результатов деятельности, а с другой – ценностных установок и определяемых ими форм, и способов поведения индивидов. В Российской Федерации утверждению и распространению культуры безопасности в массах должны способствовать средства массовой ин-

формации, общеобразовательные школы и высшие учебные заведения профессионального образования.

Основными функциями системы безопасности являются:

- выявление и прогнозирование внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам объектов безопасности, осуществление комплекса оперативных и долговременных мер по их предупреждению и нейтрализации; создание и поддержание в готовности сил и средств обеспечения безопасности;

- управление силами и средствами обеспечения безопасности в повседневных условиях и при чрезвычайных ситуациях; осуществление системы мер по восстановлению нормального функционирования объектов безопасности в регионах, пострадавших в результате возникновения чрезвычайных ситуаций;

- участие в мероприятиях по обеспечению безопасности за пределами Российской Федерации в соответствии с международными договорами и соглашениями, заключенными или признанными Российской Федерацией.

Внедрение новых технологий и автоматизации процессов сбора, обработки, анализа и представления актуальной и достоверной информации оперативного характера о текущей обстановке, физических лицах, объектах и их состоянии, в том числе краткосрочное ситуационное прогнозирование; «стратегического» характера, позволяют обеспечить безопасность и устойчивое социально-экономическое развитие региона.

Можно сделать вывод о том, что система обеспечения безопасности региона – это социальная управленческая система, которой присуща способность активно воздействовать на региональную безопасность, не только получая информацию извне, но и оказывая влияние на нее, изменяя ее в направлении, обеспечивающем более успешное функционирование системы.

Примечания

1. Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А. А. Прохожева. М.: РАГС, 2002. 320 с.

2. Башкунов А.А. Социально-политическая безопасность региона российской федерации: состояние и тенденции // Право и политика. 2007. №8. С. 28-30.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК МУЛЬТИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Сидорова В. С., бакалавр СФ БашГУ
Научный руководитель – Нафикова А. И.,
доцент кафедры Всеобщей истории
и философских дисциплин СФ БашГУ

В статье анализируется развитие социальных сетей, изучается степень влияния, оказываемого ими на воспитание и образование современной молодежи. В работе также уделяется внимание функциям социальных сетей: коммуникационной, информационной, идентификационной, развлекательной, социализирующей. Рассматривается позитивное влияние социальных сетей на культуру, образование и воспитание в период сложных мировых ситуаций, таких как пандемия.

Ключевые слова: социальные сети, интернет, глобализация, информационное общество, информатизация.

Составной частью культуры информационного общества и деятельностью людей по созданию материальных и духовных ценностей культуры сегодня является создание и обмен информацией. Характерные черты современного информационного общества – это глобальная информатизация и компьютеризация, господство Интернета и социальных сетей при обмене информацией [1].

Один из самых популярных способов развлечения и общения, особенно среди молодого поколения, это социальные сети. Причиной их популярности является удобство и легкость в применении. Они дают возможность вступать в коммуникацию с большим количеством людей, находящихся на огромном расстоянии. Социальные сети доступны всем и каждому в любое время суток, для этого необходимы лишь гаджет и доступ в интернет. Ввиду появления в Сети индивидуальных пользователей, понижения цен на телекоммуникации и оборудование, общение стало носить более неофициальный характер, и начали появляться сообщества людей со схожими интересами и взглядами. Разговоры стали как общественными, так и приватными.

Сегодня можно выделить следующие функции социальных сетей:

1. Коммуникационная. С помощью социальных сетей люди устанавливают контакты, обмениваются новостями, информацией, объединяются для достижения совместных целей.
2. Информационная. Поток информации имеет двухстороннюю направленность, т.к. участники общения выступают попеременно и в роли коммуникатора, и в роли реципиента.
3. Социализирующая (помогают найти свое место в социальной структуре, в системе «друзей» и «групп»).
4. Самоактуализирующая (дают возможности для самовыражения).
5. Идентификационная (при создании индивидуального профиля пользователь наполняет его информацией о себе, что позволяет осуществлять поиск анкет по заданным признакам).

6. Развлекательная. Социальные сети позволяют обмениваться не только текстовыми сообщениями, но и мультимедийными файлами, кроме того, следует отметить значение виджетов – мини-программ развлекательного характера, создаваемых сторонними производителями для расширения возможностей пользователя (игры, медиа-приложения и т.д.) [5].

В последние годы происходит бурное развитие социальных сетей. Благодаря Интернет-ресурсам количество их участников превышает миллионы. Люди разного возраста и социального положения объединяются в социальные сети для общения, развлечения, знакомств, личной выгоды и множество других причин. Социальные сети предоставляют доступ к различным развлечениям, таким как музыка, игры, видео и т.д. Они удовлетворяют разнообразные потребности людей, и именно этим объясняется их столь высокая популярность и востребованность. В социальных сетях можно почерпнуть полезную для себя информацию о строительных работах, приготовлении пищи, организации пространства, воспитании детей, межличностных отношениях и многом другом. Они открывают большие возможности для самореализации, раскрытия творческого потенциала личности. Их влияние на людей очень значительно, и, кроме того, они становятся действенным инструментом формирования общественного мнения.

Важную роль социальные сети играют в жизни молодежи. Сегодня сложно найти молодого человека, который не проводит значительную часть своего времени в социальных сетях. Сети могут помочь в образовании, выступают в качестве инструмента для саморазвития, в сети имеется множество «вебинаров» на различные темы. Изучения иностранных языков теперь тоже не проблема. С помощью социальных сетей можно брать уроки иностранных языков прямо у носителя этого языка. Теперь не обязательно ехать в ту или иную страны, чтобы получить опыт общения с иностранными гражданами, достаточно просто выйти в интернет. В помощь студентам (да и для любого читателя) созданы онлайн – библиотеки. Электронные библиотеки буквально перевернули мир среднестатистического читателя. Теперь за книги и пользование библиотечными фондами не нужно платить, да и за сохранность книги можно не беспокоиться, ее, в отличие от бумажного варианта, испортить нельзя. Электронные библиотеки дают возможность ознакомиться с интересующей книгой, не выходя из дома. Специальные программы в онлайн-библиотеках позволяют переводить разные иностранные издания, что также облегчает работу. В этом отношении потенциал интернет-площадок бесконечен.

Стоит заметить, что социальные сети не обрели бы такую востребованность, если бы не давали возможность удовлетворить потребность современного человека в самовыражении. Человек массового общества, будучи включен в сложную систему унифицированного образования, коммуникации, путешествий, товаров массового производства, ощущает возрастающее одиночество и монотонность жизни. Желание вырваться за пределы этого единообразия порождает потребность в самовыражении, в желании быть услышанным, возникает импульс в передаче информации о себе и предъявлении другим собственного образа [3]. Интернет является одним из наиболее эффективных способов удовлетворения этой потребности.

Социальные сети можно сравнить с огромным «полем» для человеческой деятельности. Можно, например, открыть свой бизнес и привлечь большое количество клиентов. Так интернет-площадка «Instagram», входит в число наиболее перспективных социальных платформ для продвижения бизнеса. Можно создать интернет-магазин. Покупки в Интернете в настоящее время очень актуальны, тем более в период пандемии. Кроме того, можно быть администратором группы, «модератором», «копирайтером», дизайнером. И теперь время, затраченное в Интернете, можно превратить в прибыль [2].

Социальные сети всегда приносят пользу, если ими правильно пользоваться. Особенно отчетливо мы смогли это заметить в период карантина, когда во избежание риска заболеть, лучшим было оставаться дома. Так, на время карантина на сайтах и в социальных сетях были подготовлены онлайн-программы, позволяющие разнообразить ежедневный культурный досуг, не выходя из дома (например, виртуальные прогулки по залам Эрмитажа, центру «Авиация и Космонавтика»). В марте 2020 года музей-заповедник «Царицыно» также перевел деятельность в виртуальный формат. Для любителей музыки и театра Московская консерватория, Филармония им. Д. Д. Шостаковича (Санкт-Петербург), Московская филармония, Мариинский театр (Санкт-Петербург), Большой Театр провели прямые трансляции своих выступлений. Многие музыканты во время карантина выступали в прямом эфире в «Instagram». Все это стало возможным благодаря развитию социальных сетей. Именно они открыли нам новые возможности для знакомства с миром [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные сети, как феномен современной культуры, отражают крупнейшие перемены глобального характера. Виртуальные социальные сети могут выступать эффективным инструментом для различных видов социального взаимодействия, как позитивного, так и негативного содержания. Но все зависит только от человека, и если он будет сознательно осваивать социальные сети, то они откроют ему новые горизонты.

Примечания

1. Кашеев О. В., Головкин В. Я. Социальная сеть «Instagram» как часть культуры общества // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 83–91. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-instagram-kak-chast-kultury-obschestva> (дата обращения: 09.10.2020).
2. Лисенкова А. А. Цифровые медиа как зеркало современной культуры // Научное обозрение : электрон. журн. 2018. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-media-kak-zerkalo-sovremennoy-kultury> (дата обращения: 09.10.2020).
3. Могилевская Г. И. Социальные сети как актуальный способ самовыражения массового человека // Молодой ученый. 2012. № 4 (39). С. 517–520. URL: [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/39/4592/> (дата обращения: 09.10.2020).
4. Панченко И.М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? //Социология науки и технологий. 2018. Том 9. № 2. С. 86–94 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-novaya-forma-kommunikatsii-polza-ili-opasnost-dlya-obschestva> (дата обращения: 09.10.2020).
5. Садыгова Т. С. Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки ТГУ. 2012. №3 (10). С. 192–194 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/VNSPP/article/view/3586> (дата обращения: 09.10.2020).

НАЙМ РЕПЕТИТОРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Сосина И. Е., студент
ФГБОУ ВО НИ МГУ им. Н. П. Огарева,
Научный руководитель – Шумкова Н. В.,
кандидат социологических наук

Система образования во всем мире переживает очередной период изменений, а институт семьи по-прежнему принимает активное участие в происходящих процессах. Одной из актуальных тем социологии образования в настоящий момент является изучение культурного капитала семьи как фактора формирования успешной образовательной стратегии. Найм репетитора рассматривается здесь как пример конвертации имущественных и социальных ресурсов семьи в стартовый образовательный ресурс ребенка.

Ключевые слова: репетитор, образовательная стратегия, семья, семейный капитал.

Термин «образовательная стратегия» часто употребляется в современных социологических теориях и используется для анализа проблем образования на различных уровнях. В рамках стратегического подхода повышенный интерес социологов к исследованию поведения социальных групп и отдельных индивидов обусловлен формированием социологической теории: становится шире сфера применения понятия «стратегия», которая ранее использовалась исключительно для анализа сферы военных и политических действий, сферы организационного управления и бизнес-процессов.

Использование стратегического подхода характерно для всех сфер жизнедеятельности современных людей, в том числе и для сферы образования. Постепенно возрастают сроки получения образования, становится более распространенной практика непрерывного образования в течение жизни индивида. При этом люди вынуждены постоянно планировать направления своего обучения и выбирать уровень образования.

Таким образом, современная сфера образования – это область, в которой человек вынужден постоянно выбирать и нести за свой выбор ответственность, а также принимать решения, которые будут влиять на его будущее в целом, так и на его социальный и профессиональный статус, в частности.

П. Бурдьё, известный французский социолог, рассматривал образовательные стратегии «как достаточно долговременные инвестиции, которые не воспринимаются и не сводятся к экономическому капиталу или денежному измерению. На самом деле, они направлены на увеличение количества социальных агентов, которые должны быть способными наследовать свойства группы» [1, с. 103]. Так, по мнению некоторых исследователей, максимальной является отдача от инвестиций в образование, сделанных еще в дошкольном и в младшем школьном возрасте [2]. Соответственно, основным субъектом образовательных стратегий в современном обществе по-прежнему остается институт семьи.

Исследование роли семьи в жизненных траекториях индивидов является актуальной темой в социологической науке. Из-за постоянных изменений, происходящих в сфере современного образования, современная семья должна постоянно искать и прорабатывать новые образовательные стратегии. В противном случае она либо не соответствует временным стандартам, либо остается недовольной сделанным выбором в образовании.

Один из первых, кто рассмотрел влияние социальной среды личности на иерархию ценностей и активную жизнь человека, является отечественный исследователь В. Н. Шубкин, предметом научного интереса которого являлись вопросы сохранения ребенком профессионального и социального статуса родителей, влияния семьи и школы на факторы социальной мобильности и др. [3].

Изучению факторов, обуславливающих семейные стратегии в сфере образования посвящены работы Н. Е. Заборовской, М. В. Озеровой, Л. А. Голенковой, Н. О. Тиходеевой, Я. М. Рощиной, И. М. Прахова и др.

Л. А. Голенкова, исследуя социальные и психологические особенности родительской семьи, определяющие их образовательные стратегии, выявила значимую роль родительского социально-экономического статуса, семейных ценностей, сплоченности семьи, а также стиля семейного поведения [4].

Н. О. Тиходеев к семейным факторам, определяющим достижения образовательного результата ребенка, относит финансовые возможности семьи, уровень образования родителей, культурный капитал, экологические связи и т.д. [5].

В работах Я. М. Рощиной также прослеживается зависимость образовательных возможностей от объемов семейного капитала, который, в свою очередь, состоит из разных видов ресурсов родителей: финансов, уровня образования родителей, культурного капитала семьи, социальных связей и окружения [6].

Н. Е. Заборова и М. В. Озерова, в зависимости от степени участия родителей в образовании своих детей, различает жесткие и мягкие образовательные стратегии. Для жестких образовательных стратегий характерно активное родительское участие в образовании детей. Тем не менее, при выборе образовательного пути мнение ребенка учитывается, что, по мнению исследователей, является правильным решением. В мягких образовательных стратегиях все наоборот. Родители проявляют слабый интерес к будущему образованию своих детей, часто переносят ответственность на самого ребенка или ближайших родственников, не всегда учитывают его интересы при выборе профессии [7].

Семьи, в которых дети получают «элитное образование», создают более целые и полные стратегии. Они характеризуются тем, что родители с раннего детства планируют для ребенка обучение в престижной школе, а далее – в селективном высшем учебном заведении. Параллельно школьному курсу, чтобы лучше подготовиться к экзаменам, ребенок из такой семьи занимается с репетиторами и осваивают обучающие курсы [7]. [8].

Таким образом, на результативность учащихся, а соответственно, на формирование его дальнейшей образовательной траектории, оказывает влияние дополнительная подготовка, в том числе – вне системы формального образования, например, найм репетитора.

Рассмотрим основные тренды, связанные с репетиторством, которые характерны для образовательных стратегий современных родителей.

В 2018 г. в рамках бакалаврской работы автором был проведен разведывательный социологический опрос, целью которого было выявление уровня распространенности частной преподавательской практики в системе общего образования г. Саранска. Опрос проводился методом анкетирования, выборка неслучайная целевая, объем выборки 150 чел. Опрашивались родители детей школьного возраста.

Результаты исследования показали, что пользуются (или пользовались) услугами репетиторов 75 % опрошенных родителей. Также было выявлено, что на данный момент услугами репетитора пользуются 64 % респондентов. Это говорит о том, что практика обращения родителей к репетиторам становится нормой системы общего образования.

Основными задачами, которые ставят родители перед репетитором являются: подготовка ребенка к ЕГЭ или ОГЭ, повышение уровня знаний, «подтягивание» до уровня класса, а также развитие таланта у ребенка.

Более половины (57 %) опрошенных считают, что основной причиной обращения к репетитору на сегодняшний день является низкая оценка качества знаний, даваемых ребенку в системе общего образования. А основной целью найма репетитора является подготовка к сдаче ЕГЭ – по мнению 43 % опрошенных, «без занятий с репетитором нельзя получить на ЕГЭ баллы, позволяющие поступить в хороший вуз».

Каждый третий (32 %) из воспользовавшихся репетиторскими услугами, впервые обратился за помощью к репетитору в начальной школе, каждый второй (43 %) – в средней и лишь 25 % впервые наняли репетитора в старшей школе. В начальной школе третья по значимости цель обращения к репетитору – выполнение домашней работы – так ответили 7 % родителей, обратившихся за помощью к репетитору уже в начальной школе.

Какие же факторы влияют на родительскую оценку школьного образования? Большую роль здесь играет личный опыт и впечатления относительно школьного образования. В таблице 1 можно увидеть соотношение ответов на вопросы «На Ваш взгляд, уделяется ли достаточно внимания всем ученикам?» и «Как Вы оцениваете качество современного российского школьного образования?».

Таблица 1
Соотношение ответов на вопросы «На Ваш взгляд, уделяется ли достаточно внимания всем ученикам?» и «Как Вы оцениваете качество современного российского школьного образования?», в %

Оценка качества образования	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
Хорошее	39	50	11	–	–	100
Среднее	11	45	33	2	8	100
Плохое	23	23	15	15	23	100
В среднем по выборке	16	43	27	3	8	100

К факторам, влияющим на оценку образования, можно также отнести возраст респондента. Родители в возрасте до 40 лет в 5 раз чаще, чем родители старших возрастов, положительно оценивают уровень российского образования (5 % против 24%).

Понять, насколько эффективна оказывается стратегия найма репетитора, можно с помощью анализа сопряжения ответов на вопросы «Оправдались ли Ваши ожидания от занятий с репетиторами» и «Успехи Вашего ребенка / Ваших детей в школе обусловлены...» (см. Таблицу 2). Как видно из представленных данных, эффективность занятий с репетитором без высокого уровня мотивации со стороны самого ребенка является недостаточно высокой.

Таблица 2

Соотношение ответов на вопросы «Оправдались ли Ваши ожидания от занятий с репетиторами?» и «Успехи Вашего ребенка / Ваших детей в школе обусловлены...», в %

Оправдались ли ожидания	Да, полностью	Результаты улучшились	Все по-прежнему	В среднем по выборке
Самостоятельной работой	46	25	50	41
Занятиями с репетиторами	45	67	50	31
Школьными учителями	9	—	—	15
Занятиями с родственниками	—	8	—	2
Другое	—	—	—	11
Итого	100	100	100	100

Таким образом, семья — это ключевой фактор, который практически полностью определяет формирование образовательных стратегий детей. Максимальная отдача инвестиций в образование осуществляется в дошкольном и в младшем школьном возрасте. Практика обращения родителей к репетиторам является одним из условий успешного окончания школы и поэтому становится нормой системы общего образования.

Примечания

1. Бурдые П. Стратегия воспроизводства и способы господства / П. Бурдые // Социология социального пространства. М.: СПб., 2005. С. 97-120.

2. Шубкин В. Н. Социология и общество: Научное познание и этика науки: монография / В. Н. Шубкин. М.: ЦСПИМ, 2010. 424 с.

3. Хекман Дж. Политика стимулирования человеческого капитала / Дж. Хекман // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 73-138.

4. Голенкова Л. А. Социально-психологические характеристики семьи, детерминирующие выбор профессии современных выпускников школы / Л. А. Голенкова // Известия ПГПУ им. Белинского. 2011. № 24. С. 920-926.

5. Тиходеев Н. О. Образовательные стратегии Российских семей в условиях реформы системы образования (на примере Санкт-Петербурга) / Н. О. Тиходеев // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2014. № 2. С. 213-220.

6. Рощина Я. М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников / Я. М. Рощина // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257-277.
7. Заборова Е. Н. Образовательные стратегии: подходы к определению понятия и традиции исследования / Е. Н. Заборова., М. В. Озерова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3 (116). С. 105-113.
8. Прахов И. А. Влияние института ЕГЭ на образовательные стратегии абитуриентов и доступность высшего образования / И. А. Прахов // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 1-35.

СТРАТЕГИЯ ИМИДЖЕВОГО МАРКЕТИНГА ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ

Соханева И. В., студент СКФУ
Научный руководитель – Волчинский А. В.,
старший преподаватель кафедры социологии СКФУ

В статье дается определение имиджевого маркетинга как городской стратегии, а также описываются результаты экспертного опроса, направленного выявление составляющих стратегии маркетинга Ставрополя, формирующих позитивный имидж города.

Ключевые слова: имидж города, маркетинг имиджа, экспертный опрос, стратегия имиджевого маркетинга.

На сегодняшний момент перед большинством городов России остро стоят проблемы повышения инвестиционной привлекательности, имиджа и конкурентоспособности территорий. Реализации этих задач будет способствовать объективная и профессиональная оценка своих ресурсов, конкурентных преимуществ, возможностей, проблем и слабых сторон.

В этой ситуации маркетинг города становится инструментом управления территорией и фактором успешного социально-экономического развития регионального городского пространства за счет оптимального использования имеющихся ресурсов и всего потенциала территории [1].

Ученые определяют имиджевый маркетинг как одну из главных городских стратегий, направленную на формирование благоприятного социального климата, то есть повышение привлекательности города как места проживания, укрепление его престижа и гордости за город среди жителей. Цель стратегии имиджевого маркетинга – привлечение новых жителей, а также посетителей города, посредством формирования положительного имиджа с помощью укрепления благоприятных ассоциаций и занятия четкой позиции в сознании целевых групп покупателей, а также смягчения негативных ассоциаций [2, с. 69].

В апреле 2020 года нами был проведен опрос экспертов на тему «Эффективность стратегии имиджевого маркетинга города Ставрополя». В дальнейшем, курсивом будут выделены цитаты экспертов.

Большинство экспертов считают, что Ставрополь имеет сформированный имидж города, ассоциируя его прежде всего с благоустроенностью. Но в тоже время, некоторые опрошенные не поддерживают точку зрения о целом имидже, аргументируя это рядом проблем, основной из которых является отсутствие четкой маркетинговой направленности в имиджевом продвижении Ставрополя: *«...Ставрополь ассоциируется у жителей других регионов исключительно с последними медиа-событиями (блины с лопаты, съеденные яблоки...)». Попытки создать некий бренд города всегда носил формальный характер, не основанный на маркетинге».* Оценивая существующий имидж города по шкале от 1 до 5, где 5 – имидж благоприятно влияет на развитие города, а 1 – имидж неблагоприятно влияет на развитие города, усредненный ответ опрошенных составил 3,5. Там самым можно оценить имидж Ставрополя как средний, не имеющей достаточно яркой и понятной всем целевым группам населения направленности развития.

В качестве используемых инструментов формирования имиджа Ставрополя, по мнению экспертов, выступают – благоустройство города: *«создание комфортной городской среды»; «парки, облагораживание центра города»;* попадание города в различные рейтинги, чаще всего связанные как раз с благоустроенностью (Ставрополь – самый благоустроенный город России в 2014 и 2016 годах); проведения массовых мероприятий; работа СМИ.

Действенными управленческими решениями в данной области развития признаются, в первую очередь, организация фестивалей различных уровней в Ставрополе (особо отмечаются XXVI Всероссийский фестиваль «Российская студенческая весна» и III Международный фестиваль «Студенческая весна стран БРИКС и ШОС»), функционирование программ облагораживания города и работа муниципальных служб. Но необходимо отметить, что не всегда даже данные элементы являются системообразующими, так как некоторые эксперты отмечают полное отсутствие в Ставрополе инструментов формирования имиджа и управленческих решений, направленных на имиджевый маркетинг города.

Наиболее эффективной стратегией имиджевого маркетинга Ставрополя признается культурная стратегия, связанная с искусством, религией, этносом, архитектурой, образованием, определенным образом жизни населения. Среди экспертов распространено следующее мнение о выбранной стратегии: *«способствует пониманию, что Ставрополь, естественно, не, условные, столицы России, как Москва или Санкт-Петербург, и не совсем Кавказ, в иногда привычном и устрашающем, для некоторых, его понимании. Это в большей степени подчеркивает статус провинциального, уютного города, в котором приятно жить».*

Изучая структуру имиджевой стратегии города, выяснились основные проблемы, препятствующие высокой степени узнаваемости города – транспортная, идентификационная, культурно-массовая, экономическая, туристическая проблемы. Необходимыми мерами укрепления стратегии имиджевого маркетинга Ставрополя признаются следующие действия: улучшение качества жизни населения, продолжение благоустройства города, развитие туризма, проведение мероприятий различных уровней, создание поводов для выхода в федеральную информационную повестку.

Таким образом, среди возможных эффективных стратегий имиджевого маркетинга города Ставрополя, выделяется культурная как более перспективная, а также подчеркивается, что векторами развития в рамках данной стратегии должны выступать благоустройство города и увеличение проведения в нем массовых мероприятий и фестивалей, способствующих, по мнению экспертов, большей узнаваемости Ставрополя среди других городов России. Также, для реализации данной стратегии необходимо решение проблем, связанных с улучшением качества жизни местного населения, что поднимет рейтинг имиджа города Ставрополя не только среди горожан, но и в глазах туристов и потенциальных инвесторов.

Примечания

1. Теоретические основы региональной туристской политики и маркетинга территории / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://vuzlit.ru/350533/teoreticheskie_osnovy_regionalnoy_turistskoy_politiki_marketinga_territorii.

2. Середа Т. Н. Маркетинг города как фактор формирования благоприятного имиджа территории // Вестник ПГУ. Серия D. Экономические и юридические науки. 2019. №5. С. 68-71.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ

Сулиманова А. М., студент СКФУ
Научный руководитель – Волчинский А. В.
Старший преподаватель кафедры социологии СКФУ

В статье представлено влияние социальных сетей в проявление девиантного поведения. Особое внимание обращено на среду, оказывающую негативное влияние на социализацию подростков.

Ключевые слова: подростки, девиантное поведение, влияние интернета, негативное воздействие, среда.

Жизнь современного человека полностью связана с применением информационных технологий: приборов, каких-либо технических устройств, которые всё больше и больше содействуют человеку во всех сферах его жизнедеятельности. Интернет стал элементом повседневной жизни в современном обществе. Для подростков это еще одна социальная среда наряду с семьей и школой, которая содержит определенные возможности и риски. Стихийное погружение подростков в Интернет вызывает много тревоги, относительно замены подростками реальной жизни на «виртуальную». Одним из результатов негативного влияния информационных и коммуникационных технологий на несформировавшуюся личность подростка является проявление ими негативного девиантного поведения. Девиантное (отклоняющееся) поведение –

деятельность, поступки несоответствующие принятым в том или ином обществе нормам права и морали, наносящие ущерб социальному здоровью и нравственности людей [4, с. 333].

Под девиантным поведением в сфере новых компьютерных технологий понимается осознанное либо неосознанное причинение физического, морального и экономического вреда другим членам общества, а в отдельных случаях и самому себе. Среди распространенных проявлений девиантного поведения можно отметить Интернет-зависимость, суициды, киберпреступность, кибербуллинг и другие. Рассмотрим несколько коммуникационных рисков и угроз виртуальной среды, оказывающих существенное влияние на девиантное подростков.

Прежде всего, необходимо выделить кибербуллинг или интернет-травлю. Это явление, которое относится к социальным феноменам современности. Его суть заключается в поиске любого человека в группе или сообществе, которого затем коллективно подвергают издевательствам, преследованиям, пугают и притесняют. Влияние кибербуллинга (кибер-террора) особенно опасно в подростковых сообществах, так как становление личности подростка зависит от реакции сверстников и социальной группы [1, с. 180-181]. Проявление кибербуллинга среди подростков может привести к развитию «нездоровой» молодежи. Насколько мы знаем, именно молодежь является основой процветания государства в будущем. Данное явление сказывается на подростках следующим образом: снижение успеваемости в школе, отстраненность от реального мира, ухудшение показателей здоровья (долговременное пребывание в стрессе, проблемы со сном и др.), изменение поведения (замкнутость и закрытость). Тем самым Интернет может стать для подростков не только площадкой для саморазвития, но и для преступности.

Как коммуникационный риск виртуальной среды мы можем назвать и влияние неконтролируемой информации в сети Интернет.

Манипулятивный характер неконтролируемой информации сомнительного содержания (порно сайт, сайты различных субкультур, нацистские сайты и т.п.) оказывает большое влияние на становление личности подростков. В результате такое влияние может создать неверное представление о мире. Не сложно предположить, что информация подобного рода негативно скажется на психике подростка и его дальнейшем развитии. Примером этого служит «игра» Синий кит (а также «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «Красная сова», «Море китов», «Млечный путь», «F57» и многие другие названия) – вброс о существовании в соцсетях некой игры, в которую играют подростки, финальной целью которой является совершение самоубийства. 16 мая 2016 года в «Новой газете» Галина Мурсалиева опубликовала информацию о существовании такой игры [3, с. 3].

Президент РФ Владимир Путин подписал закон, направленный на борьбу с подростковыми суицидами (Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ). Документом установлена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении. Создателей группы смерти «Синий кит» привлекли к уголовной ответственности.

Примером последствия девиации может служить поражение электрическим током молодых людей на железных дорогах нашей страны. Не так давно

появилось молодежное движение – зацепинг (трейнсёрфинг), имеющее свой устав, традиции и язык общения. Зацеперами в основном являются подростки 12-18 лет, которые ищут острые ощущения при езде на крышах вагонных сцепок электричек и скоростных поездов. Данное движение приводит к высокому травматизму, а также и к гибели молодежи, проблема трейнсёрфинга на сегодняшний день является весьма актуальной.

Так 9 сентября 2016 года около 18.00 часов на железнодорожной станции «Артем-Приморский 2» в Приморском крае в результате нахождения 13-летнего подростка вблизи контактной сети произошло поражение электрическим током. Потерпевший получил ожоги 50 % тела, с полученными травмами был доставлен в медицинское учреждение, однако спасти его жизнь не удалось. По данным следствия несовершеннолетний поднялся на крышу вагона-цистерны стоявшего грузового поезда, что является свидетельством наличия в действиях подростка признаков деятельности зацеперов [5].

Таким образом, в информационном обществе актуальным и существенным выступает изучение вопроса влияния сети Интернет на социализацию подростков. Необходимо учитывать и анализировать различные аспекты влияния современных технологий с целью прогнозирования, предотвращения и минимизации негативного влияния повсеместного распространения компьютерных сетей и виртуальной среды на развитие личности подростка.

Примечания

1. Дубровина М. В. Психологические проблемы воспитания детей и школьников в условиях информационного общества. // Национальный психологический журнал. 2018. № 1(29). С. 6-16.
2. Керделлан К., Грезийон Г. Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют застрашенных взрослых // Пер. с фр. Луцанова. А. Екатеринбург: У-Фактория. 2006. 272 с.
3. Мурсалиева Г. Группы смерти (18+) // Новая газета. 2016. №51. С. 2-5.
4. Осипов Г. В., Москвичев Л. Н.; уч. секр. О. Е. Чернощек. М.: Норма, 2008. – 608 с.
5. URL: <https://vestiprim.ru/news/ptrnews/41718-v-primore-ot-udara-toka-pogib-13-letniy-zaceper.html>

ГЕНДЕРНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Сурнева А. Е., студентка СКФУ
Научный руководитель – Паслер О. В., доцент
кафедры социологии СКФУ

В статье рассматриваются социологический, культурологический, психологический подходы к исследованию гендера и гендерных образов. Отмечена актуальность исследования проблематики гендерной дифференциации в современных социальных отношениях.

Ключевые слова: гендер, социально-гуманитарные науки, пол, гендерная идентификация, феминность, маскулинность, социальная дискриминация, сексизм.

Проблема тождественности и отличий индивидов разной гендерной принадлежности была актуальна на протяжении большинства этапов развития человеческого социума, однако далеко не во все времена данная проблема признавалась, а гендерные образы и вовсе не рассматривались как объект научного познания. Однако в последнее время мужественность и феминность представляют весомый научный интерес для большинства гуманитарных наук, в особенности, в последнее десятилетие, когда варианты достижения социального равенства в развитых странах, в том числе и межгендерного равноправия, являются одной из наиболее популярных тем современного гуманитарного знания.

В реалиях современного социума развитых стран, индивиды разной гендерной принадлежности в большинстве случаев социальных взаимодействий находятся в равных условиях и имеют равные права, но при этом не редки случаи проявления дискриминации и стигматизации по гендерному признаку, не говоря уже об обществах с менее развитым уровнем социального паритета. Главная причина данного явления, по нашему мнению, находится в структурных элементах, лежащих в основе гендера, как объекта гуманитарного исследования, а именно в фундаментальности таких понятий, как «женственность» и «мужественность».

В современной науке данные явления воспринимаются, как культурные категории, появившиеся на заре всего человеческого общества в целом, которые носят строго исторический характер, в следствии чего на пути развития человеческого социума претерпевали множество различных изменений, при этом сохраняя свои первоначальные черты. Именно проявление подобного рода фундаментальных черт в рамках современного социума, зачастую приводит к проявлению социальной дискриминации и сексизма, являющихся по сути своей одной из главных проблем современного общества. Этим подтверждается и современный подъем научного интереса к гендеру, как объекту гуманитарных наук [1, с. 3].

Без сомнений из современных социально-гуманитарных наук наибольшее внимание гендерным образам как объекту познания уделяет гендерология. Однако это молодая наука, находящаяся еще в стадии становления. В ее рам-

ках понятия «гендер» и «гендерный образ» раскрываются в своем истинном значении. В то время как другие гуманитарные науки модифицируют основополагающие понятия в зависимости от научно-исследовательского контекста.

Социология как одна из самых «догматичных» и «устоявшихся» гуманитарных наук уделяет гендеру и его влиянию на социальные отношения наибольшее внимание, что подкрепляется появлением в ее методологии целой предметной отрасли под названием «Гендерная социология». Несмотря на то, что гендер как термин возник вне пределов социологии, именно социологи одними из первых начали использовать данное понятие при анализе определенных видов социальных отношений без привязки к биологическому полу. Понятие «гендер» позволяло взглянуть с новой точки зрения, на анализ возникающих в обществе определенных видов конфликтов, особенно четко это проявляется в новых методиках исследования микросоциумов, которые в качестве основных причин возникновения конфликтогенов рассматривали противостояние феминности и маскулинности.

Однако в настоящее время в рамках социологических дисциплин ведутся споры о реальной сущности гендерной социологии и актуальности предметов ее исследования. Так, например, многие из исследователей современной социологии полагают, что современная гендерная социология по сути своей является видоизмененной версией социологии пола. Согласно данному взгляду гендерная социология исследует трудовое разделение по полу, социальную дифференциацию женских и мужских ролей, существующие или существовавшие в общественном смысле стереотипы маскулинности и феминности и их влияние на процесс социальных отношений, но при этом в отличие от социологии пола все эти элементы социальной жизни исследуются через призму актуальной в современных реалиях проблемы половой и сексуальной дискриминаций.

Так же следует отметить и то, что в отличие от того же психологического подхода к исследованию гендера, в социологии при исследовании гендерной проблематики большая часть исследовательского внимания связана не с гендерной идентификацией индивида и его социальной деятельностью, а с гендерным поведением целых социальных групп. И этот факт по большей части является основной причиной социологических споров на тему гендера и гендерных образов в пределах социологического знания. Так как вопрос об определении сущности гендерного поведения, не позволяющий в должной мере осуществлять эмпирические исследования гендера и гендерных образов, до сих пор остается без точного ответа [2, с. 3-5].

Наиболее близкой к социологии, по объему исследований гендера как феномена социальных отношений является культурология. При этом стоит отметить, что деятели культурологии не стремятся определить гендер как объект с определенной сущностью и определенным влиянием. В рамках культурологии явление гендера рассматривается через призму разных культурологических течений и препарируется при использовании разного характера методологических принципов, в качестве основных из которых можно определить:

1) гносеологический принцип, позволяющий на основе исследования характеристик и функциональных особенностей культуры гендерных отношений выводить понятийно-категориальный аппарат, использование которого возможно другими гуманитарными науками;

2) онтологический принцип, дающий возможность в процессе формирования центральных категориальных позиций определить главные особенности гендера, как специфического объекта познания и анализа гуманитарных дисциплин;

3) аксиологический принцип, направленный на определение гендера, в качестве важного ценностного элемента в структуре межличностных отношений и социального бытия индивида в целом;

4) герменевтический принцип, осуществляющий интерпретацию сущности совместного бытия индивидов разных гендерных принадлежностей, на основе исследования гендера, в качестве культурно-исторической сущности, в первую очередь формирующейся на основе восприятия жизненных ценностей человеком и его опыте;

5) принцип национальной культуросообразности и природосообразности, позволяющий анализировать явление гендерной принадлежности, на основе анализа характера условий формирования культуры гендерных отношений и современных социальных реалий, в которых находится индивид [3, с. 94].

Не малое внимание гендеру как объекту познания уделяют исследователи в психологии и психоанализе, тем самым рассматривая не только фактическую сущность гендера как явления, но и его значение для личностного развития и бытия индивида в реалиях социальных отношений. Особое внимание в данном направлении исследования гендера уделяется гендерной идентичности, под которой теоретики чаще всего рассматривают субъективные переживания и чувства, проявляющиеся у индивида в процессе самоидентификации в контексте пола.

Однако в рамках психологических подходов восприятие гендера как объекта исследования значительно сместилось. Особенно четко смещение можно отметить в работах теоретиков психоаналитики, которые, в отличие от социологов, детерминируют гендер не как социальное в связке с биологической, а как сугубо биологическое явление. Так, сторонники фрейдистского психоанализа полностью отрицали значимость социального окружения индивида в процессе его гендерного становления, а в качестве основного и единственного фактора влияющего на гендерную самоидентификацию человека определяли анатомо-биологическое начало человека, как животного вида.

Стоит отметить, что данный подход в психологических науках был актуален лишь на первых этапах развития. И не смотря на спорность решения уйти от оценки влияния социальных процессов на гендерную идентичность индивида, именно исследования, проводившиеся на начальных этапах, и оказали влияние на актуальность данной проблемы в рамках других дисциплин. Особенно в данном случае стоит оценить вклад З.Фрейда, который в собственных работах проблему половой принадлежности рассматривал в качестве ключевой во всей психологии.

Сегодня же, пройдя этап социокультурного переосмысления большинства прежних убеждений, психологи и психоаналитики все больше сходятся во мнении с социологами и культурологами в вопросе детерминации понятия гендерного образа. В современных работах по психоанализу под гендером в большинстве случаев понимается возникшая в историческо-культурном контексте и переживаемая индивидом на основе сексуальности и сексуального выбора идентичность [4, с. 167-168].

Таким образом, из всего вышесказанного, следует что на сегодняшний день гендерные образы нередко становятся объектом познания и исследования социально-гуманитарных наук, в числе которых социология, культурология, психология и т.д. В пределах современного гуманитарного знания гендер и гендерные образы исследуются с использованием различных дисциплинарных принципов и методов. При этом доминирующей является социокультурная интерпретация, где зафиксирован спектр объективных и субъективных характеристик, относящихся к феминности и маскулинности.

Примечания

1. Котлярова О. В. Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики // *Univsum: филология и искусствоведение*. 2015. №9-10. С. 1-8.
2. Ильясов Ф. Н. Гендер как самоидентификация – интерпретация и измерение // *Социальные исследования*. 2016. №3. С. 1-14.
3. Николаева Г. А. Методология исследований гендерных отношений: культурологический аспект // *Вестник ЗабГУ*. 2011. №6. С. 91-98.
4. Мелков Сергей Викторович, Кудрина Алёна Вячеславовна Представления о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе // *Развитие личности*. 2016. №3. С. 165-186.

ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ КАК БАЗОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

*Татаренко В. А., студентка СКФУ
Научный руководитель – Волчинский А. В.,
старший преподаватель кафедры социологии СКФУ*

Любые социальные изменения, связанные с повышением и улучшением благосостояния граждан, являются инновационными процессами, которые происходят под воздействием целенаправленных мер по созданию новых институтов. Акцент на социальной направленности в государственной политике многих стран объясняется необходимостью в совершенствовании социальной работы, создании эффективной рабочей системы социальной защиты населения в стране. Целью статьи явилось, как и выявление особенностей инноваций в социальной сфере, так и их проблем, тормозящие модернизацию отечественной экономики.

Ключевые слова: Россия, социальная сфера, социальные инновации, проблемы, социально-экономическое развитие.

Социально-экономическое развитие является приоритетом для любого государства. Современное развитие общества показывает, что ключевым ресурсом его качественного изменения являются инновации, а социальные инновации становятся инструментом лучшего решения социальных проблем.

Признано, что социальные инновации на протяжении многих лет усиливают свою значимость, поскольку позволяют осуществить важные изменения в социуме и повысить устойчивость социального пространства.

Ещё в первой половине двадцатого столетия австрийский и американский учёный Йозеф Алоиз Шумпетер высказал идею о том, что не всякое изменение в экономике и социальной сфере даёт положительный эффект [1]. Прогресс наблюдается в том случае, если в основе реорганизации лежит ориентация на замену чего – либо устаревшего, новым, более прогрессивным и способным вывести общество на новые рубежи. То есть, речь идёт о внедрении каких – либо инноваций или нововведений. Именно это положение и приобретает особую актуальность в современной России.

Что же представляют собой инновации, и каким образом они реализуются в социальной сфере?

Среди исследователей отсутствует единое теоретическое понимание социальных инноваций, что является скорее свидетельством многоаспектности явления, чем указывает на его недостаточную теоретическую разработанность [2].

В ряде источников социальные инновации определяют, как способность решать или способствовать решению социальных проблем, которые ранее решались неадекватно или не решались вовсе. Такие решения должны быть функциональными и трансформационными, то есть нести пользу для населения и вносить изменения. Все инновации должны быть ориентированы на изменение ситуаций в пользу благо получателей, то есть населения [3].

Следует признать, что современная система управления инновациями в социальной сфере в России не является комплексной, четко структурированной системой и только получает свое развитие; существующая институциональная структура не адаптирована под реализацию задач эффективного и результативного развития социальных инноваций. Исследуя развитие отдельных сфер социальной жизни, многие исследователи приходят к выводу, что сложившаяся социально-экономическая обстановка в нашей стране не позволяет ни внедрять высокие инновационные технологии, ни держать достойный уровень развития [4, с. 77].

Современные глобальные процессы, вызванные в виде пандемии Covid-19, радикально изменили привычный строй жизни и позволили ещё больше укорениться в мысли о том, что креативные, инновационные идеи позволят наиболее результативно и с наименьшими потерями преодолеть его негативные воздействия. В частности, это утверждение относится к социальным инновациям, которые воплотились сегодня во многих примерах, в частности, масштабного перехода на цифровое обучение, поддержки населения старшего возраста на самоизоляции путем обеспечения продуктами с помощью добровольцев, организации массовых мероприятий в онлайн-пространстве, новых методов взаимодействия с потребителем, а также новых разнообразных стратегий ведения деятельности в различных областях. Но при всём при этом основными трудностями всё же на пути развития социальных инноваций в условиях России является финансовая недостаточность и очень низкая активность гражданского общества, которая к тому же усугубляется консервативным и настороженным отношением людей к переменам. От-

сюда следует, что в итоге все инновационные меры предлагаются обществу без учёта мнения граждан. В отличие от развитых европейских стран, где основную роль в распространении социальных инноваций играют институты гражданского общества, в России в этой сфере особое значение принадлежит органам государственной власти. При отсутствии понятных правил функционирования институтов гражданского общества затрудняется внедрение социальных инноваций. А недостаточно прочная юридическая база, очень часто приводит к субъективному выбору со стороны государства тех организаций, которым оказывается поддержка.

Примечания

1. Шумпетер, Й. //Экономический словарь [Электронный ресурс]/ Йозеф Шумпетер. Режим доступа: <http://slovariki.org/ekonomiceskij-slovar/15032>.
2. Краснопольская, И. Европейский опыт социальных инноваций и что влияет на инновационность Российских НКО? [Электронный ресурс]/ И.Краснопольская. Режим доступа: https://grans.hse.ru/data/2019/02/28/1196599852/%27_02_2019.pdf.
3. Инновационные социальные технологии // Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/759/innovacionnye-socialnye-tehnologii.htm>.
4. Кузнецова Ю. А. Социальные инновации: прогнозирование, планирование, организация, координация, контроль // Проблемы теории и практики управления. 2018. №10. С. 77-83.

АНАЛИЗ АСПЕКТА КОНФЛИКТОГЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В РАМКАХ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Труфанов Г. А., студент 1 курса магистратуры института философии
ФГБОУ СПбГУ (г. Санкт-Петербург, Россия)
Научный руководитель – Сунами А. Н., к.п.н, доцент кафедры
конфликтологии СПбГУ*

В данной статье автор предпринимает попытку конфликтологического анализа аспекта конфликтности наложения западных ценностей на российские в рамках современного общества, характеризующегося нарастанием скорости процессов глобализации. Конфликтность наложения ценностей является релевантной проблемой в современном социально-политическом дискурсе. Автор отмечает важность осознания значительного потенциала конфликта в сфере наложения ценностей, прежде всего в рамках вестернизации, как процесса глобального и экспансивного. Конфликтность наложения западных ценностей на российские, конечно же имеет свои проявления в СМИ. В первую очередь необходимо принять во внимание символический и идеологический контекст.

Ключевые слова: конфликт, наложение ценностей, вестернизация, противоречия, интересы, медиасфера.

Грань между свободой слова и вседозволенностью так же тонка, насколько разными могут быть законодательные нормы, регулирующие правоотношения в одной и той же области, но в разных государствах. Речевая агрессия в зависимости от ее содержания (призывы к вражде, межнациональной розни) может быть трактована, как экстремистская деятельность в соответствии с законами Российской Федерации, а именно с законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ [1].

Конфликтность процесса наложения западных ценностей на российские можно измерить, прибегнув к анализу публикаций в СМИ и социальных сетях по одинаково релевантной проблеме для обеих наций, конфликтность будет очевидна в случае явного расхождения в восприятии проблемы и методов преодоления. Также важным аспектом является наличие дискурса враждебности, включенного, как часть поля обсуждения, со всеми протекающими последствиями в виде речевой агрессии. Одной из актуальных и наиболее противоречивых проблем, поднимаемых в российском медиа-пространстве, является положение людей с нетрадиционной сексуальной ориентации и учета их особенностей в рамках существующего российского общества. Если обратиться к публикациям новостей по данной теме в двух государствах России и США, то можно выявить закономерности. В США тема защиты прав людей с нетрадиционной давно является ведущей в плане оживленной и комплексной дискуссии по данному вопросу, хотя некоторые аспекты дискриминации по-прежнему не представляется возможным изжить. Америка прошла длинный путь от полного отрицания гомосексуальности, как приемлемого явления, регулируемого специальными нормами права. Одним из самых масштабных элементов дискурса о месте людей с нетрадиционной ориентации заняли прения о дискриминации геев при приеме на работу и увольнении с рабочего места по причине их ориентации. Данный вид дискриминации был широко обсуждаем общественностью и в СМИ, а в частности, газетой The New York Times и даже повлек за собой непосредственное внимание верховного суда США, который провел ряд сессий по обсуждению выявления соответствий и противоречий данного вида дискриминации пункту №7 закона о гражданских правах от 1964 года, судья Stephen G. Breyer (Стивен Брейер) отмечал, что дискриминация при приеме на работу и увольнении людей с нетрадиционной ориентации по своему содержанию равноценно осуждению католика за брак с иудеем. Судья Elena Kagan (Елена Каган) подчеркнула, что справедливость закона определяется тем, насколько он отвечает внутренней справедливости для каждого [2]. Тем не менее с 1969 года принято проводить открытые демонстрации людьми, относящими себя к гей сообществу - прайды (гей парады). Данный тип мероприятия нацелены по словам их организаторов на ознакомление с тем, что люди с традиционной ориентацией являются полноправными членами общества и в праве открыто заявлять о своих интересах и потребностях, как и все остальные американцы. Таким образом, можно сделать вывод, что подобные мероприятия являются методом преодоления отчуждения в рамках существующей общественной системы, но вместе с тем нельзя и отрицать тот факт, что такого рода мероприятия объективизируют ненависть людей, негативно относящихся к ЛГБТ, а также несут в себе некий пропагандистский характер, что не может не отразиться на возникновении конфликтов. Надо учитывать тот факт, что на всей терри-

тории США верховным судом США было разрешено заключение гей-браков 26 июня 2015 г. В данных моментах необходимо осознавать сущность толерантности не как диктата меньшинства, но как возможность для диалога и обмена мнением, презентации позиций всех. Если какая-либо группа интересов пытается осуществить свой интерес за счет интереса другой группы, то появляется предпосылка для конфликта. Что думают американцы и как комментируют ситуацию в стране касательно положения и прав ЛГБТ сообщества в рамках существующего американского общества? Проводя анализ публикаций по данной теме в социальной сети Facebook(Фэйсбук), мы пришли к выводу, что мнения разнятся. Радикальные-религиозные сообщества пропагандируют ненависть, неприязнь по отношению к геем, в то время, как другие сообщества резко осуждают любые осуждающие реплики по отношению ко всем меньшинствам.

Российский подход к проблеме присутствия сюжетов на ЛГБТ тематику в СМИ и СМК кардинально отличается от американского и является прямой попыткой защиты культурного суверенитета с использованием законодательства, порой в достаточно жесткой форме. В России был принят федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» [3]. На данный момент можно сказать, что дискурсивное замалчивание вопроса сексуальности и сексуальной ориентации остались в далеком советском прошлом. На данный момент можно сказать, что дискурсивное замалчивание вопроса сексуальности и сексуальной ориентации остались в далеком советском прошлом. Однако конфликтность наложения западных ценностей на российские, конечно же имеет свои проявления в СМИ. В первую очередь необходимо принять во внимание символический и идеологический контекст. СМИ неразрывно связаны с влиянием на формирование общественного сознания. В данной области перемены всегда довольно заметны. За 20 с лишним лет советское мышление претерпело значительные изменения, и современное российское сознание разительно отличается от советского типа. Известный российский исследователь-политолог Малинова О. Ю подчеркивает, что теория демократии понимает свободу слова, мнения и как фундаментальное право индивида, и как базовое условия для существования демократического правления [4].

Так, наиболее актуальным становится вопрос о публичной сфере в России, как площадки для дискуссии, артикуляции альтернативных мнений индивидов и групп интересов. Нет сомнения, что публичная сфера претерпела значительное изменение со времен Советского Союза, где разного рода политические заявления, не коррелирующие с центральной идеологической линией партии, могли быть высказаны лишь в приватной сфере. Надо признать, что в данном контексте, однополые браки, являются персонификацией-символическим олицетворением «запада», как символа «чужого». Данная стереотипическая связка является неким квинтэссенцией сущности курса, избранного российскими элитами, исключительного и особого пути России. Семькина К. С. отмечает, что российский официальный дискурс имеет цель-

создание образа России, как защитника и распространителя традиционных ценностей, которые чужды западной либеральной идеологии [5]. Социологические исследования ВЦИОМ показали, что 80 процентов россиян отрицают право геев на брак в рамках существующей действительности [6]. Данный момент иллюстрирует демаркационную линию в ценностных ориентирах между западными странами и Россией, можно сказать, что данный показатель является компонентом «национальной самоидентификации». В российских медиа присутствуют публикации на тему ЛГБТ и однополых браков, характеризующиеся наличием языка враждебности, выражающем откровенную неприязнь к героям сообщений, о которых рассказано в медиатекстах, например, «гей-рабство» [7]. Данные паттерны языка враждебности призваны демонизировать ЛГБТ людей и сделать нормальным к ним презрительное и закрепить высмеивание и уничижительное отношение. Сам заголовок «В Париже повязали противников гей-браков» несет в себе манипулятивный дегуманизирующий компонент нацеленный на подавление восприятия геев, становление образа чужого и интернализации его, как чуждого природе «нормального» человека [8]. Негативная реакция на однополые браки со стороны законодателя, обусловлена стремлением сохранения культурного суверенитета и характеризуется готовностью к противостоянию и даже наличием возможности прямой конфронтации [9]. Аспект заимствования и наложения культурных моделей несет в себе значительный конфликтный потенциал. Конфликтогенность данного процесса состоит в его многофакторности в плане наличия взаимоисключающих интересов и их генезиса.

Список литературы/References

- [1] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/. (дата обращения: 18.04.2020)
- [2] Adam Liptak and Jeremy W. Peters. Supreme Court Considers Whether Civil Rights Act Protects L.G.B.T. Workers. The New York Times. [Электронный ресурс] // <https://www.nytimes.com/2019/10/08/us/politics/supreme-court-gay-transgender.html>. (дата обращения: 09.04.2020)
- [3] Федеральный закон «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» от 29.06.2013 N 135-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148269/. (дата обращения: 10.05.2020)
- [4] Малинова О. Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России. – Полис. Политические исследования. 2007. № 1.
- [5] Семькина К.С. Однополые браки в российских медиа: между нейтралитетом и опасением // Мониторинг. 2017. №5 (141). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odnopolye-braki-v-rossijskih-media-mezhdu-neytralitetom-i-opaseniem> (дата обращения: 30.03.2020).
- [6] Всероссийский опрос ВЦИОМ от 05.07.2015. [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1166&q_id=78316&date=05.07.2015 (дата обращения: 30.03.2020).
- [7] В Петербурге зарегистрировали однополый брак. [Электронный ресурс] // <https://www.spb.kp.ru/daily/26305.5/3183239/>. (дата обращения: 10.05.2020)
- [8] Чинкова.Е. В Париже повязали противников гей-браков. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26082/2985753/>. (дата обращения: 10.05.2020)
- [9] Рост.А. Депутат Виталий Милонов: «Гомофобия скоро станет преступлением». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26399.5/3276024/>. (дата обращения: 05.05.2020)

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Храмкова К. А., бакалавр СФ БашГУ
Научный руководитель – Нафикова А. И.
доцент кафедры Всеобщей истории
и философских дисциплин СФ БашГУ

В статье рассмотрены основные этапы развития государственной молодёжной политики в России, раскрываются её сущность, как неотъемлемой составляющей социально – экономического и политического курса государства, основные задачи. Кратко рассмотрены основные проблемы, с которыми сталкивается молодёжная политика в России. В ретроспективном ракурсе проанализированы меры, осуществляемые правительством Российской Федерации для формирования необходимых социальных условий всестороннего развития молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжная политика, социальная сфера, Российская Федерация, государственное регулирование, государственная поддержка.

На сегодняшний день, проблеме развития молодежи уделяется все больше внимания, как со стороны общественности, так и со стороны научных кругов. Ежегодно публикуется множество научно-исследовательских работ, направленных, главным образом, на качественную оценку вектора развития молодого поколения, на его ценностные и культурные ориентиры, его влияния непосредственно на государство [2]. Ни для кого не секрет, что именно молодежь неразрывно связана с развитием общества и государства, является настоящим и будущим нации в целом. В качестве поддержки молодёжи, как значимого звена социально-политических процессов, выступает государственная молодёжная политика, формированию которой послужили изменения социально-политического устройства страны ещё в начале 90-х годов XX века.

Государственная молодёжная политика является неотъемлемой частью любого государства и отражает его стратегическую линию на обеспечение политического, социального, экономического и культурного благополучия, на воспитание у своих граждан, и молодёжи в частности, уважения к истории и культуре Отечества, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, патриотизма и любви к Родине. Для решения задач инновационного развития, применяются комплексные меры, направленные на решение проблем социального воспроизводства, которые конкретизируют данную политику. Так, Государственную молодёжную политику следует рассматривать как: «самостоятельное направление деятельности государства, предусматривающее формирование необходимых социальных условий инновационного развития страны, реализуемое на основе активного взаимодействия с институтами гражданского общества, общественными объединениями и молодёжными организациями» [5].

Исключительная важность государственной поддержки, направленность усилий на создание оптимальных условий для активного проявления потен-

циала молодого поколения во всех сферах государственной и общественной жизни, активно проявляется в период его интенсивной адаптации к различным формам социальных отношений, получения соответствующего образования, начала трудовой деятельности, службы и создания семьи.

Как правило, государственная молодёжная политика реализуется органами государственной власти, органами местного самоуправления, работодателями, общественными объединениями и другими физическими и юридическими лицами и проводится в отношении граждан Российской Федерации в возрасте от 14 и до 30 лет [1].

Первостепенное значение в формировании и реализации государственной молодёжной политики имеет личное участие самих граждан, молодёжных и детских общественных объединений. Молодёжь представляется, как один из главнейших факторов, обеспечивающий развитие российского государства и общества, важнейший объект национально-государственных интересов, несущий особую ответственность за сохранение и развитие своей страны, за преемственность исторического и культурного наследия, за возрождение своего Отечества. Роль государства, в данном случае заключается в реализации молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровне [5].

Цели государственной молодежной политики реализуются на всех уровнях государственной власти и управления Российской Федерации. Устанавливаемые соответствующими государственными органами задачи в сфере реализации молодежной политики не должны противоречить ее целям.

В процессе реализации задач государственной молодёжной политики, неизменно возникает тенденция нарастания целого ряда негативных внутренних и внешних факторов, повышающих риски возникновения угроз общественного, социально-экономического и ценностного характера. В данном случае, проблемным фактором выступает деструктивное информационное воздействие на молодёжь, которое, в условиях существования социального неравенства, может провоцировать повышенную агрессивность в молодёжной среде, национальную и религиозную нетерпимость и общее социальное напряжение [3], [4].

В подобной ситуации приоритетной целью государственной молодёжной политики является, в первую очередь, создание условий для формирования здоровой, развивающейся и заинтересованной личности. Такая личность имеет высокий порог адаптации к постоянно изменяющимся условиям и восприимчивой к новым идеям и проектам, способную проявлять себя во всех сферах жизни страны.

Ключевая задача государства и общества неизменно должна выражаться в воспитании самостоятельной, патриотично настроенной молодёжи с независимым мышлением и чётким мировоззрением, в приобщении молодого поколения к высокой духовной культуре и культуре межнационального общения, а также в формировании интересов, направленных на повышение благосостояния страны и народа Российской Федерации [3], [4].

Несмотря на ряд негативных факторов, возникающих в процессе осуществления принципов и задач молодёжной политики, стоит отметить и положительную динамику, которая, в настоящее время, повлияла на социально-

экономическое положение молодёжи. Так, наблюдается снижение смертности среди молодёжи, снижение уровня безработицы и уровня преступности, усиление интереса к здоровому образу жизни и личностному развитию. В стране неуклонно растёт число молодых людей, числящихся в списках призёров и победителей не только местных, но и международных творческих конкурсов, олимпиад и соревнований, что позволяет признать Российскую Федерацию одним из мировых лидеров по количеству молодых специалистов, получивших высшее образование [3], [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что максимальное увеличение потенциала молодёжной политики в современном социуме может стать реально достигаемым, в условиях чётко выработанного приоритета на национально-государственную идентичность в молодёжной среде и возвращении чувства гордости молодого поколения за своё страну и народ. Только в случае реального исполнения выявленных путей и задач развития молодёжной политики, можно реализовать новые возможности молодёжи строить своё будущее и будущее страны.

Примечания

1. Атаманчук Г. В. Государственная служба Российской Федерации: Первые шаги и перспективы. М., 1997. С. 56–61.
2. Фролова Е. В. Управленческие практики и модель модернизации социальной инфраструктуры муниципальных образований России. М., 2014. 251 с.
3. Об утверждении Основ государственной молодёжной политики до 2025 года [Электронный ресурс] // Правительство России. 29 ноября. URL: <http://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения: 01.11.2020).
4. Об утверждении стратегии развития воспитания на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Правительство России. 29 мая. URL: <http://government.ru/docs/18312/> (дата обращения: 01.11.2020).
5. «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-п URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 01.11.2020).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ МАРКЕТИНГЕ

Цесельская Д. А., студент СКФУ

*Научный руководитель – Волчинский А. В.,
старший преподаватель кафедры социологии СКФУ*

В данной статье рассматриваются различные методы использования искусственного интеллекта в современном маркетинге, а так же их эффективность.

Ключевые слова: искусственный интеллект, современный маркетинг, маркетинг, искусственный интеллект в маркетинге.

В современном мире большой интерес вызывают устройства, которые способны делать то, что способен делать человек. Люди всегда интересовались устройством организма и деятельностью мозга, а также неврологией. Особенно интересны действия мозга, которые до сих пор превосходят возможности компьютеров. Однако, устройства, способные воспроизводить деятельность нашего мозга активно разрабатываются и развиваются и уже сейчас могут справиться с некоторыми задачами, которые, казалось, может выполнить только человек.

Искусственные нейронные сети представляют собой модели статистического обучения, вдохновленные биологическими нейронными сетями (центральными нервными системами, такими как мозг), которые используются в машинном обучении.

Эти сети представлены как системы взаимосвязанных «нейронов», которые отправляют сообщения друг другу. Соединения внутри сети могут систематически корректироваться на основе входных и выходных данных, что делает их идеальными для контролируемого обучения. Нейронные сети имеют обширную область применения, ведь они являются мощным и гибким инструментом для решения задач обработки и анализа данных. Они применяются в экономике, медицине, охранных системах, робототехнике, автоматизации производства.

Нейронные сети нашли применение в сфере маркетинга. С их помощью может быть успешно решена задача нахождения целевой аудитории и предоставления заведомо интересного контента для потребителя.

Понятие «искусственный интеллект» в современном мире можно услышать или увидеть каждый день в новостных сводках или научных статьях в различных областях знаний. При этом под этим термином зачастую понимают абсолютно разные вещи, так как выделить одно правильное определение пока что не представляется возможным.

Сложности с определением понятия «Искусственный интеллект» связаны по большей части с тем, что область данного знания совершенствуется очень быстро и зачастую определение данное ранее не является актуальным на данный момент времени.

Искусственный интеллект – это то, чего машины и компьютеры еще не научились делать. Задачей искусственного интеллекта является выполнение работы, свойственной человеку. Таким образом, в середине 20-го века перед искусственным интеллектом ставилась лишь одна задача- решение математических теорем, с чем компьютер начал справляться лучше человека. Сегодня многие специалисты уже не соотносят решение теорем и искусственный интеллект, так как компьютеры усовершенствованы для выполнения гораздо более сложных задач.

В целом направление развития искусственного интеллекта очень разностороннее. Оно идет от узких и слабых ии-систем к все более умным и широким системам.

Многие ученые говорят о том, что такие системы в скором будущем смогут заменить множество профессий: учителя в школах, бухгалтера, водители транспортных средств и так далее. Пока что не понятно смогут ли ии-системы заменить маркетологов, однако очевидно, что существует множество узких систем, которые помогут человеку в продвижении своего товара [1, с. 68].

Киберпространство давно уже является для нас повседневностью, и множество продаж производится именно в нем. Ярким примером такого киберпространства являются Amazon, Target, Walmart и Ozon. Множество менее глобальных компаний тоже имеют свои интернет-магазины, онлайн-доставку и т.д. Магазины и фирмы переходят с оффлайна на онлайн, где нужно оставаться конкурентоспособными. В киберпространстве все больше появляется монобрендовых магазинов и шоурумов, набирающих популярность благодаря SMM технологиям [2, с. 386].

Можно смело утверждать, что весь social media marketing построен на нейронных сетях и кластерном анализе. Искусственный интеллект может извлекать информацию, представлять и анализировать ее. Данные функции будут актуальны не только для покупки и продажи в киберпространстве, но даже для трейдинга.

Примечания

1. Акулич И. Л. Маркетинг: учебник для студентов высших учебных заведений по экономическим специальностям. Минск: Высшая школа, 2010. 524 с.
2. Хруцкий В. Е., Корнеева И. В. Современный маркетинг: Настольная книга по исследованию рынка: учеб. пособие. -3-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2018. 560 с. / [Электронный ресурс] / Режим доступа:https://www.studmed.ru/hruckiy-ve-korneeva-iv-sovremennyy-marketing-nastolnaya-kniga-po-issledovaniyu-rynka_e28bbef1eb7.html

ВИДЕОИГРЫ В АНИМЕ-КУЛЬТУРЕ: ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Чешковская Е. В., магистрант КубГУ
Научный руководитель – Ракачев В. Н.,
д-р ист. наук, профессор кафедры социологии КубГУ

В данной статье рассматривается аниме-культура и ее связь с видеоиграми. Проведено социологическое исследование, с целью изучения вопроса о том, являются ли игры в аниме-стилистике отдельным направлением или же элементом аниме-культуры в целом. Выявлено влияние аниме-культуры на российскую молодежь через аниме-игры и отомэ.

Ключевые слова: аниме-культура, видеоигры, отомэ.

Современная социокультурная среда включает в себя множество разнообразных культур и иногда их синтез порождает собой новые стилистические жанры и направления. Это характерно и для аниме, культурного феномена стремительно распространившегося в различных возрастных группах в последние десятилетия.

Популяризации аниме-культуры во всем мире, в том числе и в России, предшествовало распространение японских комиксов – манги, которая послужила фундаментом множества аниме и других произведений. Японская анимация, в особенности благодаря интернету, со временем увеличивала свою популярность, проникая в художественную, литературную и музыкальную сферы, появляется индустрия аниме-развлечений (тематические коффей-кафе, фестивали, ролевые игры и др.).

Наблюдая за ростом популярности этой культуры, очевидно, что она не просто выполняет досугово-развлекательную функцию, но и транслирует определенные ценности и образы в сознание молодежных сообществ. Одними из таких ценностей ученые отмечают: воспитательные ценности, важность семейных уз, дружбы, любви, самопознания и других. Также, в аниме поднимаются разнообразные социальные, философские, экзистенциальные темы, которые очень ценят фанаты произведений.

В России, аниме-культура и все ее ответвления, занимают особое место в жизни молодежи. Ее развитие и распространение в нашей стране, изучали такие исследователи, как: Б. Иванов, Е. О. Самойлова, А. Х. Габдуллина, К. И. Одегова, В. С. Акатьева и другие.

Спецификой аниме-культуры было ее развитие не только в настоящем мире, но и в виртуальном, посредством компьютерных и мобильных игр. Ни для кого не секрет, что видеоигры – одно из популярнейших средств досуга не только в России, но и во всем мире. Эта часть массовой культуры глубоко проникла не только в досуговую деятельность людей, но и все чаще применяется в процессе обучения, например для маленьких детей. В целом, изучение темы компьютерных игр достаточно обширно за рубежом и в нашей стране. Затрагивалось такими исследователями, как: Г. У. Солдатова, Ю. Ф. Шпаковский, М. Д. Данилюк, А. Г. Окуловская, А. Г. Арзамасова и др.

Цифровые игры, не важно компьютерные, мобильные или другие, имеют огромное количество жанров, направлений, стилистических особенностей, недоступных для реализации в других направлениях искусства, например, интерактивные истории, с возможностью влияния на сюжет для участника.

Основным производителем видеоигр является США, но Япония удерживает лидерство в области игр в аниме-стилистике. Одним из важнейших элементов при создании игр является использование фрагментов национального колорита в прорисовке. Примером является образ Рейдена из Metal Gear Rising, хоть он и является наемником киборгом, живущим в 2018 г., все равно имеет чисто «японские элементы» – протез его челюсти имеет феноменальное сходство с традиционной маской – «Мэнгу», которая является неотъемлемой частью самурайского шлема, а также его жизненные принципы, чувство юмора и контроль над эмоциями несут на себе глубокий отпечаток японской культуры, что исподволь формирует у молодежи позитивную этническую идентичность, формирующую чувство национальной гордости и патриотизма [1].

Культура аниме привнесла в видеоигры другие оригинальные компоненты. Из романтических (и не только) манги и аниме, являющихся линейными и создававшихся отдельно для юношей и девушек, разработчики игр придумали и реализовали совершенно новое направление визуальных гейм-новелл и симуляторов свиданий – отомэ (сёдзэ) игры, направленные на женскую аудиторию и сёнен – на мужскую. Такие игры, выполненные в аниме-рисовке, позволяют игрокам вступать в романтические отношения с понравившимися персонажами и самим развивать свою историю в интерактивном поле.

Стоит отметить, что в России большинство из подобных игр, не переведены на русский язык, поэтому многие игроки кооперируются, переводя игры своими силами.

В последнее время многие разработчики взяли такую идею на вооружение, в том числе и в России появляется все больше компаний, создающих игры, либо визуально напоминающие японские отомэ, либо использующие идею интерактивных историй-свиданий, например компания Genius Inc или популярное на данное время приложение Клуб Романтики.

Вместе с тем пока не ясно, являются ли видеоигры на основе аниме отдельным направлением или же это один из элементов аниме-культуры в целом. С целью изучения данного вопроса нами было проведено социологическое исследование среди увлекающихся аниме- и гейм-культурой молодых людей. Время проведения январь-март 2020 г. Метод – полустандартизированное интервью, выборочная совокупность – 30 чел.

По данным проведенного исследования, мы можем сделать предварительный вывод о том, что видеоигры на основе аниме-культуры, это не отдельное направление, а элемент аниме-культуры в целом. Молодежь приходит к таким играм чаще через мангу или мультипликацию, а не наоборот.

Игры в аниме-стилистике многим запоминаются своей необычностью и непохожестью на большинство других игр. Респонденты отмечают, что чаще всего именно такие игры, имеют «душу» и запоминаются надолго. Помимо этого, они замечают схожесть таких игр с аниме, в плане смысловых посылов и языка символизма. Также, респондентов привлекает возможность интерак-

тивности и управления сюжетом, что больше касается отомэ-игр, так как в играх с открытым миром, интерактивность уже давно стала неотъемлемой частью.

Аудитория аниме-подобных игр с открытым миром не имеет определенных гендерных или возрастных рамок, а вот аудитория жанра отомэ или сёнен, визуальных новелл – в основном, женская и с преобладающим возрастным диапазоном (от 13 до 25 лет), но есть и исключения. Аниме-игры многих вдохновляют заниматься творчеством, писать фанфики, рисовать фан-арты, увлекаться другими творческими направлениями. Ряд респондентов, принявших участие в исследовании, отмечали, что подобные игры помогли им выбрать профессию – они стали заниматься сценаристикой и рисованием.

Таким образом, видеоигры как направление в аниме-культуре имеет большой потенциал. В целом влияние этой культуры на российскую молодежь, скорее является положительным, они помогают не только приятно провести время, но и подталкивают молодых людей к креативной и творческой самореализации.

Примечания

1. Видеоигры в контексте глобализации / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoigry-v-kontekste-globalizatsii-esse>

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шарко Т. В., студент СКФУ

Научный руководитель – Симен-Северская О. В.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии СКФУ

В статье рассматривается ситуация трудовой миграции в России, отмечается важность привлечения иностранных работников, а также приведены актуальные проблемы, с которыми сталкиваются трудовые мигранты.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, миграционная политика.

Вопрос трудовой миграции является одним из важных в нашей стране, подлежащих рассмотрению. Данное явление в целом можно считать положительным, поскольку приток трудовых мигрантов благоприятно сказывается на решении экономических вопросов. Основной из них – это дефицит рабочей силы во многих сферах деятельности. Иностранные мигранты, приезжающие с целью трудоустройства, привлекают работодателей не только низкой оплатой своего труда, но также своим трудолюбием и исполнительностью. Согласно статистике, за 2019 год количество трудовых мигрантов в России достигло 11,9 миллионов человек [1]. В основном в их число входят жители

Украины, Казахстана, Узбекистана, Белоруссии и Азербайджана. Наиболее популярными городами, в которые приезжают иностранцы в поисках работы, являются: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Красноярск и Екатеринбург. Если рассматривать ситуацию в настоящее время, то в текущем году в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 произошло уменьшение количества трудовых мигрантов на рынке труда. По данным столичных властей, число иностранных рабочих сократилось на 40%, а по некоторым оценкам и на 60%, поскольку после отмены весеннего карантина многие вернулись к себе на родину и уже не готовы возвращаться обратно.

Наиболее острая нехватка иностранных работников проявляется везде, где требуется неквалифицированная рабочая сила, без опыта работы (это доставка, водители, сотрудники складов, люди, работающие в супермаркетах и гипермаркетах, на стройках, домашний персонал и т.д.). Россияне в основном не готовы трудоустроиваться на подобные должности, поэтому можно предположить, что дефицит будет существовать до тех пор, пока Россия не откроет границы, и мигранты не вернутся, так как на рынке труда отсутствует такое количество безработных, желающих занять данные рабочие места.

Рассматривая вопрос трудовых мигрантов в России необходимо отметить трудности, с которыми сталкиваются иностранные рабочие. Главной сложностью выступает получение регистрации по месту жительства. Приезжающие иностранные рабочие зачастую вынуждены арендовать жилье без оформления договора, и в конечном итоге им грозит депортация. Также немаловажными являются такие проблемы, как:

- языковой барьер – отсутствие знания языка, являющегося основой общения, приводит к невозможности интеграции в другое общество, очень затрудняет возможность легально жить и работать в России;
- низкая оплата труда – начисление низкой заработной платы мигрантам, задействованным на неквалифицированных работах, приводит к невозможности полного удовлетворения их потребностей, а также сказываются на оплате труда российских работников. Это проявляется в том, что последним также приходится мириться с тяжелыми условиями труда, его низкой оплатой;
- дискриминация в сфере трудовых отношений, которая может проявляться в режиме занятости, оплате труда, социальных выплатах и льготах;
- проблемы с адаптацией к обществу и культуре – иностранные рабочие, приезжающие на заработки, зачастую не имеют никаких знакомых среди местных, в результате чего они живут в рамках замкнутой общины.

Итак, очевидна необходимость рассмотрения вопроса создания благоприятных условий для трудовых мигрантов, внесение поправок в законодательство с целью привлечения иностранных работников. В октябре 2020 года уже было принято одно из решений в пользу мигрантов данной категории. Теперь трудовая миграция станет более привлекательной, поскольку в России будут выплачивать пенсии мигрантам. Совет Федерации ратифицировал соглашение о пенсионном обеспечении граждан Беларуси, Армении, Казахстана и Киргизии, официально трудоустроенных на территории РФ. Документ устанавливает возможность назначения и выплаты пенсий тем государством, на территории которого мигрант приобрел пенсионный стаж. Это касается также граждан РФ, если они трудятся на территории ЕАЭС [2].

Таким образом, цель сделать нашу страну более привлекательной для мигрантов указывает на важность рассмотрения вопроса о необходимости дополнительных мероприятий в миграционной политике.

Примечания

1. Статистика трудовой миграции в России / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/trudovaja/#i-6> (дата обращения: 04.11.2020).

2. Пенсия мигрантам / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.novostroy.ru/news/comments/v-rossii-budut-vyplachivat-pensiyu-migrantam-teper-trudovaya-migratsiya-stanet-eshche-privlekatelney/> (дата обращения: 04.11.2020).

МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ТОВАРОВ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ

Шляева В. В., студентка СКФУ

*Научный руководитель – Симен-Северская О. В.
канд. пед. наук, доцент кафедры социологии СКФУ*

Статья посвящена анализу потребительских предпочтений детских подгузников. Было определено, какие бренды являются самыми востребованными на рынке, какие свойства подгузников наиболее важны для родителей.

Ключевые слова: товары по уходу за детьми, опрос потребительских предпочтений, детские подгузники.

Российский рынок в настоящее время предлагает широкий ассортимент товаров по уходу за детьми. По мнению ряда экспертов, именно этот сегмент рынка детских товаров наиболее перспективен, поскольку маленьким детям родители уделяют большее количество внимания, тщательно следят за их здоровьем и развитием, выбирая наиболее качественные продукты. С учетом стремительно развивающегося общества необходимо постоянно производить мониторинг потребительских предпочтений данного сегмента, чтобы всегда оставаться в курсе того, чему отдают предпочтение современные родители.

Весной 2020 года нами был проведен опрос, посвященный изучению такой группы товаров по уходу за детьми, как подгузники. По результатам исследования выявлено, что абсолютное большинство родителей (67,7%) использует подгузники в уходе за детьми каждый день.

При покупке большая часть респондентов ориентируется на цену и считает наиболее оптимальной сумму в 350 рублей – за упаковку с количеством подгузников 20-22 шт., а также на качественные характеристики, среди которых важными являются, в первую очередь, не протекающие и надежно удерживающие жидкость, равномерно распределяющие влагу, имеющие в основе

безопасный, гипоаллергенный и дышащий материал. За эти и другие качественные свойства подгузников большинство готово доплатить – половина респондентов считает приемлемой переплату в размере не более 10%. Еще 19% опрошенных не отрицают возможности покупки с доплатой не более 20%, и такая же часть в любом случае выберет те, то дешевле. Максимальная переплата за более высокие свойства подгузников не превышает 30%.

Нами также были выявлены отрицательные свойства подгузников, наличие которых может заставить респондентов совершить покупку при условии низкой цены на них. Так, неприятный химический запах при вскрытии упаковки и плохое удерживание жидкости являются самыми неприемлемыми среди всех предложенных недостатков – такие подгузники с абсолютной уверенностью не купили бы 81% и 77,4% респондентов соответственно. Подгузники с быстрым изнашиванием, медленным впитыванием, слабой фиксацией и неудерживающие неприятный запах также со 100%-ной вероятностью не были бы куплены большинством опрошенных (64,5% по обоим показателям). Лишь неравномерное распределение влаги внутри подгузников может стать тем свойством, с которым готовы смириться некоторые родители при условии низкой цены – 10% опрошенных отметили, что купили бы такие подгузники с высокой вероятностью и еще 22% – со средней.

Также нами была проведена оценка зависимости цены подгузников от свойств, провоцирующих аллергию. По результатам ответов респондентов, мы выявили, что низкая цена подгузников не является гарантом возникновения на коже аллергических реакций, они могут проявиться и при использовании дорогостоящих товаров.

Самыми популярными и покупаемыми являются подгузники американских торговых марок «Pampers» (компания «Procter & Gamble») и «Huggies» (корпорация «Kimberly-Clark»). Среди российских марок были отмечены только «Каспер» и «Кораблик», однако наименьшим количеством респондентов – 6,5%.

Далее было выявлено, что абсолютное большинство опрошенных обращает внимание на рекламу. Среди аспектов в рекламе, которые чаще всего не остаются без внимания, оказалась информация об удобстве подгузников (54,8%) и информация о материале (45,2%). Четверть опрошенных в рекламе подмечает сведения об их стоимости и еще 16% – о впитываемости, а также смотрит на ребенка. Наименее замечаемыми аспектами в рекламе остается звуковое сопровождение, рекламирующее лицо, цветовая гамма подгузников и информация об отдушках.

Таким образом, подгузники являются неотъемлемым средством для ухода за детьми современных родителей. При уверенности в наличии качества и безопасности материалов у определенных подгузников, большинство готово даже переплачивать именно за данные характеристики несмотря на более дешевые аналоги.

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НУЖДАЮЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Шубная Т. В., директор ГКУСО «Изобильненский СРЦН»

В работе рассматриваются: социальная адаптация воспитанников, коррекция дезадаптированного поведения, проблема виктимного поведения, проплактика самовольных уходов.

Ключевые слова: социум, девиантное поведение, диагностика, виктимное поведение.

В настоящее время необходимость информирования о безопасном поведении человека в различных ситуациях становится все актуальнее. Подтверждением тому служат печальная статистика чрезвычайных ситуаций участниками которых являются дети и подростки. И задача взрослых, в том числе и сотрудников специализированных учреждений для несовершеннолетних, состоит в том, чтобы подготовить ребенка к встрече с различными сложностями, а порой и опасными ситуациями и явлениями. Дети могут оказаться в любой непредсказуемой ситуации или обстановке – на улице, в школе, дома, поэтому они должны знать как себя вести при возникновении опасности. Правила поведения и меры безопасности непосредственным образом связаны с условиями проживания человека или его местонахождением – будь то большой город или сельская местность, обычная прогулка, путешествие или дом – каждая среда диктует совершенно разные способы поведения и соответственно меры предосторожности (например, школьникам необходимо знать правила поведения в транспорте – когда ребенок будет добираться до школы, правила дорожного движения, правила поведения в школе и т.д., а вот ребятам, которые выезжают в палаточный лагерь необходимо знать правила поведения в лесу, правила оказания первой медицинской помощи; правила поведения во время грозы, так же необходимо знать ядовитые грибы и ягоды и т.д.). Необходимо научить ребенка адекватно и осознанно действовать в той или иной обстановке, помочь овладеть элементарными навыками поведения в различных условиях и ситуациях, развивать самостоятельность и ответственность.

Особой категорией в работе по данному направлению являются воспитанники специализированных учреждений для несовершеннолетних. Ведь до поступления в реабилитационный центр дети зачастую были предоставлены сами себе, оставались без присмотра. В свои юные годы многие из них имеют негативный социальный опыт, ослабленное физическое и психическое здоровье, низкую нравственную устойчивость. В своих семьях, оставшись без должного контроля, они часто подвергались опасности дома, на дорогах, на водоемах, в лесу, а также со стороны родителей и незнакомых людей. Практически все воспитанники не знают телефонов экстренных служб, не знают куда можно обратиться в экстренной ситуации.

Процесс формирования умений безопасного поведения направлен и на формирование личности ребенка, коррекцию недостатков развития, что в конечном счете создает предпосылки социальной адаптации детей и подростков.

Социальная адаптация, т. е. активное приспособление к условиям социальной среды путём усвоения и принятия целей, ценностей, норм, правил и способов поведения, принятых в обществе, является универсальной основой для личного и социального благополучия любого человека.

Перед педагогическим коллективом Изобильненского социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних стоит цель: не только помочь ребенку адаптироваться в новом социуме, но и сформировать у них знания, умения и навыки безопасного поведения в экстремальной ситуации. Чтобы, выйдя из учреждения, они чувствовали себя психологически готовыми и социально защищенными в самостоятельной жизни.

Реабилитационный центр для детей, проживающих в нём, является основной моделью социального мира, и от того, как будет построен процесс воспитания, зависит приобретение социального опыта детьми, основ человеческих взаимоотношений, умений и навыков обеспечения личной жизни и деятельности.

Одним из направлений социализации воспитанников Центра является формирование у детей основ безопасного поведения в быту, социуме, природе.

Главная цель по воспитанию безопасного поведения у детей – дать каждому ребенку основные понятия опасных для жизни ситуаций и особенностей поведения в них.

Безопасность – это не просто сумма усвоенных знаний, а умение правильно вести себя в различных ситуациях

При поступлении несовершеннолетнего в учреждение проводится диагностика уровня сформированности безопасного поведения у ребенка.

По результатам диагностики, на социальном медико-психолого-педагогическом консилиуме определяется стратегия работы с несовершеннолетним, которая включает в себя и такое направление, как формирование навыков и умений безопасного поведения у воспитанника.

В ходе диагностики выделяются показатели опыта безопасного поведения, отражающие уровень его сформированности:

- знания ребенка о правилах безопасного поведения (об источниках опасности, мерах предосторожности и способах преодоления угрозы);
- умение действовать в ситуациях контактов с потенциально опасными объектами окружающего мира;
- отношение переживания и понимания ребенком необходимости соблюдения мер предосторожности и своих возможностей по преодолению опасности.

Ребенок, обладающий опытом безопасного поведения:

1. Это ребенок, который знает: свое имя, фамилию, домашний адрес; предметы бытовой техники, их назначение и правила обращения с ними; знает приемы оказания первой помощи при порезах, ссадинах и ушибах, отравлениях; умеет пользоваться телефонами экстренных служб и многое другое.

2. Это ребенок, у которого сформированы представления о безопасности жизнедеятельности, который мотивирован к охране своих жизни и здоровья, а также окружающих его людей, общества в целом.

3. Это ребенок, знающий свои возможности и верящий в собственные силы, выполняющий правила безопасного поведения в быту, имеющий опыт безопасного поведения в социуме.

С целью формирования знаний и умений по безопасному поведению специалистами Центра разработан ряд программ.

Программа по безопасности жизнедеятельности получателей социальных услуг «*Жизненное пространство*», направленная на формирование у получателей социальных услуг навыков и способов защиты в опасных ситуациях, на развитие чувства собственной безопасности и безопасности близких, формирование у детей и подростков гражданской ответственности и правового воспитания и самосознания.

Необходимость создания и реализации программы продиктована недостаточной информированностью воспитанников о чрезвычайных ситуациях (ЧС), способах защиты в опасных ситуациях, необходимостью непрерывной подготовки в области безопасности.

В структуре программы выделены следующие основные разделы:

1. Правила поведения на природе.
2. Понятие пожара и правила защиты от него.
3. Понятие и правила электробезопасности.
4. Правила дорожного движения.
5. Чрезвычайные ситуации.
6. Безопасность в быту.
7. Экстремальные ситуации криминального характера.
8. Оказание первой помощи в различных экстремальных ситуациях.
9. Инструкция по технике безопасности (ТБ) при организации работы выездного палаточного горно-оздоровительного лагеря и проведению туристических походов, прогулок и экскурсий.
10. Профилактика коронавирусной инфекции COVID-19.

В результате реализации программы дети должны:

1. Знать виды чрезвычайных ситуаций и способы защиты от них.
2. Уметь действовать при пожарной и антитеррористической угрозе при непосредственном возникновении чрезвычайной ситуации.
3. Уметь оказывать первую медицинскую помощь.
4. Уметь принимать правильное решение в экстремальной ситуации

Программа «*Подросток 21 век*» направлена на формирование личности выпускника к саморазвитию и личностному самоопределению, с высоким уровнем социальной компетенции, необходимой для успешной адаптации в современном обществе.

В рамках данной программы дети учатся составлять психологический портрет своей личности, узнают, как влияет самооценка на поведение, о роли самовоспитания в становлении личности, осваивают методы самовоспитания.

Тема «Подросток и социум» дает знания детям о микроклимате семьи, о детско-родительских отношениях и как они влияют на формирование личности подростков; о правилах общения в социуме, как научиться конструк-

тивным способом решать конфликты. Особое внимание в данном разделе уделяется кибер-опасности и как ей противостоять.

В ходе разработки программы не остались без внимания и такие темы, как «Мое здоровье», «Подросток и закон», «Финансовая грамотность».

Профилактика самовольных уходов несовершеннолетних, а также выявление и устранение причин и условий, способствующих этому – одно из направлений деятельности социально-реабилитационного центра, поскольку безнадзорность ребёнка или его самовольный уход являются самой распространённой причиной совершения преступлений и правонарушений несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних, что является деструктивным поведением. Коррекция дезадаптированного поведения (как профилактика самовольных уходов) направлена на смягчение дискомфорта, повышение активности и самостоятельности, устранение вторичных личностных реакций, обусловленных эмоциональными нарушениями, таких как агрессивность, возбудимость, тревожность, и закрепление адаптивных форм поведения. Профилактика самовольных уходов и коррекция девиантного поведения так же формирует у воспитанников Центра навыки и умения безопасного поведения. Подростки, склонные к самовольным уходам, не осознают всей опасности ночной улицы, у них отсутствует страх перед чужими людьми, они могут самостоятельно, как говорится «автостопом» преодолеть большое расстояние.

Специалисты Центра разработали и активно используют в работе с детьми коррекционно-профилактические программы, направленные на профилактику самовольных уходов и коррекцию девиантного поведения: «Равновесие» и экспресс — программа «Мой защищенный мир».

Тематика данных программ предусматривает не только приобретение подростками знаний об опасностях, подстерегающих их на улице, в обществе незнакомых людей, но и работу с эмоциональной сферой, эмоциональным интеллектом, коммуникативной сферой и личностными ресурсами. Для того, чтобы дети смогли отказаться от совершения самовольного ухода. А именно работа углубленно направлена на приобретение навыков управления своими эмоциями, приобретение навыков принятия решения в неблагоприятной ситуации; осознание причины выбора модели поведения в различных ситуациях, формирование умения конструктивным способом решать конфликты.

Отдельный цикл занятий посвящен профилактике виктимного поведения.

Под виктимностью подростков понимается своего рода способность стать жертвой негативных явлений. Дети и подростки нередко становятся жертвами преступлений, жестокого обращения и насилия.

Неблагополучные семьи не способны создать оптимальные и комфортные условия для развития ребенка. Как правило, дети из неблагополучных семей не умеют приспосабливаться к среде, что приводит к повышенному риску стать жертвой антиобщественных поступков. Именно семейное неблагополучие является предпосылкой разных деформаций процесса социализации личности, что проявляется, в конечном счете, в безнадзорности, либо в беспризорности несовершеннолетних, формировании противоправного поведения. Таким образом, проблема виктимности подростков из неблагополучных семей прочно заняла свое место среди других актуальных проблем.

На занятиях по профилактике виктимного поведения воспитанники проходят множество упражнений, направленных на личностный рост. Упражнения направлены на формирование умения противостоять чужому давлению. Дети учатся отстаивать собственное мнение и умение говорить «нет». Так же, работа ведется над устранением тревожности, формированием умения прощать обиды. Дети учатся доверять людям.

Таким образом, опыт работы реабилитационного центра подтверждает, что для формирования умений и навыков безопасного поведения у воспитанников необходимо вести комплексную, систематическую работу.

Каждый из нас знает, что люди по жизни идут по ступеням: вверх или, к сожалению, иногда – вниз. Коллектив Изобильненского социально реабилитационного центра для несовершеннолетних прикладывает все усилия для того, чтобы наши воспитанники шли по лестнице успеха, а не провала и были максимально подготовлены к самостоятельной жизни. Ведь только тот и счастлив, кто успешен!

РЕАБИЛИТАЦИЯ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР В ВОСПИТАНИИ ПОДРОСТКОВ

Шубный В. С., магистрант СКФУ

В работе рассматриваются: современный мир детей, инновационная форма воспитания, семейные ценности, организация туристско-краеведческих походов, семья как социальный институт, организация отдыха, формирование позитивных жизненных целей и повышение мотивации, снижение уровня тревожности.

Ключевые слова: семья, реабилитация, воспитание, туризм, сохранение здоровья.

В период современных социально-экономических преобразований отношение общества к проблеме воспитания детей стало еще более острым. Вопросы улучшения положения детей, семей с детьми являются приоритетными в государственной социальной политике России последних лет. На сегодняшний день меры государственной поддержки семей с детьми в нашей стране стали системными, а так же взят курс на возрождение семейных ценностей. Не смотря на это, к сожалению, сохраняется высокий уровень семейного неблагополучия. Дети подвергаются преступным посягательствам взрослых, в том числе членов семьи. Высока численность родителей, состоящих на учете в органах внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних в связи с ненадлежащим воспитанием детей, жестоким обращением с ними и другими трудными жизненными ситуациями.

Современная наука по-разному относится к тем изменениям, которые сегодня претерпевает семья как социальный институт. Существует множество

противоположных точек зрения на глубину и направленность семейных изменений. Одной из самых главных проблем является то, что дети становятся отдельной частью от семьи, в итоге остаются замкнутыми или уходят в криминал. Такие дети попадают в сложную жизненную ситуацию, которую трудно, а порой практически невозможно, преодолеть без помощи специалиста.

Нарушение детско-родительских отношений – актуальная проблема института семьи. В современном мире дети с раннего возраста отлично владеют различного вида гаджетами, что иногда является причиной разрушения семейных связей между детьми и взрослыми. Часто, заходя в гости к своим знакомым, друзьям, родственникам, мы видим, казалось бы, с первого взгляда счастливую семью – родители мило беседуют, готовят праздничный стол для гостей, в то время как их дети спокойно сидят и смотрят безразличными глазами в телефоны, ноутбуки, планшеты. Увидев такую «картину» задаешься вопросом, а какие же отношения у детей с родителями? И, иногда, за видимым спокойствием и благополучием кроются различного рода проблемы: родители слишком заняты на работе, а ребенок предоставлен сам себе или родители педагогически несостоятельны и не могут справиться с воспитанием своего чада. Нередко у подростков проявляется неадекватное поведение, которое может выражаться как реакция протеста на чрезмерные требования, на недостаточное внимание со стороны близких, из-за тревоги и страха наказания, вследствие фантазерства и мечтательности, в целях избавления от опеки родителей, вследствие жестокого обращения со стороны родителей или товарищей. В результате дети сбегают из дома, начинают бродяжничать, совершают противоправные действия. И чтобы избежать таких проблем, созданы реабилитационные центры для несовершеннолетних, которые предлагают инновационные формы работы.

Как показывает практика, дезадаптированного подростка трудно чем-либо увлечь или заинтересовать. Неудивительно, что ребенок, подрастая, становится совершенно не приспособленным к жизни: он не знает, как жить в социуме, не разбирается в людях, не может жить один и ничего не знает о нормальной жизни в семье.

Поэтому, не случайно, нынешнее положение дел нашло отражение в развитии туристической деятельности. Очевидно, что данный вид отдыха и оздоровления является эффективным механизмом социальной реабилитации. Безусловно, в настоящее время система образования представлена многофункциональной сетью образовательных услуг с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей, потребностей семьи и общества в целом. Во многих образовательных учреждениях с целью воспитания и социализации личности организовываются туристические поездки в соседние края и области. Конечно, это хорошая форма воспитания, но эти туры стоят от трех до четырех тысяч на одного ребенка на один – два дня. Но ведь не у каждой семьи есть возможность платить половину заработной платы за такое мероприятие. Крайне ограничены возможности детей в полноценном отдыхе из-за очень высоких цен на данный вид услуг. А для семей, находящихся в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации социальные услуги реабилитационного центра – практически единственная возможность получения бесплатного отдыха и оздоровления детей и подростков.

Сотрудники реабилитационных центров для несовершеннолетних делают все возможное, чтобы дети из социально незащищенных семей были активны, умели безболезненно войти в бурную реку жизни, стараются наладить семейные отношения между детьми и родителями. В реабилитационных центрах понимают, как важно сплотить детей, подружить между собой, поэтому одной из приоритетных форм работы стало развитие туризма. В учреждениях создаются клубы по интересам, открываются горные лагеря, организуются пешие туристско-краеведческие походы, где с несовершеннолетними проводятся коррекционные занятия, где они находятся в полной безопасности, где их никто не обидит и не оставит в беде. В ходе проведения региональных туристских походов, несовершеннолетние создают малый круг под названием «Семья», в котором у каждого есть свои обязанности. Тем самым они понимают, насколько хорошо помогать друг другу, а не только себе. «Семья» – так называемая цепочка, в которой каждый имеет большой смысл, и если хотя бы одно звено уйдет, то это уже не будет той дружной и сплоченной «Семьей».

Туристические походы хороши, тем, что они круглогодичные, что несовершеннолетние сближаются с природой, учатся выживать в экстремальных условиях, узнают много нового и интересного, тем самым расширяют свой кругозор, даже забывают о том, что есть гаджеты. Осознавая, что жить без гаджетов гораздо лучше и интереснее, несовершеннолетние проходят своеобразную терапию и профилактику зависимости от вредных привычек.

Во время проведения походов создаются условия для восстановления и развития личности ребенка, формирования житейских умений и навыков самообеспечения, оздоровления межличностных отношений, воспитания положительного отношения к труду. Как показывает практика – в процессе труда у детей совершенствуются навыки и умения, развивается наблюдательность, шире становится круг интересов, формируются нравственные качества, трудолюбие, ответственность и чувство долга. Совместное нахождение детей разного возраста позволяет воспитывать положительные отношения между старшими и младшими детьми: заботу о младших, готовность оказать помощь и научить тому, в чем он испытывает трудность и т.п.

Дети и подростки, которые участвуют в туристско-краеведческих походах, посещают мастер-классы по различным сферам деятельности людей, интересам, обрядам, которые в будущем могут пригодиться в повседневной и профессиональной деятельности. После таких занятий, возвращаясь в семью, подростки с удовольствием могут приготовить обед или ужин для семьи, помыть посуду, стараются наладить отношения с родителями. Преимущество этого вида отдыха заключается в том, что создаются условия полноценного развития, отдыха, оздоровления, реабилитации несовершеннолетних.

Несовершеннолетние изучают историю страны, окружающий нас мир, а также они учатся находить общий язык друг с другом и взрослыми, оказывать взаимовыручку в сложной ситуации. Подростки вовлечены в занятия дополнительным образованием – туризм. Благодаря этому они осознают не только необходимость приобретенных навыков и определенного профессионализма в туризме, но и изменения мотивации по отношению к здоровому образу жизни и социуму. У детей сводится к минимуму количество ничем не

занятого свободного времени, появляются новые отношения, знания, изменения во внутригрупповой лестнице.

Вывод. Пребывание в походах для каждого ребенка – время получения новых знаний, приобретения навыков и жизненного опыта. Возможно, благодаря продуманной организованной системе планирования региональных туристских походов дети станут более самостоятельными и адаптированными к современным условиям жизни. По своей направленности туристические походы являются комплексными, т. е. включают в себя разноплановую деятельность, объединяют различные направления оздоровления, отдыха, реабилитацию и воспитание детей в условиях автономного выживания.

Ожидаемые результаты: снижение уровня тревожности и агрессивности; формирование адекватной самооценки; повышение ответственности подростков за собственные поступки; приобретение навыков приготовления пищи и выживание в автономных условиях; стремление помочь ближнему, воспитание коллективизма, саморазвитие личности; развитие способности контроля своего поведения; формирование позитивных жизненных целей и повышение мотивации и способности к их достижению.

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОНФЛИКТОВ

*Шумкова К. М., студент СПбГУ
Научный руководитель – Крюкова Т. В.,
доцент кафедры конфликтологии СПбГУ*

Статья посвящена влиянию организационной культуры на предупреждение конфликтов в организации. Рассмотрены методы развития организационной культуры, а также условия и принципы, которые могут способствовать снижению конфликтности и предупреждению конфликтов в организации.

Ключевые слова: организационная культура, конфликт, конфликты в организации, управление конфликтами, предупреждение конфликтов.

Организация – это сложная социальная система, элементами которой являются люди со своими целями, ценностями, представлениями и особенностями, поэтому конфликты в ней неизбежны. Управление конфликтами в организации нужно для того, чтобы возникало минимальное количество конфликтов в организации, и они были преимущественно конструктивными. Для этого можно развивать организационную культуру таким образом, чтобы она способствовала предупреждению конфликтов. И хотя культура развивается сама по себе, при необходимости её можно направить в ту сторону, которая позволила бы организации оставаться успешной и эффективной.

Организационная культура представляет собой «систему материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной компании, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды» [6, с. 112]. Культура охватывает все стороны деятельности организации и обладает большим потенциалом. Она влияет не только на эффективность компании и отдельных работников, их мотивацию, преданность и лояльности компании, но и играет заметную роль в управлении конфликтами в организации.

Целью данной работы является исследование взаимосвязи организационной культуры и конфликтов в организации на этапе их предупреждения.

Предупреждение – это один из этапов управления конфликтом, наряду с прогнозированием, регулированием и разрешением. Под управлением понимается «процесс контролирования конфликта самими участниками или внешними силами» [3, с. 335]. В свою очередь, предупреждение конфликтов предполагает создание таких условий в организации, которые сводят к минимуму вероятность возникновения конфликтов и их деструктивного развития. Оно может осуществляться как самими участниками конфликта и руководителями, так и третьей стороной – специалистами-конфликтологами.

Касательно влияния организационной культуры на возникновение и протекание организационных конфликтов, М. А. Бушмелева пишет, что культура организации определяет её отношение к конфликтам и решению проблем и обладает значительным влиянием на поведение членов организации [2]. Также в организациях существуют свои принятые способы управления конфликтом, инструменты воздействия, анализа конфликта и нормы поведения в нём, которые задаются организационной культурой. Это происходит поскольку конфликты не развиваются изолированно, а являются частью социальной системы.

Для предупреждения конфликтов в организации можно применять предложенные М. А. Бушмелевой методы развития организационной культуры, предполагающие мягкую интеграцию нового сотрудника в коллектив с уже сформированной организационной культурой. Она выделяет семь методов, успешное применение которых помогает предупреждать ошибки и нежелательные конфликты: 1) подбор такого персонала, личные нормы и ценности которого были бы близки организационным; 2) развитая система HR, способная привлекать таких работников; 3) система наставничества, когда к новым структурным единицам прикрепляется человек, на собственном примере показывающий, как устроена работа в организации; 4) интеграция, подразумевающая единство норм, ценностей и целей всех отделов организации; 5) преемственность, предполагающая назначение на руководящие должности опытных сотрудников из самой компании, а не «со стороны»; 6) единая система ценностей, предполагающая совпадение провозглашаемых и реальных принципов и ценностей организации; 7) лидер, своим примером вдохновляющий на принятие норм и ценностей организации [2].

Также поддержание благоприятной для жизнедеятельности рабочей среды и забота о сотрудниках способны существенным образом снизить конфликтность в организации, поскольку влияют на психическое состояние лю-

дей и их конфликтность. Речь о поддержании достойной заработной платы и своевременно её выплате, социальном и медицинском страховании, безопасности труда, инвестировании в образование и повышение квалификации сотрудников, возможностях самореализации и др. [1]. Забота компании о своих сотрудниках и поддержание благоприятной рабочей среды указывает на соответствующие ценностные ориентации, присущие культуре данной организации так же, как и отсутствие данной ориентации.

Не следует преуменьшать и значение материальной среды при предупреждении конфликтов, так как такие факторы, как неудобная планировка рабочего помещения, отсутствие личного пространства, назойливые шумы, отсутствие каких-то минимальных удобств и др., могут значительно повлиять на конфликтность сотрудников в организации [1]. В материальной среде организации также отражается её организационная культура. В качестве примера можно вспомнить, как Э. Шейн описывал своё посещение компании Action Company [7, с. 47-49].

Для предупреждения конфликтов в организации, вызванных неэффективной коммуникацией и её дефицитом, важно организовывать эффективную коммуникацию, поскольку коммуникации являются важнейшим элементом любой организации и организационной культуры. Эффективная коммуникация идёт рука об руку с эффективностью в достижении целей организации, слаженной работой и доверием. Она предполагает передачу и потребление качественной, достоверной, полной и актуальной информации о том, что происходит внутри организации и за её пределами.

Американские учёные Р. Куинн и его коллеги, Anjan V. Thakor, пишут, что у организации должно быть нечто большее, чем просто направленность на получение прибыли, – у неё должна быть высшая цель. Причём эту цель не нужно придумывать она уже существует – её нужно открыть [8]. Осознание работником, что его организация приносит пользу миру и её волнует не только собственная прибыль, а его личная работа имеет смысл, также снижает возможность возникновения конфликтных ситуаций, а также укрепляет приверженность сотрудников компании и сотрудничество между ними.

Так, на сайте шведской компании IKEA написано о её миссии: «Миссия IKEA – изменить к лучшему повседневную жизнь многих людей по всему миру». Также важной целью компании является забота об экологии и стремление вдохновлять как можно больше людей вести более экологичный образ жизни [4]. То есть одной из ценностей данной компании является также социальная ответственность.

Социальная ответственность становится корпоративной ценностью многих крупных компаний в наше время (примером может служить российская нефтяная компания «Роснефть»). Под корпоративной социальной ответственностью понимается выполнение социальных обязательств перед сотрудниками, партнёрами, клиентами и потребителями, местным населением и обществом в глобальном смысле. Под ней может какой-либо вклад в решение каких-либо социальных проблем, например, благотворительность, спонсорство, какие-то экологические инициативы и др.

А. И. Пригожин относит социальную ответственность к социальным ценностям организации, наряду с пользой обществу, равенством и справедли-

ностью [5]. Справедливость может выражаться в справедливом и гласном распределении материальных благ в коллективе, что может служить предупреждению конфликтов распределения в организации.

Таким образом, конфликты в организации неизбежны, что обусловлено тем, что её элементами являются люди, а также противоречиями, заложенными в самой структуре организации. Через развитие организационной культуры можно добиться снижения вероятности возникновения новых конфликтов, а также деструктивного развития уже возникших конфликтов. Чтобы этого добиться, можно применять методы развития организационной культуры, предложенные М. А. Бушмелевой, а также устанавливать комфортные социально-психологические условия и ценностные ориентации.

Примечания

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. М.: «ЮНИТИ», 2000. 551 с.
2. Бушмелева М. А. Развитие корпоративной культуры как мера предупреждения организационных конфликтов // Конфликтология. 2017. №1. С. 143-158.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: «Питер», 2008. 544 с.
4. О компании ИКЕА – миссия и бизнес-идея / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.ikea.com/ru/ru/this-is-ikea/about-us/missiya-i-biznes-ideya-pub25f05283>.
5. Пригожин А. И. Цели и ценности. М.: «Дело», 2010. 432 с.
6. Управление персоналом / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремينا. М.: «ЮНИТИ», 2007. 560 с.
7. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб.: «Питер», 2002. 336 с.
8. Quinn R. E., Thakor A. V. Creating a Purpose-Driven Organization // Harvard Business Review. 2018. № 4. P. 78-85.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СИТУАЦИИ В МИРЕ, РОССИИ И ЭКСКЛАВНОМ РЕГИОНЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Щекотуров А. В., канд. соц. наук,
заведующий социологической лабораторией БФУ им. И. Канта

В статье рассматривается влияние возраста респондента на оценку сложившейся ситуации в мире, России и Калининградской области. Метод исследования – социологический опрос населения Калининградской области, проведенный в сентябре 2020 года (n=977).

Ключевые слова: региональная проблематика, социально-политические настроения, Калининградская область.

Текущий 2020 год войдет в мировую историю беспрецедентной трансформацией уклада повседневной жизни человека и функционирования целого

комплекса социально-политических, культурных и экономических институтов. Глобальные изменения вызваны общемировой эпидемиологической угрозой – пандемией новой коронавирусной инфекции.

В результате действия новой глобальной силы исследователи уже поставили под сомнение будущее европейской интеграции [1], сделали предположение об инструментализации пандемии в политических целях и использовании кризиса в антироссийских целях [2]. Ряд ученых прогнозирует новую волну масштабной безработицы [3] и ее губительные последствия для мировой, российской экономики и экономики регионов РФ [4].

В данной обстановке важным условием сохранения политической стабильности является мониторинг социально-политического самочувствия населения различных регионов страны и принятие своевременных мер поддержки. В ходе мониторинга ситуации и принятия таргетированных решений необходимо учитывать возрастную специфику населения и связанные с ней социально-средовые особенности. В частности, внимание требует самая молодая группа политических акторов, которая не знает, «что такое реальный социализм или «лихие 90-е», глубоко погруженное в Интернет и другие современные коммуникации» [5, с. 45].

Цель данной работы – выявить оценку сложившейся ситуации жителями Калининградской области с учетом возрастного фактора. Цель декомпозирована в следующие задачи: 1) характеризовать мнение жителей Калининградской области о ситуации в мире, России и собственном регионе; 2) рассмотреть ключевые проблемы региона, с точки зрения жителей Калининградской области.

Исследовательским методом выступил массовый социологический опрос населения Калининградской области по репрезентативной выборке ($n=977$, $\alpha = 0,05$, $\Delta = \pm 4\%$) с последующим статистическим анализом данных в программе SPSS Statistics V.23. Опрос проведен в сентябре 2020 года.

Оценки ситуации в мире, стране и регионе, а также ТОП проблем Калининградской области представлены в таблицах 1-2. Уровень асимптотической значимости в каждой таблице не превышает 0,05.

Таблица 1
Оценка ситуации в мире, России и Калининградской области

	Оценка в мире			Оценка в России			Оценка в Калининградской области		
	+	-	Разность	+	-	Разность	+	-	Разность
18-24	18,6%	32,6%	-14,0%	16,1%	44,8%	-28,7%	39,1%	13,8%	25,3%
25-34	9,6%	41,0%	-31,5%	9,6%	39,9%	-30,3%	27,0%	18,5%	8,4%
35-44	10,4%	43,4%	-33,0%	12,1%	40,7%	-28,6%	26,9%	17,0%	9,9%
45-54	9,3%	34,9%	-25,6%	15,7%	27,3%	-11,6%	27,3%	18,0%	9,3%
55-64	10,5%	44,4%	-34,0%	16,6%	27,6%	-11,0%	31,3%	17,2%	14,1%
65+	2,6%	50,3%	-47,7%	10,9%	24,4%	-13,5%	19,7%	14,0%	5,7%

Из таблицы 1 мы видим, что оценка ситуации различается как с позиции возраста субъекта, так и в отношении территориального уровня объекта.

Во-первых, практически для всех возрастных групп характерна негативная оценка ситуации в мире и России, но позитивная оценка положения дел в Калининградской области;

Во-вторых, возрастные группы старше 25 лет считают, что ситуация в мире несколько хуже, чем в России;

В-третьих, если самое старшее поколение (65+) дает самые отрицательные оценки ситуации в мире и наименьшую долю позитивного восприятия обстановки в регионе, то самая молодая группа (18-24 лет), наоборот, склонна весьма оптимистично оценивать ситуацию в Калининградской области и дает наименьшую долю негативных оценок ситуации в мире;

В-четвертых, респонденты в возрасте 45 лет и старше менее склонны давать негативные оценки ситуации в России.

Таблица 2

Основные проблемы Калининградской области, %

	Рост цен на товары и услуги	Низкий уровень зарплат	Низкий уровень пенсий, стипендий и пособий	Высокие тарифы на услуги ЖКХ	Проблемы в сфере здравоохранения	Коррупция, взяточничество в органах власти	Низкое качество социального обеспечения
18-24	54,7	50,0	50,0	25,6	29,1	30,2	31,4
25-34	61,0	53,7	41,2	40,1	35,0	31,6	31,6
35-44	61,1	52,2	41,1	38,3	40,0	36,1	22,2
45-54	53,3	52,1	40,8	46,7	32,0	38,5	34,9
55-64	60,4	40,3	45,9	52,2	37,7	27,0	22,0
65+	61,2	26,6	53,2	56,4	55,3	30,9	22,3

Из таблицы 2 мы видим, что наиболее острыми проблемами для жителей Калининградской области являются социально-экономические трудности и коррупция. Основные результаты возрастного анализа региональных проблем:

1) Рост цен на товары и услуги практически равномерно представлен в ответах респондентов всех возрастных групп;

2) Низкий уровень зарплат в большей мере зафиксирован в ответах населения трудоспособного возраста;

3) Проблема низкого уровня пенсий, стипендий и пособий ожидаемо более значима для респондентов 18-24 лет и старше 65 лет;

4) На высокие тарифы ЖКХ и проблемы в сфере здравоохранения чаще жалуются представители пенсионного и предпенсионного возраста;

5) В целом каждый третий респондент обозначил проблему коррупции, но несколько чаще она беспокоит все же респондентов среднего возраста (35-54 года);

6) Низкое качество социального обеспечения в качестве проблемы более склонны обозначать самые молодые жители региона (18-34 года) и респонденты в возрасте 45-54 года.

Выводы

Статистический анализ результатов опроса показывает, что несмотря на комплекс проблем, характерных для Калининградской области, респонденты оценивают ситуацию именно в регионе преимущественно в позитивной тональности. Однако ответить на вопрос, с чем это связано, затруднительно. Требуется дополнительное исследование для проверки гипотез о роли эффективной внутренней политики Правительства Калининградской области или, например, о влиянии эксклавного положения.

В отношении Калининградской области наиболее позитивной и, вероятно, оптимистичной социальной группой выступила молодежь региона. В то же время настораживает тот факт, что именно молодежь наиболее пессимистична в оценках положения дел в целом по России.

Общей проблемой для жителей региона является рост цен на товары и услуги. Остальные проблемы в большей степени зависят от сферы интересов каждой социальной группы: «студенческую» молодежь волнуют низкие стипендии, представителей среднего возраста – низкий уровень зарплат и проблема с коррупцией, старшее поколение – низкие пенсии, высокие тарифы ЖКХ и плохое здравоохранение.

Примечания

1. Вертакова Ю. В., Зарецкая В. Г., Плотников В. А. COVID-19 и европейская интеграция: станет ли пандемия коронавируса триггером распада Европейского союза? // Управление устойчивым развитием. 2020. № 3 (28). С. 5-16.
2. Громыко А. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2 (14). С. 5-13.
3. Некрасова С.В. Проблемы роста безработицы в мире в условиях пандемии COVID-19 // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4-1 (10). С. 406-412.
4. Лисова Е. В. Воздействие COVID-19 на социально-экономическую деятельность регионов // Путеводитель предпринимателя. 2020. № 2 (13). С. 119-125.
5. Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. № 1 (28). С. 45-50.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И НОВАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ (ФЕНОМЕН ЭМОДЗИ)

Яковенко Ю. А., студентка СКФУ
Научный руководитель – Волчинский А. В.,
старший преподаватель кафедры социологии СКФУ

В данной статье указывается актуальность современного исследования новых проявлений социальной коммуникации, через обозначение сущности феномена эмодзи.

Ключевые слова: эмодзи, социальные сети, социальная коммуникация, пользователи сети.

Современный век высоких технологий, ознаменовался появлением множества инновационных изобретений, внесших кардинальные изменения во все сферы функционирования социума, начиная от тяжелой промышленности и заканчивая сферой межличностных социальных взаимодействий. В настоящее время, когда сложные технические устройства стали неотъемлемой частью повседневной жизни любого современного человека, не представляется возможным с исследовательской точки зрения игнорировать все те особенности, которые общество приобрело за последние десятилетия. Это должны осознавать все деятели социологии, стремящиеся в своих теоретических и практических научных изысканиях отразить действительную и актуальную социальную реальность.

Говоря об изменениях в социальной сфере жизни общества, конечно первым делом стоит отметить бурное развитие средств массовой коммуникации, подкрепленное не менее динамичным технологическим прогрессом. Сегодня, когда постоянно появляются все новые и новые способы межличностного взаимодействия индивидов, стоит понимать, что традиционные способы вербальной и не вербальной коммуникации будут неизбежно подвергаться модифицированию, а некоторые из них и вовсе станут историзмом. И это опять же подчеркивает актуальность и важность исследований в данном направлении, для современного социологического дискурса, посвященному возникновению новой социальности [1, с. 3].

Довольно проблематично в рамках одной работы отметить и проанализировать влияние всех изменений в сфере социального взаимодействия, ставших результатом развития технологий коммуникаций, так как стремительные темпы технического развития привели к тому, что каждое десятилетие в обществе возникает сразу несколько уникальных трендов социального взаимодействия, каждый из которых несомненно оказывает весомое влияние на подавляющую часть социума. Поэтому в данной работе исследовательский фокус в большей степени будет сконцентрирован на социальных сетях, а точнее на феномене эмодзи.

Согласно интерпретации, указанной в кембриджском словаре эмодзи (англ. emoji) обозначает цифровое изображение, которое используется пользователями социальных сетей в качестве вспомогательных смысловых

элементов при написании сообщений. Появившиеся еще в начале 90-ых г. 20 века эмодзи по началу не стали популярным элементом коммуникационной системы. Лишь спустя десятилетия, с развитием и глобализацией сети Интернет, а также с появлением специальных коммуникационных ресурсов, наподобие форумов и социальных сетей, где подобные элементы возможно было использовать при общении, эмодзи обрели популярность среди пользователей, которая сохраняется и по сей день [2].

И если изначально эмодзи и создавались, в качестве дополнительного элемента к виртуальной коммуникации, то сегодня это уже неотъемлемая ее часть, для большинства пользователей сети. Простота использования и разнообразие изображения эмодзи, позволяет индивидам при общении значительно сокращать размер письменного текста и при этом добавлять ему дополнительные эмоциональные оттенки. Настолько велика роль эмодзи на некоторых участников подобных социальных взаимодействий, что в современном интернет пространстве встречаются люди, которые сообщения без использования эмодзи воспринимают, как сухое и агрессивное. И если на этапе популяризации эмодзи действительно воспринимались, как вспомогательный элемент, сегодня они могут использоваться как самостоятельные инструменты коммуникации.

Насколько это важный элемент видно и по тому, как владельцы интернет площадок и производители устройств, при помощи которых индивиды контактируют в сети, следят и систематически обновляют пул и сам внешний вид эмодзи. Отличным примером служат постоянные обновления современными технологическими компаниями пула эмодзи на своих устройствах с опорой на существующие в обществе настроения, так как они понимают, что данные элементы интерфейса очень важны потребителю и грамотное их изменение может привлечь новую клиентскую базу. Та же компания Apple, которая параллельно с актуализацией тренда мультикультурализма регулярно добавляет эмодзи с изображением людей разных рас и национальностей [3].

Из этого можно сделать вывод, что, социальные сети привели к появлению новой социальности, одним из элементов которой является эмодзи — цифровое изображение, используемое пользователями сети Интернет в качестве вспомогательного, а иногда и основного смыслового элемента при коммуникации. И несмотря на достаточно продолжительную историю существования, для реалий современного социума, эмодзи и в настоящее время являются актуальным неотъемлемым инструментом современного социального взаимодействия в виртуальной среде.

Примечания

1. Соломатина Е. Н. Теоретические подходы к исследованию современных социальных взаимодействий // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №4. С. 1-3.

2. Термин Emoji в Кембриджском словаре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/emoji>

3. Информация об обновлении эмодзи компанией Apple [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.apple.com/ru/newsroom/2019/07/apple-offers-a-look-at-new-emoji-coming-to-iphone-this-fall/>

Научное издание

НОВЫЕ КОНТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ
Всероссийской научно-практической конференции
(IX Северо-Кавказские социологические чтения)

16 ноября 2020 года

Компьютерная верстка Н. Неговора

Подписано в печать 03.12.2020

Формат 60х84 1/16
Бумага офсетная

Усл. п. л. 15,23
Заказ 72

Уч.-изд. л. 14,71
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2

СЕВЕРО - КАВКАЗСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В сборник включены статьи ученых, магистрантов, студентов, отражающие результаты их исследований по различным социальным проблемам, с которыми они выступили на традиционных Северо-Кавказских социологических чтениях, проводимых ежегодно кафедрой социологии СКФУ.

Сборник адресован всем, кто интересуется научным творчеством молодых ученых, в круг научных интересов которых входят представленные в нем проблемы общественного развития.